

1 2011
30869к

**Общественно-
политическое
воззрение
Ч.Валиханова,
М.Сералина**

Салык ЗИМАНОВ

Книга предоставлена

ТОО «Центр правовых исследований и анализа»

г.Астана, ул.Желтоксан 2/3, кв.2

Тел. +7(7172)292489

info@clra.kz

www.clra.kz

Лучшие образцы казахской науки

Салык ЗИМАНОВ

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ Ч.ВАЛИХАНОВА,
М.СЕРАЛИНА**

АРЫС

Алматы

2009

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Программа выпуска социально-важной литературы

Редакционная коллегия:

Б.А. Майлыбаев (председатель), А.Т. Мухамбедьярова,
М.С. Раимханов, К.Б. Сафинов, М.М. Сембеков, К.Ж. Толегенов

З-62 Зиманов С.

**Общественно-политические воззрения Ч.Валиханова,
М.Сералина / Салык Зиманов.** – Алматы: Изд-во «Арыс»,
2009. – 368 с.

ISBN 9965-17-659-0

В книгу избранных произведений видного ученого, академика С.З. Зиманова вошли монографии «Политические взгляды Чокана Валиханова», «Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина», а также ряд статей автора, в которых исследуется политическое и экономическое положение казахов в начале XX века, аспекты казахского национального самоопределения.

УДК 323 (574)
ББК 66.3 (5 Қаз)

ISBN 9965-17-659-0

© Зиманов С., 2009
© Изд-во «Арыс», 2009

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

1965 г.

*Монография С.Зиманова
и А.Атишева, изданная в 1965 году в
г. Алма-Ате, посвящена различным аспектам
политических взглядов Чокана Валиханова и его связям с
революционными и демократическими кружками петербург-
ской молодежи, «сибирскими патриотами», его отношению
к крестьянскому вопросу в 50 – 60-е годы XIX века, к государс-
твенной политике царизма на окраинах России. Рассматрива-
ются и другие вопросы, характеризующие общественно-
политическое мышление великого казахского ученого,
его деятельность.*

- **ВВЕДЕНИЕ**
- ***I. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В 30 – 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА***
 1. Внутриполитическое положение России
 2. Казахстан – отсталая колония Российской империи
- ***II. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ Ч. ВАЛИХАНОВА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ***
 1. Годы учебы
 2. Становление политических взглядов
 3. Переход на путь русской революционной демократии
 4. Последние годы жизни
- ***III. ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА***
 1. Социализм и община в представлении Ч. Валиханова, его друзей и единомышленников
 2. О проблеме самозащиты народа
 3. Обновление России и дружба с русским народом – основа освобождения национальностей
 4. Ч. Валиханов и общественные течения
- ***IV. ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА***
 1. Суждения о формах управления и о самодержавном строе
 2. О колониальной политике и администрации
 3. Подход к вопросу о самоуправлении
 4. Об организации власти и управления в Казахстане

Введение

Чокан Валиханов был талантливым ученым, мыслителем и видным общественно-политическим деятелем середины XIX века. Его широкие познания и труды в области востоковедения, географии, этнографии, трезвые и смелые суждения по проблемам социологии и политики, природный дар мыслить ясно и глубоко, страстность в защите своих убеждений – все это вызывало восхищение его друзей и современников.

Академик Н. Веселовский, приложивший много труда для издания сочинений Ч. Валиханова, писал в 1904 году, что «русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление».¹ Другой выдающийся русский ученый Г.Н. Потанин, близко знавший Ч. Валиханова, указывал, что если казахи умели бы читать и понимать его и были в состоянии оценить его дарования, то «он мог бы стать гением своего народа».²

Чокан Валиханов прожил всего лишь 30 лет. У него рано появился интерес к науке и политике. Уже в 14 – 15 лет ему довелось общаться с людьми, сочувствующими декабристам и революционерам-петрашевцам, с людьми, читающими Белинского и Герцена. В эти годы в нем уже стали проявляться задатки незаурядного человека. Он прожил мало, но успел сделать сравнительно много, хотя протянься его жизнь хотя бы еще лет десять, он мог бы сделать гораздо больше, в несколько раз больше. Многое он не договорил, многие его мысли не были запечатлены на бумаге, но то, что сделано им, достаточно весомо и нередко оригинально. Как отмечали его друзья-современники, «служить будущему своего народа было его мечтой».³ По их свидетельству, он страстно «интересовался судьбой больше людей будущего».⁴

Чокан Валиханов был своего рода феноменальным явлением в истории дореволюционного Казахстана. Никто из казахских деятелей эпохи царизма не достиг той вершины познания, эрудиции, эмоционального и общественно-политического развития, на которую поднялся Чокан Валиханов. Это объясняется не только его талантом и индивидуальными особенностями. В мрачные годы реакции, в обстановке сложного переплетения политических событий он сумел

¹ Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Спб., 1904, стр. 1.

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Там же, стр. 34.

выбрать наиболее правильный путь – учиться у русских, у передовых людей и революционеров, жить и бороться за свои идеалы под общим знаменем освободительного движения в России. Если он быстро развивался духовно и рано наступила его идейная зрелость, то это в первую очередь результат воздействия той среды, которую он сам выбрал для себя как идеал.

Чокан Валиханов был не только ученым и одним из образованных людей своего времени. Он был также общественно-политическим деятелем, убежденно выражавшим интересы и мечты народных масс. Именно эта сторона жизни и деятельности Ч. Валиханова является предметом нашего исследования.

В 30 – 60-х годах XIX века, в годы активного разложения феодально-крепостнической системы, обострения классовых противоречий и подъема революционного движения крестьянских масс, получают серьезное развитие общественные теории. В отличие от более ранних, в них уделялось много внимания проблеме власти и государственного устройства. Это было не случайно: наступал период, когда народные и революционные движения все больше охватывали область политики.

Передовые общественные теории, развивавшиеся в борьбе с консервативными и реакционными идейными течениями, отличались в свою очередь многообразием оттенков. Среди них были теории, рожденные в размышлениях и страстях борьбы, в результате глубокого понимания явлений и в момент преходящего гнева, умеренные и смелые, реформистские и революционные. Чокан Валиханов находился в гуще наиболее радикального идейного движения.

В одну и ту же эпоху, в один и тот же период мог существовать разный подход к явлениям, разные суждения о власти и среди плеяды революционеров. Революционерами люди не рождаются, ими становятся. В ряды революционеров вставали люди с неодинаковым образом мышления, с разным уровнем подготовки и закалки. В политической борьбе не бывает и готовых формул. Они создаются большей частью опытным путем в процессе обмена мнениями, дискуссий и споров, в основе которых лежит честное стремление найти лучшие формы революционной борьбы, соответствующие конкретным историческим условиям. Это обязывает исследователя не нивелировать эти мнения, не стремиться подогнать их под какую-то единую схему, а показывать их порой противоречивую сущность и эволюцию.

Исследование в этом плане политических взглядов Чокана Валиханова представляет большой интерес.

О Чокане Валиханове написано уже немало. Но интерес к его наследию не ослабевает. Это и понятно, ибо для более или менее полной характеристики такой многосторонней личности, как он, требуется не одно исследование и не один год. Тем более что поиски, которые, в сущности, еще только налаживаются, дают все новые и новые материалы и данные, восполняющие некоторые пробелы в нашем знании о нем. Постепенно комментирование его произведений уступает место исследованиям, от обзорных набросков исследователи переходят к серьезным обобщениям.

Политические воззрения Чокана Валиханова остаются пока еще не исследованными. Такое положение объясняется: а) сложностью проблемы, б) укоренившимся мнением, что Чокан Валиханов был ученым и меньше всего – политиком, в) ошибочным представлением, будто его политические концепции противоречивы и неясны, следовательно, менее ценны, а его труды и источники о нем не содержат достаточного материала для их уяснения и раскрытия и, наконец, тем, что г) просто не было серьезной попытки заниматься исследованием политических взглядов Чокана Валиханова.

Исследователи достаточно плодотворно потрудились над составлением его биографии, уточнением списков научных трудов и изданием полного академического собрания сочинений, писем, личных дневников, а также воспоминаний о нем современников. Появились отдельные исследования о его социологических, экономических и исторических взглядах, о мировоззрении в целом. В этих работах кроме ценных документов и сведений, проливающих свет на отдельные стороны и аспекты политической ориентации и платформы Чокана Валиханова, нередко содержатся представляющие интерес авторские идеи и гипотезы. Мы в своем исследовании отдаем должное тому, что было сделано до нас, опираемся на достигнутое в изучении наследия Ч. Валиханова.

Х. Айдарова была первым советским исследователем, более или менее подробно познакомившим широкую общественность с наследием и взглядами Чокана Валиханова. Ее монография вышла в свет в 1945 году, а несколько позже – подготовленные ею избранные статьи и письма Ч. Валиханова. В целом эти исследовательские работы принесли определенную пользу и были признаны положительными. Вместе с тем в них немало неясных, порою ошибочных положений, недомолвок и противоречий. Скажем лишь о некоторых из них. Так, Х. Айдарова оставалась верной идее о том, что Ч. Валиханов

желал коренного преобразования Казахстана только в области культуры, причем «осуществление этой задачи он возлагал на царское правительство» и представлял его себе «в виде реформ».¹ Вопреки очевидным фактам, она утверждала: «Не зная законов развития человеческого общества, Валиханов не сумел понять, что в условиях царизма присоединение Казахстана к России неизбежно сопровождалось национальным и колониальным гнетом».² Или без какой-либо аргументации Х. Айдарова переходила к другой крайности: Ч. Валиханов объявлялся ею стоящим «на уровне научного материализма русской классической философии XIX столетия».³

Эти и другие недостатки трудно ставить в вину Х. Айдаровой. Она, по сути дела, была пионером в исследовании наследия Ч. Валиханова. Для нас важно то, что она высказала хотя порою и противоречивые, но в целом интересные догадки по поводу отдельных сторон политических воззрений Ч. Валиханова. Так, говоря о его «реформизме», она сочла необходимым заметить, что в «методах осуществления политических задач мы не имеем основания считать его только реформистом».⁴ Правда, она не давала ни объяснения, ни толкования этой мысли. Указывалось только, что в Петербурге Ч. Валиханов сблизился «с русской культурой и передовыми идеями Герцена, Чернышевского, Добролюбова».⁵ Но в одной из последних статей Х. Айдарова уже более определенно писала, что «петербургская жизнь оказала большое влияние и на политическое развитие Валиханова. Еще раньше усвоив демократические взгляды, он теперь укреплял свою веру в идеи свободы и счастья народа».⁶ «Следуя за русскими демократами 60-х годов прошлого столетия, Валиханов боролся против реакционного царского самодержавия, против социального и национального угнетения казахского народа, за экономическое и культурное сотрудничество его с великим русским народом».⁷

К. Бейсембиев, предпринявший спустя почти десять лет после Х. Айдаровой попытку монографического исследования философских, социологических и общественно-политических взглядов Ч. Валиханова, вероятно, из-за стремления охватить слишком большой круг проблем в одной работе, не мог дать полного обобщения ни по одному из

¹ Айдарова Х. Введение к кн.: Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 6.

² *Ее же*. Чокан Чингисович Валиханов. «Большевик Казахстана», 1952, №4, стр. 39.

³ Айдарова Х. Введение, стр. 6.

⁴ Там же.

⁵ Айдарова Х. Чокан Чингисович Валиханов. «Вестник Казахского филиала АН СССР», 1945, №4, стр. 14.

⁶ «Большевик Казахстана», 1952, №4, стр. 33.

⁷ Там же, стр. 28.

существенных вопросов. Автор придерживался той точки зрения, что Ч. Валиханов не был зрелым в политике. По мнению К. Бейсембиева, он «не понял классовой сущности системы «выборов» местных органов власти, установленной царским правительством в Казахстане...», не понимал «классовой природы общественно-политического строя и соответствующей ему административно-выборной системы, не уяснил себе, что корыстолюбие, эгоизм отдельных чиновников являются частными, единичными проявлениями корыстолюбия, эгоизма всего господствующего класса эксплуататоров».¹ Ч. Валиханов и после возвращения из столицы якобы продолжал полагать, что в Петербурге «сидят порядочные люди, которые не допустят таких злоупотреблений, беззаконий, какие совершаются на местах далеко от столицы».²

Односторонняя и неправильная трактовка политических убеждений Ч. Валиханова доходила иногда до курьезов. Так, Ч. Валиханову приписывалось непонимание прогрессивного значения судебной реформы в Казахстане, проведенной царским правительством к середине XIX века, тогда как на самом деле она и не играла такой роли. «Невежество» Ч. Валиханова простиралось до того, что он якобы не разобрался и смешивал «татарских мулл с татарским народом, с татарами вообще». Оказывается, Ч. Валиханов рассуждал «не только как ученый, исследователь, но и как официальный представитель властей».³

Подобных «открытий», не обоснованных материалами исследования, в работе К. Бейсембиева встречается довольно много. Если верить всему этому, то Чокан Валиханов выглядит несколько не лучше, чем обычный буржуазный либерал или ограниченный реформист, в лучшем случае мечтающий о совершенствовании общества путем устранения отдельных его пороков. Один из советских авторов так и писал, что Ч. Валиханов относится к лагерю демократов-либералов, стоявших на стороне реформ.⁴

Более или менее пристальное изучение трудов Чокана Валиханова в плане и на фоне той эпохи, в которой он жил, убеждает, что эти утверждения представляют собой досадные ошибки.

Однако К. Бейсембиев непоследователен. Часто, противореча самому себе, он характеризует Ч. Валиханова прогрессивным деятелем и глубоким мыслителем с горячим желанием «служить своему народу».⁵

¹ *Бейсембиев К.* Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1957, стр. 96-98.

² Там же, стр. 99.

³ Там же, стр. 111, 59, 61.

⁴ «Социалистик Қазақстан». 1940, 19 ноября.

⁵ *Бейсембиев К.* Указ. работа, стр. 76, 86.

Среди научной литературы о Чокане Валиханове наиболее ценными представляются исследования академика А.Х. Маргулана. Его труды имеют двойное значение: научное и источниковедческое. В настоящее время под его руководством издается полное собрание сочинений Ч. Валиханова в пяти томах, три из которых уже опубликованы. Кроме того, ему принадлежит заслуга создания наиболее полной семейной и творческой биографии Ч. Валиханова.

А.Х. Маргулан по многим вопросам не разделяет мнения К. Бейсембиева. Правда, он прямо об этом не говорит, но своим последовательным и аргументированным изложением материала отчетливо дает понять, что Чокан Валиханов был вполне сформировавшимся крупным общественно-политическим деятелем своего времени. А.Х. Маргулан убедительно сумел показать, что «уже в кадетском корпусе у Ч. Валиханова зарождаются идеи просветительства и созревают демократические взгляды», и признавал, как и другие исследователи, влияние на него русской революционной демократии. У Ч. Валиханова, писал он, «были сильны элементы критики существующего строя, заметно стремление добиться существенных изменений в социально-политическом устройстве казахского общества».¹

В одной из статей А.Х. Маргулан указывал на связи Ч. Валиханова с делом Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и других, обвиненных в 1865 году царской охранкой в антиправительственной деятельности. Однако автор ошибочно именует их «сепаратистами».²

Работам А.Х. Маргулана присущи документальность, тщательный анализ фактов, сдержанность в описании, последовательность в обобщениях. Именно этих качеств не хватало многим работам, изданным до него.

Ряд научных статей и брошюр о Чокане Валиханове опубликовал О. Сегизбаев. Интересна его оговорка относительно деятельности Ч. Валиханова по распространению просвещения в казахском обществе и приобщению его к цивилизации. По мнению автора, Ч. Валиханов понимал незрелость казахского общества, его неподготовленность к политическим переменам, и, сообразуясь с этим, сделал центром своей практической работы просветительство. О. Сегизбаев писал: «Валиханов по характеру своих политических воззрений был демократом-просветителем, который, в общем справедливо признавая преждевременность борьбы за политическое господство казахских эксплуатируемых слоев в тот исторический период, выступил

¹ *Маргулан А. Х.* Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. В кн.: Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений в 5 томах, 1 т. Алма-Ата, 1961, стр. 40, 97.

² *Маргулан А. Х.* Новые письма Чокана Валиханова. «Простор», 1960, №9, стр. 139.

с требованием их просвещения».¹ Эта мысль, в частности о признании Ч. Валихановым преждевременности борьбы за политическое господство казахских шаруа, была высказана впервые в литературе. Однако она не была раскрыта и развита самим автором и осталась не замеченной другими исследователями.

О. Сегизбаев придерживается той позиции, что социологические взгляды Ч. Валиханова являются «сугубо просветительскими по своему характеру».² Это не мешало ему, однако, в другой работе характеризовать Ч. Валиханова «как борца за исторический прогресс общества, как страстного борца за счастье угнетенных и обездоленных масс».³ В противовес утверждениям многих других исследователей О. Сегизбаев выдвинул свою точку зрения по поводу отношения Ч. Валиханова к царскому правительству и его порядкам. По мнению автора, в период пребывания в Петербурге Ч. Валиханов «убедился в том, что самодержавие является злейшим врагом всякого прогресса, и вера в царя была утрачена им совершенно».⁴

Следует отметить, что в работах О. Сегизбаева немало противоречивых моментов, иногда исключаящих друг друга. Вопреки тому, что было уже сказано о Чокане Валиханове, ему приписывается непонимание сущности подготавливаемой правительством судебной реформы в Казахстане. По словам автора, он склонен был считать, что «ошибки и недостатки в подготовке реформы объясняются невнимательностью и неверными суждениями представителей русского правительства», что «несправедливости в степи происходят по воле лишь отдельных бездарных представителей администрации»⁵ и т. д.

Видный исследователь истории дореволюционного Казахстана проф. Е. Бекмаханов в своей обширной монографии «Присоединение Казахстана к России» уделил много внимания развитию Чокана Валиханова как ученого и общественного деятеля. Он указывал, что пребывание его в Петербурге и непосредственное общение с передовыми представителями русской прогрессивной общественной мысли «расширило его идейный кругозор, обогатило научные знания, укрепило общественно-политические взгляды».⁶ Историческую заслугу Чокана Валиханова

¹ Сегизбаев О. Ч. Валиханов - выдающийся казахский просветитель и демократ. «Вестник АН КазССР», 1957, №3, стр. 36.

² Его же. Социологические взгляды Ч. Валиханова. «Вопросы философии», 1959, №3, стр. 128.

³ Его же. Из истории идейной борьбы вокруг творческого наследия Чокана Валиханова. «Ученые записки Казахского университета», т. XI, вып. 2. Алма-Ата, 1959, стр. 140.

⁴ Его же. Мировоззрение Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1959, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 23, 21.

⁶ Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 222.

автор видел в его умении различать Россию царскую от России народной. Пожалуй, Е. Бекмаханов был первым среди исследователей, небезуспешно пытавшимся раскрыть содержание идей самоуправления, которых придерживался Чокан Валиханов. «Другой чертой, роднящей Валиханова с русскими революционерами-демократами, – писал он, – являлась горячая защита им интересов казахских шаруа».¹ Вместе с тем Е. Бекмаханов видел ограниченность Ч. Валиханова, заключающуюся в его иллюзиях о просвещенных султанах, в идеализации суда биев, в непонимании задач крестьянской революции и т. д.

В освещении некоторых сторон политических взглядов и деятельности Чокана Валиханова представляет интерес и работа М. Илюсизова.² Его заслугой является то, что он предпочел конкретно-исторический подход методу обозрения и критики событий середины XIX века с высоты пьедестала современности. Анализируя «Записку о судебной реформе», вызвавшую различные толки и оценки среди советских исследователей, М. Илюсизов пришел к выводу, что главными для Чокана Валиханова были экономические реформы, которые должны «решать самые насущные потребности народных масс». А политические реформы были лишь средством «проведения более глубоких экономических преобразований». По его мнению, Ч. Валиханов «был против формального подхода к реформам». Трезвым является суждение автора о том, что «последовательно отстаивая интересы трудового народа и основывая свои доводы на глубоком и всестороннем знании быта и запросов своего народа, Ч. Валиханов сделал правильный для своего времени вывод о сохранении суда биев до определенного периода в его прежней, простой и понятной для народа основе». Отвечая другим исследователям, придерживающимся противоположной точки зрения в этом вопросе, автор добавил, что «Ч. Валиханов доказывал преимущества суда биев не вообще, как самой совершенной формы судопроизводства, а только по сравнению с той предлагаемой судебной системой, которая была копией царского суда, действовавшего в России, но для казахского народа в таком виде неприемлемого».³

Как было отмечено, в наследии Чокана Валиханова исследователей в первую очередь интересовали такие вопросы, как его отношение к культуре, к просвещению народа, к религии и общественному развитию вообще. Определенное внимание уделялось и характеристике его мировоззрения, экономических и этнографических взглядов. В процессе рассмотрения этих вопросов так или иначе освещались

¹ Там же, стр. 224.

² *Илюсизов М.* Экономические воззрения Чокана Валиханова. М., 1960.

³ Там же, стр. 46, 48, 50-51.

суждения Чокана Валиханова о колониальной администрации и местном управлении, о судебной реформе и суде биев. В силу такого положения, когда вопросы политики отступали в исследованиях на второй план, политические убеждения Чокана Валиханова не могли получить глубокой разработки. В результате в ряде случаев наблюдается противоречивость мнений по особенно запутанным и сложным проблемам, недостатки и ошибки в этой части.

Все авторы признавали и признают в той или иной мере влияние на убеждения Чокана Валиханова идей и программных взглядов Белинского, Герцена и Чернышевского. Однако в характеристике того, в какой степени воспринял он эти идеи, в чем он сходиллся с русской революционной демократией и в чем расходился с ней, на какой стадии идейного развития остановился Чокан Валиханов, продолжают иметь место значительные пробелы, связанные со слабой изученностью этих весьма интересных вопросов.

Относительно того, в какой степени взгляды Ч. Валиханова отразили идеи русских революционных демократов, существуют различные мнения, которые можно было бы разделить на три группы.

Одна группа ученых полагает, что Ч. Валиханов, в общем и целом деятель с демократическими стремлениями, в подходе к основным вопросам общественно-политического развития и в оценке ведущих явлений жизни не поднялся до уровня деятелей русского освободительного движения 60-х годов XIX века. Такого взгляда придерживается проф. К. Бейсембиев. Он считает, что «при всей противоречивости общественно-политические взгляды Ч. Валиханова характеризуются своей демократической направленностью и прогрессивными стремлениями», но в целом Ч. Валиханов «стоит позади русских революционных демократов в объяснении явлений общественной жизни».¹ Аналогичное представление характерно и для работ О. Сегизбаева. Социологические взгляды Чокана Валиханова, по его мнению, были «сугубо просветительскими», просвещение считалось им «главным двигателем общественного прогресса».² Разумеется, такое «просветительство» было отлично от «просветительства» деятелей освободительного движения 60-х годов, о которых говорил В.И. Ленин. Вполне логичен вывод автора о том, что Ч. Валиханов по своим политическим убеждениям остался «демократом-просветителем, не сумевшим в силу отсталости Казахстана подняться на позиции революционного демократизма».³

¹ *Бейсембиев К.* Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века, стр. 119, 74.

² *Сегизбаев О.* Социологические взгляды Ч.Ч. Валиханова, стр. 129.

³ *Его же.* Мирозрение Чокана Валиханова, стр. 26.

Вторая группа ученых видит в Ч. Валиханове более зрелого общественно-политического деятеля, близко стоявшего к лагерю русской революционной демократии, но все же не достигшего по взглядам на основные социально-политические проблемы уровня этой группы. Такую позицию занимает, например, А.Х. Маргулан. Он убежденно пишет, что «Ч. Валиханов по своим социально-политическим взглядам примыкал к прогрессивному, демократическому лагерю России, выступавшему против самодержавно-крепостнического строя, против колонизаторской политики царского правительства». Он был «просветителем-демократом, большим патриотом своего народа и России, гуманистом в самом лучшем понимании этого слова». Такая оценка, однако, не мешала автору сделать не вполне логический вывод, будто Ч. Валиханов «не сумел, естественно, подняться до уровня революционных демократов России 60-х годов».¹

Е. Бекмаханов, в свою очередь, указывал на ряд общих черт, роднящих Ч. Валиханова с русской революционной демократией, в частности на то, что просветительская деятельность Ч. Валиханова была созвучна революционному просветительству 60-х годов. Эта общность проявилась и в горячей защите интересов казахских крестьян-шаруа. В то же время, по мнению исследователя, «восприняв многие традиции русских просветителей 60-х годов, Валиханов вследствие социально-экономической отсталости Казахстана не смог воспринять всю программу революционно-демократического движения, не смог понять задачи крестьянской революции».²

К числу сторонников этой группы ученых следует отнести и М. Илюсизова. В его описании Ч. Валиханов предстает просветителем-демократом, выступавшим против крепостного права и всех его порождений в различных областях жизни, в том числе в экономической и социальной, деятелем, защищавшим просвещение, самоуправление и свободу народных масс. По мнению автора, Ч. Валиханов не был революционером-демократом типа Герцена и Чернышевского, но был революционером-интеллигентом типа Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина.³ Как видно из этого, М. Илюсизов, так же как и Е. Бекмаханов, дает более смелую характеристику общественно-политическим воззрениям Чокана Валиханова.

Третья группа ученых, которых, однако, немного, считает, что Ч. Валиханов в своем идейно-политическом развитии поднялся до уровня деятелей русского освободительного движения 50-60-х го-

¹ *Маргулан А.Х.* Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. 1, стр. 97, 103.

² *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России, стр. 223- 227.

³ *Илюсизов М.* Экономические воззрения Чокана Валиханова, стр. 40.

дов, входил в лагерь сторонников идей русской революционной демократии, воспитывался и формировался под ее непосредственным влиянием и что его понимание и подход к основным общественно-политическим проблемам той эпохи были ближе всего к позициям революционных демократов.

Один из знатоков биографии и наследия Чокана Валиханова известный казахский писатель С. Муқанов в 1945 году выступил с журнальной статьей. Разбирая в ней некоторые стороны общественно-политических взглядов Ч. Валиханова по его произведениям и находя, что он защищал интересы трудящихся масс, всецело был на их стороне, автор назвал его «настоящим демократом-социалистом».¹ О. Сегизбаев, который считал неправильной такую оценку, в виде довода сослался на то, что «социалисты связывали свой демократизм с программой ликвидации частной собственности, что не было присуще Валиханову».² Насколько нам известно, С. Муқанов не выступал больше с отстаиванием своей позиции.

Х. Айдарова придерживалась того взгляда, что «передовые демократические идеи Белинского, а затем идеи Чернышевского, влияние начавшегося общественного подъема, воздействие петрашевца Дурова сделали Валиханова сторонником демократических передовых взглядов».³ Эта мысль была несколько конкретизирована в одной из ее последующих статей: «Следуя за русскими демократами 60-х годов прошлого столетия, Валиханов боролся против реакционного царского самодержавия, против социального и национального угнетения казахского народа, за экономическое и культурное сотрудничество его с великим русским народом».⁴ В своей монографической работе, как и следовало ожидать, Х. Айдарова видит в Ч. Валиханове последователя Н.Г. Чернышевского и социалиста-утописта.⁵ Однако этот вывод не был ею раскрыт и развит. Он остался не замеченным последующими исследователями и никто не затрагивал его.

Различные толки вызвала статья проф. С.Я. Булатова «К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова», опубликованная в 1956 году.⁶ Он указал на один из важных приемов изучения политических взглядов Чокана Валиханова, на что почти не обращали

¹ «Коммунист» (Алма-Ата), 1945, №4 (на казахском языке).

² «Вестник АН КазССР», 1957, №3, стр. 34.

³ Айдарова Х. Первый казахский просветитель Чокан Валиханов. – «Большевик Казахстана», 1945, №6, стр. 42.

⁴ Айдарова Х. Чокан Чингисович Валиханов. «Большевик Казахстана», 1952, №4, стр. 28.

⁵ Айдарова Х. Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1945, стр. 159.

⁶ «Вестник АН КазССР», 1956, №3.

внимание другие исследователи. «Цензурный гнет во времена Валиханова был настолько жестоким, — писал С.Я. Булатов, — что он был вынужден не только в научных статьях, но даже в письмах прибегать к маскировке своих мыслей условными выражениями».¹ Не зная условного языка периодовых деятелей того времени, понятного и доступного современникам, нельзя, по мнению автора, иметь правильное представление об убеждениях этих деятелей, в том числе и об убеждениях Чокана Валиханова.

С.Я. Булатов путем сопоставления трудов Чернышевского о крестьянской общине, в частности об общине уральских казаков, с описаниями Ч. Валиханова приходит к выводу о применении последним идеи Чернышевского в анализе отношений «родовых» общин казахов. «Так же, как представители русского крестьянского социализма — революционные демократы, Валиханов в силу исторической неразвитости и экономической отсталости России вообще, а Казахстана в особенности, идеализировал общинный строй и возлагал надежды на возможность прямого перехода от остатков первобытной общинно-родовой демократии к демократии социалистической».²

Как отмечает С.Я. Булатов, в официальных представлениях органам правительства, в частности в «Записке о судебной реформе», Ч. Валиханов применил распространенный в то время прием революционеров: начинать освещать проблему издали, с изложения более безобидных вопросов — культуры, просвещения, общего прогресса, а затем постепенно подводить читателя к основным идеям, разоблачающим администрацию и режим. Так, под «китаизмом» и «богдыханским режимом» он имел в виду деспотический самодержавный строй в России. Когда Ч. Валиханов писал, что «для нормального роста народа, на какой бы ступени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащита, самоуправление и самосуд», он косвенно обрушивался на самодержавие, где нет этих принципов, и что «догадливые читатели» так должны были воспринимать эту мысль.

Весьма интересны толкования, которые дает С.Я. Булатов «самоуправлению» и «самозащите» Ч. Валиханова. По его утверждению, «под самоуправлением Валиханов подразумевал подлинно народное и демократическое, национальное самоуправление». А действительным средством самозащиты народа, как он показал на примере истории Кашгарии, он считал восстание. Автор своим анализом и логическими построениями характеризует Ч. Валиханова как представителя лагеря русской революционной демократии.

Статья С.Я. Булатова вызвала ряд возражений. Так, К. Бейсембиев

¹ «Вестник АН КазССР», 1956, №3, стр. 55.

² Там же, стр. 57, 59.

указал, что Ч. Валиханов не выражал социалистических идей и не был в лагере революционеров. При этом он приводил следующие два довода: а) у русских революционных демократов вопрос о переходе к социализму связан с крестьянской революцией, а «могли ли Ч. Валиханов думать в то время о такой революции в Казахстане? Разумеется, нет»; б) факт, что Ч. Валиханов однажды выдвинул свою кандидатуру в старшие султаны, трудно совместим с предположением, что «он был социалистом».¹ Вместе с тем К. Бейсембиев отмечал важность некоторых мыслей С.Я. Булатова и необходимость продолжения работы в этом направлении. Е. Бекмаханов² и Х. Адильгиреев³ выразили свое несогласие с положениями С.Я. Булатова без разбора аргументов последнего.

В 1960 году Л.В. Дюков⁴ вновь поставил вопрос о признании Ч. Валиханова последователем русских революционных демократов.

Он назвал мысли С.Я. Булатова «оригинальными соображениями», а критику его противников – неаргументированной. На исторических примерах Л.В. Дюков довольно убедительно показал, что формула об «аналогии высшего развития с низшим», на которую любил ссылаться Ч. Валиханов при изложении вопросов народного быта в казахском обществе, заимствована им из трудов руководителей русской революционной демократии. Причем эта идея, в свою очередь, была органически связана с идеей утопического крестьянского социализма, которая была хорошо знакома Ч. Валиханову и которую он мог заимствовать «только у русских социалистов-петрашевцев и революционных демократов». Следуя идеям и методам революционных демократов, в частности Н.Г. Чернышевского, Ч. Валиханов не копировал их механически, а «творчески применял их к сложным условиям отсталого колониального Казахстана, поднимал новые вопросы, давая оригинальное, смелое истолкование и решение их».⁵

В настоящее время господствующей является точка зрения второй группы ученых, которые считают Чокана Валиханова крупным прогрессивным общественно-политическим деятелем и в основном признают близость его взглядов к взглядам русской революционной демократии, хотя прямо и не относят его к ее лагерю или в число ее последователей. Два фактора обусловили успех этой концепции: а) ее

¹ Бейсембиев К. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века, стр. 113.

² Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России, стр. 223-224.

³ Адильгиреев Х. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1958, стр. 18.

⁴ Дюков Л.В. Ч. Валиханов как последователь Н.Г. Чернышевского. «Ученые записки КазГУ», т. 29, вып. 6. Алма-Ата, 1960, стр. 67.

⁵ Там же, стр. 72, 77.

сторонники осуществили более глубокое исследование, тщательный анализ наследия Чокана Валиханова, использовали новые материалы и данные о нем; б) они добились большего успеха в применении конкретно-исторического подхода к определению деятельности и взглядов Чокана Валиханова. Немалую роль сыграло и то, что среди сторонников этой концепции находятся такие видные знатоки истории дореволюционного Казахстана вообще, общественной мысли в частности, как академик А.Х. Маргулан и профессор Е. Бекмаханов.

Вместе с тем следует отметить, что в работах этих ученых больше затрагивались вопросы жизни, деятельности и творческой биографии Чокана Валиханова, а его общественно-политические взгляды рассматривались разрозненно, мимоходом. Поэтому-то и их высказывания и выводы о социологических и политических воззрениях Чокана Валиханова носят, как правило, общий характер.

Что касается той группы ученых, которые относят Чокана Валиханова к лагерю русских революционеров и социалистов-утопистов 50 – 60-х годов XIX века, то они, оставаясь верными своей концепции, все-таки не могли привести достаточно убедительных доказательств в ее защиту. Они не дали более или менее развернутого исследования, ограничившись отдельными статьями, концентрируя свое внимание лишь на частных, хотя и важных вопросах проблемы. Например, их больше интересовало, как Ч. Валиханов смотрел на остатки древней демократии в казахском обществе. Выводы этих ученых в большей степени были интуитивными, недостаточно обоснованными материалами исследований. В результате на сегодня мало кто разделяет высказанные ими взгляды.

Между тем догадки и гипотезы этих ученых не лишены основания. Как показывает наше исследование, Ч. Валиханов по своим политическим убеждениям и деятельности был последователем освободительной мысли в России 60-х годов и находился в лагере русской революционной демократии.

Таковы некоторые итоги изучения наследия Чокана Валиханова. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на известное оживление исследований и некоторые достижения в этой области, ряд важных аспектов мировоззрения Ч. Валиханова остается недостаточно разработанным. Это относится в первую очередь к его политическим взглядам.

II

В общественной мысли России 50 – 60-х годов XIX века, в период назревания революционной ситуации, проблемы политики приобрели особую актуальность и остроту. Деятелей этого периода следует оцени-

вать не столько по тому, как они относились к распространению просвещения среди населения, развитию его культуры, как они протестовали против отдельного чиновничьего окрика представителей власти или как правильно они понимали историю прогресса и общественное развитие вообще. Эти вопросы, разумеется, важны. Однако не они служат главным критерием в характеристике деятелей общественной мысли и движения того периода. В центре идейной борьбы, получившей относительно широкий размах и охватившей многие просвещенные слои общества, стояли вопросы о крепостном праве и крестьянском землевладении, о крестьянской общине и социализме, о восстании и самоуправлении областей, о деспотизме самодержавия и о свободном Земском соборе. К сожалению, исследователи наследия Чокана Валиханова обходили эти вопросы. Между тем без рассмотрения отношения Ч. Валиханова к этим проблемам трудно, более того – невозможно дать сколько-нибудь полную характеристику его общественно-политическим воззрениям, решить вопрос об отнесении его к тому или другому лагерю деятелей.

Могут сказать, что взгляды Ч. Валиханова по этим вопросам не были изолированы и что, изучая его отношение к другим явлениям общественной жизни, можно составить представление о его политических убеждениях. Однако на этом пути исследователя подстерегают большие трудности и он не гарантирован от заблуждений и ошибок. Только непосредственное и аналитическое изучение всех основных аспектов и компонентов, из которых складываются политические убеждения, с последующим их синтезом и рассмотрением в связи с другими сторонами идейного развития, может полно и содержательно раскрыть природу взглядов деятеля.

Другим, как нам кажется, существенным недостатком научной литературы о Чокане Валиханове является то, что он рассматривается как сугубо казахский деятель, представитель местной общественной мысли. Учеба в кадетском корпусе, знакомство со ссыльными революционерами в Омске и уроки, полученные от них, а также пребывание в Петербурге, оказываются, определили его развитие и возвышение как казахского прогрессивного деятеля. Такой односторонний подход привел к тому, что почти во всех исследованиях сквозит одна и та же мысль: он никем другим не мог быть, кроме как просветителем-демократом в самом общем смысле, поскольку казахское общество было отсталым и не создавало условий для более радикальных мыслей. Об этом говорит хотя бы тот факт, что С.Я. Булатову, усматривавшему социалистические и революционные идеи во взглядах Чокана Валиханова, К. Бейсембиев задал вопрос, по его мнению, опровергающий контрвопрос: разве в Казахстане в то время возможна была революция?

В действительности Ч. Валиханов был не только и даже не столько представителем казахской общественной мысли. Он был связан не меньше, а, пожалуй, больше, с Россией и ее деятелями. Он думал о России и о положении русского народа так же глубоко и постоянно, как и о заботах своего народа. Свой талант, энергию и кипучую деятельность он посвятил интересам России, не забывая в то же время об интересах казахского общества и казахских шаруа. Ч. Валиханов питал подлинную сыновнюю любовь к демократической России, и его, сына казахских степей, не случайно считали патриотом земли русской. Надо принять во внимание даже такой факт: он жил и находился среди русских не меньше, а больше, чем среди своих соотечественников. Отсюда совершенно естественный вывод: Ч. Валиханов должен быть рассмотрен с двух точек зрения – как представитель общественной мысли России и как представитель общественной мысли Казахстана. Было бы неправильно, практически и методологически, рассматривать его только как представителя казахской общественной мысли.

Сам Ч. Валиханов со всей отчетливостью сознавал, что прогресс казахского общества невозможен без России, без тесного союза с русским народом. Освобождение России могло принести освобождение и казахскому народу. Поэтому он свои надежды связывал с успехом русского народа и сам работал ради этого успеха. Раз это так, то тем более неправомерно подходить к общественно-политическим взглядам Ч. Валиханова с точки зрения внутренних, ограниченных запросов развития отсталого казахского общества.

Совершенно ясно, что в казахском обществе середины XIX века не могли зародиться революционные и социалистические идеи на уровне освободительного движения в России 50 – 60-х годов. Если подходить с этих позиций и считать Ч. Валиханова лишь деятелем казахского общества, то, разумеется, каким бы талантом он ни обладал и какие бы мысли ни владели им, нельзя поднять его до идей, созвучных русской революционной демократии. Сама по себе такая постановка вопроса неуместная и излишняя. Другое дело, когда Ч. Валиханов рассматривается как представитель общественной мысли России. Тогда вполне уместно и нужно ставить и искать ответы на вопросы: каких взглядов и чьей стороны придерживался он в общественных течениях России, был ли он в одном лагере с русскими революционными демократами, а если был, то в какой степени разделял их революционные и социалистические идеи.

Такая трактовка общественно-политических взглядов Ч. Валиханова ни в коем случае не говорит о его раздвоении или отрыве от национальной почвы. Наоборот, все это свидетельствует о разности-

ронности его деятельности, помогает представить творчески активную личность. И самое главное, такой подход облегчает восстановление исторической действительности.

При таком подходе к изучению наследия и взглядов Ч. Валиханова концепции ряда ученых, более или менее распространенные на сегодняшний день, получают иное освещение. Суждения Чокана Валиханова о различных сторонах общественной жизни казахов, а также его официальные предложения и рекомендации будут восприниматься не как конечные идеи, как это наблюдается до сих пор, а как мысли относительно ближайших задач и как тактические меры. Это мы стремились показать в нашем исследовании.

Существенным пробелом в исследованиях о Чокане Валиханове следует считать то обстоятельство, что в них вовсе не содержится данных о его участии в политических кружках Сибири и Петербурга. По-видимому, это объясняется тремя причинами: 1) в трудах и бумагах Ч Валиханова нет каких-либо сведений о его принадлежности к подобным кружкам; 2) кружок, членами которого были Потанин, Ядринцев и др., т. е. ближайшие друзья Ч. Валиханова, был обвинен царским правительством в сепаратизме, в стремлении отделить Сибирь от России. Это насторожило многих советских исследователей, а некоторые из них даже хотели бы, чтобы Ч. Валиханов стоял в стороне от этого кружка; 3) как было отмечено нами, политическая деятельность Ч. Валиханова мало кого из исследователей интересовала в таком аспекте и объеме, поскольку они не занимались этим вопросом специально.

Ч. Валиханов был одним из ведущих членов политического кружка «Сибирское землячество» в Петербурге в 1860 – 1861 годах, вошедшего впоследствии в состав революционной организации «Земля и воля», во главе которой стоял Н.Г. Чернышевский и его сподвижники. Деятельность этого кружка была скоро перенесена в Западную Сибирь. Ч. Валиханов, будучи больным, находясь на лечении в своем ауле, не терял связи с этой организацией. И, конечно, без освещения всех вопросов, связанных с участием в политических кружках и осуществлением их программы, вряд ли возможна характеристика политических взглядов Ч. Валиханова.

Петербургский период жизни, большое значение которого в идейном развитии Ч. Валиханова признают все исследователи, остается до сих пор слабо освещенной страницей в его биографии. Более или менее полно представлена его научная и служебная и значительно более скупо – его общественно-политическая деятельность в Петербурге.

Нельзя также не указать на несостоятельность отдельных доводов некоторых исследователей, высказанных ими в адрес сторонников

концепции о принадлежности Чокана Валиханова к лагерю русской революционной демократии. Они говорят: разве можно ставить Ч. Валиханова рядом с Белинским или Чернышевским? Так, один из авторов усмотрел в позиции ученых, склонных считать Ч. Валиханова последователем революционных демократов, стремление поставить его «на одну доску с революционерами Чернышевским Н.Г. и Добролюбовым Н.А...».¹ Такое представление является заблуждением или сознательной передержкой. Ясно, что никто никогда не считал, не считает и не допускает даже мысли о том, что Ч. Валиханов может занять место рядом с вождями русской революционной демократии.

Русская революционная демократия имела своих выдающихся деятелей, руководителей и идеологов. Они сделали очень много в распространении революционно-демократических идей и воспитали целую плеяду революционеров. Лагерь революционной демократии включал многих передовых общественных деятелей, писателей, студентов, разночинцев не только метрополии, но и окраинных территорий (Шевченко, Налбандян и др). Ч. Валиханов был одним из многих, воспринявших революционно-демократические идеи Белинского и Чернышевского.

В некоторых работах не столько освещаются заслуги Ч. Валиханова перед историей, сколько его ошибки, недостатки, утопизм. Порою при чтении таких работ создается впечатление, что у Ч. Валиханова были в основном недостатки и недосмотры, а положительное прогрессивное в его деятельности и взглядах представляется отдельными зернышками. Исследователю, разумеется, нужно быть объективным: не возвеличивать деятеля, когда нет основания, и не замазывать его недостатки, если они имеются. Однако при характеристике того или иного деятеля прошлого основным критерием должно быть уяснение того, что он дал нового, положительного по сравнению со своими предшественниками и даже в отличие от своих современников и каково общественное значение его деятельности. Эта сторона вопроса заслуживает особого выделения и освещения.

Верно, что Ч. Валиханов, будучи по философским взглядам материалистом, в объяснении общественной жизни оставался идеалистом. Он идеализировал остатки древней демократии, казахскую аульную общину, строил иллюзии относительно самоуправления народов и обеспечения социального равенства в обществе. Он говорил о праве самозащиты народа против тирании и деспотизма, но не указывал правильных путей его осуществления. Социализм Ч. Валиханова

¹ *Адильгереев Х.* Чокан Валиханов, стр. 18.

был неясным и иллюзорным. Но разве эти недостатки закрывают ему дверь в лагерь «шестидесятников»? Многие эти недостатки характерны не только для Ч. Валиханова. Они были свойственны революционно-демократической идеологии в целом. В этом выразилась ее ограниченность. Однако от этого она не перестает быть самой передовой и революционной идеологией того времени. Узость и ограниченность революционно-демократической идеологии 50 – 60-х годов XIX века не может быть поставлена в вину отдельным деятелям, которые были убежденными и подлинными защитниками интересов народных масс, отражали их чаяния и думы.

Изучение политических взглядов деятелей, живших в отдаленные эпохи, имеет свои трудности. Серьезной трудностью является воссоздание более или менее целостной картины той эпохи и периода, в котором жил и творил деятель, уяснение себе потребностей и тенденций развития общества, в частности в области социальных отношений, политики и идеологии. Исследователь, образно говоря, должен войти в историю и хорошо знать заботы той эпохи. Такая задача не из легких. Однако без такого представления трудно говорить о конкретно-историческом подходе к изучаемому явлению прошлого. Порою мы встречаемся с фактами, когда берутся судить об общественно-политических деятелях достаточно отдаленного от нас времени, не изучая и не зная истории и ситуации того периода. Отсюда и субъективизм, и догматическое освещение проблемы. Этим недостатком не избежали и некоторые исследователи наследия Ч. Валиханова.

С этим вопросом тесно связана и другая особенность изучения политических взглядов Ч. Валиханова. С одной стороны, он жил в годы усиленного царского гнета, контроля над мыслями и разветвленной цензуры. Заточение в тюрьмы, ссылка в Сибирь получили в то время широкие масштабы в карательной политике правительства. С другой стороны, Ч. Валиханов был офицером русской армии, ученым с видным положением в обществе и в высоких официальных органах. То и другое обстоятельства наложили известный отпечаток на форму выступлений и высказываний, изложения своих политических взглядов. Этот момент не может не учитываться исследователями.

К трудам и бумагам Ч. Валиханова необходим дифференцированный подход и к ним должны быть предъявлены различные требования, ибо они написаны в различных условиях и имели различное назначение. Когда он составляет официальные записки и докладные в правительственные органы, в них он, разумеется, излагает свои идеи осторожно и умеренно. Порою он вклинивает отдельные мысли о по-

литике, о самодержавном строе и о равенстве людей в сугубо научные труды, предназначенные для опубликования, и, видимо, сознательно не сообщает им необходимой ясности. Более откровенен был Ч. Валиханов в своей переписке с друзьями. Поэтому постановка таких лобовых вопросов, как то: почему он здесь выступает умеренно, даже либерально, почему в этой его бумаге нет указания на свержение царизма и т. п., не всегда уместны и правильны.

Главное в трудах и бумагах Чокана Валиханова – внутренняя логика, внутреннее содержание. Не раскрыв и не поняв этого, нельзя дать характеристику его политическим воззрениям. Выдергивание отдельных цитат из его произведений и освещение их вне связи со всей логикой его убеждений, которая пронизывает труды в целом, нельзя считать допустимым. Тем более надо учитывать, что Ч. Валиханов по известной причине вынужден был вуалировать свои мысли.

Мы остановились на некоторых вопросах методологии и приемах изучения наследия Чокана Валиханова вообще, его политических взглядов в частности.

Исследование политических взглядов Ч. Валиханова требует того, чтобы, во-первых, тщательно были проанализированы его труды и переписка, вскрыты их внутренние связи; во-вторых, среда и окружение, друзья и единомышленники, обширные связи и интересы Ч. Валиханова были бы прослежены более полно, насколько это возможно в наши дни. Это означает, что политические убеждения Ч. Валиханова и их аспекты должны быть раскрыты как на основании его собственных записей, так и на основании деятельности людей, его окружавших, идеи которых им разделялись. Это важно и потому, что Ч. Валиханов не публиковал публицистических статей и не писал трактатов о своих убеждениях, в то же время он имел широкие личные связи с деятелями освободительного движения России 60-х годов.

К настоящему времени основные произведения, дневники и переписка Чокана Валиханова уже изданы.¹ Изданы и воспоминания современников о нем,² которые, безусловно, представляют особую ценность для исследователей. При этом, однако, следует заметить, что эти воспоминания написаны спустя десятилетия после смерти Ч. Валиханова, когда отдельные детали (и не только детали) могли быть уже забыты. Кроме того, поскольку они предназначались для опубликования в открытой печати, в них включались такие материалы и сведе-

¹ *Валиханов Ч.Ч.*: Собрание сочинений, т. I, II, III. Алма-Ата, 1961, 1963, 1965; Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

² «Ч. Валиханов в воспоминаниях современников». Алма-Ата, 1964.

ния, которые не могли вызвать подозрений цензуры. Так, например Г. Потанин, близко знавший Ч. Валиханова, в своих воспоминаниях отмечает, что Ч. Валиханов был знаком «с политическими взглядами уже тогда, когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была еще замкнутая книга», и что он для своих товарищей был «окном в Европу», но не объясняет, о каких политических взглядах идет речь. Г. Потанин также указывает, что в Омске «самое сильное влияние на Чокана имел Дуров», отбывавший ссылку в Сибири убежденный революционер. А в чем это влияние выразилось, приходится только догадываться. В воспоминании есть такое место: в Петербурге «свои демократические убеждения он продолжал высказывать резко».¹ Эта интересная и очень важная «деталь» осталась известной в подробностях только автору.

Для выяснения различных сторон политических взглядов Чокана Валиханова важное значение имеют труды и бумаги близких ему по убеждению «сибирских патриотов», как их именовали в то время: Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова, Н.И. Наумова, И.В. Оммулевского-Федорова, С.Я. Капустина, Ф.Н. Усова и др.² В них содержатся интересные данные о кружке сибиряков в Петербурге, о его связи с организацией и людьми, близкими к Чернышевскому. Они дают достаточно полную характеристику взглядов этих деятелей, с которыми Ч. Валиханов имел много общего. Петербургский период жизни Ч. Валиханова представляет кульминацию его политического развития. Изучение взглядов и концепций тех, с кем он общался, поддерживал непосредственные связи и у которых учился и перенимал идеи, может служить дополнительным материалом, проливающим свет на натуру Ч. Валиханова. В этой связи изучены нами материалы известных деятелей 50 – 60-х годов XIX века – С. Сераковского, В. Обручева, А.А. Слепцова, братьев В. и Н. Курочкиных, М. Сажи-

¹ *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. СПб., 1904 г., стр. 14, 24, 32.

² *Потанин Г.Н.* Воспоминания о Н.Г. Чернышевском. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 616; Воспоминания Г.Н. Потанина. «Сибирская жизнь», 1913-1918 гг.; Письма Г.Н. Потанина к Пылину. ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 322; *Потанин Г.Н.* Областные тенденции в Сибири. Томск, 1907; *Попов И.* К 80-летию Г.Н. Потанина. «Голос минувшего», 1915, №1; Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру». Иркутск, 1951; «Архивы Г.Н. Потанина» в научной библиотеке Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Госархив Томской области, ф. 3 и 4; ЦГАЛИ, ф. 381 (фонд Г.Н. Потанина); *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, кн. 6; *Ядринцев Н.М.* Иллюзия величия и ничтожество. Женева, 1891; *Шашков С.С.* Собрание сочинений, т. 1 и 2. СПб., 1898; *Наумов Н.И.* Сочинение. М., 1933; Полное собрание сочинений Оммулевского, т. 1; *Оммулевский.* Шаг за шагом. Хабаровск, 1952; *Капустин С.Я.* О Ч. Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп.1, д. 179; *Усов Ф.* Очерк по истории сибирского казачьего войска. Омск, 1884.

на (Арманд Росс), Г. Елисеева и М. Антоновича, Л.Ф. Пантелеева, П.Л. Лаврова, А. Шапова, Н.Я. Николадзе, Н. Утина и других.¹

Разумеется, произведения идеологов русской революционной демократии – Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского и Добролюбова служили для нас основным пособием, помогающим нам разобраться в перипетиях и деталях сложной идейной борьбы, которую они вели и посредством которой воспитали целую плеяду революционеров.

В процессе работы над настоящим исследованием мы воспользовались материалами фондов Центрального государственного архива КазССР, Центрального государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Ленинграда, Центрального государственного архива литературы и искусства, Рукописного отдела библиотеки имени В.И. Ленина, Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Центрального государственного архива Узбекской ССР, государственных архивов Иркутской, Томской и Омской областей.

Мы имели возможность ознакомиться с частью богатого материала, собранного группой по изучению наследия Чокана Валиханова в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

Проблема политических взглядов Ч. Валиханова связана с широким кругом вопросов. Ее решение представляет достаточную сложность и требует много труда. Эту проблему нельзя охватить более или менее полно в одной работе, тем более в первой. Поэтому мы надеемся, что вопросы, поднятые здесь, найдут отклик у ученых и всех читателей, и не удивимся, если некоторые вопросы вызовут дискуссию. Все это поможет углубленной разработке и освоению наследия выдающегося сына казахского народа Чокана Валиханова.

¹ «Вопрос польский». Рукопись Сераковского. «Русская старина», 1884, №1; *Обручев В.* Из пережитого. «Вестник Европы» 1907, №5; «Литературное наследство», 1959, т. 67; *Курочкин В.* Стихотворения, 1956; ЦГАЛИ, ф. 247 (фонд Курочкиных); *Сажин М.* Воспоминания. М., 1925; «Шестидесятые годы». М., 1933; ЦГАЛИ, ф. 192 (фонд Елисеева); *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958; *Лавров Н.Л.* Последовательные поколения. Женева, 1892; *Аристов Н.* Жизнь А.П. Шапова; «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н.Я. Николадзе»; *Николадзе.* Воспоминания о 60-х годах. «Каторга и ссылка», 1927, кн. 33-34; «Народное дело», 1868, №2-3.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В 30 – 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

1. Внутривнутриполитическое положение России

В 30 – 60-х годах XIX века, как никогда раньше, обострились и обнажились основные противоречия, свойственные Российской империи. Они проявились как в области экономики и социальных отношений, так и в области политики и государственного управления. Относительно быстрое развитие буржуазного хозяйства в городах уживалось со средневековым консерватизмом в деревне. Возрастающий спрос на свободные рабочие руки наталкивался на глухие стены крепостнических отношений. Прогресс в экономике строился на нищете и крови десятков и сотен тысяч людей. Пропасть между имущими и неимущими классами все больше увеличивалась, создавая угрозу нарушения общественного «равновесия» и стабильности существующего режима. Действия и политика государственных органов, рассчитанные на смягчение этих противоречий, не только не сгладили, а, наоборот, еще больше осложнили их. Передовые представители народа лишней раз убедились в гнилости царской политической системы.

В силу объективных факторов, присущих этому периоду, формируются и развиваются новые идейные течения в прогрессивной общественной мысли России. К этим факторам, в первую очередь, относятся:

а) интенсивное развитие буржуазных отношений в экономике и как отражение этого процесса – рост «молодых» (буржуазных) сил в области культуры и идеологии;

б) значительный рост числа вольнонаемных рабочих в основном за счет вчерашних крестьян и тенденция к их концентрации. Само по себе это создавало возможность еще большего революционизирования общественного движения;

в) ухудшение экономического и политического положения крестьян, массовые выступления, готовые вылиться во всеобщее крестьянское восстание, утвердили крестьянскую идеологию как ведущую составную часть прогрессивной общественной мысли России.

XIX век (вплоть до 60-х годов) вошел в историю России как период общего кризиса феодально-крепостнической системы. Этот кризис выражался: во-первых, в активном разрушении устоев и все большем

сужении сферы феодального способа производства в результате развития буржуазных отношений; во-вторых, в неудержимом росте оппозиционных сил — как левых, так и правых — по отношению к официальной власти и режиму; в-третьих, в неотвратимости падения старой системы и в тщетности приемов и отдельных реформ, предпринятых правительством для укрепления положения феодально-крепостнической системы; в-четвертых, в отставании государственной политики и все более резком ее несоответствии потребностям общественного развития.

Для первой половины XIX века характерен своеобразный начальный промышленный скачок. Это хорошо видно из следующих данных, показывающих рост промышленных заведений в обрабатывающей промышленности России (без Польши и Финляндии).¹

Годы	Количество пром. заведений	Число рабочих в них
1830	5450	253893
1845	8302	507577
1862	15910	512778

Если в 1831-1840 годах в стране было произведено 2750 единиц машин, то в 1851-1860 годах — 36 433 единицы. За этот же период ввоз машин из-за границы возрос с 4111 до 48080 единиц. К началу XIX века страна располагала только одним машиностроительным заводом, а к 1861 году их было уже около сотни. Промышленное развитие привело к увеличению городского населения. С 1811 по 1858 год городское население в России возросло с 2,7 до 5,7 млн. человек.²

Путь промышленного развития страны был сложным и противоречивым. Оно происходило в условиях сохранения крепостного права и господства феодальных отношений в экономике и политике в целом, т. е. в условиях ограниченных возможностей. Это сдерживало развитие капиталистического уклада. Достаточно сказать, что многие вольнонаемные рабочие — вчерашние крепостные крестьяне, отпущенные помещиками на оброк и не порвавшие связей с сельским хозяйством, рассматривали свою работу в городах лишь как вспомогательный источник дохода и только. Часть рабочих просто временно была приписана к предприятиям, причем за помещиками сохранялось право отзыва их по истечении определенного срока.

¹ Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944, стр. 28, 37.

² «История СССР». М., 1960, стр. 5.

Государство, оставаясь в основном диктатурой феодалов, оказывало поддержку промышленному развитию лишь в пределах, допускаемых интересами феодально-крепостнической системы. На этой почве назревал острый конфликт между буржуазными и феодальными отношениями как в экономике, так и в политике, конфликт между объективной тенденцией экономического развития и силами, препятствующими ему, между развивающимися производительными силами общества и старыми производственными отношениями, превратившимися к этому времени в оковы для первых.

Особенно сложными были социальные отношения в деревне. Несмотря на то, что Россия была преимущественно крестьянской страной и обладала достаточными земельными массивами, производительность труда в сельском хозяйстве оставалась низкой и не росла, а экономическое положение основной массы земледельцев, которое было незавидным и раньше, все больше ухудшалось. Причиной этому было сохранение крепостного и права, усиливающийся феодальный гнет крестьян и техническая отсталость сельского хозяйства.

Показательно, что в это время происходит постоянное ограничение участия крепостных крестьян в землевладении, уменьшение их наделов. С конца XVIII до середине XIX века надел земли на душу населения в барщинных имениях сократился с 10,1 до 2,5 – 3 десятин, в оброчных имениях – с 13,9 до 4 – 5 десятин,¹ что не могло не отразиться на экономическом положении земледельцев. Картина будет неполной, если не сказать о многочисленных повинностях, которые несли крестьяне, и о неограниченном произволе помещиков. По некоторым данным, во второй четверти XIX века только крестьянский оброк составлял в среднем 30 рублей.² Это была немалая сумма, если принять во внимание, что пуд хлеба стоил 43 копейки, крестьянская лошадь – 17 рублей, а сам крестьянин («ревизская душа») оценивался в 60 рублей.³

Кроме того, в период с 1802 по 1852 год было 34 неурожайных года, которые явились настоящим бедствием для слабообеспеченного крестьянского населения. Некоторые новшества в помещичьих хозяйствах – внедрение машин, поворот к возделыванию технических культур и даже увеличение товарности хозяйства в результате активного проникновения в деревню товарно-рыночных отношений, не принесли облегчения подневольным крестьянам.

Все это вместе взятое обострило социальные противоречия в деревне, которые выражались в углублении процесса пауперизации

¹ Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М., 1958, стр. 14.

² Там же, стр. 15.

³ Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России, стр. 23.

крестьянского населения, усилении роли промыслов, выходящих за рамки помещичьего хозяйства, и росте отходничества, в сильном стремлении крестьян освободиться от крепостной неволи и, наконец, в открытых классовых выступлениях крестьян, подчас разрозненных, стихийных, которые, однако, с каждым годом становились более зрелыми и более опасными для существующего режима.

Обострение классовой борьбы в деревне наглядно подтверждается следующими данными. Если в первой четверти XIX в. в среднем на каждый год приходилось около двух-трех десятков небольших, локальных выступлений крестьян, в большинстве своем быстро ликвидируемых местными силами, то в 1859 году только по губерниям европейской части России имело место 91 крестьянское выступление, а в 1861 году – уже 1259. Для подавления этих выступлений (соответственно в 26 и 358 случаях) привлекались воинские команды.¹ К. Маркс говорил, что царская Россия со страхом ждет аграрной революции.²

Умонастроение народа передалось передовым слоям интеллигенции, офицерства, студенчества и разночинцев и еще больше революционизировало их. Обогащенные отечественным опытом и воспринимая революционное влияние Запада, они выросли идейно и стали смелыми в действиях. Вскоре после восстания декабристов началось освободительное движение в Польше, которое, по словам В.И. Ленина, имело «первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской».³ В начале 50-х годов разразилась венгерская революция. Бунты среди военных поселян в Севастополе, Тамбове, Старой Руссе и Новгороде сливались с волнениями в военных гарнизонах других городов, среди студенчества и на колониальных окраинах империи. Эти выступления не были связаны между собою, носили локальный характер и не достигали тех целей, которые ставили. Но они явились грозным предупреждением всей феодально-крепостнической системе, и под их ударами содрогались ее основы.

Среди интеллигенции, особенно молодежи, начиная со второй четверти XIX века заметно усиливается тяга к изучению политико-просветительской и революционной литературы, порою запрещенной официальной властью как «мятежной», и тяга к организации различных кружков нередко с выраженными политическими оттенками. В кружках Лермонтова, Сунгурова, Станкевича, Белинского, Герцена и

¹ Токарев С.В. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации. В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859-61 гг.». М., 1961, стр. 128.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXV, стр. 240.

³ Ленин В.И. Сочинения, т. 20, стр. 403.

Огарева и других студенческая молодежь зачитывалась запрещенными стихами Пушкина и Рылеева, изучала литературу о Великой французской революции, увлекалась сен-симонизмом, вопросами конституции и республики, живо интересовалась судьбой России и устраивала по этим вопросам острые диспуты. Лермонтов предсказывал, что и для России наступит время, «когда с царей корона упадет». Члены общества Сунгурова ставили своей целью введение в России конституционного режима. В кружке Станкевича, куда одно время входили Неверов, Бакунин, Белинский, Грановский, А. Аксаков, Ключников и др., изучали философию Шеллинга, Канта, Фихте и Гегеля. Члены кружка придавали большое значение распространению просвещения среди народа и вопросам избавления его от крепостного права.

Кружки Белинского, Герцена и Огарева скоро стали в центре революционной общественной мысли России. В них оправдывались идеи и действия декабристов, говорилось о явном несовершенстве существовавшего в стране общественного и политического режима, о паразитизме крепостного права, о заманчивости идей социал-утопистов Запада. Для деятельности Белинского и Герцена в 40-х годах характерен поиск революционных путей разрешения социальных противоречий эпохи, страстная приверженность социализму. В 1841 году Белинский писал: «Я теперь в новой крайности – это идея социализма, которая стала для меня идеею идей».¹ По свидетельству одного из ведущих современников, в это время «социализм делал широкие завоевания у русской молодежи».²

После смерти Белинского (1848 г.) и эмиграции за границу Герцена, несмотря на строгую цензуру на их произведения и установление надзора за деятельностью их единомышленников, освободительные идеи в России не потухли. Члены кружка Петрашевского, несмотря на репрессии царизма, сумели расширить свои ряды и увлечь социалистической идеей многих передовых людей в разных уголках страны.

Объясняя, что такое социализм, петрашевцы писали: «Социализм не есть изобретение новейшего времени, хитрая выдумка XIX века, подобная пароходу, паровозу или светописи, – он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться... Социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества... Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить».³ Не отрицая положительной роли своевременных реформ, петрашевцы думали

¹ Плеханов Г.В. Сочинения, т. XXIII. М.–Л., 1926, стр. 140.

² Из воспоминаний М.И. Венюкова, кн. 1. Амстердам, 1895, стр. 147.

³ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 389, 423, 428.

уничтожить «настоящий быт общественный» посредством всеобщей крестьянской революции в России. По мнению петрашевцев, в отличие от декабристов, эту революцию должны совершить массы, народ. В этом заключалась заслуга петрашевцев в русском освободительном движении и глубина их политической мысли. Если, по определению В.И. Ленина, В. Белинский был предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении, то историческая роль петрашевцев заключалась в том, что они положили начало вытеснению дворян разночинцами.¹ Не случайно поэтому В.И. Ленин считал существование «социалистической интеллигенции» в России «начиная от кружка петрашевцев, примерно».²

В условиях развернувшейся борьбы вокруг аграрной проблемы в России в 50-х годах лагерь борцов за интересы крепостных крестьян и обновление господствующего строя возглавила революционная демократия во главе с Чернышевским и Добролюбовым. Они совместно с «Колоколом» Герцена прилагали огромные усилия и проводили большую идеологическую и практическую работу в целях освобождения крестьян от крепостной неволи, по подготовке крестьянского восстания против самодержавия, за торжество крестьянского социализма. «На богатой почве классовой борьбы еще в период крепостничества, в 40 – 50-х годах XIX века, – указывается в истории партии, – выросли такие революционные демократы, как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский. Деятельность их была пронизана глубокой ненавистью ко всем проявлениям крепостничества в общественной жизни России и посвящена горячей защите прогрессивного развития страны».³ Как указывал В.И. Ленин, под влиянием могучей проповеди Чернышевского воспитывались настоящие революционеры,⁴ фронт сторонников и сочувствующих идеям революционных демократов расширялся с поразительной быстротой, охватывая даже такие далекие уголки, как Сибирь, Азербайджан и Казахстан. Влияние революционных демократов на умы передовых людей в то время было колоссальным. Какой позиции и линии придерживалось в этот период царское правительство, каково было общественное значение его внутренней и внешней политики, в каком направлении развивалась государственная система в целом – это вопросы также важные для характеристики развития политических отношений в стране.

Царское правительство получило достаточный урок для понимания серьезности положения в стране и, предвидя неизбежный исход событий,

¹ Ленин В.И. Сочинения, т. 20, стр. 223.

² Ленин В.И. Сочинения, т. 7, стр. 26.

³ «История КПСС», М. 76, 1959, стр. 14.

⁴ Ленин В.И. Сочинения, т. 5, стр. 26.

решило опередить объективное их развитие и отменить сверху крепостное право. Этим оно хотело одновременно достичь ряда целей, укрепить в конечном счете позицию господствующих в обществе классов и правительства, а именно: проблему «отмены крепостного права» и «отпуска» крестьян решить в формах и направлениях, наиболее приемлемых в этих исторических условиях для помещиков и правительства; демонстрируя «понимание» стремлений крепостных крестьян, в какой-то степени укрепить веру их в царя и помещика, которая пошатнулась не на шутку; в той или иной степени удовлетворить основные требования национальной буржуазии, все больше влиявшей на общественное развитие и политику; «разрешив» крестьянский вопрос и ослабив бунтарский дух в деревне, собраться с силой для нанесения нового широкого удара по революционным, оппозиционным силам. Однако царское правительство и его политика как в метрополии, так и на окраинах империи, настолько успели разоблачить себя как орудия крайней реакции и антинародной силы, что различные подтасовки и ухищрения властей вели к еще большему ослаблению их позиции, еще глубже обнажали их классовую природу, еще больше укрепляли ряды противодержавного общественного движения, в особенности революционных сил.

Николай I, бесчеловечно расправившись с декабристами, по всем линиям усилил репрессивные и надзорные меры против лиц, отнесенных к категории «нежелательных». Говорят, что однажды он заявил: «Революция на пороге России... Но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни».¹ Страна была наводнена всякого рода тайными агентами, в жандармских и полицейских управлениях составлялись длинные «черные списки» неблагонадежных, над которыми нависла угроза постоянного преследования.

Широкая жандармская инквизиция, соединенная с произволом и беззаконием специальных судов, была увенчана созданием III отделения «собственной его императорского величества канцелярии». С организацией III отделения дороги в тюрьмы и на каторги стали еще более тесными, была введена дополнительная цензура на демократические издания,² усиливается контроль над мыслью в учебных заведениях.³

Как и следовало ожидать, в середине 30-х годов подвергались разгрому кружки передовой русской интеллигенции. Волна суровых

¹ Федосов И. Революционное движение в России во второй четверти XIX века, стр. 20.

² Это отразилось в Цензурном уставе 1826 года и в деятельности Секретного комитета для тайного контроля над цензурой, созданного в 40-х годах.

³ Так, Университетским уставом, принятым в 1835 году, была ликвидирована некоторая былая «автономность» университетов в решении отдельных вопросов внутренней жизни, исключены из программ как самостоятельные дисциплины философия и гражданское право с отнесением их в ведение богословия и т.д.

репрессий, в первую очередь против революционеров, прокатилась по всей России. Она не стихла даже после очередных «успехов» властей в этой области. Россия действительно стала казармой, в которой господствовали три вещи: ограничение свободы, насилие над мыслью и кара за стремление к лучшей жизни. Как говорил В.И. Ленин, правительство защищалось драконовскими мерами от натиска революционеров.¹

Одним из методов борьбы царского правительства с растущим революционным движением была идеологическая диверсия, порою с использованием разных штрейкбрехеров в демократическом движении. «Теория официальной народности» министра народного просвещения Уварова, по которой православие, самодержавие, народность объявлялись качествами и мотивами, присущими жизни русского народа, была призвана противостоять идеологии революционеров. Известно, с какой горячей страстностью разоблачали эту теорию представители складывающегося в то время революционно-демократического лагеря во главе с Белинским и Герценом. Белинский гневно обрушился на Гоголя за то, что тот выступил в защиту этой теории, невольно оказавшись «проповедником кнута и апостолом невежества». Белинский писал: «Церковь же явилась поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми, чем продолжает быть и до сих пор».²

Высмеивая «теорию официальной народности», А.И. Герцен указывал, что Николай I бежал в народность и православие от революционных идей.

Подобную служебную роль играли и установки славянофилов и западников. Славянофилы (А. Хомяков, И. Киреевский и др.) выступили с лозунгом «сила власти – царю, сила мнения – народу». Они защищали господство церкви, доказывали самобытность исторического пути развития России в отличие от западноевропейских стран, доходя до восхваления деятельности русских царей. Правда, они в то же время выступали против крепостного права, но ратовали за «свободный» труд в рамках самодержавия, стояли за учреждение Земского собора во главе с царем. Западники (Т. Грановский, К. Кавелин, В. Боткин, М. Кашков и др.), преклоняясь перед Западом, выступали за конституционную монархию, за постепенную отмену крепостного права «сверху».

Как славянофилы, так и западники исключали всякую возможность разрешения наболевших вопросов России революционным путем.

¹ Ленин В.И. Сочинения, т. 5, стр. 26.

² Белинский В.Г. Письма, т. 3, стр. 233.

Несмотря на полемическую борьбу между славянофилами и западниками, они сходились и были едины в главном – в желании сохранить и укрепить буржуазно-помещичий строй. Разумеется, во взглядах славянофилов, и особенно западников, имеются трезвые положительные моменты, которые, однако, не определяют характер их теории в целом. Именно благодаря этим отступлениям и реверансам официальная идеология хотела привлечь на свою сторону народные массы.

Еще Чаадаев расценил концепцию славянофилов как «пагубное учение русских националистов». По мнению Чаадаева, прошлое Московской Руси было «рабством более, чем монгольское иго».¹ Белинский видел в славянофилах «витязей прошедшего и обожателей настоящего». Западников он назвал «беспаспортными бродягами в человечестве».² Славянофильское направление, по Герцену, это «кость в горле» русского общественного движения. По словам Герцена, от славянофилов «веет застенком, рваными ноздрями, епитимией, покаянием, Соловецким монастырем».³ «Славянизм и европеизм, – писал он о славянофилах и западниках, – представляют негодные, неприлагаемые ими чужие формы для уловления нашей жизни; они ее меряют по другим эпохам, по иным мирозерцаниям; ни загробный голос праотцов, ни соседний ум не помогут разрешить его вполне».⁴

Русские революционные демократы во главе с Н.Г. Чернышевским к разрешению аграрной проблемы и вопросу отмены крепостного права подходили совершенно с иных позиций – с революционных. Они требовали безоговорочного освобождения крестьян без выкупа помещиком, сохранения и развития общинного землепользования в деревне и боролись за крестьянский социализм и республику, которые, по их мнению, одни способны были возродить по-новому общество.

Правительство вначале было не прочь отделаться частными реформами в крестьянском вопросе и затянуть отмену крепостного права. Во всяком случае оно хотело ослабить волну выступлений крестьян, несколько смягчить нравы твердолобых помещиков, упорствующих в своих старых позициях. В этом отношении показательна реформа Киселева, направленная на «благоустройство» государственных крестьян в хозяйственном и административном отношениях. Было провозглашено местное «самоуправление» крестьян, приняты меры по переселению части крестьян на свободные земли (в Сибирь), открыты кое-где школы и больницы. Все эти реформы и идеологическая обработка хотя нередко были связаны с известными уступками со стороны

¹ Плеханов Г.В. Сочинения, т. XXIII, стр. 6, 7.

² «История СССР», ч. I. М., 1961, стр. 533.

³ Плеханов Г.В. Сочинения, т. XXIII, стр. 311.

⁴ «История СССР», ч. I, стр. 533.

правительства в пользу народных масс и кое-где оказали свое влияние, не могли ослабить аграрное движение и удовлетворить далеко идущие требования крестьян.

Поражение в Крымской войне окончательно подорвало престиж власти в глазах народа и еще больше утвердило мнение о гнилости существующей политической системы. По всему было видно, что крепостнический строй доживает последние дни. Правительство в союзе с помещиками серьезно занялось рассмотрением различных аспектов отмены крепостного права. Были созданы секретные комитеты и комиссии по изучению этого вопроса и разработке конкретного проекта. Помещики и правительство всеми мерами старались не допускать превращения крестьян в собственников земельных угодий. Было признано необходимым отпускать крестьян на свободу через выкупную систему, укрепляющую позицию и положение помещиков.

В стране назревала революционная ситуация, когда не только «низы» общества не хотели жить, как прежде, но и «верхи» – господствующие в политике классы – не могли хозяйничать и управлять обществом, как прежде. Угроза революционного взрыва в конце 50-х – начале 60-х годов стала наиболее реальной.

В начале 1861 года царское правительство «под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян»¹ отменило крепостное право.

Но это «освобождение» не принесло и частицы тех благ, которых ожидали от него крестьяне, хотя проблема свободных рабочих рук как будто бы была решена. Крестьяне в результате освобождения оказались ограбленными и в экономическом отношении. Так, только в 36 губерниях Европейской России крестьяне потеряли не менее 18% лучшей земельной площади, которой они раньше владели. Более того, земля, стоившая по ценам 1854 – 1858 гг. 544 млн. руб., была оценена при выкупе в 867 млн. руб.² «Пресловутое «освобождение» «было бесовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними».³

Отмена крепостного права не разрешила политического кризиса и не сняла с повестки дня возможности революционного взрыва. В.И. Ленин указывал, что «падение крепостного права было таким крупным историческим переломом, который не мог не надорвать и полицейской завесы, прикрывающей противоречия между классами».⁴ Крестьянские выступления не стихали и все больше раздавалось голосов, призывающих к борьбе за «новую волю».

¹ Ленин В.И. Сочинения, т. 4, стр. 395.

² «История СССР», т. 2, стр. 33-34.

³ Ленин В.И. Сочинения, т. 17, стр. 94-95.

⁴ Ленин В.И. Сочинения, т. 5, стр. 24.

В этих условиях революционные демократы, их ячейки и сторонники, наряду с разоблачением антинародных приемов и методов «освобождения» крепостных крестьян, стали вести усиленную подготовку к крестьянской революции. Петербургский центр революционной демократии устанавливает более тесную связь с заграничным центром, Герценом и революционерами Польши. Создается тайная революционная организация «Земля и воля», призванная обеспечить мобилизацию революционных сил. Среди населения распространяются прокламации и листовки с призывом свергнуть самодержавный строй.

Складывающаяся в центре России обстановка оказывала свое влияние на все уголки империи и революционизировала и прогрессивно настроенные местные силы. В этой сложной политической обстановке, полной противоречий и борьбы, Чокан Валиханов формировался и мужал как политик и как общественный деятель.

2. Казахстан – отсталая колония Российской империи

20-60-е годы XIX века были относительно беспокойными в истории Казахстана: многие кочевые коллективы пришли в волнение, чаще, чем прежде, меняли место стоянок, отходили от традиционных кочевых путей. То в одном, то в другом месте возникали малые и значительные стихийные выступления.

Причинами этого были: а) усиление колониального проникновения Российской империи в центральные и глубинные области казахского края, порою сопровождавшееся действиями военных и карательных отрядов; б) энергичные меры царского правительства по насаждению новой системы управления в казахской степи с тем, чтобы превратить ее в придаток колониальной администрации. Это не могло не задеть интересы местной знати, державшей в своих руках власть в больших и малых коллективах; в) активизация Хивинского и Кокандского ханств на юге и юго-востоке Казахстана с явной целью захвата новой территории и ограбления местного населения, а также с целью остановить Россию на дальних подступах к этим ханствам; г) усиление борьбы среди знати за власть, за лучшие пастбищные угодия – в ущерб интересам народных масс; д) обострение в казахском обществе внутренних экономических и социальных противоречий.

В народе, отсталом, темном и жившем отдельными мирками, в условиях господства патриархальных привычек и быта, любое новое веяние, тем более внешнее давление, нарушающее эту стабильность,

вызывало серьезную тревогу. Она, конечно, обострялась в период экономической, политической и военной экспансии извне. Как правило, в эту пору различные слухи распространялись с удивительной быстротой, сознательно и бессознательно преувеличивались. Простота нравов и легковёрность народа нередко использовались в своих интересах корыстолюбивыми богачами-феодалами. Все это вместе взятое могло только осложнить общую обстановку и положение народа.

Рассматриваемый нами период в истории Казахстана может быть назван и периодом новой ориентации. Как бы ни активизировали свою деятельность среднеазиатские ханства, то посылая карательные отряды в казахскую степь, то наводняя ее исламскими миссионерами и торговцами-агентами, они постепенно теряли свои позиции в казахском обществе и вытеснялись из него в связи с растущим влиянием России. Потерпела неудачу и попытка китайского правительства охватить сферой своего воздействия некоторые районы Восточного Казахстана. Одерживая успехи в конкурентной борьбе по колонизации казахской степи, царское правительство постепенно перешло от политики склонения местной знати на сторону к ее подчинению. Этот процесс не мог не влиять на ориентацию значительной части населения. Жить в условиях подданства России и, опираясь на ее мощь, дать отпор агрессии со стороны Хивы, Коканда и Бухары – такой взгляд становился все более определенным и доминирующим в народе.

Колонизация обширной казахской степи была завершена к середине 60-х годов XIX века. К этому времени царизм более или менее преуспел в области управления Младшим и Средним жузами. Вначале здесь местные ханы были ограничены в правах, а затем, в 20-х годах XIX в. (за исключением Букеевской орды), совсем отстранены от управления. Полнота власти на этих территориях перешла в ведение царской администрации, получившей возможность по своему выбору и усмотрению назначать местных начальников.

Назначение и формальные выборы в органы местного управления, введенные в 20-х годах, привели к ожесточенным схваткам между различными группами знати и кочевыми коллективами. Часто эта борьба приобретала окраску родовой вражды и соперничества. Взаимные доносы и обвинения, подкуп, насилие и шантаж, выступавшие прежде неостро и во многом завуалированно, стали теперь главными средствами достижения цели – прихода к власти борющихся групп.

Реорганизация управления в интересах колониальных властей имела и другую, обратную сторону. Она во многих случаях проводилась торопливо, без достаточного изучения быта, уклада народа и

учета других местных особенностей, безжалостно ломая устоявшиеся представления народа об управлении и власти и привычные для него традиционные формы организации общества. Удовлетворив некоторую часть крупной и средней местной феодальной знати, вошедшей в союз с царской администрацией, реорганизация ущемила интересы многочисленной прослойки мелкой знати, занимавшей прочные позиции в казахских аульных и общинных коллективах.

Одним из немаловажных результатов было то, что власть стала терять прежние связи с хозяйственными коллективами и массами, еще больше отделилась от них. Если раньше как бы ни была тверда и деспотична власть, она в своих же интересах старалась находить опору в народе, в родовых коллективах, то теперь носители местной власти больше ориентировались на поддержку колониальной администрации, ее воинской силы.

Следует еще указать на то, что система колониального управления, пришедшая на смену султанско-бийской, стала функционировать в условиях в основном старой, неколонизированной экономики, т. е. обнаруживала несоответствие базису. Таким образом, дальнейшее развитие колониальной системы управления не могло не вызвать известного расстройтва прежней экономики и хозяйственного уклада населения. Поскольку эта новая система управления имела основную задачу укреплять колониальные отношения во всех областях жизни, она не могла не оказывать в ряде случаев отрицательного влияния на развитие общества.

Младший жуз был разделен на три административных управления – части, во главе каждого из них находился султан-правитель. К нему были приставлены двухсотенный воинский отряд и делопроизводитель-агент (мулла) от правительства. Средний жуз по Уставу Сперанского 1822 года состоял из округов, а округа – из волостей, во главе которых находились соответственно старшие султаны и управители. Вместе со своими представителями на местах они составляли так называемую «туземную администрацию».

Эти местные правители, для которых превыше всего были принципы обогащения, еще больше умножили злоупотребления в обществе, что ложилось тяжелым бременем на плечи простого народа. Как описывается в одной из работ того времени, один из старших султанов в Среднем жузе, обнаглев, получил взятки одновременно от нескольких претендентов на одну и ту же должность волостного управителя, подчиненного ему, а именно: от первого – 1000 баранов, от второго – 300 лошадей и т. д., и обещал каждому из них содействовать его избранию.¹ Управитель Баян-Аульского округа бий Турсунбаев допускал

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов. СПб., 1868, ч. III, стр. 75-76.

такие злоупотребления, сообщается в другом источнике, что целая волость в 1841 году чуть ли не отложилась от него.¹ Эти факты были типичными для «туземной администрации».

Народ, каким бы он ни был отсталым и обманутым, не мог долго оставаться пассивным, испытывая открытое притеснение и ограбление. Он направляет свою злобу в первую очередь против наиболее нетерпимых представителей местной власти. Так, в 1855 году был убит султан-правитель Младшего жуза Джантюрин.² В одном донесении, относящемся к 1845 году, сказано, что волостной управитель Кокчетавского округа Байджанов послал своего сына наблюдать за занятием подвластными ему коллективами зимних стойбищ. Недовольные этим кочевники убили его и бросили в воду.³

Были случаи, когда целые волости и даже округа выходили из повиновения местных властей. Так было в 1844 году в Аман-Карагайском округе. Население этого ведомства склонно к «неповиновению установлениям властей», – говорилось в официальном представлении.⁴

Несмотря на сопротивление масс местная бюрократия, при поддержке колониальной администрации, все больше росла и укреплялась. «Вслед за нашим приходом в край, – писал В. Наливкин, – образовалась тесно сомкнувшаяся вокруг нас и разобщившая нас от народа и народной жизни стена, составившаяся из туземной администрации, торгашей и переводчиков. Народ сносился с нами через эту непроницаемую для него стену, а мы видели глазами, слушали ушами, к стыду нашему, думали лукавым и хищным умом этой живой стены, постепенно утолщая ее разными способами».⁵

Колониальный режим насаждался не только через «туземную администрацию», сколоченную царскими чиновниками. Царское правительство, хотя и не всегда с желаемым эффектом, заигрывало также с местной знатью. Наряду с этим оно часто использовало карательные силы, которые, совершая рейды в более глубинные участки степи, чинили жестокую расправу над «непослушными» родами и аулами, наводя страх на население целых районов. Даже в 1820 – 1825 годах, в относительно спокойный для края период, было совершено более десятка крупных рейдов войсковых частей с целью «устрашения» местного населения. С такими задачами выступили в степь, например, отряды полковника Милорадовича (2519 человек), полковника Назарова, полковника Циолковского, полковника Аржанухина

¹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1298, лл. 1-28.

² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 44, л. 39.

³ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 1743, л. 4.

⁴ Там же, д. 5405, л. 52.

⁵ *Наливкин В.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 71.

(в трех последних отрядах было 2220 человек), подполковника Щапова, полковника Берга и другие.¹ В 30 – 40 годы таких отрядов было направлено в степь еще больше. Как указывает М. Венюков, до 40-х годов среди ведущих царских чиновников в Оренбурге «продолжала господствовать теория, что степь нужно держать в покорности одними летучими отрядами...».²

На этих рейдах сильно наживались военная верхушка и чиновники. Каждый раз военные команды пригоняли огромное количество скота, отобранное в большинстве случаев у мирных аулов. Сами царские чиновники признавали, что «эти летучие отряды редко настигали виновных и грабили только тех, кто, не чувствуя за собой вины, сидел спокойно на месте и не торопился уходить при вести о русском отряде».³ В свою очередь, некоторые разграбленные коллективы собирали силы, старались отомстить и организовывали нападения на военные казачьи поселения, расположенные вдоль пограничной полосы, утоняли у них скот.

Среди многих фактов, объективно сдерживающих борьбу народных масс как против колониальных властей, так и против своих владельцев и знати, важное значение имели: забитость и разобщенность казахских шаруа, изолированность от внешнего мира и узость их интересов, в том числе и экономических, господство патриархальщины в бытовых и семейных отношениях и отсутствие просвещения, образованных людей, способных нести передовые идеи в массы.

Скотоводческие хозяйства, раскинувшиеся отдельными островками на бескрайних степных просторах, устойчивый монотонный кочевой и пастушеский образ жизни не способствовали совершенствованию личности, ее интеллектуальному развитию. Наоборот, член аульного коллектива больше был склонен к тому, чтобы оставаться простым придатком природы. Аульная община, обычаи и установления предков, языческие представления, смешанные с догмами ислама, притупляли сознание родовых масс, делая их более покорными «судьбе» и терпеливыми в условиях произвола и угнетения.

Но пережитки старины представляли значительную силу не во всех областях и звеньях общественных отношений. Например, они были более устойчивыми во внутривидовых, чем в межвидовых отношениях. Если эти патриархальные пережитки служили еще в той или иной мере укреплению связей между властями и подданными в пределах рода, то эту роль они мало играли во взаимоотношениях ханов, султанов, ходжей, с одной стороны, и мелкой знати и рода в целом – с другой стороны.

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр.41, 45.

² Венюков М. Россия и Восток. СПб., 1877, стр. 177.

³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии, т. 1. СПб., 1906, стр. 59.

Эти особенности имели существенное значение в объяснении противоречий и борьбы как между отдельными звеньями власти, так и между массой и носителями власти.

Патриархальщина нередко служила ширмой для прикрытия отношений господства и подчинения, выступавших иногда в кочевых коллективах в резко выраженных и грубых формах. Господствующие классы, в целях выгодной им идеологической обработки масс, вытаскивали из древней истории реликвии и наставления предков, проповедовали соблюдение различных семейных и общинных обрядов, призванных сохранить и утвердить «общность» интересов всех членов рода и его отделений, насаждали догмы ислама и выписывали проповедников-мулл из Татарии и Бухары, чтобы их молитвами заглушить голос народа. Развращая таким образом сознание народа, они отводили от себя удары и временами ловко использовали недовольство масс в своих групповых и кастовых интересах.

Пережитки старины давали о себе знать не только в бытовых, семейных и социальных отношениях. Они играли значительную роль и в политике, и в организации и деятельности органов власти и управления. Хотя усиление колониальной и огосударствленной «туземной администрации» ослабило силу старых, традиционных политических форм и институтов, однако не уничтожило их. И эти органы не могли не воспользоваться авторитетами привычных для общества учреждений, таких как «народное» собрание, советы знати, коллегия знатоков обычного права, а также обычаем решать важные вопросы и споры в широком кругу в местах сбора населения во время праздников («стой»), поминок («ас») и т. д.

В начале XIX века в казахских аулах еще были живы остатки патриархальных форм организации власти. Сиверс, побывавший в районе Тарбагатай, в ауле султана Сарымбета, так описывает обстановку: «С собственным тиоре (султаном) беднейший (в смысле подданный. – Авторы) из них мало церемонится; садится спокойно подле него, куря свою трубку».¹ Один из наблюдательных и образованных русских офицеров, оказавшийся в Казахстане в первой четверти XIX века, Г.Б. Броневский под свежим впечатлением писал, что рядовые кочевники осуждают «своих солтанов и биев, если это не согласуется с их выгодами и внутренними побуждениями».² На это же указывал и Назаров, побывавший в степи в 1813 – 1814 годах: «Кочующая жизнь избавляет их (т.е. казахов. – Авторы) от большой подчиненности».³

¹ Риттер К. Землеведение Азии, т. III. СПб., 1860, стр. 169.

² Броневский Г. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 170.

³ Назаров Ф. Заметки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб., 1821, стр. 6.

Не очень много изменилось в этом отношении и к середине XIX века. В. Григорьев, десятки лет непосредственно изучавший жизнь казахов, писал: «Нигде в мире и главы народа и аристократия по происхождению не имели так мало значения, так мало действительной силы, как ханы и султаны у киргизов».¹ Но это вовсе не отражало всей сути отношений господства и подчинения в ауле. Мы должны учитывать, что названные нами авторы судили о казахском обществе, исходя из представлений развитого феодального общества с централизованным управлением. Поэтому их тезис о слабости местной власти в Казахстане должен восприниматься относительно и в сравнительном плане.

Таким образом, некоторые особенности управления в казахском обществе вытекали из специфических условий его существования в целом. Заигрывание властей с массами, стремление порой волю власти облекать в форму веления старшего, «советывание» с народом – все это в первое время использовалось в интересах самой власти. Однако постепенно значение этих институтов все больше падало и, наоборот, крепла власть царских ставленников.

Изменения в положении народных масс, связанные с усилением влияния колониальных органов в обществе, а также с развитием и углублением внутренних социальных противоречий в кочевых и полукочевых коллективах, не могли определенным образом не отразиться на их умонастроениях и действиях.

В 20 – 60-е годы прошлого века в казахском обществе сложился целый комплекс новых противоречий, намного более острых и глубоких, чем прежде. Этот период был сравнительно насыщен разного рода волнениями и выступлениями, которые можно разделить на три группы:

1) волнения и выступления против власти ханов и султанов (до второй четверти XIX века), против царских ставленников – султанов и биев, доводивших народные массы своими злоупотреблениями и притеснениями до отчаяния. Борьба подобного рода имела значительный размах, порою выливалась в крупные выступления, как, например, восстание Исатая Тайманова во Внутренней орде против Джангирхана. Как правило, в этих выступлениях аульными и подродовыми коллективами предводительствовала «своя» мелкая и средняя знать;

2) волнения и выступления освободительного характера, направленные против колониальной политики и господства царизма в крае, против захватнических притязаний Хивинского и Кокандского ханств, постоянно совершавших нашествия на пограничные и глубинные казахские аулы и грабившие их;

3) конфликты и распри между родами, между крупными отделе-

¹ Григорьев В. Русская политика по отношению к Средней Азии. СПб., 1874, стр. 17.

ниями родов. Обида, нанесенная видному члену рода другим родом, стычки на почве заключения брачных актов или несоблюдения в последующем обычаев, борьба за первенство среди родов, проблемы распределения и пользования пастбищами и стойбищами и многие другие причины порождали вражду между более или менее крупными коллективами. Непременными атрибутами таких отношений являлись взаимные скрытые и открытые угоны скота, нападения с целью ограбления и отмщения, убийства. Такие отношения стойко держались в течение десятилетий и осложнялись новыми неурядицами. Середину XIX века можно назвать периодом особенного разгула межродовых конфликтов и распрей.

Что касается классовой борьбы внутри аулов и родовых коллективов, борьбы рядовых шаруа против «своих» мелких и средних феодалов, то она, в силу ряда факторов, была вообще слаба, а в условиях вспышек в значительных масштабах освободительной и межгрупповой борьбы еще более приглушалась. Классовая борьба в Казахстане не могла принять зрелых форм в результате того обстоятельства, что это была страна исключительно крестьянская, отсталая, страна, которая не имела своих ремесленных, культурных центров, своей интеллигенции, способной на обобщения, осознавшей необходимость просвещать народ и нести в массы передовые идеи. Односторонность и пассивность внешних связей, неподготовленность населения к восприятию имеющегося у других народов опыта классовой борьбы – все это предопределяло низкий уровень социальной борьбы в казахском обществе.

Выступления народных масс, которые, несмотря на то что росли с каждым годом, оставались примитивными, местными, эпизодическими, ограниченными по целям, рамками существующих отношений, а по социальной структуре – неоднородными, большей частью недифференцированными, потому они и не могли иметь серьезного успеха.

В хозяйственном укладе основной массы населения в первой половине XIX века каких-либо существенных изменений не произошло. При некотором росте земледелия кочевое скотоводство оставалось абсолютно доминирующей отраслью общественного производства. Известное оживление торговых связей Казахстана с соседями, в особенности с Россией, относительно активное проникновение товарно-денежных отношений в кочевые и полукочевые коллективы не нарушили старые формы связей в обществе и натуральный характер хозяйства.

Органы, проводившие колониальную политику, не были заинтересованы в изменении существующего хозяйственного уклада и кочевого быта местного населения. Тем более они не думали о каком-либо приобщении казахов к передовой культуре, к цивилизации. Наоборот, колониальные органы явно были заинтересованы в сохранении и консервации

старого во всем, что было им выгодно. Так, управляющий областью оренбургских казахов генерал-адъютант Сухтелен (1830 – 1832 гг.), по свидетельству его ближайших чиновников, в своей политике исходил из того, что «киргизы полезны для России только в виде кочевого народа, как потребители наших хлебных продуктов и мануфактурных изделий и производители кож и других сырых продуктов, поэтому правительство должно стараться удержать их в этом состоянии».¹ Этой установки придерживался и с большой настойчивостью проводил ее в жизнь и его преемник генерал Перовский (1833 – 1842 гг.).²

Объективное развитие общества не всегда следовало за намерениями колониальных властей. Под действием различных конкретных исторических условий хозяйственный уклад, образ жизни и мышления, нравы народа в некоторых отношениях постепенно видоизменялись. Характерно, что в 1854 году Оренбургской пограничной комиссии было сделано центральным правительством серьезное замечание за то, что она не смогла своевременно воспрепятствовать строительству за р. Уралом примитивных землянок казахами, жившими раньше в юртах.³ Даже в этом безобидном явлении царское правительство усмотрело вред для колониальных интересов. Подобными мерами царизм хотел задержать и так довольно мучительное развитие казахского общества, хотел увековечить в нем отсталость, патриархальщину и дикость.

Если методы осуществления колониальной политики и преследуемые при этом царским правительством цели были реакционными, если союз аристократической верхушки казахского общества с колониальной администрацией имел антинародную направленность, то совершенно иное значение приобретало само присоединение Казахстана к России, развитие тесных связей между русским и казахским народами в экономической, культурной и политической областях.

К середине XIX века в степи нередко можно было встретить не только русского чиновника и казачьего офицера, но и русского крестьянина, порою, кое-где, и русского учителя, обучающего казахских детей. Наряду с ташкентскими и казанскими торговцами, проникавшими в отдаленные казахские аулы, можно было видеть там и приказчиков, и агентов русских купцов. Разумеется, среди них немало было людей, ищущих наживы и корыстолюбивых.

Но были и представители трудового русского народа, были ин-

¹ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 47.

² Такой же взгляд был характерен и для органов, ведавших делами сибирских казахов. Так, один из руководителей этой области генерал-лейтенант Гасфорд в 1852 году писал военному министру о казахах, что «в таком только быту они могут быть для нас полезными и невредными».

³ *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 163-164.

теллигенты-гуманисты и лица, сочувствующие казахскому народу и искренне желающие ему благополучия.

Примечательным было и то, что среди некоторой части казахского общества зародилось определенное, хотя еще довольно робкое культурное течение – казахи хотели знать русскую грамоту, обучать своих детей в русской школе, держать воспитателей из русских или знакомых с русской культурой, отвести детей русскому «тамыру» на воспитание и т. д. Этому новому веянию в основном была подвержена верхушка казахского общества, связанная с царским правительством и служившая ему в степи. При всем том оно имело впоследствии весьма положительное значение. Дети казахов, окончившие Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге, Сибирский кадетский корпус в Омске, казачьи полковые школы в пограничных районах, крестьянские школы в местах смешанного расселения, которых было еще немного, под влиянием воспитания стали вносить свежую струю в жизнь своих аулов и родичей. Весть о них разносилась далеко за пределы кочевий родителей.

Определенное значение в поступательном развитии казахского общества имела промышленная разработка полезных ископаемых на территории Казахстана и в прилегающих районах Сибири и Урала. Правда, объем этой работы также был незначителен. На этих во многом примитивных предприятиях труд рабочих эксплуатировался хищнически: рабочие, в особенности казахи, массами погибали от антисанитарии, эпидемий и недоедания. Но пребывание здесь вчерашних казахских шаруа имело большое значение для пробуждения их сознания. Они постепенно начали понимать, что и русские трудовые люди имеют своих угнетателей и что не все русские такие, какими бывают царские сатрапы в колониальном управлении в степи. Казахи перенимали бытовой режим, положительные штрихи поведения русских рабочих, заводили с ними настоящую дружбу. По возвращении в свои аулы после окончания сезона работы побывавшие на предприятиях казахи вели себя по-новому, их взгляды на жизнь изменились.

Колониальная администрация и местная знать, следуя своей эксплуататорской политике, сеяли среди трудящихся масс семена раздора и взаимного недоверия. Это была глубоко враждебная народу политика. В поисках путей сопротивления реакции и деспотизму наиболее передовые люди казахского общества доходили до понимания необходимости совместного выступления с русским народом против царя и феодалов и того, что освобождение казахскому обществу придет через борьбу русского народа. Такого взгляда придерживался славный сын казахского народа Чокан Валиханов.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ Ч. ВАЛИХАНОВА КАК ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

1. Годы учебы

Чокан Чингисович Валиханов родился в 1835 году в зажиточной и влиятельной в степи семье. До 12 лет он воспитывался дома и учился в частной мусульманской школе.

Чокан весьма рано проявил свои способности и обратил на себя внимание родственников и некоторых русских чиновников, посещавших аул его отца. По воспоминаниям его брата Кокыша, он в пять лет научился писать и читать. Еще будучи мальчиком стал помогать отцу, занимавшему в то время высокий пост в «туземной» администрации, вести делопроизводство на татарском языке.¹ Как сообщает А.Х. Маргулан, Чокан еще до поступления в Омский кадетский корпус «читал на чагатайском языке памятники средневековой литературы, упражнялся в разговорной арабской и персидской речи, декламации стихов восточных поэтов».² Он с детства любил фольклор. Ему нравилось записывать песни и сказания, широко распространенные среди казахского населения. По словам самого Чокана Валиханова, в шесть лет он впервые услышал известную поэму «Едиге», а в семь лет обработал три ее варианта.³

Все новое и занимательное быстро увлекало мальчика. Замысловатые линейные и объемные рисунки топографов и геодезистов, останавливавшихся в крепости Кушмурун, где родился и жил Чокан, представлялись ему загадочно интересными. Он увлекся ими и при содействии этих русских специалистов научился рисовать карандашом настолько, что мог легко воспроизводить основные портретные штрихи людей.

Биографы Чокана Валиханова отмечают своеобразные черты в его природном характере и поведении, которыми он также выделялся среди своих сверстников. Он любил мыслить и действовать по-своему, самостоятельно. Порою убедить его в чем-то, с чем он не был согласен, стоило родителям и близким много труда. Причем

¹ *Муканов С.* Жаркын жулдыздар. Алматы, 1964, 37 бет.

² *Маргулан А.Х.* Жизнь и деятельность Чокана Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 20.

³ *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. СПб., 1904, стр. 223, 225.

«я» Чокана не было голым самовоображением. Он был не по возрасту серьезным, у него рано появились свои собственные взгляды на то, что «хорошо» и что «плохо». В то время, в особенности в такой аристократической и династической семье, в какой жил Чокан Валиханов, старые традиции держались прочно. Слова властного главы семьи, каким был отец Чокана, как правило, не встречали возражения в семье, тем более со стороны детей, не достигших совершеннолетия. Чокан рос не всегда послушным мальчиком. Бывали случаи, когда он возражал отцу, уклонялся от выполнения его указаний. Эта черта в характере Чокана Валиханова резко проявилась в последующие годы, и в конце концов он был вынужден надолго оставить отцовский дом, хотя и питал нежную любовь к родителям и близким всю жизнь.

В то же время Чокан был ласковым и весьма общительным. Он любил общество взрослых и мог слушать их разговоры часами. Его присутствие забавляло старших. Он не отставал от русских геодезистов и топографов, когда увлекался рисованием, и пользовался их теплым расположением. Он не отходил от сказителей и певцов, когда они появлялись. Он увлеченно слушал русских чиновников, останавливавшихся в их доме, которые сообщали различные новости, происходившие за пределами аула. Чокану были чужды робость, стеснительность, пугливость, замкнутость. Он рос сдержанным, но в то же время активным, располагающим к себе, общительным.

Домашнее воспитание юного Чокана в тех условиях было поставлено по-своему великолепно, его отец и ближайшие родные были образованными людьми с относительно широким кругозором и интересами. Они надеялись, что Чокан со временем сделает значительную карьеру и будет достойным продолжателем дела и свершений рода. С ранних лет его готовили к этому.

Среди людей, окружавших в своем ауле юного Чокана и занимавшихся его воспитанием, следует выделить отца, бабушку Айганым и Мусу Чорманова – дядю по матери.

Отец Чокана – Чингис Валиханов имел русское образование, что было редким в те времена. Он окончил училище Сибирского линейного казачьего войска. Значительную часть своей сознательной жизни Чингис Валиханов усердно служил царизму. В 23 года он был избран старшим султаном вновь созданного Аманкарагайского округа.¹

Эту должность он занимал в течение десяти лет, затем стал советником пограничного управления сибирских казахов (1854 – 1857) и

¹ Этот округ был создан 30 августа 1834 г. Первым старшим султаном в нем был Чингис Валиханов. (Госархив Омской области, ф. 3, оп. 1, д. 1470, лл. 1-2).

старшим султаном Кокчетавского округа (1857 – 1866).¹ Первый офицерский чин русской армии он получил в 1838 году, а в 1855 году был возведен в ранг полковника. Его служба неоднократно отмечалась наградами. Чингис Валиханов был кавалером орденов святого Станислава 2-й степени и святой Анны 2-й степени, он был награжден также золотой медалью на Александровской ленте и золотым перстнем с бриллиантами.²

Весной 1855 года он возглавил депутацию от казахов Среднего жуза к царскому двору в Петербург. 23 марта 1855 года все члены депутации были представлены императору Николаю I.³ Чингис Валиханов был произведен в достоинство дворянина Российской империи.⁴ Впоследствии, в 1868 году, военный губернатор области сибирских казахов характеризовал его как «вполне заслуживающего внимания правительства» и ходатайствовал о присвоении ему звания генерал-майора по армейской кавалерии.⁵

Человек традиций, придерживающийся местных нравов, в то же время видный чиновник, которому были известны все зигзаги колониального управления казахской степью, видевший перспективу развития личности в царской службе, таков был отец Чокана. Отец сделал немало для того, чтобы Чокан изучил «язык семи народов», в том числе ряд классических восточных языков. Особенно он хотел, чтобы сын освоил русскую грамоту и речь.

Отец Чокана был большим любителем народного фольклора, истории и музыки. В его ауле временами собирались даровитые личности – певцы, сказители, ораторы, знатоки устной народной истории и музыканты. Юный Чокан восхищался талантом этих людей, их проникновенным, западающим в душу искусством.

Как правильно отмечает А.Х. Маргулан, «значительное влияние на духовный рост маленького Чокана оказала его бабушка Айганым».⁶ По-восточному грамотная, обладавшая ясным умом и мужской волей, она была активной личностью, вмешивалась в политические дела и упорно отстаивала семейные привилегии после смерти мужа. В период реорганизации управления в казахской степи в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» она была одолеваема заботой о том, чтобы сохранить власть своих братьев и сыновей в тех родовых объединениях, которые раньше признавали

¹ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 3, л. 4453, л. 7; л. 4447, л. 13.

² Там же, ф. 3, оп. 6, д. 7976, лл. 5-6, 24.

³ ЦГИАЛ, ф. 472, оп. 143/980, д. 3, лл. 42-43.

⁴ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 4, д. 5406, л. 103.

⁵ Там же, ф. 3, оп. 6, д. 7976, л. 2.

⁶ *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений, т. I, стр. 24.

власть ее мужа – хана Вали. Когда многие старые местные правители все еще раздумывали относительно принятия нового устройства, введенного уставом 1822 года, ханша Айганым с некоторыми своими ближними султанами 25 февраля 1824 года обратилась к царским властям в Омске с просьбой «о скорейшем введении у них в степи порядка и устройства».¹ Этот ее шаг был расценен сибирским начальством весьма положительно.

Стремясь сохранить старые земельные привилегии, ханша Айганым просила сибирское начальство отвести подвластным ей двум родовым объединениям (кудайберды-агаевскому и уак-киреевскому) земельные участки и закрепить их за ней. Она также просила построить за счет государственной казны специально для нее дом, мечеть со школой, баню и двор с сараем. В уважение того, что она с рядом братьев и старших детей хана Вали, со своими сыновьями, имевшими влияние в обществе, придерживалась прорусской ориентации и отказалась удерживать феодально-монархические вспышки, направленные против интересов России, указом правительствующего сената от 30 апреля 1824 года ей была отведена земля «у камня и урочища Сырымбета по реке Ишиму до редута Новоникольского, на сибирской линии состоящего, и по реке Бурлуку за камень Сырымбет в лесах» и разрешено построить дом с мечетью стоимостью в 5 тысяч рублей.² Этот дом в урочище Сырымбет (заново перестроен в 1832 г.), куда она вошла в 1825 году со своими детьми и родственниками, стал впоследствии фамильной усадьбой Валихановых.

Ханша Айганым, которая принимала деятельное участие в воспитании Чокана, была энергичной, властной натурой. Во многих прошениях, исходивших от местных именитых лиц, ее подпись значилась в числе первых. Она выразила в свое время открытый протест Омскому областному правлению за избрание в некоторых волостях правителями не султанов (не по ханской линии), а выходцев из казахских родов. Увидев, что ее желание в этой части не может быть удовлетворено, она стала домогаться поездки в Петербург на личную аудиенцию к царю. Она писала губернатору Западной Сибири в письме от 21 мая 1828 года, что «не желает, чтобы волости были в зависимости киргизов, происходящих от простого племени».³

Ханша Айганым пользовалась печатью хана Вали, не передавая ее кому-либо из старших своих сыновей, как это было принято.

Маленький Чокан питал особую привязанность к дяде по матери – Мусе Чорманову. Здесь, по-видимому, существенное значение имело,

¹ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 1, д. 299, лл. 222, 425.

² Там же, д. 422, л. 4.

³ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 1, д. 422, лл. 28-29.

во-первых, то, что у казахов братья матерей («нагашы») пользовались большим уважением в семьях своих сестер, особенно среди племянников («жиен»). Во-вторых, Муса Чорманов был незаурядной личностью, крупным знатоком родословия казахов, фольклора и адата. В-третьих, он много времени уделял Чокану и был к нему по-родственному неравнодушен.

Муса Чорманов – сын известного бия Чормана Кучукова, занимал должности волостного правителя (1833 – 1841), заседателя от казахов Баян-Аульского окружного приказа (1841 – 1854) и старшего султана Баян-Аульского округа (1854 – 1868). Это был влиятельный человек с трезвыми суждениями. Имел чин полковника. За различные заслуги перед правительством Муса был награжден медалью и орденом. В составе депутации от казахов Среднего жуза два раза был в Петербурге и присутствовал при коронации Александра II.¹

Муса, как и Чингис, вел полуоседлый образ жизни, наряду со скотоводством занимался земледелием. Муса был сторонником переселения безземельных русских крестьян в казахские степи.² «В течение не менее полувека Омская администрация пользовалась советами и влиянием на степное население этих трех лиц – султана Чингиса, его сына Чокана и его свояка Мусы Чорманова», – писал Потанин.³

Порою он выражал недовольство отдельными сторонами политики царского правительства в Казахстане. В 1865 году в беседе с членами Степной комиссии Муса Чорманов заявил: «Хуже настоящего нам не будет»,⁴ имея в виду усиление влияния колониальных властей в местных органах и заметное ослабление позиций местной знати. Одно время Муса предлагал сибирскому начальству обязать старших султанов, биев и старшин отдавать своих детей в русские учебные заведения – в кадетские корпуса, гимназии и университеты с правом поступления по их окончании на гражданскую службу. Он рекомендовал в административном порядке изменить «ненужные и бесполезные» обычаи кочевого народа.

После реформы 1867 – 1868 гг. Муса предлагал властям, в целях пресечения подкупа и групповой борьбы, принимавших широкие размеры, заменить выборы должностных лиц из казахов жеребьевкой.

Казачий офицер И. Катанов писал в 1875 году из Омска Г.Н. Потанину: «Степь делается дойной коровой, которую сосут всякие про-

¹ «Акмолинские ведомости», 1885, №39.

² Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912, стр. 313-328.

³ «Русское богатство», 1896, №8, стр. 78.

⁴ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 325.

ходимцы... По-видимому, корова эта хочет брыкаться и ждет только удобного случая... У Мусы, по-видимому, бродят какие-то замыслы относительно будущего управления степью, в нынешнем году было уже несколько заявлений о зачислении в гимназию киргизят. Это предполагаемый противовес грабежу русских уездных начальников».¹ Подобные поступки М. Чорманова не нравились представителям колониальных властей, которые стали видеть в нем беспокойного и недостаточно благонадежного человека.²

По всему видно, что Муса Чорманов не был пассивной, покорной натурой. Его интересы не замыкались в узком кругу чиновничьих обязанностей. По-своему он оценивал политику, проводимую царским правительством в Казахстане. Обладал смелостью иногда говорить в глаза ответственным чиновникам об отдельных недостатках управления степью. Однако его требования в основном не выходили за рамки дозволенного, хотя не всегда были приятными для областных начальников. Все же с ним, имея в виду его влияние и вес среди местного населения, не могли не считаться в правительственных учреждениях.

Чокан поддерживал с ним теплые отношения во время учебы в кадетском корпусе и службы в Сибирском управлении, писал ему письма из Петербурга и пользовался его материальной поддержкой. В трудные дни, когда осложнились его отношения с отцом, Чокан искал совета и содействия у дяди.³

Мать Чокана также была незаурядной женщиной, умелой и властной хозяйкой. Она, как и многие другие выходцы из казахской аристократии, более или менее строго придерживалась старых обычаев и порядков в быту и во взаимоотношениях в семье.

Дом родителей Чокана имел значительные связи с внешним миром. И нить управления степью тянулась сюда. Не только многочисленные дальние и близкие родственники, но и многие влиятельные в родовых объединениях люди приезжали в этот дом – одни за советом, другие с предложениями и претензиями, а третьи просто поговорить, погостить, узнать новости и поклониться. Часто посещали этот дом и различные проезжие русские чиновники.

В доме родителей Чокана много говорили в этот период о делах династии Валихановых и Аблайхановых, о борьбе за власть, разгоревшей-

¹ НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, л. 183.

² Госархив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 5, л. 57.

³ Забегая вперед, заметим, что ранняя смерть Чокана вдали от родного аула была большим горем и для любившего его Мусы Чорманова. Н. Ядринцев сообщает, что спустя много лет два старика, один из них Муса Чорманов, явились в Омск с просьбой соорудить памятник на могиле Чокана Валиханова. «Беседуя со стариками и вспоминая Чокана, мы были свидетелями, – пишет Н. Ядринцев, – как у этих седых представителей киргизской степи полились слезы» (Ч.Ч. Валиханов. Сочинения, стр. 39).

ся среди родственных фамилий, об обидах, нанесенных друг другу, о недовольствах одной части султанов политикой царизма в Казахстане и о поддержке ее другой частью. Для впечатлительного мальчика многое из того, что он слышал, не могло пройти бесследно. Первые искорки размышлений, пусть даже наивных, появились у него именно в эти годы.

В 12 лет Чокана отдали в Омский кадетский корпус, в стенах которого он рос и достиг совершеннолетия. Пребывание в этом учебном заведении имело существенное значение в формировании Чокана как общественно-политического деятеля. Самыми важными чертами внутренней жизни кадетского корпуса в годы обучения в нем Чокана, отличавшими его от многих военных учебных заведений в России, пожалуй, были: а) известное вольнодумство и буржуазный демократизм ряда ведущих преподавателей; б) многие кадеты являлись выходцами из казачьей среды, питавшей недовольство сословной и земельной политикой царского правительства; в) само расположение этого учебного заведения в Западной Сибири, превращенной правительством в обширный район ссылки и поселения «политических преступников» и всяких других нежелательных в метрополии элементов, не могло не иметь определенного влияния на жизнь в корпусе.

В момент поступления Чокана Валиханова в кадетский корпус здесь происходили значительные перемены в постановке преподавания учебных дисциплин, обновление преподавательского состава, улучшение быта кадетов и их воспитания. Эти перемены, намного повысившие значение этого учебного заведения, были связаны: во-первых, с преобразованием в 1846 году «училища Сибирского линейного казачьего войска» в кадетский корпус¹ со всеми вытекающими отсюда последствиями; во-вторых, с приходом к руководству корпусом энергичных и образованных людей, сумевших привлечь к преподаванию подготовленных учителей.

Омское казачье училище до 1846 года оставалось захолустным учебным заведением. В нем, за отдельными исключениями, не было образованных и постоянных преподавателей. Отдельные студенты университетов, по тем или иным причинам оказавшиеся в Сибири, в роли учителей в училище задерживались недолго. Да многие из них попадали туда случайно и не были подготовлены для педагогической работы.² В низших классах учителями состояли одни урядники с ограниченными познаниями и кругозором.

Основным методом учебы было механическое заучивание положений и цитат из различных посредственных учебных пособий. Поскольку та-

¹ По времени учреждения Сибирский кадетский корпус был шестым по стране и первым в Сибири. По трехклассной классификации он относился ко второй группе. («Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса». Омск, 1913, стр. 9).

² «Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса». Омск, 1884, стр. 46.

кие пособия были только у преподавателей, учащиеся тратили значительное время на переписывание из них целых страниц. Основой развития «внутреннего сознания долга» и источником формирования «понятий и чувств» воспитанников считались в училище «Начатки христианского учения», «Пространный катехизис» и «Сто четыре священных истории», догмами из которых занимали внимание учащихся в классах, во время молитвенных часов, постных дней и посещений церковной службы.¹ Все это происходило в условиях строжайшего соблюдения «дисциплины и субординации», разгула грубости со стороны офицеров, а в особенности урядников. Провинившихся публично пороли, прогоняя сквозь строй под ударами плетей и палок. Вот почему это училище негласно называлось «казачьей бурсой».

С преобразованием училища в кадетский корпус многое изменилось к лучшему. Самое важное – были приглашены из Петербурга и других городов образованные молодые офицеры, воспитатели и преподаватели, увлеченные не только своими узкими специальностями. Из прежних учителей в корпусе были оставлены только наиболее опытные и способные, такие как Н.Ф. Костылецкий и Т. Гонсевский. Урядники во всех классах заменялись офицерами. Обновилась программа обучения кадетов, она приобрела более научный характер. В лекциях дух творчества стал вытеснять долбление «от сих до сих». По отношению к кадетам поощрялась вежливость, с ними стали обращаться на «вы». Намного улучшился быт и обслуживание кадетов.

Кадетский корпус был призван «приготавливать своих воспитанников для службы офицерами в линейных батальонах и в казачьих войсках Отдельного сибирского корпуса».² В него могли поступать как дети казачьих и пехотных офицеров, так и дети чиновников из дворян в Сибири. По рекомендации генерал-губернатора Западной Сибири в нем могли обучаться дети казахских султанов и лиц, имеющих военные и гражданские чины.³

Учебным планом, принятым в корпусе в период обучения Чокана Валиханова, предусматривалось изучение следующих дисциплин: математики и геодезии; «строительного искусства с главными началами архитектуры»; естественной истории; оснований физики и химии; русской и всеобщей истории; русской и всеобщей географии; русского языка; французского или немецкого языка – для детей линейных офицеров и гражданских чиновников из дворян; татарского языка – для

¹ Там же, стр. 50-51.

² «Полное собрание законов Российской империи», т. XX, №416.

³ За первые 20 лет существования, с 1846 по 1865 год, корпус окончили только три казаха: Чокан Валиханов, Султан Булатов и Айтубаров. («Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса». М., 1915, стр. 390-395).

воспитанников из казачьего сословия и казахов; закона божьего; оснований артиллерии; полевой фортификации; начальной тактики, военного судопроизводства и правил делопроизводства; чистописания, рисования и черчения. Кадетов обучали также гимнастике, плаванию, танцам, фехтованию и верховой езде. Занятия по строевой и стрелковой подготовке, топографии и саперному делу в основном проводились в период лагерных выездов. Обучение в корпусе было семилетним. На последнем курсе изучались специальные военные науки, от которых дети казахов освобождались.

Сибирский кадетский корпус по постановке преподавания и качественному составу учителей, офицеров воспитателей, по тем знаниям, которые он давал своим воспитанникам, и по успехам кадетов вскоре стал лучшим в тех условиях учебным заведением в Сибири.

«Новый дух в заведении», как указывает Г. Потанин, внес инспектор классов, молодой артиллерийский капитан Ждан-Пушкин. С его прибытием в начале 1847 года «в корпусе заметно усиливается деятельность как по учебной, так и по воспитательной части».¹ Он оказался хорошим организатором. Вместе с тем он был высокообразованной личностью: знал немецкий, французский и английский языки, любил европейскую литературу, мог читать лекции по истории и вести курс алгебры, геометрии и артиллерии не менее интересно, чем преподаватели-специалисты. По характеру он был сдержан и благороден, любил свое отечество и военную службу и вскоре завоевал симпатии воспитанников.²

По своим убеждениям Ждан-Пушкин вряд ли был последовательным монархистом. Его преданность престолу не была сухой и односторонней. Она смягчалась влиянием либеральной и радикальной общественной мысли в России. Ждан-Пушкин с симпатией относился к некоторым русским революционерам и их судьбе,³ постоянно выписывал и читал петербургские передовые журналы. Он хотел в рамках царского режима придерживаться принципов гуманности и добра. И следуя этим своим убеждениям, он не стеснял мысли и работу других преподавателей, терпеливо относился к некоторым вольностям в их лекциях. Ждан-Пушкин сыграл важную роль в интеллектуальном воспитании молодых кадетов. Г. Потанин, обучавшийся тогда в корпусе, писал позже, что Ждан-Пушкину «были мы, конечно, обязаны своим воспитанием».⁴

¹ «Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса», стр. 63.

² «Записки Русского географического общества» (ЗРГО), 1904, т. 29, стр. 6 – 7.

³ Есть сведения, что революционер Дуров и Достоевский тайно переписывались с Ждан-Пушкиным из Омской тюрьмы (С. Марков. В Омском эскадроне. «Казахстанская правда», 1961, 9 января).

⁴ Потанин Г.Н. Встреча с С.Ф. Дуровым. Литсборник «На славном посту». СПб., 1900, стр. 256.

Однажды, в часы самостоятельной подготовки по математике (преподавание которой было поставлено вначале неважно), Ждан-Пушкин застал Ч. Валиханова за другим делом. На вопрос: «Валиханов, почему вы не занимаетесь?» – Чокан смело ответил: «Если я не усвоил этот предмет за год, то что даст мне час подготовки?» «Идите за мной!» – скомандовал Ждан-Пушкин. «Высекут», – беспокоились кадеты. Но вместо наказания Ждан-Пушкин посадил Валиханова за стол и предложил почитать «Современник» – журнал, который считался в то время самым радикальным. Нельзя в связи с этим не предположить, что старший офицер-воспитатель был осведомлен об увлечениях Чокана демократической литературой.¹

К числу других способных педагогов, живо интересовавшихся современными им событиями и идеями, следует отнести в первую очередь Костылецкого и Гонсевского.

Николай Федорович Костылецкий (1818 – 1867), выпускник восточного факультета Казанского университета, преподавал в кадетском корпусе русскую словесность, временами и татарский язык.

Он хорошо владел восточными языками – арабским, персидским, тюркскими, был в курсе русской литературной жизни. Сохранившиеся о нем отдельные сведения характеризуют его смелым в высказываниях своих мыслей и весьма остроумным. Как вспоминает один из бывших кадетов, «его ядовитые заметки и вставки, рассыпанные среди учебных занятий, сливались в нашей памяти в непрерывный протест против глупости, пошлости, ложного мишурного блеска, против бездарности, пользующейся незаслуженной почестью и т. д.». Он «сатанински издевался над омскими генералами и подрывал в нас к ним всякое уважение».²

Костылецкий был тайным почитателем Белинского. Он был увлечен идеями Белинского настолько, что свои записи по истории русской литературы, о творчестве Гоголя, Пушкина и Лермонтова, которые раздавал кадетам и по которым последние должны были сдавать годовые экзамены, составлял в основном по критическим статьям Белинского. Это однажды стало известно ревизовавшему корпус генералу, который не замедлил сделать ему упрек.³

Очень интересные страницы об убеждениях Костылецкого приведены в работе А.Х. Маргулана, впервые использовавшего неопубликованные о нем материалы. «Костылецкий оставался до конца жизни стойким борцом против крепостничества, верил, что придет час сво-

¹ *Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове. ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XVIII.

² *Потанин Г.Н.* Встреча с С.Ф. Дуровым, стр. 258.

³ «Сибирская жизнь» (Томск), 1913, №87; ЗРГО, 1904, т. 29.

боды. Это был человек кристальной чистоты, всегда смело стоявший за правду. Он с убийственным сарказмом говорил о крепостнических порядках в России, о несправедливости и косности, с которой надо бороться... Впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Н.Ф. Костылецкий был уволен из кадетского корпуса и умер в большой нужде».¹

Н.Ф. Костылецкий больше всех других преподавателей был близок к кадетам, «имел наиболее сильное влияние на своих учеников».² Он, как правило, не уходил после лекции из аудитории, оставался проводить практические занятия с учениками или занимал их увлекательными рассказами и уроками по восточным языкам, пристально наблюдал за склонностями и ростом каждого из них. Он шутил с кадетами, присваивал некоторым смешные клички. Разумеется, Чокан Валиханов был в числе первых учеников, обративших его внимание. Костылецкий видел в этом сухощавом, рослом юноше недюжинный талант. Он был одним из тех ведущих деятелей кадетского корпуса, которые заговорили о большой будущности Чокана Валиханова и стали готовить его к деятельности ученого-путешественника и разведчика. За год до окончания корпуса Костылецкий лично рекомендовал его известному профессору-ориенталисту И.Н. Березину, высоко оценивая его познания. Чокан Валиханов по заданию профессора работает над расшифровкой некоторых восточных рукописей, в том числе отдельных выражений и слов в «Ярлыке Токтамыша».

К числу способных и влиятельных преподавателей в кадетском корпусе следует отнести также Гилярия Васильевича Гонсевского, поляка по национальности, в свое время принимавшего участие в студенческих движениях и высланного за это в восточные провинции России.³ Гонсевский, бывший студент Казанского университета, был самым начитанным среди педагогов. Он вел историю, хорошо ее знал и умело излагал. С особенным подъемом он говорил о Великой французской революции и ее деятелях, выставляя «ее культурные заслуги для европейского общества».

По программе кадетских корпусов изучение истории доводилось до 1815 года, то есть до конца Отечественной войны 1812 года. Однако Гонсевский в своих лекциях захватывал и «запретную зону» истории и доводил ее до 1830 года, что было, безусловно, смело. Движение декабристов было еще свежо в памяти, многие его видные участники продолжали отбывать наказание в Сибири. О них запрещалось го-

¹ Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова, стр. 37.

² Адрианов. К столетию казачьего училища. «Сибирская жизнь», 1913, №87.

³ Госархив Омской области, ф. 19, оп. 1, л. 875, л. 36.

ворить, тем более в учебных заведениях. Гонсевский же охватывал в своих лекциях и этот «крамольный» период в истории России.

Чокан питал привязанность к Гонсевскому и часто бывал у него на квартире. Это знакомство имело немаловажное значение для идейного развития Чокана. «Беседы с Гонсевским познакомили его с политическими взглядами уже тогда, – писал Г.Н. Потанин, – когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была замкнутая еще книга».¹

Несколько позже Костылецкого и Гонсевского начал свою педагогическую работу в кадетском корпусе В.П. Лободовский, ученик и последователь Н.Г. Чернышевского. Его появление в Омске и в кадетском корпусе привнесло сюда свежую струю демократических идей столицы. Прекрасный знаток русской и европейской литературы, замечательный оратор В.П. Лободовский быстро выдвигается в ряды авторитетных и уважаемых кадетами учителей. В одном из материалов, подготовленных руководством Омской военной гимназии (бывший Сибирский кадетский корпус) для печати, когда Лободовского давно уже не было в живых, о нем было сказано: «Преподаватель русского языка и словесности оставил о себе память человека, глубоко преданного служебному долгу, строгого и требовательного преподавателя. Любя свой предмет и веря, что художественные произведения наших писателей – великая сила при воспитании юношества, он широко знакомил с образцами классической русской и иностранной литературы. Будучи при этом прекрасным декламатором и отличаясь талантом ораторского искусства, он производил глубокое впечатление на учеников».²

Последние годы жизни этого замечательного человека были нерадостными. Арест Н.Г. Чернышевского и заточение многих друзей, реакция в политике и во всей внутренней жизни России после шестидесятых годов, бесконечные придирки грубых и никчемных чиновников, охранявших царский режим, со временем породили уныние и замкнутость у Василия Петровича Лободовского. Он стал нелюдим, избегал встреч даже с товарищами. Такова была судьба многих и многих русских мыслящих людей.

Костылецкий, Гонсевский, Лободовский и некоторые другие преподаватели кадетского корпуса были настоящими проводниками знаний и радикально-демократических идей, почерпнутых из трудов Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Эти идеи они воспитывали в своих учениках.

¹ Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове, стр. 9.

² «Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса», стр. 377.

В кадетском корпусе были и другие способные педагоги, влиявшие на формирование убеждений своих воспитанников. Даже учитель богословия А.И. Сулоцкий, окончивший Петербургскую духовную академию, скромный, набожный и ученый человек, старался не столько забивать головы кадетов различными мертвыми религиозными догмами, сколько воспитывать в них чувство долга, стремление служить во имя земных идеалов. Его лекции, насыщенные фактическим и иллюстративным материалом, взятым как из «священных книг», так и из обыденной жизни, из гражданской истории и из природы, были весьма интересны. Чокан старался не пропускать уроков Сулоцкого. Увлечение в последующем Ч. Валиханова историей христианства в определенной мере было связано с чтениями Сулоцкого.¹

В целом обстановка и условия для познания и интеллектуального развития кадетов в корпусе в этот период были благоприятными. «Не боясь солгать, – писал Г.Н. Потанин, – можно выразиться, что Сибирский кадетский корпус был в то время лучшим учебным заведением во всей Сибири. Даже Иркутская и Тобольская гимназии уступали ему в выборе хороших учителей, не говоря уже о Томской, в которой в это время все учителя были какие-то допотопные фигуры».²

Воспитанники Сибирского кадетского корпуса были разделены на две части – на роту и эскадрон. Рота считалась подразделением дворян, а эскадрон – казачьим. В роту зачислялись дети чиновников-дворян и офицеров регулярных войск, в эскадрон – дети казачьих офицеров, в основном выслужившихся из солдат, и дети казахских султанов, биев и старшин. Различие между этими двумя группами подчеркивалось во всем совершенно официально. Так, рота занимала лучшие казармы и лучше обслуживалась. К ней были определены офицеры, приглашенные из Петербурга и Москвы, а в эскадроне были оставлены старые казачьи офицеры. Все новое в организации учебного процесса и досуга кадетов, в их воспитании вначале вводилось в роте, а потом уже в эскадроне.

Воспитанники роты и эскадрона, несмотря на то что обучались в одном и том же заведении, по одной и той же программе, оказывались по окончании кадетского корпуса в различном положении. Казачий офицер мог служить только в своих территориальных казачьих частях – на окраинах империи. Возможность выхода в отставку до истечения 25-летнего срока службы для казачьих офицеров была почти исключена, жалованье они получали низкое – всего 72 рубля в год. Квартирные,

¹ Госархив Омской области, ф. 19, оп. 1, д. 144, лл. 14-15; *Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове, стр. 9.

² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 9-10.

фуражные, отопительные виды довольствия им не полагались. Закон о пенсиях на них не распространялся. Совершенно в другом положении находился выпускник роты – пехотный офицер. Он мог служить в линейных частях на всей территории страны, пользовался правом выхода по своему желанию в отставку, получал солидную пенсию по окончании службы. Сверх оклада ему выплачивались квартирные, фуражные и определенные суммы на другие бытовые расходы.

Открытое разделение кадетов на привилегированных, непривилегированных породило ненормальные отношения между этими группами. Кадеты из роты, как правило, вели себя заносчиво, считали себя более интеллигентными и начитанными, чем казачьи дети, смотрели на последних с некоторым пренебрежением. Многие молодые кадеты из сибирских казаков, среди которых были более сильны чувства дружбы и товарищества, таили обиду на свое положение, чувствовали себя приниженными. Если ротные считали «себя солью земли, то мы чувствовали, что мы плебеи», – писал один из воспитанников эскадрона.¹ Это вызывало настроение смутной неудовлетворенности, не очень лестные суждения о царе и его власти, отдельных сторонах правительственной политики в Сибири и т. д. Хотя молодые кадеты еще были далеки от серьезного размышления о происходящем и не всегда полностью сознавали значения того, о чем они говорили, тем не менее такая атмосфера не могла не оставлять определенного следа в сознании юношей.

Недовольство казачьих детей порою принимало серьезные формы, на которые не могли не обращать внимания некоторые ревностные защитники интересов царского престола. Так, кадеты эскадрона открыто, с юношеским задором говорили, преимущественно среди своих, что казаки в Сибири – те же крепостные, а если отличаются от них, то только тем, что они являются «крепостными государства», а не собственностью помещиков. Однажды кадет Бедрин, совершивший какой-то проступок, на угрозы генерала: «Будешь простым казаком, не дам тебе надеть на плечи эполеты» – стоя в строю, смело ответил: «Для меня эполеты – кандалы».

В этой шумной и дерзкой среде и жил Чокан Валиханов. Он не только не остался в стороне, а, наоборот, освоившись с условиями, впоследствии выдвинулся в число лидеров среди кадетов эскадрона. Г.Н. Потанин, вспоминая эти годы, с осторожностью указывал, что «жизнь в плебейской среде, вероятно, не осталась без влияния на образование демократических мыслей Чокана».²

¹ «Сибирская жизнь», 1913, №56.

² «Голос минувшего», 1913, №9, стр. 274; «Сибирская жизнь», 1913, 10 марта; Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове, стр. 10.

Чокан Валиханов развивался в кадетском корпусе настолько быстро, что, плохо говоривший по-русски при поступлении, он за короткий срок успешно преодолел языковой барьер и стал выделяться среди своих товарищей знаниями, обширностью интересов и находчивостью. Современник и друг Чокана Н.М. Ядринцев позже писал, что в школе Чокан «обнаружил значительное превосходство над своими русскими товарищами».¹ На это указывал и Г.Н. Потанин.

Обладая многими притягательными качествами, Чокан завоевывает симпатию не только товарищей, но и старших преподавателей и офицеров. С помощью и при содействии своих воспитателей он получает доступ в фундаментальную библиотеку города. Некоторые нужные ему книги, особенно по истории Туркестана и Востока, он доставал через преподавателей. Таких возможностей другие кадеты не имели. Наоборот, тем из них, которые проявляли интерес к подобной литературе, запрещали увлекаться «посторонним делом».

Другой привилегией Ч. Валиханова была предоставленная ему возможность посещать квартиры преподавателей и высокопоставленных чиновников. Образованная и увлекающаяся часть молодых и старших учителей и чиновников заинтересовалась Чоканом Валихановым. Во время дней отдыха и каникул они приглашали его к себе домой на обеды и официальные вечера. Чем больше они узнавали Чокана, тем больше он им нравился, и вскоре Чокан стал нужной личностью среди интеллигентной молодежи города. Первое время Чокан бывал у востоковеда Сотникова, потом у офицера генштаба Померанцева, Г. Гонсевского, а в последние годы учебы у К. Гутковского и Капустиных. Эти посещения оставили значительный след в развитии Чокана Валиханова.

Сотников, которого посещал Чокан Валиханов в первые годы пребывания в кадетском корпусе, окончил восточный факультет Казанского университета и состоял на службе в Сибирском управлении казахской степью. Он знал казахский язык, по делам службы бывал в ауле отца Чокана, писал статьи. По свидетельству Г.Н. Потанина, Сотников не был поддакивающим начальству чиновником, когда надо, отстаивал свои взгляды, боролся за них и на этой почве часто ссорился в управлении. Ко всему этому он был энергичным молодым человеком, любящим действовать. Бывали случаи, когда он, переодевшись в степного джигита, нападал на дороге на ненавистных ему высоких царских чиновников. В конце концов его осудили и сослали в Енисейскую губернию, где он бросился с борта парохода в реку и утонул.² Об учителе рисования Померанцеве, который заботился о Чокане после

¹ «Сибирский вестник», 1866, №3.

² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 13.

Сотникова и часто брал его к себе домой, а потом дружил с ним, известно только то, что он был молодым, веселым и скромным офицером генерального штаба и хорошо рисовал. Впоследствии он часто бывал вместе с Чоканом в доме Капустиных, участвовал в молодежных вечерах.

Пожалуй, самым значительным было близкое знакомство Чокана Валиханова с преподавателем Гонсевским. Как уже говорилось, Гонсевский сочувствовал декабристам, с особым подъемом излагал историю французской буржуазной революции. Кроме того, он сам был участником студенческих волнений. Современники и друзья Чокана Валиханова в один голос признают благотворное влияние Гонсевского на научное и идейное развитие и склад его мыслей.

Карл Казимирович Гутковский – поляк по национальности, занимал должности адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири, члена областного правления сибирских казахов, а в последние годы пребывания Ч. Валиханова в кадетском корпусе был председателем правления. Гутковский преподавал кадетам физику, артиллерию и тактику. Он имел энциклопедическое образование, считался поклонником Кювье, был организатором клуба «избранной омской интеллигенции», сочувствовал ссыльным революционерам, заводил связи с некоторыми из них.

Он с пониманием относился к положению казачьих офицеров, особенно тех, которые, получив образование, остро ощущали свое неравноправное состояние. Говорят, что однажды, защищая интересы молодых способных казачьих офицеров, он бросил упрек правительству: «Зачем лицам, лишенным свободы, оно дает просвещение? Это безжалостно».¹ Гутковский был одним из тех, кто в рамках колониальной политики желал добра местному населению, сокрушался при виде разительных недостатков управления степью. Будучи членом Степной комиссии 1865 г. он с сожалением говорил: «Я почти тридцать лет указывал властям на безобразные принципы, которыми управляются степи».² Гутковский основал в Омске приют для девушек-сирот.

Чокан Валиханов быстро вызвал к себе уважение в семье Гутковского. Со временем он стал здесь настолько близким, что Гутковские заботились о Чокане, как о родном сыне.³ Дружественную связь с Гутковским Чокан сохранил и после учебы в кадетском корпусе. Во время службы Ч. Валиханова в системе администрации Западно-Сибирского генерал-губернаторства К. Гутковский с большим интересом и внима-

¹ Потанин Г.Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, №26.

² Гейнс А.К. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 259.

³ Потанин Г.Н. Банзаров Д. Черная вера и др. статьи, стр. 27.

нием относился к различным предложениям Ч. Валиханова и поддерживал их, хотя это иногда вредило его престижу и служебной карьере. Уже после смерти Ч. Валиханова Гутковский проявил искреннюю заботу о его наследии и трудах.

Он убедил султана Тезека (шурина Ч. Валиханова) отдать ему все черновые бумаги Чокана, которые могли затеряться в степи. Часть этих бумаг Гутковский передал в свое время П.П. Семенову-Тян-Шанскому, а оставшаяся часть была передана его семьей профессору Н. Веселовскому, опубликовавшему произведения Чокана Валиханова в 1904 году в «Записках Русского географического общества».

Семья Капустиных, где собиралась передовая и образованная молодежь, была вторым родным домом Чокана в Омске после семьи Гутковских. О роли этой семьи в общественной жизни города, а также в развитии Ч. Валиханова более подробно будет сказано несколько позже. Здесь мы лишь укажем, что глава семьи, Яков Федорович Капустин, занимал должность советника главного управления Западной Сибири, его жена Екатерина Ивановна была родной сестрой знаменитого русского химика Д.И. Менделеева. По отзывам современников, она была необыкновенно приятной, общительной, культурной женщиной, выражавшей искреннее сочувствие ссыльным революционерам и принимавшей участие в облегчении их участи в Сибири. Забегая вперед, укажем, что в этой семье впоследствии Чокан встречался с революционером-петрашевцем Дуровым и другими политическими ссыльными.

Близкое общение с видными деятелями края оказало серьезное влияние на интеллектуальное развитие и на политическое образование молодого Чокана. Разговоры о большой политике, об управлении Сибирью и казахской степью, о политических ссыльных, прибывавших в этот период большими группами, и многие другие, которые велись часто в присутствии Чокана, все больше вводили его в курс жизни и событий. Некоторыми впечатлениями, полученными у Сотникова, Померанцева, Гонсевского, Гутковского, Капустиных и из книг, Ч. Валиханов делился с близкими своими друзьями, невольно становясь «окном в Европу» для своих друзей-кадетов,¹ которые узнавали от него много нового и интересного.

Во время летних каникул Ч. Валиханов, особенно когда он учился уже в старших классах, ездил к своим родным в степь. С каждым приездом рос его интерес к жизни и отношениям людей. Аулы богатых родных обслуживались многочисленной челядью, работниками. Ч. Валиханов часто бывал среди них, сочувственно относился к их

¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 14.

думам и стремлениям. Он много разъезжал, общался с родными и неродными, часто гостил в далеком ауле Чормановых.

В это время некоторая часть местной знати за участие в феодально-монархическом движении Кенесары Касымова находилась в опале. Она выражала сожаление об утраченной «свободе народа», о привилегиях и правах представителей «белой кости». Другая часть знати, всячески проявляя свою верность царизму, стремилась стать его надежной опорой в управлении Казахстаном. Такое расслоение было характерно и для родных Ч. Валиханова, живших разными мыслями и тревогами. Чокан хорошо видел положение в степи и воспринимал его критически.

В 1853 году Чокан Валиханов на год раньше своих сокурсников оканчивает Сибирский кадетский корпус, ему присваивается офицерское звание корнета армейской кавалерии.¹

Теперь следует поставить вопрос, с какими знаниями и подготовкой, с какими убеждениями завершил Чокан Валиханов курс в Сибирском кадетском корпусе. Ему было 12 лет, когда перед ним впервые открылись двери этого учебного заведения, и покинул его взрослым, 18-летним. Годы пребывания в кадетском корпусе были годами упорной учебы и возмужания в самом широком значении этого слова.

Чокан Валиханов окончил Сибирский кадетский корпус с уверенностью и сознанием того, что посвятит себя исследованию Востока. Он мечтал стать ученым-путешественником. Эта мечта увлекла его еще в детстве, до приезда в Омск. К этой миссии он сознательно готовился в годы учебы в кадетском корпусе. Это решение находило полную поддержку у самых ценных им авторитетов – учителей, и это еще больше его воодушевляло.

Когда Чокану Валиханову было всего 14 – 15 лет, т. е. уже на третьем году обучения в корпусе, «кадетское начальство начало на него смотреть, как на будущего исследователя и, может быть, ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии», – писал его товарищ и друг Г. Потанин.² Эта мечта с каждым днем становилась реальнее и сильнее. «К концу пребывания в корпусе Чокан начал серьезно готовиться к миссии, на которую ему указывали его покровители, читал путешествия по киргизской степи и Туркестану, изучал историю Востока...»³, – читаем мы в другой статье того же автора.

Чокан Валиханов поражал сверстников-кадетов своей страстью к путешествиям, желанием открывать тайны восточных народов.

¹ Дети казахов не проходили последнего специального курса, где изучались военные науки.

² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 17.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №17.

Видный деятель Колосов, в свое время обучавшийся вместе с Чоканом Валихановым в кадетском корпусе, вспоминал впоследствии, как однажды группа кадетов, в которой был и Чокан, стояла у ворот учебного здания. Перед молодыми людьми простиралась бескрайняя степь. Чокан жадными глазами впился в голубую даль, а потом, взглянув на свою ногу, сказал: «Бог знает, где эта нога очутится впоследствии». Как рассказывает Колосов, эта фраза Чокана крепко запомнилась ему, и он почувствовал, что «перед ним стоял необыкновенный человек».¹

Мы можем теперь сказать, что Чокан Валиханов как будущий ученый-путешественник формировался в стенах Сибирского кадетского корпуса. Это учебное заведение вправе было гордиться своим питомцем. В день столетия со дня основания корпуса, которое пышно отмечалось в 1913 году, в ряде приветствий юбиляру в числе выдающихся его воспитанников называлось имя Чокана Валиханова.²

Более сложным и в то же время весьма важным является уяснение того, с какими политическими взглядами окончил Чокан Валиханов кадетский корпус. Известно, что он живо интересовался литературным движением и общественно-политическими событиями в России. Ему были знакомы в некоторой степени новости Европы. Он немало наслышался различных вестей и толкований о злободневных вопросах современности в кругу кадетов, от преподавателей, молодых офицеров и образованных чиновников. Все это, разумеется, не прошло бесследно для Чокана Валиханова.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что мировоззрение юнши Чокана Валиханова во время его пребывания в кадетском корпусе формировалось под воздействием следующих условий.

1. Между кадетами существовало открытое социальное разделение. На одной стороне – дети дворян и приравненных к ним офицеров, пользовавшиеся особым покровительством, на другой – дети казачьего сословия, униженные этим неравноправием, без всяких привилегий и недовольные своим положением.

Получалось, что учебное заведение само различало среди своих воспитанников маленьких аристократов и демократическую массу. Такое отношение не могло не влиять на неокрепшее еще сознание казачьих детей. На этой почве у них постепенно зрело чувство протеста против социальной несправедливости. Именно в эту группу в качестве одного из ее лидеров входил в то время Чокан Валиханов.

¹ Там же.

² Это отмечалось в приветствиях Сибирского казачьего войска, Западно-Сибирского отделения Русского географического общества и Полоцкого кадетского корпуса.

2. Среди ведущих преподавателей были лица, которые сочувственно относились к демократическим и революционным движениям в России и на Западе, к деятельности Белинского, восторгались произведениями Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Лекции этих учителей увлеченно слушали кадеты, особенно дети казаков, среди которых был и Чокан Валиханов.

3. Почти все воспитатели и чиновники, которые так любовно и с интересом относились к Чокану Валиханову и вводили его в круг своих семей, были не только образованными людьми. Они, независимо от того, какое официальное положение занимали в обществе и какого взгляда в конечном счете придерживались, радовались прогрессу и с одобрением относились к подъему общественной мысли в России. Они были людьми нового поколения, усвоившими гуманные принципы XIX века и не стеснявшимися иногда критически оценивать отдельные стороны политики правительства.

В то время в Омске, если говорить в целом, свободомыслие было в большем почете, чем преданность престолу и царю. Это отдавалось эхом и в домах некоторых чиновников, на вечерах и собраниях молодежи, которые посещал Чокан Валиханов. Недовольство крестьян и казахов вливалось в кадетский корпус через их детей, с которыми Чокан делил свою участь и, можно сказать, даже сросся с ними.

Вот в каких условиях проходило интеллектуальное становление Чокана, его идейное развитие.

Для определения характера и степени идейной зрелости Чокана Валиханова большую ценность имеют работы Г. Потанина, опубликованные им в разное время. Это описания его встречи с Дуровым (1900), биографический очерк о Чокане Валиханове (1904) и воспоминания (1913). Г.Н. Потанин, как никто другой, близко и хорошо знал мечты и взгляды Чокана Валиханова. Он писал следующее:

«Чокан много читал в то время. Чтение развило в нем критические способности, применением которых он удивлял нас как в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась уже его специальностью» (стр. 17).

«...Мы вышли из корпуса с большим интересом к общественным делам. Еще на школьной скамье мы задумывались, как мы будем служить прогрессу. Любовь к прогрессу у нас включалась в любовь к родине... О прогрессе вообще мы могли думать не иначе как только так, что мы будем толкать Россию по пути прогресса» (стр. 257-258).

«Мы смотрели на себя, как на будущих борцов, и реформы могли быть встречены нами только рукоплесканиями. Мы даже сочувствовали революциям там, где общество не могло мирными средствами проложить путь к прогрессивным учреждениям...» (стр. 258).

Лекции преподавателя Гонсевского о французской революции 1789 года «сделали из нас республиканцев, Лафайет и Демулен стали нашими любимцами» (стр. 256). Другой учитель – Костылецкий «был очень хороший чтец и особенно славился у нас как превосходный чтец Гоголя. На казаков сильное действие произвел «Тарас Бульба»; мы увидели нечто общее между нами и героями Гоголя и почувствовали себя сродни тем республиканцам, которые избирали Кирдягу кошевым атаманом» («Сибирская жизнь», №56).

«Склад политических воззрений, с которыми я и мои сверстники вышли тогда из корпуса, можно бы назвать политическим двоеверием или политическим двоемыслием» (стр. 256).

Во время учебы в кадетском корпусе «наши мнения были одинаковы», – указывал Г. Потанин, имея в виду Чокана Валиханова.

Эти строки говорят о многом: о том, что Г. Потанин и Ч. Валиханов вышли из кадетского корпуса с явно наметившимся внутренним убеждением служить прогрессу и народу. В них клокотала страсть к демократическим преобразованиям. Но они еще были молоды и незрелы, не имели опыта, недостаточно были знакомы со сложной действительностью, потому и не представляли еще себе конкретных путей действий. В то же время они находились под влиянием общей господствующей идеологии – сознательного и бессознательного почитания особы государя. Действительно, они были двоеверами.

Г. Потанин, как нам кажется, очень правдоподобно обрисовал внутреннее содержание этого политического двоеверия. «Да, мы были политические двоеверы, – писал он в 1900 году, – может быть, вроде Карамзина, который говорил о себе, что он в душе республиканец, хотя в то же время искренне любит своего монарха, как верноподанный, или, может быть, вроде тех иркутян прошлого века, которые два раза, недовольные царскими воеводами, поднимали против них бунт, заковывали их в кандалы, садили в острог. На воеводский стул садили сыновей этих воевод, грудных ребят, вводили казачий круг, т. е. казачью республику, учреждали народное правительство, а в Москву отписывали, что они выправили царскую службу и сокрушили крамолу против царя».¹

Это уже совершенно не похоже на легкомыслие молодых людей, лишенное внутренней логики. Это настоящий бунт мысли, характерный периоду активного идейного пробуждения передовой молодежи, способной перейти к практическому действию.

Чокан Валиханов и Григорий Потанин вынесли из стен кадетского корпуса убеждения, в основном противоположные тем, какие это

¹ Потанин Г.Н. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 259.

учебное заведение должно было прививать своим воспитанникам. Вместо терпимого отношения к сословным и социальным контрастам, которые они наблюдали в кадетском корпусе и за его пределами, у них выработалось мнение о несправедливости возвышения детей дворян и унижения детей казаков. Вместо чувства отвращения, которое должно было ими руководить в оценке противоправительственного движения декабристов и других революционеров, они горячо сочувствовали им и считали их настоящими героями. Вместо примирения с действительностью они находили ее далеко несовершенной и мысленно переносились то в ряды республиканцев, то в ряды борцов баррикад.

Словом, Чокан Валиханов и Григорий Потанин как представители передовой части кадетов покинули стены корпуса, можно сказать, с беспокойством в сердцах. В то же время они сохранили уважение к особе монарха. Они еще верили в возможность устранения недостатков и несправедливостей в обществе с помощью царя и царской власти, ибо они не знали и не мыслили себе другого государственного устройства. Однако это не может бросить тень на убеждения Чокана Валиханова и Григория Потанина. Подобных наивных чувств нельзя было миновать в тех условиях и в том возрасте, в котором находились эти только что надевшие эполеты молодые офицеры. Важно то, что они готовились жить с чистой мыслью служения человеческому прогрессу и народу. По свидетельству Г. Потанина, Чокан, будучи кадетом, «мечтал о своем служении казахскому народу». Приходится порою удивляться тому, как могли относительно высоко подняться в своем идейном стремлении Чокан Валиханов и Григорий Потанин. И в этом немалая заслуга кадетского корпуса и его преподавателей.

Академик В.А. Обручев в своей монографии, посвященной жизни и деятельности Григория Николаевича Потанина, дал следующую характеристику обстановки в кадетском корпусе в конце 40-х – начале 50-х годов. «Хотя корпус был закрытым учебным заведением, – писал он, – но... сношения с внешним миром у кадетов были. Поэтому на них все же сказалось влияние передовой части русской интеллигенции. А к тому же до них докатились отголоски революционных событий 1848 г. Постепенно у некоторых кадетов стал оформляться горячий протест против вопиющего факта пребывания русского крестьянства в крепостной кабале и против колониальной политики русского царизма в Сибири, обрекавшей на вымирание местные национальности, именовавшиеся «инородцами».¹

¹ Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.-Л., 1947, стр. 24.

Из изложенного видно, что учеба в Сибирском кадетском корпусе дала Ч. Валиханову многое. Кроме приобретения знаний, он получил возможность общаться с передовыми, трезво мыслящими деятелями, втягивался в прогрессивное общественное движение и в политику. Ч. Валиханов жадно впитывал идеи, которым суждено было развиваться в более или менее цельную систему в последующие годы его жизни.

2. Становление политических взглядов

Чокан вышел из кадетского корпуса европейски образованным офицером. Об этом свидетельствуют следующие слова Семена Яковлевича Капустина, который после окончания юридического факультета Казанского университета служил в главном управлении Западной Сибири. «Несмотря на разные программы этих двух учебных заведений (речь идет о Казанском университете и Сибирском кадетском корпусе. – авторы), – писал он о Валиханове, – мы, познакомившись, не находили предмета, о котором бы различно думали».¹

Чокан Валиханов по служебной линии рос быстро. Еще более поразительные успехи он делал в области наук. Царские администраторы хотели подчинить научные познания Ч. Валиханова интересам «большой политики». Начитанность и прекрасное знание ряда восточных языков, склонность к глубокому анализу и вескость суждений, смелость в научных исканиях и свободное владение русским языком – все это делало Чокана Валиханова весьма полезным в государственных делах на Востоке. Эти его качества быстро были оценены властями в Сибири, и они делали в первые годы службы Валиханова все необходимое для подготовки из него преданного престолу чиновника. Однако этому не суждено было сбыться.

Послужной список Чокана Валиханова небольшой, но примечательный. После окончания кадетского корпуса он был формально зачислен офицером в 6-й кавалерийский полк Сибирского казачьего войска, а фактически оставлен чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири.² Это была ответственная должность, на которую обычно назначались наиболее опытные, зарекомендовавшие себя лица. Менее чем через год, 6 марта 1854 года, он назначается адъютантом начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Яковлева, а 12 октября того же года Чокан Валиханов определяется адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта.³ В дальнейшем ему поручается выполнение ряда важных заданий общегосударственного значения.

¹ Капустин С.Я. О Ч. Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп 1, д. 179, лл. 25-31.

² Бабков И.Ф. Упомянутое сочинение, стр. 134.

³ См. формулярный список о службе штаб-ротмистра султана Чокана Валиханова.

В 1855 году Ч. Валиханов в качестве адъютанта сопровождал Гасфорта в его инспекционной поездке по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Эта поездка дала Ч. Валиханову многое: он знакомится с запросами, нуждами и жизнью народа, непосредственно наблюдает работу местных царских и «туземных» чиновников. Одновременно использует свое пребывание в этих районах в научных целях. Он собирает и записывает исторические предания, легенды, поэмы и песни. В 1856 году принимает участие в отряде полковника М.М. Хоментовского, снаряженного формально для съемки бассейна озера Иссык-Куль в Киргизии. На Ч. Валиханова была возложена самая ответственная часть задачи. Он должен был ознакомиться с бытом, культурой, языком и состоянием киргизского народа, а также иметь представление о влиянии и власти манапов в народе, вступить в связь и попытаться склонить их перейти в российское подданство, а принявших его – агитировать усиливать связи с Россией. В этой поездке на Тянь-Шань Ч. Валиханов впервые в истории киргизского народа изложил на бумаге отдельные отрывки знаменитого эпоса «Манас». Ч. Валиханов решил оставить Иссык-Куль только тогда, когда убедился, что «все, что нужно было ему видеть и знать, уже было кончено».

Через Западно-Сибирское генерал-губернаторство министерство иностранных дел России в 1856 году направило делегацию в Кульджу для переговоров с представителями цинской империи об улучшении торговли между Россией и Китаем, а также, при желании китайцев, войти в переговоры о границах. Руководителем делегации был назначен подполковник Перемышльский – пристав казахов Старшего жуза, который должен был действовать, во всем совещаясь с консулом в Кульдже. В состав делегации входил и Ч. Валиханов. Он работал в тесном контакте с Перемышльским, оказавшимся гуманной личностью с университетским образованием, постоянно выписывавшим и читавшим «Современник». Переговоры с китайцами не дали особых результатов.¹

В связи с участием Ч. Валиханова в этих переговорах как в дореволюционной, так в советской литературе ошибочно принято считать, что Ч. Валиханов руководил делегацией и что благодаря ему был заключен Тарбагатайский договор, открыты консульства в Кульдже и Чугучаке.² Кульджинский трактат, который предусматривал создание

¹ *Венюков М.И.* Очерк старых и новых договоров России с Китаем. СПб., 1861, стр. 25.

² *Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов, т. 1, стр. 353; *Маргулан А.Х.* Жизнь и деятельность Чокана Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 39; *Маргулан А.Х.* Очерк жизни и деятельности Ч. Валиханова. В кн.: Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений т. 1, стр. 53; *Фетисов М.* Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алма-Ата, 1959, стр. 466.

в Кульдже и Чугучаке русских консульств и факторий, был заключен Е.П. Ковалевским в 1851 году,¹ то есть тогда, когда Чокан еще учился в кадетском корпусе. Сам Ч. Валиханов по этому поводу писал: «Русская фактория основана в Кульдже и Чугучаке в 1852 году для выгод нашей прежней торговли». Он также указывал, что руководителем делегации был Перемышльский.² Заслугой Ч. Валиханова было, по видимому, то, что он, участвуя в делегации, приложил все свое умение для регулирования некоторых частных вопросов, вытекавших из ранее заключенных договоров.

Результатом этих поездок Ч. Валиханова явились его «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Киргизы», «Западный край китайской империи и г. Кульджа», в которых содержатся ценные научные сведения по истории, этнографии, географии, флоре и фауне посещаемых им местностей.

С приближением границ к Кашгарии и Западному Китаю царское правительство стало проявлять к ним особый интерес. Для сбора сведений об этих землях Гасфорт решил послать Ч. Валиханова в киргизские кочевья, примыкавшие к этим землям. Ч. Валиханову было поручено вручить подарки киргизскому манану Бурамбаю. Это был лишь предлог.³

По приезде в укрепление Верное в 1857 году Ч. Валиханов доносил Гасфорту, что он в связи с наступлением зимы не может так скоро добраться до аула Бурамбая. Собрав сведения от купцов и местных жителей пограничных районов о восстании, вспыхнувшем в это время в Кашгаре и Западном Китае, он послал их почтой.⁴ Правящие круги России видели возможность использования этого восстания для реставрации власти прежней (магометанской) династии в Кашгарии, стремившейся к отдалению ее от Китая. Царское правительство хотело, чтобы это будущее ханство имело прорусскую ориентацию и даже сохраняло зависимое от России вассальное положение.⁵ Донося царю о некоторых результатах этой миссии, губернатор Гасфорт писал, что Ч. Валиханов «хорошо ознакомился с историей и нынешним состоянием среднеазиатских владений».⁶

Следует сказать, что Кашгария привлекла внимание и Англии, которая в 1857 году послала туда своего агента Адольфа Шлагинвейта под видом немецкого ученого, интересующегося исключительно

¹ Халфин Н.А. Три русские миссии. Ташкент, 1956, стр. 27.

² Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 391, 395.

³ Госархив Омской области, ф. 366, оп. 1, д. 257, л. 53.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, л. 138.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, 446 коллекция, ед. хр. 4, л. 14.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, л. 45.

путешествием. После того как Шлагинвейт был убит вожакom восставших Валихантюре, англичане послали в Кашгар Абдул-Хамида.¹ На соперничество Англии и России в Средней Азии и возможное их столкновение в этих районах указывал и Ф. Энгельс.²

В августе 1857 года директор Азиатского департамента министерства иностранных дел России Е. Ковалевский поднял вопрос о посылке в Кашгарию человека. Обсудив записку Е. Ковалевского, военное министерство и министерство иностранных дел приняли совместное решение: «Командировать в Кашгар подготовленного офицера для сбора сведений о местной ситуации». Это решение было одобрено и утверждено царем, который приказал послать «доверенное лицо негласно».³ Поэтому военное министерство предупредило генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта: «Должно соблюсти только, чтобы посылаемое лицо получило от Вас наставления не иначе как изустно, и чтобы ни под каким предлогом никаких бумаг, могущих обнаружить его положение и звание, при нем не находилось».⁴ Для выполнения этого ответственного задания – проникновения в закрытую для европейцев Кашгарию – выбор генерала Гасфорта остановился на поручике Ч. Валиханове «как на единственно подходящем из всех офицеров Отдельного Сибирского корпуса.., с очень хорошими дарованиями, и на расторопность которого вполне можно положиться».⁵

Всю зиму шла переписка между Ч. Валихановым, находившимся в Верном, генерал-губернатором Гасфортом и начальником правления области сибирских казахов К. Гутковским. Было решено послать Валиханова с торговым караваном. С каравана была снята пошлина, и его составу было поручено не гнаться за выгодой, а направлять караван по желанию путешественника-разведчика.

23 июня 1858 года генерал Гасфорт встретился с Ч. Валихановым в Каратале и повторил ему все наставления о строгой секретности и осторожности.⁶

Ч. Валиханов понимал опасность своего путешествия и, тем не менее, как это видно из хода подготовки каравана, охотно шел на выполнение поставленной перед ним задачи. В данном случае для Ч. Валиханова научные цели (познание малоизвестного края) и служебные обязанности (сбор сведений об общественно-политической

¹ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 648, св. 73, лл. 1-9; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19275, ч. 3, л. 6.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 12, стр. 614.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, лл. 12-15.

⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 333.

⁵ Там же.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, ед. хр. 4, л. 165; Госархив Омской области, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 93-95.

жизни края) совпадали. Это путешествие, несмотря на его опасности и трудности, сильно его увлекало.

Выехав в Кашгарию 28 июня 1858 года, Ч. Валиханов вернулся по выполнению задачи в Верное (Алма-Ата) 12 апреля 1859 года. В Кашгарии Ч. Валиханов жил на нелегальном положении, выдавая себя за сына кашгарского купца, пропавшего без вести в пределах России еще в 30-е годы. Эту роль он сыграл весьма искусно. Подчиняясь неписанным законам страны, он вступил здесь во временный брак. Избранница Ч. Валиханова оказалась не только привлекательной, но и сметливой – она хорошо знала местные события, и из ее рассказов Чокан Валиханов почерпнул немало полезных сведений.

О результатах путешествия в Кашгарию Ч. Валиханов писал после возвращения следующее: «Что касается до моих действий, то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно точные сведения о крае, особенно политическом состоянии Малой Бухарии, для чего заводил знакомство с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого. Сверх того, я имел случай приобрести несколько интересных книг, относящихся к периоду владычества ходжей, и пользовался дружбой некоторых ученых ахунов... Факты, относящиеся к территории шести городов и туземного его населения, приобретенны от кашгарских беков, шейхов, ахунов и от моих кашгарских родственников, людей, сведущих в этом деле».¹

Научный труд Ч. Валиханова «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», в котором были изложены итоги путешествия, был признан ученым миром как оригинальное и капитальное исследование. Следует сказать, что к этому времени Чокан Валиханов уже считался видным ученым. Еще до отъезда в Кашгарию 27 февраля 1857 года по рекомендации и предложению П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского Ч. Валиханов был избран в действительные члены русского географического общества.

В Петербурге Ч. Валиханова ждали с результатами его поездки в Кашгарию. Но, приехав в Омск, Ч. Валиханов заболел. Об этом генерал Гасфорт сообщал военному министерству.² Донесение с отчетом Ч. Валиханова о политическом состоянии Кашгарии было отправлено почтой и прибыло в столицу раньше, чем он сам.

В Петербурге Ч. Валиханов за образцовое выполнение задания был награжден орденом Святого Владимира IV степени, следующим чином

¹ *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 483-484.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 447 коллекция, сд. хр. 4, л. 211.

– штаб-ротмистра, получил единовременное поощрение в 500 рублей. Правительство взяло на себя и его долг в сумме 1175 рублей.¹ По представлению Ч. Валиханова, были награждены караванбаши: Мусабай (золотой медалью), Букаш (золотой медалью и чином хорунжего) и другие. Награду получил и Гутковский за подготовку каравана.²

Е. Ковалевский представил Ч. Валиханова графу Д. Блудову – председательствующему в Сибирском комитете, через которого его отчеты о поездке в Кашгарию проникли в высшие круги столицы, воздавшие должное таланту молодого исследователя и проявившие исключительно живой интерес к его личности. Им интересовались граф А.П. Толстой – обер-прокурор святейшего синода, полковник Д. Романовский – заведующий отделением департамента генерального штаба по делам кавказским, оренбургским и сибирским, с которым Ч. Валиханов впоследствии завязал дружественные отношения.

Путешествие в Кашгарию было настоящим научным подвигом. Западно-Сибирское отделение Русского географического общества в своем приветствии Сибирскому кадетскому корпусу в день его столетия, как заслугу этого учебного заведения, отмечало: «В те же неведомые, но крайне враждебно к нам настроенные края в начале 60-х годов по поручению сибирского начальства проникает под видом среднеазиатского торговца молодой казах, поручик русской службы, питомец Омского кадетского корпуса Чокан Валиханов, проживает там под ежеминутным страхом быть узнанным и преданным позорной казни, подробно исследует тогдашнее положение тех ханств и Кашгарии, благополучно возвращается в Россию и представляет подробнейшие, захватывающего интереса отчеты о своем путешествии, напечатанные потом в изданиях Географического общества».³

Официальная служба не сделала Чокана Валиханова только чиновником. Имея дарование ученого и отдаваясь науке, он не стал только ученым. Его волновали жизнь и чаяния народа, как казахского, так и русского. Он еще в большей степени, чем в период учебы, стал интересоваться и заниматься политикой, установил непосредственные контакты с многими передовыми людьми края, учился у них мыслить по-революционному. Современные ему условия Западной Сибири, в особенности политическая жизнь Омска, благоприятствовали идейному росту и совершенствованию Чокана Валиханова.

Западная Сибирь была местом ссылки. Здесь отбывали наказание

¹ Там же, лл. 211-212.

² ЦГВИА, ф. 4, оп. 27, д. 84, лл. 1-2.

³ «Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса». М., 1915, стр. 279.

декабристы (в 20 – 30-х годах), польские демократы, студенты Московского, Петербургского и Киевского университетов, принимавшие участие в политических кружках, революционеры-разночинцы и крестьяне, оказавшиеся «неблагонадежными». В начале 50-х годов в Сибирь прибыла группа активных участников революционного кружка в Петербурге – М.В. Бутаевич-Петрашевский, Н.А. Спешнев, С.Ф. Дуров, Ф.М. Достоевский. Жил здесь в ссылке и Бакунин. Поток революционеров – студентов и разночинцев – становился обычным явлением для жизни Сибири.

Интеллектуальным и идейным центром Сибири в 50-е годы был город Омск. Здесь находились не только канцелярия Западно-Сибирского губернатора, штаб Отдельного Сибирского корпуса и первый в Сибири кадетский корпус, а следовательно, большое общество офицеров и чиновников, среди которых было немало образованных и передовых людей. Здесь сходились и пути ссыльных революционеров. Они назначали сходы, приезжали из других городов Сибири, чтобы встретиться и побеседовать перед отъездом в районы Центральной России. При отправке на места поселения и при передислокации многие ссыльные проезжали через Омск. Некоторые из них отбывали наказание в самом городе или оставались жить в нем по освобождению. Все это не могло не влиять на обстановку в городе.

На идейную жизнь города существенное влияние оказывали события, происходящие в стране, в особенности в Петербурге и Москве. В Сибири появились призывные и высокохудожественные произведения Щедрина, Тургенева, Некрасова. Не менее широкое распространение получило литературное наследие Белинского. В Омске зачитывались Чернышевским. Он стал превращаться в любимого писателя и публициста во многих интеллигентных семьях, среди образованной молодежи и офицерства. В 1860 году жители Омска получали 19 экземпляров журнала Чернышевского «Современник», в то время как все остальные города Тобольской области (Тобольск, Петропавловск и другие) – 24 экземпляра.¹

Важно здесь отметить, что население Западной Сибири, устроившись более «свободно», чем крестьяне центральных губерний России, на каждое притеснение, которые в XIX веке участились, реагировало более возбужденно и открыто выражало протест против ущемления своих прежних прав. В сибирских крестьянах еще сохранился здоровый дух свободолюбия. Они в основном сочувственно относились к политическим ссыльным, порою легко поддавались влиянию их положительных идей. Правительственные надсмотрщики над полити-

¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, М., 1950, стр. 423-424, 896898.

ческими ссыльными часто доносили своим начальникам о подобного рода явлениях, «отрицательных», по их мнению. Так, тобольский губернатор в 1834 году вынужден был признать, что отдельные ссыльные декабристы были «замечены в связях с некоторыми крестьянами и поселщиками тамошнего округа и обратили на себя подозрение в делании им советов и внушений, клонящихся к поселению в них духа ябедничества, недоверчивости и даже неуважения к местному начальству».¹ В одном из донесений 1834 года говорилось, что в Томской губернии ссыльные поляки и «некоторые из русских ее поселенцев» летом 1833 года «были действительно в волнении, в ожидании чего-то особенного. Если после принятых мер они успокоились, по-видимому, то нельзя, кажется, и ныне прекращать бдительного наблюдения за людьми подозрительными, каковых между многими тысячами поселщиков, обременяющих Томскую губернию, находится немало».²

Недовольство мероприятиями царского правительства в Сибири, характерное для основной крестьянской массы, не могло не находить отклика у передовых представителей местной интеллигенции и офицерства. Оно влияло и на Чокана Валиханова, который не только в годы учебы и службы в Западной Сибири, но и под конец жизни, с надломленным здоровьем, как писал его друг Г.Н. Потанин, «живя в юрте и одеваясь киргизом... до последней минуты жизни жил интересами европейского общества».³ Возвышенные думы и стремления русского и казахского народов, идеи ссыльных демократов и революционеров, взгляды передовых представителей местной интеллигенции и офицерства – вот те родники, которые питали убеждения Чокана Валиханова в годы службы в Сибири.

Чокан Валиханов, наряду с научными исканиями, усиленно работает над своим идейно-политическим совершенствованием. Он завязывает новые знакомства с некоторыми из видных деятелей демократического и революционного движения, находившимися в Омске и в других городах Западной Сибири, регулярно читает передовые журналы, старается быть в курсе общественно-политических событий в России. Летом 1854 года в Заилийском крае Ч. Валиханов встречается с ученым П.П. Семеновым и в дальнейшем поддерживает с ним тесную связь.

В свое время П.П. Семенов, как и Ф.М. Достоевский и С.Ф. Дуров, являлся членом революционного кружка М. Петрашевского, который, по его же определению, руководствовался «идеей освобождения

¹ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 4, л. 1.

² Там же, л. 6.

³ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 30, 38.

крестьян».¹ П.П. Семенов считал себя сторонником петрашевцев и до конца жизни сохранил к ним уважение.² Вместе с тем он к этому времени был уже известным ученым с разносторонними связями и пользовался влиянием и авторитетом в официальных кругах. Встречи и постоянное общение с ним помогли Чокану Валиханову многое понять и уяснить. В их беседах затрагивались как вопросы политики, так и вопросы науки. В 1857 году Ч. Валиханов неоднократно встречается с П.П. Семеновым в Омске, в доме Капустиных, у себя дома. Однажды при откровенном разговоре с Чоканом Валихановым П.П. Семенов сказал: «Тяжела жизнь на Руси, и покуда не освободим мы крестьян от крепостной зависимости, лучше она не станет. А освобождение близится... Близится! И я спешу в Петербург».³

П.П. Семенов-Тянь-Шанский отдавал должное таланту и познаниям молодого Ч. Валиханова, восхищался его умением находить и обобщать научные материалы. Он «тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, – писал П. Семенов-Тянь-Шанский, изучал среднеазиатские наречия, дорогою ценою скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, с опасностью жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи».⁴ В библиотеке Чокана было собрано все, что было напечатано о казахах по-русски. Несколько позже в рекомендательном письме к своему дяде П. Семенов писал о нем «как об удивительном молодом человеке, который, живя в глухой провинции, сумел приобрести громадную начитанность в литературе о Востоке».⁵ П. Семенов подал генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту мысль командировать Ч. Валиханова в Кашгар и по возвращении дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, поехать в Петербург на продолжительное время для обобщения и разработки собранных им этнографических и исторических материалов о казахской степи. При этом Семенов обещал Ч. Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества.⁶ Как известно, исследователь сдержал слово, данное Ч. Валиханову.

В Заилийском крае Ч. Валиханов много говорил П.П. Семенову о своем друге – казачьем офицере Григории Николаевиче Потанине, и позднее П. Семенов, отыскав в Омске Чокана, едет с ним к Потанину. Впоследствии Семенов очень много помогал Г.Н. Потанину – буду-

¹ Семенов П.П. Мемуары, т. I. 1917, стр. 205-207.

² Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, стр. 321.

³ Завелин И. Чокан Валиханов. М., 1956, стр. 19.

⁴ Отчет Географического общества за 1865 год. СПб., 1866, стр. 9.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 322, л. 14; «Сибирская жизнь», 1913, №17.

⁶ Семенов П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958, стр. 269.

щему знаменитому путешественнику и исследователю Монголии и Китая.

Ч. Валиханов был другом великого русского писателя Ф.М. Достоевского, с которым лично познакомился в 1854 году. О нем Ч. Валиханов, конечно, слышал гораздо раньше. В тех домах, где часто бывал он, знали наперечет всех политических ссыльных, отбывавших наказание в Омском остроге, тем более тех из них, которые имели некоторую славу литератора и революционера.

Известно, что молодой Достоевский в 40-х годах находился под влиянием Белинского, посещал его кружок. «Все эти тогдашние новые идеи, – писал Достоевский об этом периоде, – нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до Парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским».¹ Это чувство привело его потом в революционный кружок Петрашевского. С этим убеждением он стоял в 1849 году на площади, ожидая казни.

С этим идеалом он, закованный в кандалы, отправился в Сибирь, где суждено было ему найти искреннего и близкого друга и почти единомышленника в лице Чокана Валиханова.

В течение четырех лет Ф.М. Достоевский содержался в Омском остроге. За это время в его убеждениях произошли известные перемены. У него усилились набожность и настроения примирения, как следствие этого намного ослабла революционная страстность. Однако он сохранил глубокую веру в торжество гуманности и справедливости, как никто другой глубоко видел пороки существующего режима – «мертвого дома». Ф. Достоевский вошел в русскую историю как гениальный обличитель буржуазного общества, великий художник-гуманист. Об этой его главной черте хорошо сказал один его современник: даже его идейные противники признавали в нем замечательное качество – «это непрерывное горение в гениальной душе вечных вопросов человеческого существования».² Нельзя не согласиться с мнением советского исследователя В. Кирпотина, что Ф.М. Достоевский в трудных для него физических и моральных испытаниях отстоял «важные основы гуманизма, выработанного им под влиянием печатных и устных уроков Белинского».³

¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 135.

² *Ветринский Ч.* Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М., 1912, стр. 29.

³ *Кирпотин В.* Достоевский и Белинский. М., 1960, стр. 48.

Ф.М. Достоевский сохранил на всю жизнь память о Белинском. «Это была самая восторженная личность из всех мне встречающихся в жизни», – писал он в «Дневнике писателя за 1873 год».¹ Федор Михайлович поддерживал личный контакт с Н.Г. Чернышевским, питая уважение к его таланту и характеру. Но Достоевский не был в этот период его единомышленником. Не поняв путей борьбы с буржуазным обществом, он не поддерживал действий русских революционных демократов, выступал против их призывов к восстанию.

По отбытии наказания в Омском остроге Ф.М. Достоевский некоторое время перед выездом к месту службы остается в городе. В доме Ивановых, где жили Дуров и Достоевский, происходит первая встреча их с Чоканом Валихановым, которая затем переходит во взаимную дружбу и любовь.

Скоро Ф.М. Достоевский переезжает в Семипалатинск, где был расквартирован седьмой линейный батальон, рядовым солдатом которого он определялся. В Семипалатинске у Ф.М. Достоевского неоднократно бывал Чокан Валиханов. Барон Врангель, бывший в это время прокурором Семипалатинской области и сблизившийся с Ф.М. Достоевским, в своих воспоминаниях о нем указывал, что «из немногих посещавших нас последнее время лиц, – помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней орды Мухамедханафия Валиханов... Мне он очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его».²

Взаимная привязанность Ф.М. Достоевского и Чокана Валиханова с течением времени переросла в нежные, трогательные отношения. Перед отъездом из Семипалатинска к себе на родину – в Тверь Ф.М. Достоевский, прощаясь с Чоканом Валихановым, дарит ему небольшой кинжалик, хранившийся до того у него как ценная память о другом человеке. В свою очередь Чокан Валиханов преподносит ему свой палисандровый ящик, в котором впоследствии Достоевский хранил рукописи и письма. После смерти Чокана Валиханова Достоевский как-то сказал своей будущей жене Анне Григорьевне: «Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям...».³

¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений, т. 19. СПб., 1896, стр. 157.

² *Врангель А.Е.* Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854-1856 гг. СПб., 1912, стр. 95.

³ «Воспоминания А.Г. Достоевской». М.-Л., 1925, стр. 45. Вторая жена Ф.М. Достоевского лично не видела Чокана Валиханова. Судя по тому, как она вспоминала этот рассказ уже в преклонном возрасте и спустя почти 30 лет после смерти мужа, можно думать, что она много раз слышала из уст своего мужа о Чокане Валиханове, и его имя оставалось близким в их семье.

Ф.М. Достоевский по характеру был несколько нервно-болезненным, прямым, а иногда и крутым человеком. Он видел собеседника насквозь, почти не заводил знакомства с теми, кто не нравился ему, был весьма щепетильным и разборчивым в выборе друзей. Если он, будучи старше Чокана Валиханова почти на 15 лет, все же нашел в его лице «премилого и презамечательного человека» и друга, то это говорит о высоких человеческих качествах и идейно-нравственной полноценности Чокана Валиханова.

«Мне так приятны эти немногие дни, — писал Ч. Валиханов Ф.М. Достоевскому после посещения его в 1856 году, — проведенные в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».¹ Далее он сообщает, что Омск стал ему «противен со своими сплетнями и вечными интригами» и серьезно подумывает оставить его. «Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше», — обращается он к своему учителю. Во второй половине 1862 года, в период некоторого морального кризиса, вызванного непрерывными, незаконными и грубыми действиями Омского губернатора, а также осложнением отношений в родительском доме, Чокан Валиханов пишет Ф.М. Достоевскому в Петербург: «Пожалуйста, посоветуй, что делать».² В своих советах Ф.М. Достоевский делал упор на необходимость «быть необыкновенно полезным своей родине»,³ любить свой народ и бороться за его интересы.

Дружба с такой великой личностью, как Ф.М. Достоевский, научила Чокана Валиханова жить, трудиться на благо и в интересах народа, мыслить глубоко критически, ценить справедливость, гуманизм и свободу.

Почти в это же время Чокан Валиханов сблизился с С.Ф. Дуровым, отбывшим наказание по делу петрашевцев. Дуров в отличие от Достоевского, был революционером до мозга костей и остался таким на всю жизнь. Поэтому его влияние на Чокана Валиханова было особенно конкретным и радикальным.

С.Ф. Дуров был наиболее видным деятелем в кружке Петрашевского. Как известно, здесь много говорили о немедленном уничтожении крепостного права, связывая с этим свободу слова, гласность и развитие общественного мнения. Некоторые члены этого кружка предпочитали борьбе конституционные методы. С.Ф. Дуров в отличие от них был склонен отстаивать «именно революционный способ разрешения крестьянского вопроса».⁴

¹ *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 545.

² Там же, стр. 564-565.

³ *Достоевский Ф.М.* Письма, т. 1. 1928, стр. 200.

⁴ *Бельчиков Н.Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.-Л. 1936, стр. 34.

С.Ф. Дуров (1816 – 1869) происходил из дворянской семьи, но рано остался без родителей и без какого-либо наследства и всю сознательную жизнь жил своим личным заработком. Он окончил пансион при Петербургском университете и был разносторонне образованным человеком, в совершенстве владел французским, английским, польским и латинским языками. Очень рано начал писать стихи, переводил Го- рация, Данте, Гюго, Беранже, Байрона, Мицкевича и др. В свое время Белинский похвально отзывался о его переводных трудах.

За активное участие в кружке Петрашевского, за «противоправительственные мысли» С.Ф. Дуров, вместе с Ф.М. Достоевским, был приговорен к расстрелу, позже замененному лишением всех прав состояния и 4 годами каторги. Отбывал наказание в Омском остроге. Годы каторги серьезно подточили его здоровье. Он страдал хроническим ревматизмом с осложнением на сердце. И вышел из острога, как говорили тогда, «развалушкой и с одышкой», физически надломленным, но духовно по-прежнему крепким. Его революционность ничуть не ослабла. Наоборот, у него как бы прибавилось ненависти к царизму, он стал вкладывать больше страсти в пропаганду своих взглядов.

После отбытия наказания он вместе с Ф.М. Достоевским жил в доме Анны Андреевны Ивановой, дочери декабриста Анненкова. Ее мать в свое время последовала за мужем на каторгу. Иванова высоко чтит своих родителей и многое переняла от них. Врангель, хорошо знавший ее, сообщает, что «г-жа Иванова была чудная, добрая женщина, высокообразованная, защитница несчастных, особенно политических».¹ Ее и семью хорошо знал Чокан Валиханов, он часто бывал у нее и здесь встретил С.Ф. Дурова.

С.Ф. Дуров по выходе из острога был зачислен рядовым в один из местных казачьих батальонов, но по состоянию здоровья нести службу не мог и в 1855 году вышел в отставку. Надеясь поправить здоровье, он оставался в Омске по крайней мере до лета 1857 года. В течение более чем трех лет (1854 – 1857) Чокан Валиханов постоянно навещал его, проводя вечера в беседах, встречался с ним у Капустиных. Чем больше Чокан Валиханов узнавал Дурова, тем больше проникался уважением к этой необыкновенной и высокой личности. Он говорил, что С.Ф. Дуров «это человек с таким многосторонним образованием и с такой изящной душой, какого я еще не видывал»² и что это человек «с необыкновенными идеями».³

¹ Достоевский Ф.М. Письма, т. I, 1928, стр. 200.

² Потанин Г. Н. Встреча с С.Ф. Дуровым, стр. 259.

³ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 24.

С.Ф. Дуров хорошо знал социалистическую литературу Запада. В кружке петрашевцев он работал бок о бок с людьми, побывавшими за границей и специально изучавшими идеи социализма в Европе (Спешнев) и даже знакомыми с «Коммунистическим манифестом» К. Маркса.¹ Нечего и говорить о том, что он был весьма компетентен в вопросах революционного движения в России. Его рассказы и беседы главным образом касались политических тем, были насыщенными и страстными. Все те, кто знал его и встречался с ним, отмечают его простоту и задушевный характер бесед, захватывающих, увлекательных, касающихся самых сложных и злободневных вопросов политики.

Под непосредственным влиянием этой личности формировалась политическая зрелость Чокана Валиханова, который восторгался идеями Дурова, декабристов и петрашевцев и готовился жить и действовать под знаменем этих идей.

В этот период Ч. Валиханов быстро прогрессирует в своем идейном и политическом развитии: от известного почитания самодержавия, характерного для юноши Валиханова, он переходит к критическому осмыслению 30-летнего царствования императора Николая I, становится носителем демократических и революционно-просветительных идей. Судя по рассказам современников, в особенности Г.Н. Потанина, у Чокана в годы службы в Омске от бывшего «двоеверия» ничего не осталось. «Чокан постепенно усваивал новые идеи, приносимые книжками журналов, – писал Г.Н. Потанин, – и когда я вернулся в Омск (1857 год. – авторы), это был преобразованный человек, а я остался при тех взглядах, с какими вышел из кадетского корпуса».²

Г.Н. Потанин с горечью заметил, что его политические убеждения «сильно расходились в это время с убеждениями Чокана».³ Чокан Валиханов «нередко заезжал ко мне по вечерам, и мы много спорили по поводу тогдашних направлений в журналистике; во многих пунктах наши взгляды не сходились, мы горячились, сердились друг на друга и на самих себя и расходились очень раздраженными».⁴ Чокан «напрасно бился со мной: я оставался по-прежнему двоевером. Когда он после спора уезжал от меня, я сознавал себя разбитым наголову; мой арсенал беднее его, я сознавал себя большим невеждой, но все-таки не уступал; слишком глубоко укоренились во мне те симпатии, которые он хотел разрушить... Я тогда еще не понимал, что дело в системе управления, а не в отдельных личностях. Мне представлялось, что разные бездарные и нечестные личности случайно залезли в Сибирский край, и что вся

¹ Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев, стр. 9.

² Потанин Г.Н. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 255-256.

³ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXIII.

⁴ Потанин Г.Н. Встреча с С. Ф. Дуровым, стр. 255.

сила в них».¹ Более того, Г.Н. Потанину тридцатилетнее царствование Николая I казалось «самой славной страницей русской истории».²

Чокан Валиханов был не из тех, кто мог примириться с отсталыми, по его мнению, убеждениями своего друга. «Чокан часто приезжал ко мне спорить, – пишет Потанин, – пытался приучить меня критически относиться к прошлому царствованию... Чокан немало вечеров употребил, немало крови потратил на то, чтобы обратить меня в свою веру., но я упорствовал, пока не познакомился с Дуровым».³

Эта встреча состоялась весной 1857 года. Ее организовал Чокан Валиханов. Беседа, длившаяся до глубокой ночи, была откровенной и пламенной. Когда зашла речь об администрации Западной Сибири, С.Ф. Дуров «не стеснялся в сильных выражениях, перебирая ее грехи и преступления». Когда Г.Н. Потанин высказался в том плане, что для борьбы с этими безобразиями необходимо, чтобы явился свой сибирский Гоголь, Дуров, пишет Г.Н. Потанин, «развенчал мою идею. Смех, сказал он, слабое, недействительное средство: смех примиряет со злом. Портреты Ноздрева, генерала Бетрищева, Сквозника-Дмухановского забавляют нас, а не удручают. Скучно, взглянешь на эту русскую галерею, расхохочешься и повеселеешь. Нужен не смех, а прямое указание зла». В речах С.Ф. Дурова Г.Н. Потанин услышал «горячий протест человека, раздавленного режимом только что минувшего тридцатилетия...». Действие этих речей было такое, что собеседник стал верить в то, что та же лавина раздавила бы и его, «если бы ее движение не остановилось».

Беседа революционера С.Ф. Дурова произвела на Г.Н. Потанина сильное впечатление. «Со мной совершился переворот, – писал он, вспоминая эту встречу. – Я ушел от Дурова тем, до чего меня хотел довести мой друг Чокан». Несколько позже, вспоминая этот день как день своего «духовного перелома», после которого он «переменил свои политические убеждения», Г.Н. Потанин подчеркивал: Дуров «на меня произвел такое впечатление в течение одного вечера; Чокан же находился под постоянным его влиянием не менее, вероятно, года»⁴ и обязан ему «своим политическим просветлением».⁵

Влияние С. Дурова на Чокана Валиханова можно сравнить с действием майского солнца на неокрепшие зеленые всходы, в результате которого совершается их стремительный рост и полное формирование.

¹ Там же, стр. 259.

² Там же, стр. 263.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №118.

⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 25.

⁵ «Минувшие годы», 1917, №1, стр. 226.

С. Дуров остался убежденным революционером и пропагандистом идей Фурье и после возвращения из Сибири в Центральную Россию. По поводу его смерти газета «Санктпетербургские ведомости» писала: «6 декабря 1869 года в Полтаве умер С.Ф. Дуров..., твердые, жизненные убеждения, не убитые самыми страшными невзгодами жизни... Одним честным, добрым, прямым, стойким и умным человеком стало меньше в нашем обществе».¹

Чокан Валиханов видел и слышал многих политических ссыльных, среди которых было немало стойких революционеров. В литературе имеются сведения о том, что получившие амнистию оставшиеся в живых декабристы и петрашевцы по пути в Россию нередко назначали съезды для свидания в г. Омске, на которых присутствовало немало передовой сибирской молодежи.² Весьма вероятно, что среди этой молодежи был и Чокан Валиханов, не пропускавший подобных собраний.

Надо полагать, что в сближении Чокана Валиханова с некоторыми декабристами в Сибири положительную роль сыграл его друг Александр Николаевич Цуриков, приходившийся родственником видного декабриста Г.С. Батенькова³ и имевший широкие связи в этих кругах.

После смерти императора Николая I русская общественная мысль получила некоторую свободу. Выступили М. Салтыков-Щедрин, И. Тургенев, Н. Чернышевский и др. «Новые веяния» дошли и до Омска. Сведения о передовом общественном движении России просачивались в Сибирь через литературу, через ссыльных, по перепискам. Ч. Валиханов познакомился в это время с произведениями А.И. Герцена, которые доставлялись в канцелярию губернатора Западной Сибири, так как Гасфорт считал «необходимым быть в курсе того, о чем пишет Герцен в «Полярной Звезде» и в других лондонских изданиях».⁴

На развитие политических взглядов Чокана Валиханова оказывали некоторое воздействие прогрессивно настроенные служащие из канцелярии Западно-Сибирского губернатора и офицеры, окружавшие его в процессе служебной и научной деятельности. Чокан Валиханов всегда находил с ними общий язык, быстро завязывал дружеские связи, хотя и не всегда разделял их взгляды. Так, Валиханов был знаком с

¹ Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. 36, оп. 1, №41, стр. 24; «Санктпетербургские ведомости», 1869, 8 декабря. Судя по тому, что под некрологом стоит буква «К», можно предполагать, что его написал С.Я. Капустин, который очень хорошо знал С. Дурова еще в Сибири и который в это время находился в Петербурге в качестве редактора внутреннего отдела «Правительственного вестника».

² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 22-23.

³ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 545; НБТГУ, архив Г. Потанина, №125 (5315).

⁴ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 19, 25.

капитаном Генерального штаба А.Ф. Голубевым, с которым первый раз встретился в Верном по пути из Кашгарии в Омск. А.Ф. Голубев ехал в Кульджу по делам службы.¹ Он придерживался передовых взглядов и считался демократически настроенным молодым офицером.

По-видимому, не без посредничества Голубева Ч. Валиханов, будучи в конце апреля 1859 года в Копале, завязывает знакомство с другим капитаном Генерального штаба М.И. Венюковым. Венюков стремился стать ученым и считал себя учеником Гумбольдта.² Он тоже кончил кадетский корпус, где учился вместе с будущим поэтом Василием Курочкиным.

Их преподаватель статистики Ф.Л. Ястрежембский, познакомивший молодых кадетов с учением социалистов-утопистов, был сослан на каторгу. Будучи кадетом, Венюков считал своим идеалом Герцена, был противником телесного наказания солдат, называл Николая I «венчанным вахмистром». В узком кругу кадеты распевали о Николае I:

*С ног до головы детина,
И с головы до ног скотина!*³

Впоследствии Венюков был нелегальным корреспондентом «Колокола», горячим сторонником идей революционных демократов.

В 1856 году Венюков окончил Академию Генштаба и в мае 1857 года был назначен старшим адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. В Сибири он познакомился с декабристом И.И. Горбачевским и сблизился с М.В. Петрашевским, только что отбывшим каторжные работы. Венюков считал, что петрашевцы служили «честным идеям». В 70-х годах он эмигрировал за границу и выступал против самодержавия.

Надо полагать, что Чокан Валиханов и М.И. Венюков в течение нескольких дней, совместно проведенных в Копале, беседовали не только о Зачуйском крае, куда Венюков ездил для топографической съемки. Крестьянский вопрос, приобретший в этот период особую остроту, «большая политика», положение в Петербурге, деятельность русских революционных демократов, по-видимому, занимали не последнее место в их беседах. На Венюкова Валиханов произвел самое хорошее впечатление. Их беседы были взаимно плодотворными. Это видно и из того, что Венюков свою задержку в Копале объяснил не только болезнью, но и получением сведений от Валиханова. Их знакомство продолжалось затем и в Петербурге.

¹ Голубев А.Ф. Биографический очерк. Омск, 1900, стр. 6, 12.

² «Русская старина», 1886, №7, стр. 94.

³ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952, стр. 10, 18, 23, 31, 121; БСЭ, т. 7, стр. 420.

«Несколько раньше было замечено, что Чокан Валиханов находился в самых близких отношениях с Гутковским – председателем областного правления сибирских казахов. Гутковский высказывал трезвые суждения о политике, читал литературу русских революционных демократов, сочувственно относился к судьбам политических ссыльных в Сибири, в особенности к полякам. Разумеется, дальше сочувствия передовым идеям он не шел, но уже и это само по себе было весьма значительным фактом.

Особую роль в жизни передовой интеллигенции города играл дом Капустиных. Это был настоящий клуб, где часто и регулярно собирались образованные и интересные люди: критически настроенные молодые умы, знаменитые путешественники, ссыльные революционеры и т. д. То, что говорилось в этом доме, имело определенный резонанс в городе.

Душой общества в доме Капустиных была его хозяйка – Екатерина Ивановна. Ее муж Я.Ф. Капустин также относился к числу образованных служащих с передовыми взглядами.

К этому дому Валиханов стоял весьма близко. Он был почти постоянным посетителем его вечеров и пользовался огромной симпатией членов семьи Капустиных. Между сыном Я.Ф. Капустина – С.Я. Капустиным, прибывшим в Омск после окончания Казанского университета, и Чоканом Валихановым завязались тесные, дружественные отношения. В своих воспоминаниях С. Капустин писал, что Чокана «приятнейшим собеседником делал дар слова, умение метко и образно выражаться, к этому присоединялась еще его всегдашняя склонность – облекать свой рассказ в ироническую форму, ловко подделываться под тон и способ выражения действующих лиц рассказа и дополнять все это изумительной мимикой... Чокан умел очерчивать целый характер человека, давать крайне остроумные предположения о его прошлой жизни, о его будущих похождениях».¹ Они сблизились еще и потому, что и тот и другой мечтали служить интересам народа и оба были яркими в этом отношении личностями.

С. Капустин впоследствии был членом тайной революционной организации «Земля и воля» 60-х годов.² Современники отзывались о нем как о «народнике до мозга костей, в котором простые и обездоленные люди всегда находили брата».³ Он, например, выступал против хуторного хозяйства, защищал русскую поземельную общину, считая,

¹ Капустин С.Я. О Ч. Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 25-31.

² «Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». М., 1958, т. 1, стр. 301

³ Капустин С.Я. Что такое поземельная община. СПб., 1882, стр. 20; *его же*. Голос к земству, стр. 58, 75; «Северный вестник», №2, стр. 88; Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 27, стр. 407.

что в ее основе лежат взаимность и труд, связывающие всех. В лице кулаков он видел сельских буржуа, осуждал их за жестокую эксплуатацию крестьян, называл отщепенцами.

Молодой С. Капустин, дружа с Чоканом Валихановым, в то же время и учился у него, и влиял на него. Как отмечают современники, С.Я. Капустин после С.Ф. Дурова играл значительную роль в идейном развитии Ч. Валиханова.¹ Они были искренними и постоянными друзьями. Неслучайно спустя десятилетия после смерти Чокана Валиханова, когда Капустин уже приобрел славу ученого и публициста, он собирался писать специальную книгу о своем покойном друге молодости.

Встречи, знакомства и связи с передовыми, образованными людьми, в том числе и с убежденными революционерами, дали многое Чокану Валиханову, в этом нет сомнения. Однако главным источником вдохновения и эволюции мыслей Чокана Валиханова была сама жизнь. Повседневная действительность беспрестанно толкала на раздумья, задевала самые тонкие струны в сердце человека, которого остро волновали судьбы народов.

Служба в органах управления казахской степью, разъезды и путешествия как по внутренним районам края, так и за его пределами представляли насыщенную жизненную школу: Чокан Валиханов бывал рядом с теми, кто творил и проводил государственную политику в Казахстане, в среде царских чиновников, в то же время не терял связи со своим народом, изучал его историю, культуру, жил его думами и чаяниями, общался с передовыми людьми России и питал явную симпатию к русскому народу и, наконец, сочувственно относился к идеям равноправия и свободолюбия.

Самостоятельность мышления, стремление проводить свою линию — черты, которые присущи зрелым деятелям, стали заметно обнаруживаться у Чокана Валиханова еще задолго до поездки в Петербург. Взгляды Валиханова по вопросам, которыми занимались органы власти, нередко расходились со взглядами видных царских чиновников края. Так, Валиханов, твердо придерживаясь убеждения о целесообразности и необходимости присоединения юго-восточных районов Казахстана и Киргизии к России, в то же время в ряде случаев расходился с официальным мнением о методах и формах достижения этой цели. Валиханов считал, и это он подчеркивал неоднократно, что присоединение указанных территорий к России, отрыв их из-под влияния кокандского хана и цинских владельцев следует осуществлять, не прибегая к силе, не разжигая внутренней розни, ведущей к расстройству общества и ослаблению силы каждого из родоначальников, а путем привлечения их на свою сторону.

¹ Банзаров Д. Черная вера и шаманство у монголов. СПб. 1891, стр. 28.

Надо сказать, что к мнению Чокана Валиханова царская администрация прислушивалась. Об этом говорит хотя бы следующий пример. В мае 1858 года в районе реки Чу при поспешном отступлении кокандского отряда был захвачен в плен бывший пишпекский комендант датха Алишер. Возник вопрос, как с ним поступить, говорили о его заточении и даже казни. Ч. Валиханов по этому поводу писал областному начальнику Гутковскому: «Русским, кажется, нечего держать Алишера или другого какого-нибудь среднеазиатца. Для кокандцев личность Алишера не имеет никакого значения, и если бы он совершенно погиб, то и тогда не будут считать это большой потерей. Между тем как нравственное великодушие и сознание своего превосходства подействует гораздо благотворнее на кокандцев и на киргиз, чем страх потерять Алишер-датху». Это предложение Валиханова было принято.

Передовая молодежь Омска со временем стала переходить к активным практическим действиям в борьбе за свои идеалы. В 1858 году ею создается «Казачий кружок», главной задачей которого было «служение Родине» – Сибири. Вначале в него входили Пирожков, Чукреев, Усов, Колосов, Потанин, Валиханов.¹ Организаторами этого кружка были Г. Потанин и Ч. Валиханов, которые, как потом писали о них, подобно Герцену и Огареву, давали друг другу «клятву служения родине для достижения общественных идеалов».²

Первые месяцы работы кружка, первые споры по злободневным проблемам современности убедили молодых сибиряков, что они еще не могут ответить на ряд важных вопросов, что в этой части у них просто недостаточно еще не только опыта, но и знаний. Они единогласно решают ехать в Петербург, слушать лекции в университете, связаться с деятелями передового общественного движения, поучиться опыту создания кружков. Еще будучи кадетами, Ч. Валиханов и Г. Потанин строили планы поездки в Петербург для учебы в прославленном столичном университете. Они ночи просиживали, предаваясь трепетным и радужным мечтаниям. Договорились, что Чокан Валиханов поступит на восточный факультет, а Г. Потанин – на естественно-историческое отделение физико-математического факультета, а по окончании университета будут путешествовать по Азии вместе: первый будет заниматься проблемами филологии восточных племен, а второй – естественной историей и собирать коллекции для научных учреждений.³ Эти планы они не оставляли и в период службы офице-

¹ «Сибирская жизнь», 1913, №62.

² «80-летие Г.Н. Потанина». Омск, 1916, стр. 1.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №17.

рами. Наоборот, юношеские мечты приобрели теперь более практический смысл.

Многие из членов кружка, которые впоследствии действительно оказались в Петербурге, попали туда разными путями и способами. Чокан Валиханов отправился в столицу как уже известный своими исследованиями по Востоку ученый, в порядке служебного перевода. И. Пирожков как инородец-офицер подал в отставку. Усов, Чукреев и Потанин как офицеры казачьих войск не могли воспользоваться этим путем, тем не менее они идут на все, чтобы попасть в Петербург. Г. Потанину с помощью П.П. Семенова удается добыть формальную медицинскую справку о заболевании грыжей и выйти в отставку. Но ему, прежде чем отправиться в Петербург, пришлось прожить некоторое время в Томске, где он познакомился с Бакуниным, который назвал Потанина «сибирским Ломоносовым» за то, что Потанин готов был добираться до Петербурга пешком и действительно отправился туда почти пешком – с обозом алтайских золотопромышленников. Бакунин много рассказывал Потанину о революции в Европе, об образовании саксонской республики, о философии Гегеля, о своей встрече с Г. Гейне и К. Марксом.¹ Недаром в советской литературе иногда принято считать, что «первые семена революционности в Потанине заложены Бакуниным».²

Здесь следует заметить, что и Чокан Валиханов имел случай увидеть и услышать Бакунина, который после ареста в Германии, по пути к месту поселения, остановился Омске. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, немец по национальности, заинтересовался личностью Бакунина, «саксонским героем», и решил принять его у себя дома. Валиханов как личный адъютант генерала Гасфорта был свидетелем этой встречи, во время которой этот ссыльный революционер, по его словам, «держался с достоинством, беспримерным в залах генерал-губернаторского дома».³ Об обстановке и деталях этой встречи Валиханов потом сообщил Потанину. Есть некоторые сведения, что Валиханов по поручению Гасфорта сопровождал Бакунина во время его этапирования из Омска в Барнаул.

Из изложенного вытекает, что служба в администрации Западной Сибири во многих отношениях была плодотворной для Чокана Валиханова. В этот период раскрылся его талант исследователя и путешественника, он по-настоящему познает народные думы и стремления, наблюдает и изучает пагубные результаты политики самодержавной

¹ НБГУ, архив Г.Н. Потанина, №5316. Заметки о Бакунине «Деятели революционного движения в России». М., 1929, стр. 71.

² Козьмин Б. Казанский заговор 1863 г. М., 1929, стр.70.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №68.

власти на местах. В эти годы он намного расширяет личные связи с передовыми людьми, в том числе со ссыльными революционерами, и формируется как общественный деятель.

У Чокана Валиханова в этот период складывается твердое убеждение, что общественная жизнь далеко не совершенна, что в ней много существенных пороков, от которых в первую очередь страдают народы, и что проблема устранения этих пороков упирается в существующую систему власти и управления, т. е. в самодержавный строй и порожденный им режим. Чокан Валиханов вначале критикует отдельные стороны этого режима, старается внести поправки в деятельность звеньев местной власти, чтобы облегчить положение народа. Но по мере накопления жизненного опыта и знаний он все больше задумывается над вопросами о путях обновления общества. Накануне прибытия в Петербург в политических убеждениях Чокана Валиханова отчетливо наметился переход на путь социалиста-утописта и революционера, мечтающего об «обновлении» общественной жизни на началах равноправия, свободы и справедливости.

3. Переход на путь русской революционной демократии

Чокан Валиханов прибыл в Петербург в конце 1859 года и жил там до весны 1861 года. Период этот представляет большой интерес. Для России, в особенности для ее столицы, это были беспокойные, волнующие годы.

С большой радостью встретили Валиханова его друзья-сибиряки, прибывшие сюда несколько раньше и обучавшиеся в различных учебных заведениях или служившие в столичных военных и гражданских ведомствах. Пирожков и Потанин числились вольнослушателями Петербургского университета, а Усов состоял слушателем Академии Генерального штаба. Всего молодых сибиряков, знакомых Чокану Валиханову, в столице было около 20 человек.

Чокана Валиханова восторженно приняли ученые-ориенталисты и те из правительственных чиновников, которые по долгу службы или из любопытства следили за его легендарной поездкой в Кашгарию и возвращением с ценными политическими и научными материалами.

С первого же дня пребывания в Петербурге Чокан Валиханов оказался в водовороте его бурлящей и сложной политической жизни. Призывные, воспламеняющие статьи Чернышевского, Добролюбова, Герцена и др., страстные речи разночинцев на «литературных вечерах», чтение запрещенных книг и стихов в кружках землячеств, пение

«мятежных» песен на студенческих и молодежных сходках, недовольство среди части офицерства, перепалки и споры между представителями различных общественных течений – все это целиком захватило Чокана Валиханова. Не без своих друзей-сибиряков он быстро осваивается с политической обстановкой в столице.

Период пребывания Чокана Валиханова в Петербурге характеризуется назреванием революционной ситуации: усилением выступлений крестьян, обострением борьбы различных классов русского общества в связи с подготовкой отмены крепостного права, созданием тайных революционных обществ с целью свержения самодержавия, выступлениями народов, в особенности западных окраин (подготовка к восстанию в Польше). «Рабье молчание было нарушено», – писал В.И. Ленин¹ об этом периоде.

В центре политической жизни и борьбы в стране стоял крестьянский вопрос. За полную отмену крепостного права с наделением крестьян землей без выкупа решительно выступала революционная демократия. Либералы и некоторая часть помещиков стояли за ограниченное освобождение крестьян, через выкуп. Официальная правительственная установка заключалась в том, чтобы земля не попала в руки непосредственных ее хозяев – крестьян. Император Александр II, убеждая русских дворян поддерживать его реформу об отмене крепостного права, хотел избежать неминуемой катастрофы – самоосвобождения крестьян «снизу», что означало бы крах всего крепостного строя во главе с царем. Такая революционная ситуация была вполне реальна. «Настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию... Россия со страхом ждет революции внутри страны», – указывал К. Маркс.²

Отмене крепостного права «сверху» отчаянно сопротивлялась привилегированная верхушка русского дворянства. Дело дошло до того, что накануне 19 февраля 1861 года в столице ходили усиленные слухи о возможном бунте со стороны помещиков.³ Процесс подготовки Манифеста об отмене крепостного права происходил за закрытыми дверями всевозможных секретных комитетов и комиссий, работавших под контролем царя и помещиков. Н.Г. Чернышевский еще накануне опубликования «Манифеста», заранее предвидя уловку царя и

¹ Ленин В.И. Сочинения, т. 21, стр. 259.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 12, стр. 701. Избранные письма, 1953, стр. 109

³ ЦГАОР, ф. 109 (III отделение), оп. 1, д. 1971, л. 11.

помещиков – незначительными уступками крестьянству ослабить его решимость в борьбе и прикинуться его «благодетелями», – сознавая, что это может повлиять на ход классовых выступлений, заявил: «Я предпочел бы, чтобы они (т.е. царь и помещики. – авторы) поступили, как намеревались, совершенно не считаясь с нашими требованиями».¹ Об этой мысли Чернышевского В.И. Ленин писал, что он «понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп – та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов».²

Половинчатый характер освобождения крестьян не замедлил сказаться. Повсеместно в России возникли крестьянские волнения, «Колокол» Герцена стал звучать все сильнее, требуя для народа подлинной воли и земли, русский народ требовал настоящего освобождения и истинной реформы. Как передает А.В. Никитенко, дворовой крестьянин этого времени рассуждал так: «Два года дворовые должны еще оставаться в повиновении у господ. Чорт дери эту бумагу! Два года – как бы не так, стану я повиноваться!».³ После отмены крепостного права, когда либеральная Россия всячески восхваляла освобождение крепостных крестьян и славилась царя, революционная демократия, считая, что народ царем обманут, предприняла практические шаги, направленные на организацию масс, на сплочение сил для дальнейшей борьбы с самодержавием, для подготовки вооруженного восстания с целью свержения монархии. Резкую критику реформы 1861 года, призыв низложить царское самодержавие и дать крестьянам полную свободу и землю содержали почти все прокламации революционного подполья того времени: «Барским крестьянам», «Великорусе», «К молодому поколению», «Молодая Россия» и др.

Недовольство масс царской реформой, повседневное подавление крестьянских волнений силой оружия, призывы «Колокола», «Современника» и революционные идеи, распространяемые подпольной печатью, получили бурный отклик среди передовой молодежи столицы. Студенты стали основывать кассы взаимопомощи, создавать

¹ Лемке М. Политические процессы в России 1860 г. по архивным документам. М.Пг. 1923, стр. 168.

² Ленин В.И. Сочинения, т. 1, стр. 264.

³ Никитенко А.В. Записки и дневник. СПб., 1893, т. 2, стр. 248.

кружки землячества, тесно связанные с тайными обществами. Существовали студенческие кружки малороссов, кружок Т.Г. Шевченко, кружок казанцев, оренбуржцев, кружок студентов-сибиряков, кружок студентов Грузии, кружок поляков, офицерские кружки чернышевцев, В.Н. Обручева, З. Сераковского, П.Л. Лаврова, А. Путяти и т. д. «Русская учащая молодежь, состоявшая по большей части из детей крестьян и других неимущих людей, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что она мечтала уже о немедленном их осуществлении»,¹ — писал К. Маркс, пристально наблюдавший за общественным движением в России. Идейным вдохновителем этого движения был Чернышевский. Почти каждое сколько-нибудь важное политическое событие вызывало реакцию студенческой молодежи Петербурга, а университет был «верным барометром» общественного мнения.²

В начале 1861 г. русская студенческая молодежь решительно высказалась в поддержку польских революционеров, за освобождение Польши. В ответ на правительственные меры, имевшие целью не допустить неимущую молодежь к высшему образованию и подчинить высшее образование произволу полиции, студенты выразили энергичный и единодушный протест, который был вынесен на улицу и вылился во внушительные манифестации. Петербургский университет после этого на некоторое время закрыли, а группа студентов частью была заключена в тюрьму, частью сослана. На эти манифестации студенты ходили землячествами, кружками. В ходе демонстрации они поддерживали тесную связь с Н.Г. Чернышевским через студента, члена тайной революционной организации «Земля и воля» Н. Утина, которого реакционеры, считая правой рукой Чернышевского, в своих анонимных записках требовали удалить за границу. Бывший студент В. Сорокин в своих воспоминаниях указывает, что студенты в течение длительного времени находились в тесной связи с Чернышевским, Добролюбовым, Лавровым.³

Для обсуждения злободневных вопросов политики и пропаганды революционных идей использовались как нелегальные, так и легальные формы организации. Таковыми были воскресные школы, комитет литературного фонда и шахматный клуб, которые царское правительство впоследствии закрыло.⁴ Проводились целевые литературные чтения, где выступали Н.Г. Чернышевский, Т.Г. Шевченко, Я.П. Полонский, А.Н. Майков, Ф.М. Достоевский, А.Н. Плещеев и другие.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 18, стр. 389.

² «Общественное движение при Александре II». Париж, 1905, стр. 99.

³ Лемке М. Политические процессы в России, стр. 176; Сорокин В. Воспоминания старого студента. «Русская старина», т. 128, 1906, №1, стр. 447.

⁴ Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 235; Баскаков В.Г. Мирозозрение Чернышевского. М., 1956, стр. 246, 275.

О многогранной деятельности революционной демократии один из непосредственных участников студенческого движения и член тайной революционной организации «Земля и воля» Л.Ф. Пантелеев отозвался так: «Новое движение с самого своего возникновения пошло двумя руслами: одно имело целью постепенное создание общественного мнения, которое, ставши голосом всей страны, должно было неминуемо привести к обновлению нашего политического строя; другое течение направилось на путь пропаганды и организации сил, чтобы подготовить почву для массового выступления, без которого оно не представляло себе возможности коренного переустройства; оба течения не чередовались, а шли рука об руку».¹

Опираясь на массу революционного студенчества, офицеров и недовольных реформой крестьян, Чернышевский, по словам А.И. Герцена, «решился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшим и стремившимся что им делать».² Для достижения намеченной цели революционная демократия создает свою тайную организацию «Земля и воля» и приступает к объединению масс для подготовки вооруженного восстания к весне 1863 года – к сроку истечения подписания уставных грамот крестьянами. В подготовке этого восстания молодому поколению руководители «Земли и воли» отводили особое место.

В момент прибытия Чокана Валиханова в Петербург политическая атмосфера была накалена борьбой мнений различных классов, ожиданием близкой отмены крепостного права. Повсюду чувствовалось назревание революционного взрыва. В революционизировании масс особую роль играли кружки передового студенчества России.

Одним из таких кружков было «Сибирское землячество», созданное по инициативе Г.Н. Потанина. Активным членом кружка был и Чокан Валиханов. Этот кружок имел ряд особенностей, обусловленных тем, что все его участники были выходцы из Сибири и связаны с непосредственными интересами края. Но они занимали разное положение и по-разному понимали задачи кружка. Со временем члены кружка более или менее четко определили свою цель, выработали общую платформу. В основном это были горячие головы, страстные мечтатели, более того, талантливые молодые люди, многие из них потом выросли в крупных ученых, стали видными писателями, поэтами и публицистами с явно выраженными демократическими и нередко революционными убеждениями.

Члены сибирского кружка привезли с собой в Петербург дух протеста против политики царского правительства в Сибири: дух

¹ ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2.

² «Колокол», 1867, №233-234.

вольнодумного общинного крестьянства, недовольного усилением помещичьей и чиновничьей власти над ним и налоговым бременем, настроения рядового казачества, возмущенного сословным принижением и притеснениями со стороны царских наместников, думы зарождающейся молодой интеллигенции о просвещении и культурном развитии края, об обращении его богатства на неотложные собственные нужды, общие настроения протеста против превращения Сибири в область массовой ссылки и в простой, окраинный придаток хозяйства и интересов Центральной России, против колониальной политики в отношении малых народов. Эти идеи в условиях революционного движения за освобождение крестьян из-под кабалы помещиков получают новую окраску, новое развитие.

В зачаточной форме сибирский кружок вначале был создан студентом Петербургского университета Н.С. Щукиным за два года до приезда Чокана Валиханова. Этот молодой, энергичный «апостол новой идеи» с увлечением говорил о свободе и реформах. Он был хорошо знаком с Добролюбовым, поддерживал тесный контакт с В.С. Курочкиным.¹

Как писали его современники, «Щукин был типичный студент того времени; он небрежно учился, но с увлечением занимался пропагандой научных знаний и политических идей».² В эту группу входили студент Сидоров (родом из Кузнецка), художник Песков – из Иркутска, студенты Буланов – сын томского крестьянина, Перфильев – из Иркутска и молодой поэт Омуревский. Все они сходились в одном: набраться знаний и идей в столице и потом поехать в Сибирь, бороться за ее прогресс и просвещение. Сам Щукин мечтал по окончании университета наладить в Иркутске издание журнала наподобие петербургских, а Песков думал накопить деньги от реализации своих картин и открыть на эти средства школу живописи в одном из городов Сибири.³

Эта сибирская группа, однако, вскоре распалась. Буланов умер, Омуревский уехал в Вильну, Песков отправился писать этюды на юг, Сидоров поссорился со Щукиным и оставил группу. Тогда Щукин и Перфильев разыскали вновь прибывшего Г.Н. Потанина (1858 г.) и стали организовывать новый, более многочисленный кружок земляков. Они привлекли в него всех подходящих молодых людей из Сибири, обучавшихся в университете, духовной академии, медицинских и военных учебных заведениях и некоторых служащих и офицеров. И хотя организатор кружка Щукин, провалившись на экзаменах в уни-

¹ Ядрищев Н.М. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919, стр. 7.

² «Сибирская жизнь», 1913, №28.

³ Там же, 1913, №68.

верситете и не совсем обдуманно женившись, переезжает на работу в Иркутск, кружок «Сибирское землячество» продолжал существовать, все больше креп и приобретал определенную организационную форму. Он постепенно перерастает в кружок патриотов Сибири, следующих за революционно-демократическими идеями и мечтающих обновить свой край.

Г.Н. Потанин прибыл в Петербург весьма зрелым общественным деятелем. За его плечами в отличие от многих сибиряков, находившихся в столице, была шестилетняя служба офицером в казачьих частях. Он к этому времени, по его словам, потерял веру в царя, перенял революционные идеи петрашевцев. «Ко дню моего отъезда из Омска, – писал он, – я начал определять задачу молодого сибиряка, охваченного идеями о свободе, науке, о прогрессе и просвещении, и решившего ехать в университет..., а потом вернуться в Омск, вступить в борьбу с ними (т.е. царскими наместниками в Сибири. – Авторы) и победить их тем же оружием, каким они вооружены».¹

Об этой своей цели он говорил Дурову, Лободовскому и Бакунину. Все они давали советы Потанину и в основном одобряли его личный план. Таким он явился в столицу и неудивительно, что при первых встречах с Щукиным находил, что их политические убеждения были в основном одинаковыми.²

В сибирском кружке Потанина принимали участие Ядринцев, Сидоров, братья Черемшанские, Наумов, Усов, Куклин, Федоров, Смирнов, Павлинов, Колосов, Перфильев, Крюков, Лосев, Шестаков, Пирожков. В нем происходили жаркие споры. Как писал один из его членов, это было время, когда «каждый спешил исповедоваться, как на духу, каждый высказывал заветнейшие мысли, это было как бы начало освобождения мысли, разума».³

Горячие обсуждения вопроса о будущности Сибири привели к расколу кружка на две группы. Одна из них, возглавляемая Потаниным, увлеченная идеями служения своему краю, требовала, чтобы все сибиряки по окончании учебы возвратились в обязательном порядке в Сибирь и посвятили свои знания и силы делу ее прогресса, просвещения и обновления. Другая группа, возглавляемая Павлиновым, считала необязательным всем возвращаться в Сибирь. Но это был только формальный повод для раскола, на самом деле он определялся

¹ «Сибирская жизнь», 1913, №62.

² По характеристике Потанина Щукин был настоящим «Дон-Жуаном революции. Это был юноша пылкий, как Дюмулен, когда требовался подвиг, он долго не задумывался... Каждую минуту он был готов встать на баррикады. Несправедливость моментально превращала его в протестующего». («Сибирская жизнь», 1913, №93).

³ «Сибирский сборник», 1888, вып. 1, стр. 23.

более глубокими причинами. Группа Потанина была более радикально мыслящая, более патриотически настроенная, склонная к более решительным действиям. Она искренне верила в возможность приобщения Сибири к цивилизации и ее обновления своими силами, почему и выдвигала такое крайнее требование «сибиряку быть в Сибири». Группа Павлинова, за исключением отдельных членов, проповедовала умеренность и, можно сказать, не верила, что небольшая кучка интеллигентов в состоянии что-либо изменить в Сибири, хотя любила свой край и желала его процветания. В позиции этой группы были и положительные моменты. Павлинов и другие делали, например, упор на то, что Сибирь нуждается в поддержке и помощи Центральной России, что она своими внутренними силами не может добиться успеха.

Идея органической связи с центром заслуживала внимания. Дореволюционный исследователь М. Лемке так и писал, что «павлиновцы никогда не полагались на возможность для Сибири проявить свое собственное «я» без постоянной помощи и поддержки из-за Урала».¹ Разногласия привели к тому, что павлиновцы покинули кружок. Однако некоторые из них скоро вернулись обратно, это произошло накануне приезда Ч. Валиханова. Прибытие Чокана внесло известное оживление в деятельность кружка сибирских патриотов. Во-первых, потому, что его личность как ученого-востоковеда представляла большой интерес для многих студентов-сибиряков, в особенности для тех из них, которые обучались на гуманитарных факультетах. Кроме того, его общее интеллектуальное и политическое развитие котирировалось среди сибиряков очень высоко. Во-вторых, Чокан Валиханов был в курсе последних новостей в Сибири и тонко знал детали управления краем. В-третьих, он сразу же по прибытии в Петербург стал заводить широкие знакомства с учеными, с литературными и государственными деятелями, а также видными представителями общественной мысли. Он как бы был окном для сибиряков в большую политику. В-четвертых, с его появлением в кружок пришли его друзья: С. Капустин и офицер генштаба А. Голубев, а также врач Белоголовый, В. Чуйко и С. Шишков. И, наконец, его остроумие и способность постоянно оживлять товарищескую компанию также имели определенное значение для работы кружка.

До приезда Ч. Валиханова члены кружка собирались еженедельно, поочередно на своих квартирах, а потом «иностронец художник Джогин предложил патриотической партии (так стали называть себя сибиряки. – Авторы) свою гостеприимную квартиру».² Иностранец

¹ Лемке М. Ядринцев Н.М. СПб., 1904, стр. 44.

² Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания, стр. 11.

попал в среду сибиряков через Пескова, который учился в Академии художеств. Джогин рассказывал сибирякам о национально-освободительном движении в Италии под руководством Гарибальди и о революционных событиях в Европе.¹

С приездом Ч. Валиханова в Петербург в его квартире часто стали собираться наиболее близкие ему члены «Сибирского землячества». «Для своих товарищей сибиряков, бедных студентов, Чокан устраивал особые вечера. На этих вечерах собиралось человек до десяти»², – писал Г. Потанин. Здесь бывали Потанин, Анненский, Голубев, Ядринцев, Пирожков, Шашков, Усов, Наумов, Оммулевский-Федоров, Песков, Чуйко, Куклин, Худяков и др.³

Почти все эти лица в истории общественно-политической мысли России, в особенности Сибири, оставили значительный след.

Большая часть сибиряков жила в одном доме на Васильевском острове. Многие из них, в особенности студенты, такие как Потанин, Ядринцев, Наумов, Куклин, Худяков, жили неважно. Валиханов, получавший приличный оклад по службе, оказывал им материальную помощь и поддержку.⁴

Чокан Валиханов, как и многие его друзья по сибирскому кружку, был горячим поклонником освободительных идей шестидесятых годов. Он не только находился под впечатлением этих идей, почерпнутых из петербургских журналов и газет, но и лично был знаком с рядом видных деятелей, составлявших ближайшее окружение Чернышевского, Добролюбова и Некрасова. К сожалению, нам неизвестны детали этих встреч, тем более содержание бесед. Валиханов в свою бытность в Петербурге не выступал со статьями и, по-видимому, не вел дневника. Это, разумеется, несколько затрудняет изучение петербургского периода его жизни. Пробел в этой части может быть в той или иной степени восполнен всесторонним анализом всех относящихся к характеристике его политического убеждения высказываний современников, материалов и событий.

¹ Там же, стр. 4; «Сибирская жизнь», 1913, №248.

² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 27-28.

³ Шашков С.С. Собрание сочинений, т. 2, СПб., 1898, стр. 598-599; Ядринцев Н.М. К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, №6, стр. 153; Попов И.И. К 80-летию Г.Н. Потанина. «Голос минувшего», 1915, №1, стр. 290; Полное собрание сочинений Оммулевского, т. I, стр. 7; Кожевников С. Н.И. Наумов. Новосибирск, 1952, стр. 19.

⁴ Чокан Валиханов получал оклад в Генеральном штабе и в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Кроме того, ему помогал отец. В целом он имел не менее 3000 руб. в год. Это была большая сумма, если учесть, что студент на наем комнаты и на свое содержание в среднем расходовал в год около 300 рублей, а годовой оклад такого высокопоставленного чиновника в Сибири, как начальник областного правления сибирских казахов, составлял 687 рублей.

Для нас, например, известно, что Чокан Валиханов более резко высказывал свои «демократические убеждения», чем его друзья – Потанин, Капустин, Ядринцев и другие, так же как и он, увлеченные идеями шестидесятых годов и воспитанные ими, и что в критике общий вопрос царской политики он не расходился со своими ближайшими друзьями из числа сибирской молодежи, а был даже более глубоким. Эти свидетельства современников служат ключом для раскрытия и понимания идейных моментов, которые определяли его тогдашние политические убеждения.

Нами было указано, что в сибирском кружке собрались в основном активные, преданные своим убеждениям молодые люди. На вопрос о том, в чем главным образом сходилась с ними Чокан Валиханов, можно ответить – в стремлении бороться за прогресс, просвещение и обновление Сибири и народов, населяющих ее, в том числе казахов. Причем задачу эту они понимали не узко, а собирались решать ее совместно с передовыми силами России того времени. Что это было именно так, можно убедиться на примере дальнейшей деятельности некоторых видных членов кружка, особенно близких Валиханову.

Возьмем прежде всего Г.Н. Потанина – организатора кружка, а несколько позже – члена организации «Земля и воля».¹

За участие в студенческих волнениях он осенью 1861 года был заключен в Петропавловскую крепость, где просидел три месяца.² Потанин был в близких отношениях с Л.Ф. Пантелеевым, руководителем революционных студенческих кружков, и считал его одним из своих политических друзей.³ Л.Ф. Пантелеев, будучи членом «Земли и воли», входил в пятерку Н. Утина. О значительной роли Л.Ф. Пантелеева в революционном движении молодежи столицы говорит тот факт, что через семь дней после его ареста (30 декабря 1864 года) Герцен уже знал об этом и известил Огарева и Н.А. Тучкову-Огареву. С Л.Ф. Пантелеевым были знакомы Н.И. Наумов и Н.М. Ядринцев.⁴

В 1862 году руководители «Земли и воли» получили директиву Огарева – скорее организовать Кавказ и Урал.⁵ Летом член ЦК «Земли и воли» А. Слепцов по рекомендации Пантелеева посылает на Урал Г. Потанина для создания там местной землевольческой организации.⁶ Переодетый в мещанскую одежду, Потанин проехал от Уральска до

¹ *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М. 1958, стр. 296.

² *Лемке М. Н.М. Ядринцев*, стр. 45.

³ «Сибирская жизнь», 1914, 5 января.

⁴ *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания, стр. 9, 391, 567.

⁵ *Нечкина М.В.* «Земля и воля» 60-х годов. «История СССР», 1957, №1, стр. 130.

⁶ *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания, стр. 296; «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи», стр. 299.

Гурьева и обратно и вернулся в Питер через Оренбург. «Я должен был собрать сведения об оппозиционных элементах в том крае, куда я еду, и установить с ними сношения впредь», – писал Г.Н. Потанин.¹ Г. Потанин был тесно связан также с революционерами Поволжья и Казани,² был женат на сестре члена Казанского комитета «Земли и воли» К.В. Лавровского – А.В. Лавровской, впоследствии известной путешественнице.³ Иногда в литературе при характеристике политических взглядов Потанина смешивают совершенно различные периоды его жизни: шестидесятые годы и последние десятилетия его деятельности, когда он порвал с революцией и превратился в демократа с либеральными взглядами. В шестидесятые годы Г.Н. Потанин входил в плеяду молодых революционеров, которые были воспитаны школой Белинского и Чернышевского.

Другой сибиряк, близкий Чокану Валиханову, Н.Ф. Анненский, стал впоследствии видным деятелем общественной мысли России. О годах, проведенных в Петербурге, и тесных связях с другими молодыми сибиряками он писал: «Россия стояла накануне великого перелома в своей исторической жизни. Старый крепостной порядок еще сохранил свое господство и еще очень больно давал себя чувствовать... Мы уже видели впереди святое солнце свободы, которое должно рассеять мрак окружавшей нас ночи и разогнать все темные силы, таившиеся под ее покровом».⁴ Н. Ядринцев называл Анненского верным сыном шестидесятых годов. С. Елпатьевский⁵ свидетельствует: «Юность Николая Федоровича прошла под огромным влиянием Герцена, о чем, как и о значении Герцена для России конца 50-х и начала 60-х годов, он много раз говорил мне раньше». Д. Анненская, жена Н.Ф. Анненского, писала о муже: «Он был одним из представителей той революционно настроенной среды, без существования которой едва ли была бы возможна деятельность настоящих революционеров».⁶ Н.Ф. Анненский принимал участие в составлении и обсуждении многих статей «Земли и воли», «Народной воли». Статистик Анненский позднее примыкал к революционному народничеству и выступал с разоблачением карательной политики царизма.⁷ В 1907 году им была выпущена книга «Галерея шлиссельбургских узников». В.И. Ленин считал данные

¹ «Сибирская жизнь», 1917, №132.

² Смолин В. Г.Н. Потанин (80-летие), стр. 14.

³ «Сибирская жизнь», 1914, №222.

⁴ Анненский Н.Ф. Сорок лет тому назад. Литесборник «На славном посту». СПб., 1900, стр. 431.

⁵ Елпатьевский С. Литературные воспоминания, ч. II, стр. 114.

⁶ «Русское богатство», 1913, №1, стр. 75-76.

⁷ Лемке М. Н.М. Ядринцев, стр. 189; БСЭ, т. 2, стр. 462.

Анненского более достоверными по сравнению с данными других статистиков.¹

Николай Михайлович Ядринцев – сибиряк, из купеческой семьи. Отец Ядринцева находился в близких отношениях с декабристами Штейнгейлем, Анненковым, Свистуновым.²

Юношей, учась в Томской гимназии, Ядринцев увлекся статьями Белинского и русской передовой литературой. Это увлечение еще более усилилось в связи с приездом из Петербурга в Томск Щукина, который был страстным пропагандистом идей русской революционной демократии.³ По пути в Петербург (1860 г.) Н. Ядринцев познакомился в Казани с ярким противником крепостного права, молодым ученым-вольнодумцем А. Щаповым. Эти и последующие встречи с ним произвели на Ядринцева сильное впечатление и оказали определенное влияние на его политические взгляды. О периоде совместного пребывания с Потаниным и Чоканом Валихановым в Петербурге (1860 – 1861) Н.М. Ядринцев писал: «Акт нашего местного самосознания совпал с великим актом пробуждения русской жизни. Мы помним это время... после кровопролитной войны (Крымская война. – Авторы), а над русской землей всходило яркое солнце, солнце новой жизни и обновления. Оно встретило нас, когда мы явились с нашей далекой родины в университеты в конце 50-х годов. Нечего говорить, что университет, особенно Петербургский, играл тогда роль фокуса, отражавшего умственную жизнь всего общества, и был центром обмена идей между лучшими представителями старого поколения и восприимчивыми поколениям нового».⁴

По прибытии в Петербург Н. Ядринцев принял активное участие в организации кружка сибирских патриотов, стал сотрудничать в «Искре», постоянно посещал «редакционные утра» у В. Курочкина, ближайшего единомышленника Н.Г. Чернышевского. Известно, что с В. Курочкиным находился в тесной дружбе и Чокан Валиханов.

После разгрома видных деятелей освободительного движения 60-х годов Н. Ядринцев перешел на исследовательскую и публицистическую работу. Им опубликован ряд интересных трудов об истории ссылки в Сибирь, о положении малых народов Сибири, о передовых деятелях края в шестидесятых годах.

В этих трудах тогдашняя действительность обрисована весьма

¹ Ленин В.И. Сочинения, т. 1, стр. 192.

² «Сибирский сборник», 1895, вып. 3, стр. 77.

³ Лемке М. Н.М. Ядринцев, стр. 27; Кожевников С. Н.И. Наумов, стр. 17; «Воспоминания о Н.М. Ядринцеве», 1894, стр. 5, 7; Потанин Г.Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, №93.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания, стр. 3.

неприглядной. В одной из работ, изданной за границей, содержатся, например, такие характеристики пореформенного периода: «После освобождения крестьян община сильно изменила свой склад, выдвинулось кулачество, объявились обезземеленные крестьяне, и в России обнаружился тот же аграрный вопрос и безземелье, которое считалось только язвой запада»; «Кто не знает, что в Китае китайщина и бамбуки, в Турции шнурок, а в России полицейские палки и розги... Мы видим, что это эпоха застоя, разложения и внутреннего и внешнего бессилия».¹

Современники Н.М. Ядринцева высоко ценили эту цельную натуру, его идейную последовательность, преданность интересам народа и крестьян и называли его иногда «шестидесятником чистой воды и другом инородцев Сибири». Он действительно был настоящим защитником интересов малых народов Сибири.

Н.М. Ядринцев был личным другом Валиханова. Будучи в тюрьме, он написал некролог на смерть Чокана Валиханова и опубликовал его в газете «Сибирский вестник», а спустя почти 30 лет поместил краткие воспоминания о нем в «Записках Русского географического общества».

Коротко скажем о других сибиряках, окружавших Чокана Валиханова в Петербурге.

Ф.Н. Усов, в свое время окончивший Омский кадетский корпус, школьный товарищ и общий друг Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина. Он был самым молодым членом казачьего кружка в Омске. В Петербурге Усов, как казачий офицер, слушал лекции в Военной Академии, жил вместе с Потаниным, Ядринцевым и Наумовым в одном доме, всецело разделял их убеждения.

Николай Иванович Наумов, впоследствии писатель, занимал видное место в народнической литературе. Наумов родился в Тобольске. Его отец принимал в своем доме ссыльных декабристов.² В Петербурге Потанин, Ядринцев, Наумов и Куклин артельно обедали.³ С Наумовым дружил и много ему помогал Г.З. Елисеев. За непосредственное участие в студенческих волнениях в 1861 году Наумова исключили из университета. В 1862 году Наумов был арестован как член «Земли и воли».⁴ В советской литературе Н. Наумов правильно назван революционным народником.⁵ Романом Н. Наумова «Сила солону ломит», по словам Плеханова, в 70-х годах зачитывались, и народники пропагандировали это произведение среди крестьянства.⁶

¹ Ядринцев Н. Иллюзия величия и ничтожество. Женева, 1897, стр. 5, 7.

² Кожевников С., Наумов Н.И., стр. 10.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Кожевников С. Н.И. Наумов, стр. 23.

⁵ Наумов Н.И. Сочинения. М., 1933, стр. 10.

⁶ Наумов Н.И. Избранные произведения. Новосибирск, 1951, стр. 3.

И.В. Омудевский-Федоров, страстный патриот Сибирского края, писатель, сложившийся под влиянием Чернышевского и Писарева. В 1873 году был заключен в Петропавловскую крепость за «недозволенные отзывы» о правительстве. Им написан запрещенный царизмом роман «Попытка – не шутка». Другим романом Омудевского «Шаг за шагом» молодежь зачитывалась в те времена, и он произвел настоящую сенсацию.¹

Современники считали Омудевского-Федорова бойцом-шестидесятником.²

С.С. Шашков – пылкий сибиряк, перешедший из духовной академии на восточный факультет университета. Шашков, так же как и Наумов, был близок с Г. Елисеевым, которого уважал и ценил всю жизнь. Одно время он жил в квартире А. Щапова, многому у него учился.³ Вернувшись к середине 60-х годов в Сибирь, развернул кипучую деятельность, читал публичные лекции о произволе и взяточничестве чиновников, о попрании ими и без того куцых законов. Он проповедовал борьбу за свободу личности, за республиканскую форму правления и за прогресс Сибири. Все это показалось ревностным защитникам царя «призывом к мятежу»,⁴ и вскоре С.С. Шашков был арестован.

Ипполит Пирожков – бурят по национальности, казачий офицер, служивший в Омске. И. Пирожков еще будучи кадетом старался привить окружающим демократические вкусы. В Петербурге И. Пирожков увлекался философией Гегеля.⁵

В.В. Чуйко был потом членом «Земли и воли», вместе с А. Строниным, А. Рошиным, С. Капустиным входил в одну из пятерок, созданных А. Слепцовым. За границей учил дочь А.И. Герцена (1863), как член «Народной воли» был привлечен к процессу 14-ти.⁶

Иван Александрович Худяков, выходец из бедной семьи г. Тобольска, жил вместе с Потаниным, Ядринцевым и др. В Петербурге ощущал острую материальную нужду и проявлял решительность в своих политических суждениях против царя и самодержавного строя. Несколько позже примкнул к революционной группе самоотверженных каракозовцев, был инициатором неудавшейся попытки освобождения Н.Г. Чернышевского⁷ из сибирского заточения.

Даже из этой краткой характеристики членов сибирского кружка в Петербурге можно прийти к следующему заключению.

¹ Полное собрание сочинений Омудевского, т. 1, введение.

² «Сибирский сборник», 1886, №4, стр. 140.

³ Лемке М. Н.М. Ядринцев, стр. 48; «Новое время», 1876, №196.

⁴ «Сибирская жизнь», 1914, №9.

⁵ «Сибирская жизнь», 1913, №26; М. Лемке. Н.М. Ядринцев, стр. 38.

⁶ «Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1958, стр. 301, «Календарь русской революции», стр. 242; ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 100, ч. 113, л. 21.

⁷ «Сибирская жизнь», 1914, №94.

Этот кружок не был случайным союзом молодых людей, ищущих приключений или просто увлекающихся всякой жизненной новизной; это были молодые, страстные и в основном преданные деятели освободительного движения; в большинстве это были одаренные и образованные люди своего поколения, и это в совокупности с их верностью передовым идеям делало сибирский кружок по-своему оригинальным и важным. Вот почему видные деятели русской революционной демократии, включая ближайших соратников Чернышевского, находились в контакте со многими членами кружка. Добролюбов, Курочкин, Пантелеев и другие идеологи и руководители русской революционной демократии лично знали некоторых членов этого кружка и постоянно были связаны с ними. Такие сибиряки, как Валиханов, Потанин, Щукин, Ядринцев, Наумов и другие, участвовали в литературных сходках, организуемых революционерами-публицистами, сотрудничали в их печатных органах, вплоть до «Колокола» Герцена.

То, что многие видные члены сибирского кружка уже в 1861 – 1862 годах вошли в тайную революционную организацию «Земля и воля», идейным и непосредственным вдохновителем которой был Н.Г. Чернышевский и которая ставила задачу организации масс и подготовки к крестьянскому вооруженному восстанию, говорит о многом. Между тем, как известно, Чокан Валиханов находился в числе видных членов этого кружка.

Интересно теперь узнать, чем занимались в сибирском кружке его участники, как была организована его внутренняя жизнь. С внешней стороны это, конечно, было похоже на товарищество молодых людей, связанных землячеством. Под таким определением этот кружок был известен и в агентурных органах, в том числе в III отделении. На своих собраниях сибиряки, как правило, пили пиво, закусывали, говорили вначале обо всех новостях – в литературе, общественных организациях и в государственной политике, пели песни. Но собирались они не ради этого. Здесь шел разговор о замыслах новых статей и стихов с разоблачением злоупотреблений или выражением протеста против общественной несправедливости, о конституции, республике, социализме и революции, о публицистике и передовых идеях на Западе и в России и т.п. Ч. Валиханов и его друзья занимались в кружке политическим самообразованием, читали «Колокол» Герцена, статьи Чернышевского и Добролюбова в «Современнике», перечитывали Белинского, смеялись над карикатурами «Искры» (филиал «Современника») знакомились с учением социалистов-утопистов, с политическими взглядами вождей Великой французской революции, анализировали политическое положение России, т. е. обсуждали самые острые и злободневные вопросы

современной им действительности и политики. Сами участники сибирского кружка в Петербурге позже указывали, что он состоял из разных людей, но «все они были настроены революционно...».¹ Они стремились связать свои убеждения с практическими мерами по обновлении Сибири, и этот вопрос вызывал горячие споры и разногласия.²

Иногда в кружке бывали представители старшего поколения. Например, петрашевец А.Н. Плещеев читал лекции на темы: «Все люди братья», «Всем трудящимся на благо». Это было нужное дело, «но еще дороже было, – писал Н. Ядринцев, то нравственное воздействие, тот пример гражданской доблести и силы убеждения, которую он внушал, стоя несокрушенным ратником среди рedeющих борцов своего поколения».³ Сам Чернышевский считал деятельность Плещеева «безукоризненной и полезной».⁴

В кружке сибиряков выступал также Г.З. Елисеев – сибиряк, сотрудник «Современника» и заместитель ЦК «Земли и воли».⁵ П.Л. Лавров, считая борьбу против абсолютизма традицией русской интеллигенции, назвал Елисеева лучшим и самым верным представителем русской мысли в эпоху тяжелой реакции.⁶ По словам Г. Потанина, сибирские патриоты обязаны Елисееву «своим воспитанием в духе демократических идей».⁷

Заглядывал в кружок и Ф.М. Достоевский. Здесь он однажды прочел отрывок из «Записок мертвого дома».⁸ Позднее, когда реакция обвиняла студентов в поджоге города, Ф.М. Достоевский выступил в их защиту, возражая против клеветы.⁹ По свидетельству Н. Ядринцева, для членов кружка обещали прочесть лекции также Г. Успенский и В. Семевский.¹⁰

Когда сибиряки собирались на квартире Чокана Валиханова, здесь часто присутствовал его друг – офицер генштаба, сибиряк А. Голубев, который вел политическую агитацию среди офицеров генштаба.¹¹ По словам Г. Потанина, Голубев «горячо сочувствовал стремлениям русского общества к политической свободе». «Однажды, – продолжает Потанин, – он пригласил меня к себе вечером

¹ «Сборник к 80-летию со дня рождения Г.Н. Потанина». Томск, 1915, стр. 63.

² «Сибирская жизнь», 1913, №103.

³ «Восточное обозрение», 1893, №65.

⁴ «Русская литература», 1961, №2, стр. 127, 134.

⁵ Баскаков В. Мировоззрение Чернышевского, стр. 302.

⁶ Лавров П. Последовательные поколения. Женева, 1892, стр. 4, 49.

⁷ «Сибирская жизнь», 1916, 20 января.

⁸ «Сибирский сборник», 1897, вып. 4, стр. 399.

⁹ «Печать и революция», кн. 2-3, 1929, стр. 59-76.

¹⁰ «Восточное обозрение», 1893, №65.

¹¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 28.

на чай. Я застал у него большую компанию офицеров генштаба. За чайным столом шли горячие разговоры о внутренней русской политике. Голубев в своем порыве к новой жизни превосходил всех своих гостей».¹

Некоторые из сибирских патриотов бывали на квартире известного польского революционера, друга Чернышевского Зигмунда Сераковского, казненного царским правительством в 1863 году как участника вооруженного восстания поляков.² На вечерах, устраиваемых Сераковским, «обсуждались почти все социально-политические вопросы».³

Большинство участников сибирского кружка, в том числе и Валиханов, посещали лекции Костомарова, посвященные племенно-федеративной теории устройства государства. Здесь они видели и Т. Шевченко.⁴ «Я помню лекции Костомарова и других любимых профессоров, почти публичные, – писал Н. Ядринцев. – Университетский зал потрясался от восторга слушателей, юношей охватывал трепет. Они испытывали то, что испытывали люди под первым обаянием ораторов, мыслителей, проповедников истины и науки».⁵

Сибирская молодежь также посещала кружок Т. Шевченко, восхищалась его поэзией; среди них было особенно популярно его стихотворение «Сон». В Петербурге «на головы сибирских патриотов обильно сыпались новые идеи, новые течения». На них «хлынуло все разом – европейская жизнь, история и идеи, волновавшие Европу полвека», – писали некоторые из них в своих воспоминаниях.⁶

Сибирские патриоты, несмотря на то, что они принадлежали к разным социальным слоям, проходили в кружке хорошую школу идейной закалки, становились политически зрелыми людьми. Они стали хорошо разбираться в современной им политической обстановке, видеть достоинства и недостатки главных течений русской общественной мысли. Они осуждали русский либерализм, сторонников теории «официальной народности», славянофилов и западников. Н.М. Ядринцев назвал русский либерализм «забавой, а не делом».⁷

Деятельность кружка сибирских патриотов была известна Чернышевскому,⁸ а руководитель кружка Г.Н. Потанин неоднократно посещал

¹ «Сибирская жизнь», 1917, №127.

² «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 100.

³ Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М., 1953, стр. 107.

⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 28; Пантелеев Л.Ф. Воспоминания, стр. 235.

⁵ Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919, стр. 10.

⁶ Потанин Г.Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, №109; М. Лемке. Н.М. Ядринцев, стр. 28.

⁷ ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 196, л. 49.

⁸ «Восточное обозрение», 1884, №26.

великого революционного демократа и беседовал с ним.¹ Г.Н. Потанин еще в Сибири был знаком с другом Чернышевского В. Лободовским и из его рассказов знал о Чернышевском и его идеях. Лободовский даже обещал дать Потанину рекомендательное письмо к Н. Чернышевскому, но обстоятельства помешали Потанину запасть этим письмом. По приезде в Петербург, несмотря на отсутствие рекомендательного письма, Г. Потанин все же решил навестить Н. Чернышевского. Свои встречи с Н. Чернышевским он описал в «Воспоминаниях о Н.Г. Чернышевском». Эти воспоминания Г. Потанина обнаружены нами в ЦГАЛИ СССР в Москве.²

В самом начале Потанин пишет: «Мне не удалось расширить свое знакомство с Николаем Гавриловичем Чернышевским до более крупных размеров, оно ограничилось только двумя встречами с ним».³ В воспоминаниях же Потанина идет речь только о первой его встрече с ним и нет ни слова о второй.⁴ Из воспоминаний видно, что эти встречи состоялись до возвращения Чернышевского в Саратов. Поэтому уместен вопрос, когда же состоялась вторая встреча с Чернышевским? Следует предположить, что она состоялась до 15 ноября 1861 года, так как начиная с 15 ноября, все лица, встречавшиеся с Чернышевским, фиксировались тайной полицией, а в их числе нет имени Г.Н. Потанина. 7-го же июля 1862 года Чернышевский был арестован. Следовательно, вторая встреча Потанина с Чернышевским состоялась до 15 ноября 1861 года, то есть в период пребывания Ч. Валиханова в Петербурге.

В этой связи следует сказать об одной путанице, получившей распространение. В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в Москве, в личном фонде Н.Г. Чернышевского (фонд 1, опись 1, ед. хр. 611) имеется статья П.Н. Карелина под названием: «Потанин о Чернышевском». В этой статье П.Н. Карелин, ссылаясь на материалы журнала «Исторический вестник» (№1 за 1905 год), где напечатаны «Воспоминания о Н.А. Некрасове» Гавриила Никитича Потанина, пишет о якобы отрицательном отношении Григория Николаевича Потанина к революционной деятельности Н. Г. Чернышевского. Вдобавок к этому П.Н. Карелин считает Григория Николаевича Потанина сибирским сепаратистом, далеко стоявшим от революционеро-шестидесятников. Ошибка П.Н. Карелина, принявшего воспоминания Гавриила Никитича Потанина – одного из недоброжелателей Н.Г. Чер-

¹ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 666, лл. 1-11; НБТГУ, архив Потанина. Заметки о Бакуине, №5317.

² ЦГАЛИ, ф. 1 (фонд Чернышевского), оп. II, ед. хр. 616; *Потанин Г.Н.* Воспоминания о Н.Г. Чернышевском.

³ Там же.

⁴ Там же.

нышевского по работе в журнале «Современник», за воспоминания Григория Николаевича Потанина привела его к повторной ошибке, выразившейся в опубликовании им в журнале «Экран» (№48 за 1928 год) статьи под названием «Встречи с Чернышевским Потанина», где вновь Гавриил Никитич Потанин выдается за Григория Николаевича Потанина. Поверхностное отношение к освещению деятельности Григория Николаевича Потанина, допущенное П.Н. Карелиным, еще более затуманило и без того не совсем правильно обрисованную картину его политической деятельности.

Историческая правда состоит в том, что Григорий Николаевич Потанин имел две встречи с Н.Г. Чернышевским. В то время он поддерживал Н.Г. Чернышевского и оставался его горячим поклонником. Однако это не означает, что у Г.Н. Потанина не было своих взглядов или каких-либо отступлений. Но в целом, в нем всегда брала верх линия революционной демократии 60-х годов. Следует решительно отвести тезис П.Н. Карелина о якобы отрицательном отношении Григория Николаевича Потанина к революционной деятельности Н.Г. Чернышевского, в частности и к революционной ситуации 60-х годов вообще.

В литературе есть пока еще неподтвержденные сведения о посещении Н.Г. Чернышевского Чоканом Валихановым.¹ Такая встреча была вполне возможной. Ведущие члены сибирского кружка почти всегда следовали за революционными демократами, придерживались их позиций, а в спорах становились на их сторону. Об этом говорят многочисленные факты.

Когда в апреле 1861 года в селе Бездны Казанской губернии на панихиде по убитым восставшим крестьянам выступил профессор Казанского университета сибиряк А. Щапов с революционной речью о том, что крестьяне пали жертвами деспотизма на земле и что «эта земля воззовет народ к восстанию и свободе», его голос прозвучал на всю Россию, и сибирские патриоты гордились отважным земляком, который «гремел в Казани».² Щапов был членом тайной организации «Библиотека казанских студентов» и «сыграл крупнейшую роль в создании в Казани революционной организации, влившейся потом в ряды тайного общества».³ Привезенный властями после выступления в Петербург, Щапов отделался только двухнедельным арестом при полиции. В столице он подружился с Курочкиным, Елисеевым и

¹ *Чернышевская Н.М.* Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 232.

² ГПБ им. В.И. Ленина. Рукописный отдел. Ор. 192, 2, л. 1; «Сибирский сборник», 1888, вып. 1, стр. 30.

³ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 654; «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.» М., 1962, стр. 269.

примкнул к кружку сибирских патриотов. Здесь он читал лекции о федеративно-областном устройстве государства. Щапов пытался создать в науке особую историческую школу, проповедующую историю масс. По образному выражению его товарищей, он хотел соединить декабристов с народом.¹ Когда возник идейный спор между редакциями «Современника» и «Русского слова», между Чернышевским и Юркевичем (как известно, Юркевич нападал на статью Чернышевского «Антропологический принцип в философии»), сибирские патриоты встали на сторону «Современника» и Чернышевского, против «Русского слова» и Юркевича.

Следует при этом помнить особенности кружка «Сибирское землячество» – его тесную связь с проблемами Сибири. Члены кружка страстно обсуждали вопросы политики царского правительства в Сибири, раскрывали ее пороки, вносили практические предложения, направленные на ее развитие. Так, например, они очень много говорили об уголовной и административной ссылке в Сибирь и требовали ее отмены.² Они выступали против тенденции развития крупной земельной собственности в Сибири, ратовали за сохранение общинного землевладения, говорили о бюрократии и ее злоупотреблениях, о вымирании малых народов и о том, что царское правительство смотрит на Сибирь как на «золотое дно», которое можно без конца грабить и разорять. При этом они опирались на слова Герцена о том, что царские сатрапы на Сибирь «смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилуем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед».³ «Чиновничество царит... в Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится *res publica* (общим делом)».

В 72 номере «Колокола» за 1860 год была опубликована статья «К характеристике Сибири», отправленная в Лондон сибирскими патриотами (написанная, по-видимому, Г. Потаниным вместе с Ч. Валихановым), об управлении казахской степью. Эта статья получила большую

¹ «Новое время», 1870, №277; «Сборник избранных статей стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева». Красноярск, 1919, стр.25; «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.» М., 1962, стр. 35, 82; «Сибирская жизнь», 1906, (приложение); Ядринцев. Жизнь и труды А.П. Щапова. Красноярск, 1919, стр. 3-4; «Ученые записки Казанского университета», т. 33, 1928, стр. 15-30; Сочинения А.П. Щапова, т. 3. СПб., 1908, стр. 79, 85; «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 654, 657-666.

² «Голос минувшего», 1915, №1, стр. 290-291.

³ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 36.

огласку и, говорят, способствовала освобождению генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта от его обязанностей.¹

Примечательно, что кружок «Сибирское землячество» уделял определенное внимание национальному вопросу в Сибири. О положении инородческого населения Сибири выступали Валиханов и Пирожков.² Члены кружка стояли за политику оказания помощи малым народам, содействия переходу кочевников к оседлости, за гуманизм и братское отношение русских к этим народам. Сибирские патриоты высказывали мнение о том, что в случае начала восстания в Сибири с целью поддержать революцию в России «за раскольниками и чернозаводскими крестьянами» пойдут инородцы отстаивать свою свободу и независимость от царизма.³ Эти трезвые и смелые суждения сибирских патриотов, до которых в то время не могли подняться многие либеральные деятели России, свидетельствуют об их идейной зрелости.

Изложенное не оставляет сомнения в радикальности и революционности взглядов участников кружка сибирских патриотов. Правильно писали в свое время в официальных бумагах, что они собирались учить народ «революционным идеям».⁴

Н. Ядринцев и другие сибиряки в своих воспоминаниях в самой остроумной форме писали, что сибирский кружок в Петербурге далеко «не преследовал какой-нибудь утилитарной и практической цели вроде кассы взаимной поддержки, нет! Идея сознательного служения краю в тот момент, когда в европейской России пробуждалось тоже самосознание, вот идея, которая легла в основу нашего сближения».⁵ На самом деле это был вполне зрелый политический кружок, искусно прикрывшийся безобидной формой земляческих отношений.

Эта особенность подобных кружков в России была известна и на Западе. К. Маркс, внимательно следивший за революционным движением студенческой молодежи в России, указывал, что русские учащиеся, «чтобы обеспечить неимущим студентам средства для продолжения образования, основали кассы взаимопомощи. Наиболее серьезные из них решили не давать больше правительству никакого повода к закрытию этих касс, организация которых допускала, для решения деловых вопросов, проведение небольших собраний. Эти деловые собрания заодно давали возможность обсуждать политические и социальные воп-

¹ Там же, стр. 153.

² Обручев В.А. Г.Н. Потанин. М.-Л, 1947, стр.51; «Сибирская жизнь», 1913, №114.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №114; НБТГУ, архив Потанина, №6947, ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 196, лл. 239, 110.

⁴ ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 196, л. 133; Госархив Омской области, ф. 3, оп. 15, д. 11, лл. 1- 32.

⁵ «Восточное обозрение», 1884, №6, 9 февраля.

росы».¹ К числу таких «серьезных» кружков относилось и «Сибирское землячество».

В первое время царские агенты не могли раскусить его цель. III отделение, следившее за движением петербургской молодежи, доносило царю, что «никаких сходок или кружков с политической целью между студентами сибиряками не было, а собирались иногда несколько товарищей, чтобы разделить присланные деньги, вырученные от спектаклей, концертов...».² Царское правительство раскрыло природу кружка сибирских патриотов несколько позже: вначале в связи с арестом Чернышевского и других деятелей и активистов революционного движения в столице, а более определенно – в 1864 – 1865 годах, когда возвратившиеся в Сибирь участники петербургского сибирского кружка развернули активную политическую деятельность и были арестованы за «противоправительственные действия». Тогда их заодно обвинили в организации в свое время в Петербурге «тайного сибирского кружка», а Г.И. Потанина – как его руководителя.

Члены кружка «Сибирское землячество» мужали и росли в идейно-политическом отношении под непосредственным влиянием видных деятелей русского освободительного движения, под влиянием революционной ситуации, назревавшей в стране, и в силу связей с другими передовыми политическими кружками Петербурга.

Путь членов кружка был нелегким. Нередко они расходились между собой в вопросах формы и тактики действий. Среди них были люди, не освободившиеся от влияния социальной среды, из которой они происходили, от «сибирской провинциальности». Однако при всем этом, они, как правило, были единоклюбы в главном – решимости бороться за обновление существующего режима, за свободу и справедливость.

Многие недостатки были присущи в то время не только кружку «Сибирское землячество» и обуславливались характером эпохи и времени. Тем более, надо учитывать, что это был кружок не опытных политиков, а организация молодых борцов, сочетавших политическую учебу с закалкой, стремившихся свою ненависть к царизму воплотить в активных действиях.

Чокан Валиханов отдавал много времени науке и был перегружен по службе. Он не мог принимать участия во всех вечерах кружка сибирских патриотов, тем не менее основной политический курс кружка оставался ему близким и родным. В кружке он занимал положение старшего. С ним считались, его уважали и им гордились все члены кружка независимо от их возраста и положения. Видимо, имело зна-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 18, стр. 389.

² ЦГАОР, ф. 109 (III отделение), 1 экспедиция, оп. 5, 1865, д. 196, л. 429.

чение и то, что Чокан Валиханов по знаниям, эрудиции и научному авторитету не только не уступал другим членам, а даже превосходил их, не говоря уже о том, что в столице он был достаточно известен как талантливый ученый. Кроме того, благодаря своему дару быстро сближаться с разными людьми, он оказался вскоре знакомым с известными деятелями и ответственными государственными сановниками, в том числе близкими самому императору. Круг его знакомых и связей в Петербурге достаточно был широк, особенно он ценил и укреплял свои личные знакомства и связи с видными деятелями передовой общественной мысли и освободительного движения.

В Петербурге Ч. Валиханов посещал квартиру Ф.М. Достоевского, где познакомился с его братом – Михаилом Михайловичем и другими литераторами и публицистами его круга. Особенно он сблизился с молодым поэтом Всеволодом Крестовским (1840 – 1895), который в то время работал над романом «Петербургские трущобы». Н. Ядринцев указывает, что Чокан давал Крестовскому темы для стихотворений. Кормясь «крохами остроумия талантливого Валиханова, он немедленно строчил свои романсы».¹ В то время Крестовский находился под определенным влиянием критической литературы и стремился в своем творчестве подражать ей.

В своем стихотворении «Стон земли» В. Крестовский, по словам агентов III отделения (за ним тоже следили), говорил, что русская земля пропитана «крестьянской кровью и крестьянскими слезами» и молит, чтобы на ней, наконец, выросла свобода.² Однако Крестовский оказался далеко не последовательным в своих убеждениях, скорее всего это было простое увлечение идеями освободительного движения. К концу 60-х годов Крестовский выступал против русской революционной демократии и перешел в лагерь ее противников.

В Петербурге Ч. Валиханов близко сошелся с А.Н. Майковым, Я.П. Полонским, братьями Василием и Николаем Курочкиным и Н. Страховым.

Аполлон Николаевич Майков в молодости учился за границей, в 1849 году привлекался к допросу по делу петрашевцев и до 1856 года находился под секретным надзором полиции²²⁵. А. Майков не только не выдал своих сообщников царской охранке и скрыл действительные цели петрашевцев, но и долгое время после осуждения петрашевцев сохранял в тайне членов кружка Петрашевского. Так, в 1885 году он писал историку литературы П. Вискотоватову: «Спешнев, Пав. Фи-

¹ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895, т. 4, отдел 2, стр. 4.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1971, лл. 4, 6, 12, 14.

липов – эти умерли, так я их называю, другие, кажется, еще живы, потому об их все-таки умолчу, как молчал до сих пор целые 37 лет обо всем этом эпизоде, и еще пять или шесть, не помню, в том числе Достоевский... решили завести тайную типографию».

А.Н. Майков был крупным поэтом своего времени, ему принадлежат крылатые слова: «Чем ночь темней, тем звезды ярче». В шестидесятых годах он написал трагедию «Два мира», основным содержанием которой был протест против тирании Рима в 60-х годах I века. Был близок с Шевченко, Полонским, Достоевским, Писемским и братьями Курочкиными.¹ С А. Майковым Ч. Валиханова связывала личная дружба, а в последующие годы – дружеская переписка.

Яков Петрович Полонский – поэт, сочувствовал «Земле и воле». По словам Л.Ф. Пантелеева, он сделал в квартире Полонского «своего рода склад, когда что-нибудь находил неудобным держать у себя». Полонский лично знал Герцена и Чаадаева.²

Современники иногда ставили А. Майкова и Я. Полонского в один ряд с Некрасовым.³ По определению Н. Страхова, Полонский по своим политическим взглядам принадлежал к западничеству.⁴ Хотя он происходил из дворян, но в жизни терпел большую нужду. Когда цензурой были запрещены его статьи за антиправительственное содержание, он, оставшись совершенно без средств, по его словам, «по три дня ничего не ел». О самых бурных и тревожных 1860 – 1861 годах Полонский впоследствии писал: «Эти годы были так полны всякого рода треволнениями и борьбы, горя, надежды, отчаяния, светлых радостных минут и страданий, любви и горьких слез – слез, которые до сих пор зудят в глазах и текут по щекам моим».⁵

Полонский вместе с Шевченко, Майковым, Достоевским принимал участие в первых литературных чтениях в Петербурге⁶ в пользу бедных учащихся. У Полонского можно было часто встретить братьев Курочкиных, Шевченко, Плещеева, Достоевского и других литераторов.⁷ Полонский был другом революционера-демократа М.И. Михайлова.⁸ В Петербурге Ч. Валиханов часто встречался с Полонским, был знаком с его кругом и по возвращении из Петербурга в своих письмах тепло вспоминал о нем.⁹

¹ Шевченко Т.Г. Дневник. М., 1925, стр. 154, 261.

² Полонский Я.П. Его жизнь и сочинения. М., 1906, стр. 9.

³ Николадзе Н. Воспоминания о 60-х годах. «Ссылка и каторга», 1927, №5, с. 32.

⁴ Там же, стр. 139.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7, лл. 23, 28, 74. Дневник Полонского Я.П.

⁶ Хинкулов Л. Т. Шевченко. Биография. М., 1960, стр. 365; Пантелеев Л.Ф. Воспоминания, стр. 221; Материалы для биографии П. В. Лаврова. Пг., 1921, стр. 76.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 34, л. 11.

⁸ Орлов П. Я.П. Полонский, 1961, стр. 31; ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7, л. 42.

⁹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 549, 558.

Братья Василий и Николай Курочкины были известны в русской литературе, как поэты «Искры».¹ Поэтов «Искры» знали и любили Ленин, Горький и Крупская.² Вслед за «Современником» «Искра» проводила идею подготовки крестьянского восстания в России. Недаром «искровцев» часто называли «чернышевцами».³ В шестидесятые годы XIX века «Искра» для внутренней России («Колокол – для внешней») была центром обличения зла,⁴ а Николай Степанович Курочкин – как бы председателем суда общественного мнения России.⁵ «Многие и многие боялись «Искры», многие и многие возлагали на нее надежды», – указывали современники.⁶ В «Искре» сотрудничали и сибирские патриоты.⁷

Н.С. Курочкин в свое время подвергался аресту по делу Петрашевского.⁸ Он был другом Сергея Федоровича Дурова – ведущего политического наставника Ч. Валиханова.⁹ Был известен также как человек, «объездивший всю Европу», и как переводчик Прудона.¹⁰ Во время своих заграничных путешествий лично познакомился с Герценом, к которому питал «кроме уважения какую-то сердечную нежность».¹¹ Н. Курочкин дружил с П.Л. Лавровым, с которым был знаком С.Ф. Дуров, Д.И. Писаревым, Н.В. Шелгуновым.¹² Им был написан некролог по поводу смерти Д.И. Писарева, помещенный в «Отечественных Записках».¹³ Его брат – Василий Курочкин «был крупнейшим, после Некрасова, поэтом революционных разночинцев».¹⁴

Братья Курочкины являлись друзьями и переводчиками Тараса Шевченко.¹⁵ Они познакомились с ним в июне 1858 года.¹⁶ Знакомство с Курочкиными оказало определенное влияние на Т. Шевченко. Как известно, Тарас Григорьевич после освобождения из ссылки вел днев-

¹ «Литературное наследство», т. 25/26, 1936, стр. 472-473.

² Курочкин В. Стихотворения. М., 1956, см. введение; Баскаков В. Мирозозрение Чернышевского. М., 1956, стр. 302.

³ Шагинян М. Тарас Шевченко. М., 1946, стр. 291.

⁴ «Русская мысль», 1891, №3, стр. 205.

⁵ Глинский Б.Б. Борьба за конституцию 1812-1861 гг. СПб., 1908, стр. 609.

⁶ Там же.

⁷ Глинский Г. Н.М. Ядринцев (биографический очерк). М, 1895, стр. 13.

⁸ ЦГАОР, ф. 109, экспедиция, оп.5, д. 214, ч. 98, л. 2.

⁹ ЦГАОР, ф.95, оп. 2, ед. хр. 155, лл. 1-4.

¹⁰ «Н.А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб, 1907, стр. 169.

¹¹ «Герцен в воспоминаниях современников». М., 1956, стр. 300-301.

¹² «Литературное наследство», т. 25/26, 1936, стр. 472; Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 77.

¹³ «Отечественные записки», 1868, №8.

¹⁴ «Революционно-демократическая поэзия 60-х годов». Л., 1934, стр. 72.

¹⁵ Длнтерко Я.Д. Общественно-политические и философские взгляды Т.Г. Шевченко. М., 1954, стр. 164.

¹⁶ «Русская литература», 1958, №1.

ник, начало которого датировано 12 июня 1857 года. С 13 июля 1858 года записи прекращаются.¹ Это было не случайно. Как раз на 1858 год падает знакомство Шевченко с Чернышевским, братьями Курочкиными, Сераковским и другими представителями революционной демократии.² А Т. Шевченко хорошо знал, что может значить дневник для III отделения. На похоронах Т.Г. Шевченко Н.С. Курочкин выступил с речью.³

Знакомство с братьями Курочкиными было плодотворным для многих. Н. Ядринцев говорил, что у В. Курочкина он «слушал весьма дельные разговоры».⁴

То же самое писал А. Щапов: «Из литературных бесед мне особенно нравятся беседы у Курочкина: «ближе к делу».⁵ «Искра», пользуясь материалами сибирских патриотов, помещала на своих страницах остроумные анекдоты о генерал-губернаторе Сибири Гасфорте, называя его именем Оскенкопфа.⁶ Высмеивая царскую цензуру, которую искусно обходила русская революционная демократия, В. Курочкин писал:

*Над цензурою, друзья
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя...
Монархическим чутьем
Сохранив в реформы веру,
Что напишем, то пошлем
Прямо в Лондон, к Искандеру.⁷*

Братья Курочкины принимали деятельное участие в создании организации «Земля и воля». Василий Курочкин был членом, а Николай Курочкин – заместителем ЦК «Земли и воли».⁸ Братьям были известны все самые тайные мероприятия организации.

¹ Шевченко Т. Дневник. М., 1925.

² Там же, стр. 154, 261; «Советская Украина», 1956, №3, стр. 150.

³ Назаренко И.Д. Общественно-политические, философские и атеистические взгляды Т.Г. Шевченко. М., 1961, стр. 124.

⁴ Лемке М. Ядринцев Н.М., стр. 49.

⁵ Рукописный отдел библиотеки им. Ленина, Оп. 1927, л. 1.

⁶ «Петрашевцы в воспоминаниях современников». М.-Л., 1926, стр. 253. Потанин Г.Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь». 1913, №62.

⁷ «Ссылка и каторга», 1927, №5, стр. 32.

⁸ Курочкин В. Стихотворения (см. введение). М., 1956; Баскаков В.Г. Мироззрение Чернышевского, стр. 302.

Братья Курочкины в то же время любили погулять и повеселиться. Враги «Искры» и Курочкиных по этому поводу ехидничали: «Искра» веселится». ¹ На что «искровцы» отвечали: мы веселимся оттого, что «внутри заноза, на сердце горе». ² В компании «искровцев» бывал и Ч. Валиханов, который, по свидетельству Г. Потанина, «мотал деньги на увеселения». ³

Ч. Валиханов, будучи в Петербурге, находился в очень близких отношениях с Курочкиными, особенно с Николаем, которому он, вернувшись на родину, посылал приветствия и сообщал о своих степных делах. ⁴ Николай Николаевич Страхов являлся главным теоретиком «Времени» – журнала братьев Достоевских. С Н. Страховым Ч. Валиханов познакомился в кругу Достоевских и позже считал его одним из своих хороших петербургских знакомых. ⁵ Как ни старались Достоевские придать своему журналу патриотическое направление, он в конечном счете, не без влияния Страхова, стал примыкать к славянофильству. Ч. Валиханов, возвратившись из Петербурга, по мере возможности следил за основным направлением развития общественной мысли России, сетовал по поводу не вполне удачной журнальной деятельности своих друзей – братьев Достоевских, которые расходились с идеологией революционных демократов и которых он, так же как и Салтыков-Щедрин, критиковал за «почвенность», за славянофильство и за крайнее западничество. ⁶ Несмотря на славянофильское направление, журнал «Время» в 1863 году, после опубликования в нем статьи Страхова «Роковой вопрос», в котором якобы содержалось оправдание бунтующей Польши, был закрыт царским правительством. ⁷ Известно, какая была проявлена забота об освобождении из ссылки Т.Г. Шевченко семейством обер-прокурора святого синода графа Ф.П. Толстого. После возвращения из ссылки в Петербург Т. Шевченко «по предписанию (III отделения) должен был жить у отца, так как был у него на поруках», – писала дочь Толстого Е.Ф. Юнге. ⁸ У Толстых почти ежедневно бывали Полонский, Плещеев, Курочкины, Северцов,

¹ Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 47.

² Там же, стр. 48.

³ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 28.

⁴ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 557, 565, 571.

⁵ Там же, стр. 557.

⁶ Там же, стр. 568; Салтыков-Щедрин М. Poleмика с Достоевским. «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 370-371; «Шестидесятые годы». М.-Л., 1940, стр. 241.

⁷ «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках». М., 1962, стр. 15.

⁸ Шаблювский Е.С. Т.Г. Шевченко и русские революционные демократы. М., 1962, стр. 36.

Шевченко и Майков.¹ В архиве Ч. Валиханова сохранилась записка ученого-востоковеда В.В. Григорьева о том, что граф Ф.П. Толстой хочет познакомиться с Ч. Валихановым и поэтому просит на обед.² Сам Ч. Валиханов в письме к отцу писал, что он бывает на обедах у сенатора Любимова, барона Ливена и графа Толстого.³

Тарас Шевченко и Чокан Валиханов имели в лице Полонского, Майкова, Достоевского, Толстого и Курочкиных общих друзей и знакомых и поэтому вполне вероятно, что они встречались друг с другом в Петербурге. Ч. Валиханов мог встретиться с Т. Шевченко и в мастерской Академии художеств, где постоянно работал Тарас Григорьевич⁴ и где в качестве вольноприходящего занимался живописью глухонемой брат Чокана Макы.⁵

Во время пребывания Ч. Валиханова в Петербурге там находились Т. Шевченко, И. Чавчавадзе, Налбандян, Сераковский и другие выдающиеся представители национальных меньшинств, которые активно выступали против национального гнета и оказывали благотворное влияние на развитие культур различных наций и народностей России.

В числе видных представителей русской революционной демократии, с которыми сблизился Чокан Валиханов, были и выходцы из Сибири – А. Шапов, Г. Елисеев и С. Капустин.

А.П. Шапов был сыном бедного пономаря и бурятки.⁶ Виднейший шестидесятник⁷ и друг Шевченко, он часто повторял следующие строки из стихотворения Тараса Григорьевича:

*И день идет, и ночь идет,
И голову схвативши в руки,
Дивуешься, зачем неидет
Апостол Правды и Науки!...*⁸

Шапов так страстно любил свободу, что «постоянно горел ею». Считая современный ему мир отживающим свой век, который следовало бы похоронить, он тосковал об ином, новом, лучшем социаль-

¹ Там же, стр. 79; «Советская Украина», 1957, №8, стр. 180; «Т.Г. Шевченко в воспоминаниях современников». М., 1962, стр. 279, 288.

² Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, св. 5, д. 30, л. 2.

³ «Жұлдыз», 1960, №2, стр. 140.

⁴ Шаблювский Е.С. Упомянутое сочинение, стр. 41.

⁵ Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. В кн.: Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. 1, стр. 20.

⁶ Сочинения А.П. Шапова, т. 3. СПб., 1908, стр. 1.

⁷ Шапов А.П. Собрание сочинений, дополнительный том. Иркутск, 1937, стр. 5.

⁸ «Дело», 1876, №4.

ном мире,¹ стремился к уравнению «прав и средств развития низших классов с высшими».² Советскими исследователями признано, что «А. Щапов сыграл крупнейшую роль в создании в Казани революционной организации, влившейся потом в ряды тайного общества».³

Речь Щапова на панихиде по убитым крестьянам села Бездны Казанской губернии в свое время распространялась как революционная прокламация.⁴ Когда Щапова арестовали, в его защиту выступили Чернышевский, Герцен, Некрасов, Н. Серно-Соловьевич.⁵

Григорий Захарович Елисеев был родом из Сибири, преподавал в Казанской духовной академии, а в 1854 – 1858 гг. работал в Сибири. С 1858 года сотрудничал в «Современнике», «Искре» и «Отечественных записках».⁶ Одно время «Современник» даже называли журналом Чернышевского и Елисеева.⁷ Говоря о Некрасове, Салтыкове и Елисееве, Н.К. Михайловский писал: «А из-за этих трех выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевского, Белинского, как бы передавших им свой авторитет».⁸ Елисеев находился в близких отношениях с А. Слепцовым и оказал большое влияние на сибирских патриотов, особенно на караковца Худякова.⁹

Елисеев принимал деятельное участие в создании революционной организации, был заместителем члена ЦК «Земли и воли».¹⁰ В разгар революционной ситуации Елисеев требовал от руководителей революционно настроенного студенчества дать ему 300 на все готовых человек. С их помощью он хотел захватить наследника престола и в качестве выкупа за него потребовать конституцию для России. Когда Утин и Пантелеев сказали об этом Чернышевскому, тот ответил: «Не удивляюсь: ведь Григорий Захарович, несмотря на свои седые волосы, самый юный в редакции «Современника»».¹¹

III отделение зорко следило за Елисеевым, неоднократно подвергая его обыскам и арестам.¹² Перед смертью Елисеев, как и петрашевец Плещеев, свое состояние (30 000 рублей) завещал литературному фон-

¹ ЦГАЛИ, ф. 1202, оп. 1, ед. хр. 1. Исповедь Щапова, лл. 1-2.

² Рукописный отдел библиотеки им. Ленина. Оп. 1927, л. 1.

³ «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.» М., 1962, стр. 269.

⁴ «Вопросы истории», 1962, №4, стр. 89.

⁵ Вульфсон Г.Н., Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859-1861 годах. Казань, 1955, стр. 81-82.

⁶ «Сибирская жизнь», 1917, №158.

⁷ «Сибирские записки», 1918, №1, стр. 43.

⁸ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч., т. 7. СПб., 1909, стр. 54.

⁹ Клевенский М.М. И.А. Худяков – революционер и ученый. М., 1929, стр. 60.

¹⁰ «Вопросы истории», 1958, №9, стр. 43.

¹¹ «Литературное наследство», т. 67, стр. 52.

¹² Там же, стр. 691.

ду с условием ежегодно выдавать пособие Чернышевскому, Наумову и Успенскому.¹

С.Я. Капустин, с которым у Ч. Валиханова были поистине братские отношения и который высоко ценил последнего, был другом А.А. Слепцова – одного из главных организаторов «Земли и воли» 60-х годов. Жена А. Слепцова – М. Слепцова в своей работе «Штурманы грядущей бури» (так называл Герцен революционеров в России) следующим образом характеризует С. Капустина: «Идейно связанный со Слепцовым шестидесятыми годами и спаянный участием с ним в польских делах, он был в свое время членом третьей пятерки и участником «Земли и воли», а в 1864 году уцелел от разгрома и взял должность комиссара по крестьянским делам в Польше; свое излюбленное детище «крестьянский вопрос и община» пронес он свято до гробовой доски и, умирая почти семидесяти лет, завещал мне перед смертью «беречь своего друга А. Слепцова».² Друг Ч. Валиханова Г. Потанин в Петербурге посещал квартиру землевольца П.Л. Лаврова³ и лично знал ряд других видных деятелей общественного движения того времени.

Содержание бесед при встречах с ними, как правило, становилось достоянием сибирского кружка.

Следует кстати отметить, что с петербургским периодом жизни Ч. Валиханова связана версия о его дружбе с А.К. Гейнсом. Это мнение основано на воспоминании М. Сажина, который писал: «В Петербурге в середине 60-х годов среди офицеров, по преимуществу артиллеристов, образовался кружок чернышевцев, куда входил и я. Из членов этого кружка я сейчас припоминаю офицеров-артиллеристов: Богдана, братьев Черновых, Альфатера, Юдина, полковника Колесова и офицера генерального штаба Гейнса».⁴ Многие, прочитав это, заключили, что это тот Гейнс, который был чиновником в степи. В действительности это не так. М. Сажин далее писал: «Что касается Гейнса, то он впоследствии уехал в Америку, где под именем Вильяма Фрея занялся религиозными исканиями».⁵ О Гейнсе-Фрее говорит и Л.Ф. Пантелеев,⁶ о нем упоминают составители сборника «Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Там сказано, что Гейнс, Владимир Константинович, «чернышевец»; член «Земли и воли», увлекался идеями Оуэна и в 1866 году эмигрировал в Америку, где основал коммуны.⁷

¹ ЦГАЛИ, ф. 591, оп. 2, ед. хр. 16, лл. 1-2.

² «Звенья», т. 2, 1933, стр. 437.

³ «Русское богатство», 1905, №3, стр. 169.

⁴ Сажин М.П. Воспоминания. М., 1925, стр. 25.

⁵ Там же.

⁶ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания, стр. 315.

⁷ «Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. 2, стр. 22.

Следовательно, здесь речь идет о другом Гейнсе – Владимире Константиновиче. А.К. Гейнс никогда в эмиграции не был, служил военным губернатором Тургайской области.¹

Что касается утвердившегося в советской литературе мнения о том, что А.К. Гейнс был другом Чокана Валиханова, то и это вызывает определенное сомнение. Многие говорят о том, что вряд ли он был даже знаком с Чоканом лично. Во всяком случае, по всему видно, что он плохо знал труды и деятельность Чокана Валиханова. Так, например в своем дневнике в записях от 5 – 13 сентября 1866 года он указывает, что Валиханов посетил Кашгар «15 лет тому назад»,² что не соответствует действительности.

Внимательное изучение трудов А.К. Гейнса убеждает нас в том, что Гейнс лишь передает от своего имени высказывания Ковалевского и Гутковского о Чокане Валиханове.

Круг лиц, с которыми был знаком Чокан Валиханов, безусловно, обширный. О многих сторонах этих знакомств нет еще достаточных данных. Наши поиски в связи с данным исследованием имели лишь частичный успех. Многие в этом вопросе еще скрыты от науки. Трудности в этой части связаны с тем, что участники освободительного движения в свое время старались хранить в тайне все, что касалось их. Например, такой видный представитель революционного движения начала 60-х годов, как В.А. Обручев позднее писал: «Об Н.Г. Чернышевском и М.И. Михайлове еще не наступило время говорить...»³ Один из создателей «Земли и воли», член ее ЦК А. Слепцов от всех тех, кто старался писать об истории этой организации, настоятельно требовал «печатать все или не печатать ничего».⁴ По его же сообщению, говорить о деятелях революционного движения 60-х годов XIX века было неудобно даже в начале XX века.⁵ Крупнейший исследователь истории общественной мысли рассматриваемого периода М. Лемке писал: «Нужно думать, что революционная деятельность Н.Г. Чернышевского, обставленная по тогдашним временам необыкновенно конспиративно, так и не вскроется для нас. Она унесена им в могилу».⁶

Нет сомнения в том, что, несмотря на трудности, найдется еще немало материалов о связях Чокана Валиханова со многими другими деятелями русского освободительного движения конца 50-х – начала 60-х годов. Но то, что известно нам в этой части на сегодня, достаточно ценно и важно для того, чтобы прийти к определенным выводам.

¹ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов, т. 1, стр. 4-14.

² Там же, т. 2, стр. 352.

³ «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.», стр. 313.

⁴ «Литературное наследство», т. 67, стр. 671.

⁵ Там же, стр. 670.

⁶ Лемке М. Политические процессы в России..., стр. 176.

Знакомство с общественными деятелями, литераторами и учеными для Чокана Валиханова не было какой-то самоцелью. В этом отношении он был разборчив и строг.

Он ищет нужных, определенных людей и находит их. Ими оказываются или ученые, которыми он интересуется для обсуждения научных проблем и обмена мнениями, или видные деятели революционно-демократического движения в России, идеи и действия которых ему близки и дороги. Он заводит знакомства с писателями и поэтами критической мысли, хотя некоторые из них стояли в стороне от освободительного движения. Знакомства для Чокана Валиханова были школой творческого и идейно-политического развития.

Друзья Чокана Валиханова, весьма близко знавшие его, сходятся в том, что его идеалом было «служить будущему своего народа».¹ Он мечтал об этом и искал путей и форм, ведущих к осуществлению своей мечты. Он искал их, хотя еще робко, в стенах кадетского корпуса, более целеустремленно – во время службы в Сибири. И нашел эти пути и формы в Петербурге, в идеологии и организациях русской революционной демократии.

В конце 1860 года – начале 1861 года Ч. Валиханов по настоянию врачей выехал за границу – в Париж. Об этом он писал отцу.² Барон А.Е. Врангель, который знал Чокана Валиханова по службе в Семипалатинске и в это время работал в русском консульстве в Париже, сообщает, что видел его там.³ Что он делал в Париже, с кем встречался – все эти вопросы остаются пока открытыми. Еще не обнаружены материалы, могущие пролить некоторый свет на эти вопросы. Ясно одно, что в это время здоровье Ч. Валиханова не было столь тяжелым, чтобы думать только о лечении. Безусловно, он использовал эту поездку и в других целях. Нам приходится строить в этой части только догадки. В это время в Европе находились русские революционеры Н. Добролюбов, Н. Обручев, З. Сераковский, М. Михайлов, Н. Серно-Соловьевич, А. Слепцов, некоторые из них были знакомы Валиханову. Сераковский, Михайлов, Серно-Соловьевич и Слепцов бывали у Герцена.⁴ Как правило, мало кто из деятелей оппозиции в России, посетивших Европу, миновал Герцена. Н.А. Тучкова-Ога-

¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 31.

² *Маргулан А.* Новые письма Валиханова. «Жұлдыз», 1960, №2, стр. 146.

³ *Врангель А.Е.* Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854-1856 гг. СПб., 1912, стр. 95.

⁴ *Лемке М.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 148; «Революционная ситуация в России». М., 1960, стр. 293; «Летопись жизни и деятельности Н.А. Добролюбова». М., 1953, стр. 278-279; *Кужлин Г.* Итоги революционного движения в России за сорок лет. Женева, 1903, стр. 195; «Исторический архив», 1959, №2, стр. 211; *Герцен А.И.* Собр. соч., т. 16, стр. 408.

рева в своих воспоминаниях о Герцене указывала, что в числе его посетителей были люди, которые «ехали советоваться с докторами в Вену, Париж и Лондон».¹

Когда вернулся Ч. Валиханов из-за границы – неизвестно, неизвестны и результаты поездки. Трудно сказать, есть ли связь между подозрениями III отделения в распространении революционных прокламаций сибирскими патриотами в начале 1861 года и тем, что в это время возвратился из-за границы Чокан Валиханов.

Вскоре в процессе оформления тайного революционного общества «Земля и воля», которое ставило задачу создания разветвленной организации пропагандистов с целью подготовки к вооруженному восстанию, кружок «Сибирское землячество» стал одной из ячеек этой организации.²

В Петербурге болезнь (чахотка) Ч. Валиханова стала прогрессировать, и он был вынужден в мае 1861 года покинуть столицу. По пути на родину он заехал в Казань. Об этом он писал Ф. Достоевскому в письме от 18 июня: «Я теперь расстроен нравственно и телесно и много писать не могу, а расстроен от того, что взял себе в Казани попутчика, и этот господин надоел мне смертельно, а отвязаться от него никак не могу: куда я – и он туда же».³ С кем хотел встретиться Ч. Валиханов в незнакомом городе? Не имел ли он задания от руководства «Земли и воли»? Этот вариант не исключается. Кроме того, в это время в Казани, как установлено, находился Щапов.

С Казанским комитетом «Земли и воли» молодое поколение Сибири имело известную связь. Несколько членов сибирского кружка в свое время учились в Казани и перевелись затем в Петербургский университет. Осенью 1861 года сибиряк Н. Павлинов проезжал через Казань с революционной прокламацией «Великорусе».⁴ Казанский революционный комитет был «отлично устроен»⁵ в смысле конспирации и активного действия. Арестованный царскими властями в июне 1863 года поляк Станислав Крупский сообщал следующее: «В Казани есть ЦК революционного общества, распространенного по целой России и разделяющегося на Восточное и Западное, устав комитета установлен на началах демократических, членом в нем может быть всякий без различия сословий... Особое внимание общества обращено

¹ «Герцен в воспоминаниях современников». М., 1956, стр. 192.

² «Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 299.

³ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 549.

⁴ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири, стр. 116.

⁵ Вульфсон Г.Н., Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859 – 1861 годах, стр. 598.

на Восточные губернии, так как в них меньше войск и организовать восстание легче...».¹

Перед отъездом из Петербурга Ч. Валиханов внес в кассу «Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым», членом которого он был, десять рублей.² Сумма была немалая: лошадь стоила 13 рублей. Это он сделал несмотря на свои долги.³ Из средств общества оказывалась помощь деньгами и одеждой сосланным революционерам.⁴ В свое время Г.Н. Потанин, осужденный как руководитель «сибирских сепаратистов», находясь в ссылке в Тотме, получил из этого общества одежду и 100 рублей.⁵

После отъезда Ч. Валиханова сибирские патриоты продолжали выполнять задания «Земли и воли». Осенью 1861 года они приняли активное участие в студенческих волнениях,⁶ а некоторое время спустя перенесли свою деятельность в Сибирь.

Здесь мы не будем разбирать беспочвенность обвинений сибирских патриотов в «сепаратизме», «в стремлении отделить Сибирь от России», заведомо приписанных и распространенных царской охранкой и реакционными деятелями типа Каткова. Это было не ново. Польских и украинских революционеров воинствующая реакция также обвиняла в «сепаратизме». По этому поводу Герцен писал: «Казенные патриоты кричат с ужасом о сепаратизме, они боятся за русскую империю, они чувствуют освобождение частей от старой связи и в федеральном их соединении конец самодержавия». Нельзя не вспомнить в этой связи высказывание В.И. Ленина: «Травя украинцев и др. за «сепаратизм», за стремление к отделению, националисты тем самым отстаивают привилегию великорусских помещиков и великорусской буржуазии на «свое» государство».⁷

Сибирский патриотизм был принят за сепаратизм, хотя его члены «в мыслях не имели отделения Сибири от России».⁸ Они были арестованы и осуждены в 1865 г.

Чокан Валиханов за короткое время, проведенное в Петербурге, получил такое политическое образование, которое вряд ли он мог получить в обычных, «мирных» условиях, тем более находясь на

¹ Госархив Иркутской области, ф. 24, оп. 3, д. 31/39, лл. 3-4.

² Архив АН СССР, ф. 23, св. 4, д. 19, лл. 11, 20.

³ Там же, л. 12; Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 554; Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. 3. М., 1867, стр. 49.

⁴ Хинкулов Л. Тарас Шевченко (биография). М., 1960, стр. 364.

⁵ «Сибирская жизнь», 1914, №207.

⁶ Лемке М. Н.М. Ядринцев, стр. 45; «Революционное движение 1860 года». М., 1932, стр. 21.

⁷ Ленин В.И. Сочинения, т. 20, стр. 92.

⁸ «Сибирская жизнь», 1914, №23.

периферии. Он поднялся в своем идейном росте до уровня деятелей освободительного движения в России. Годы революционной ситуации были великой школой для борцов за народное счастье и свободу.

Характеризуя петербургский период жизни и деятельности Чокана Валиханова, Н.М. Ядринцев писал: «В 60 годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ее, читал лучшие журналы».¹ Г.Н. Потанин, сопоставляя Д. Банзарова с Ч. Валихановым, указывал, что они оба «вскормлены были теми идеями и теми умственными интересами, которыми жило в их пору русское общество».² Не случайно поэтому и вполне понятно, что сибирские патриоты сравнительно короткое свое пребывание в Петербурге расценивали как целую «эру» в их общественно-политической жизни.³

Петербургский период жизни Ч. Валиханова представляет наиболее интересный, насыщенный событиями и новый, более высший этап в его идейном и научном восхождении, а также в его деятельном участии в освободительном движении. В эту пору он становится тем, кем хотел быть в мыслях и желаниях, – борцом за революционное обновление России. Он находит достаточно ясный ответ на мучившие его вопросы относительно форм борьбы за народные интересы. В Петербурге у него исчезают последние сомнения и колебания, и он всецело встает на сторону русских революционных демократов. Этот путь он выбрал как наиболее правильный, чтобы служить интересам России и своего народа.

Петербургский период жизни Чокана Валиханова является как бы венцом его политической карьеры, его высшим идейным взлетом.

4. Последние годы жизни

Большое умственное и физическое напряжение, в значительной степени связанное с неистовой жадностью за короткое время познать и постичь все и вся и преуспеть во всем, отсутствие необходимого режима в личной жизни стали заметно отражаться на некрепком здоровье Чокана Валиханова. Не на пользу был ему и влажный климат столицы. Несмотря на первые и серьезные симптомы болезни, он продолжал работать как прежде, активно и самозабвенно, и этим ухудшил свое состояние. Друзья Чокана, заметившие ослабление его здоровья, настоятельно советовали ему прервать деятельность и заняться лечением. Врачи предписали Чокану Валиханову отправиться

¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 37.

² Потанин Г.Н. Д. Банзаров. Черная вера и другие статьи, стр. 32.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №93.

к себе на родину, в степь, пить кумыс. Ему было запрещено писать, читать, словом, перегружать себя умственной работой. С большой горечью и болью в сердце в мае 1861 года он оставил Петербург и своих петербургских друзей в надежде вернуться сюда, как только поправит свое здоровье.¹ Этому желанию, однако, не суждено было сбыться.

Прием, который оказал ему отец в родном ауле, и условия, созданные в первое время для его лечения и восстановления сил, подробно и красочно описаны в работе А.Х. Маргулана.² Сам Ч. Валиханов, любивший степную природу, надеялся на скорое выздоровление. Однако жить спокойно он не мог и здесь. Его волновали политические, социальные, экономические события в крае и сложные отношения в кругу родных и семьи. Человек высокообразованный и передовых взглядов, рожденный мыслить и действовать, он не мог остаться в стороне от происходящего, тем более мириться с злоупотреблением и чванливостью местных чиновников и знати, с политикой унижения и подавления безропотных, отсталых народных масс. Все это глубокой болью отдаётся в его сердце. В годы некоторого улучшения здоровья он пытается отделиться активной общественной деятельностью и научным исканиям. Но тревоги и переживания за судьбы своего народа, одиночество в борьбе, его бессилие научить уму-разуму местных аристократов и бездарных правителей и обновить общество подточили его последнее здоровье и силы. В апреле 1865 года Чокана Валиханова не стало. Он ушел из жизни в расцвете лет, таланта и гражданских стремлений.

Идейные мотивы действий, взгляды Чокана Валиханова в годы его нахождения в среде казахского общества после возвращения из Петербурга представляют большой интерес. До сих пор исследователи наследия Чокана Валиханова этому вопросу уделяли очень мало внимания, если не сказать – вообще не придавали значения. Они не шли дальше констатации некоторых фактов.

Чокан Валиханов вернулся в степь, имея за плечами богатый опыт участия в политических кружках Сибири и Петербурга, в русском освободительном движении, опыт личного общения с рядом видных революционеров конца 50-х – начала 60-х годов. Он не был простым сочувствующим или временным попутчиком; всем сознанием и действиями он вошел в ряды революционного движения и стал одним из

¹ В письме Ф.М. Достоевскому от 14 января 1862 года он писал, что имел намерение вернуться обратно в Петербург в октябре, а затем в декабре 1861 года, однако состояние здоровья заставляет его откладывать возвращение. (Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 109).

² См.: *Маргулан А.Х. Жизнь и деятельность Ч.Ч. Валиханова*. В кн.: Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 84-86.

его активных участников. Дошедшие до нас в передаче его друзей отрывки его некоторых выступлений и высказываний на политические темы, когда не влияли цензурные соображения, свидетельствуют об убежденности и верности Чокана Валиханова революционным идеалам переустройства общества на новых началах. А как этот деятель, любивший жизнь, с горячей и умной головой борца, стал действовать в среде казахского общества, каких действий следовало бы ожидать от него в тех конкретных исторических условиях степи и как он поступал, каковы мотивы этих поступков – все эти вопросы до сих пор не поставлены и не решены исследователями.

Мы уже имели возможность отметить в первой главе, что казахское общество середины XIX века по своему уровню хозяйственного, социального, культурного, идейного и политического развития было отсталым и во многом инертным. Оно не только не достигло такой зрелости, при которой рождались и закалялись бы в борьбе революционные силы. Оно не содержало и признаков революционного взрыва, следовательно, революционерам, оказавшимся каким-то образом в казахском обществе, грозила реальная опасность оказаться «не у дел». Истинный революционер, исходя из общей предпосылки служить интересам народа, делать все для народа, сообразуясь с конкретными условиями, в которых ему приходится действовать, вынужден перестраиваться в выборе форм и путей борьбы за свои идеалы. Он не может поступать иначе – в противном случае ему грозит опасность быть отвергнутым историей.

Так поступал Чокан Валиханов – революционер по убеждению, участник освободительного движения в России. К тому же он, как никто другой, хорошо знал казахское общество, его интересы, запросы и требования. По возвращении из Петербурга в родные места он вовсе не «остыл», тем более не оторвался от революционных идеалов, за которые готов был, будучи в кругу единомышленников в России, идти хоть «на плаху». Нет, он остался верным этим идеалам до конца своей жизни. Возвратись он обратно в Петербург, его революционные страсти зажглись бы еще ярче, чем прежде. Об этом говорит не только его постоянная переписка со многими русскими друзьями, с которыми вместе находился в Петербурге. В этом убеждают нас его действия и взгляды, характерные для последнего периода жизни.

Современные Чокану Валиханову условия казахского аула исключали возможность организации политических кружков и революционных действий. Наиболее передовые местные деятели поднимались до критики и обличения лишь отдельных сторон общественного и политического устройства, злоупотреблений и жестокости чиновни-

ков и правителей. Они проповедовали справедливость и гуманизм, в большинстве случаев понимая под ними межродовое спокойствие и классовую солидарность. Чокан Валиханов в своих взглядах и действиях поднялся выше этого. Во всех его поступках, какими бы они внешне не казались умеренными, мы видим отражение более высоких побуждений и мотивов. Попытаемся показать это на фактах.

Первое, что бросается в глаза при изучении жизни Чокана Валиханова после возвращения из Петербурга, это то, что он больше и глубже стал вникать в социальные отношения в обществе, замечать во взаимоотношениях местной знати и аристократии – с одной стороны, и трудящихся масс – с другой, такие глубинные стороны, которых не могли увидеть самые прозорливые из прошлых и современных ему деятелей казахского общества. Так, в письме А.Н. Майкову от 6 декабря 1862 года Ч. Валиханов писал, что с родными, которые составляют местную знать, живет «разъединенный... чем-то неодолимым. Как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров, мы начинаем расходиться».¹ Далее он указывал, что «с местными султанами и богачами из черной кости также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и свободны, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с человеком, в противном случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся».²

В этих строках Чокан Валиханов выступает не как безликий поборник всеобщей справедливости, а как деятель, придерживающийся классовых позиций, а не руководствующийся лишь общей симпатией к массам. Если судить его по нашим сегодняшним представлениям, то можно найти немало пробелов в социальных концепциях и рассуждениях Чокана Валиханова, можно упрекнуть его во многих недостатках. Однако это было бы отходом от историзма и явно отдавало бы просветительством.

Важно то, что никто до него не давал такого анализа социальных отношений и не восставал всей силой своего сердца против, по сути дела, классовых несправедливостей.

Мусульманство «грозит нам разъединением народа в будущем»³, – так мог писать и предсказывать только исследователь, серьезно вника-

¹ Валиханов Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 110.

² Там же, стр. 117.

³ Там же, стр. 100.

ющий в социальные отношения. Вдохновенно звучит его мысль о том, что «на мнения... привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большей частью, враждебны интересам массы, большинства».¹ Это было написано в 1864 году, незадолго до смерти. Крупной заслугой Чокана Валиханова было именно то, что он дошел до понимания «враждебности интересов» феодальной знати – меньшинства и трудящихся масс народа – большинства.

Деятелю, поднявшемуся в своем идейном развитии до такого уровня, было совсем не легко жить и видеть «киргизские несообразности»², тем более бороться против них почти в одиночестве, в условиях господства отсталости, суеверия, консерватизма и забитости народа. Вполне понятно, что в письмах Чокана Валиханова к друзьям, написанных в рассматриваемый период, нередко сквозят нотки тоски и бессилия.

Для периода пребывания Чокана Валиханова в казахском обществе после возвращения из Петербурга характерно его активное и непосредственное вмешательство в политическую жизнь края. Он не только придерживался определенных взглядов на политическую организацию общества, но и предлагал свои проекты видоизменения существующего режима под углом зрения защиты интересов простого народа. Его записки «О мусульманстве в степи» и «О судебной реформе» затрагивали сложные и в то же время весьма щепетильные вопросы политической структуры казахского общества. Анализ этих трудов и предложений, содержащихся в них, будет дан в последующих главах данной работы.

Здесь важно отметить те тенденции, которые выступают в этих записках и которые нетрудно заметить. Эти тенденции следующие: 1) ряд мероприятий царского правительства в Казахстане является непродуманным и вредным для культурного и политического развития казахского народа. К ним, например, относятся официальное мнение о «невыгодности» распространения «европейского просвещения между некоторыми иноплеменными народами», в том числе среди казахов, наводнение муллами казахской степи, покровительство исламу, правило, по которому крещеных казахов записывали в мещанское или казачье сословие с удалением их из степи, введение «бюрократического хаоса» в систему местного правосудия, покибиточный сбор, политика руссификации системы управления и др.; 2) при разработке различ-

¹ Там же, стр. 41.

² Там же, стр. 110.

ных мер и введении новой системы, в частности в казахское общество, непременным условием должен быть учет народного мнения, в первую очередь трудящихся масс, и требований народного движения и духа. В «Записке о судебной реформе» Чокан Валиханов открыто пишет, что «все революции, бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительств подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие». Далее отмечается, что «Реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса»;¹ 3) при желании намного можно улучшить и реформировать существующий режим и политическую структуру казахского общества с тем, чтобы в известной степени облегчить положение народа, но, однако, этого желанья пока не достаёт у деятелей, ответственных за политику. Приходится отметить, как пишет Чокан Валиханов, что «невнимательность к интересам края и народа вошла уже в привычку областного начальства...».² Как видно из перечисленных моментов, проходящих красной нитью в записках, Чокан Валиханов затрагивал ряд серьезных и в политическом отношении весьма острых и далеко небезопасных для себя и своей службы вопросов. Они не могли, разумеется, встретить сочувствия у царских колониальных чиновников, хотя форма, в которую облекались эти мысли, была умеренной, как бы «предлагающей услугу».

Следует отметить, что в нашей литературе до сих пор не придавали сколько-нибудь серьезного значения аспектам записок Чокана Валиханова. Приходится сожалеть, что некоторые авторы даже высказывали отрицательное мнение относительно ценности, роли и места этих трудов. Они, как правило, брали в основу не мотив, не ход мыслей, не главную тенденцию, пронизывающую эти записки, а строили свои суждения вокруг того или другого конкретного факта, конкретного предложения и объявляли их утопическими, не реальными и на этом основании зачеркивали ценность и неповторимый характер этих творений Чокана Валиханова. При таком подходе, осложненном нарушением принципа историзма, деятельность и взгляды любого деятеля далекого прошлого могут быть представлены в нежелательном свете. Действительно, отдельные предложения и схемы Чокана Валиханова были с точки зрения той эпохи и ее возможностей нереальны. Однако за этими недостатками не следует упускать главное – определенную линию, лежащую в основе этих предложений и схем.

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 198, 199.

² Там же, стр. 202.

Чокан Валиханов был деятелем, не ограничивающимся какой-то одной областью профессиональной или общественной жизни. Он был ученым и писал научные труды. Он был общественным деятелем и анализировал общественный быт народа, высказывая на этот счет свои мнения. Он состоял на официальной службе, и его критический ум не упускал возможности отметить недостатки в государственном аппарате. Он изучал политическую организацию казахского общества и вносил свои предложения по ее усовершенствованию, хотя и в рамках существующего строя. Но деятельность Чокана Валиханова не ограничивалась и этим. Он хотел влиять своими конкретными действиями и, во всяком случае, жаждал, чтобы на отдельных ключевых должностях в системе органов власти и управления в крае, от которых зависела в той или иной степени «судьба» казахского общества, находились бы умные, справедливые и умеренные люди. Чокан Валиханов большего от них не желал и не ожидал. Такой взгляд вовсе не является ни утопичным, ни тем более предосудительным. Другой вопрос – насколько возможно было исполнение этого желания при реальных соотношениях сил. Однако, это не опорочивает саму постановку вопроса.

В литературе бытует сугубо односторонняя, не вполне правильная оценка действий и позиций Чокана Валиханова в связи с его выставлением своей кандидатуры на местных выборах в 1862 году на занятие должности старшего султана в Атбасарском округе. Вот что пишет К. Бейсембиев: «Не понимая классовой природы общественно-политического строя и соответствующей его административно-выборной системы, Ч. Валиханов ошибочно полагал, что заняв административную должность, при тогдашних условиях можно ее использовать для борьбы с общественным злом и служения своему народу. Он полагал, что образованность, культурность, честность, преданность народным интересам управителя позволила бы ему успешно бороться с несправедливостью. Руководствуясь этим, Валиханов решил выдвинуть свою кандидатуру на выборах в старшие султаны».¹ А.Х. Маргулан говорит еще более ясно, что, «увлекшись утопическими идеями, Ч. Валиханов пошел по неправильному пути, думая о возможности сверху, «от власти» создавать «счастье народа». Об этом говорит Атбасарский эпизод (1862) – выставление Валихановым своей кандидатуры на должность выборного старшего султана».² Этот взгляд не был пересмотрен и в поздних его работах.³

¹ Бейсембиев К. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1957, стр. 97.

² Маргулан А.Х. Жизнь и деятельность Чокана Валиханова. В кн.: Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 72.

³ См.: Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, стр. 86.

Собственно, если согласиться с этими положениями, кстати, как будет показано ниже, в большей части необоснованными, то нет Валиханова-революционера в том понимании, какое характерно для начала и середины XIX века, а перед нами предстает мечтатель, дюжинный либерал, в лучшем случае мелкий реформист. На такое заключение может натолкнуть утверждение указанных выше авторов, будто Чокан Валиханов полагал, что «административная должность» может ликвидировать «общественное зло» и «успешнее бороться с несправедливостью». Более того, он якобы считал, что «счастье народа» придет сверху «от власти», а атбасарские выборы были лишь одним из эпизодов, подтверждающим это общее заблуждение.

Односторонность этой концепции выступает: а) в изолированном рассмотрении факта выдвижения Ч. Валиханова своей кандидатуры на выборах от всей совокупности его взглядов на политическую организацию общества, в частности – на власть, б) в смешении мотивов с фактом выдвижения своей кандидатуры, в) в недооценке роли власти и его органов в общественной жизни, г) в забвении необходимости прохождения отсталым казахским обществом подготовительных этапов и промежуточных ступеней развития, прежде чем оно окажется способным воспринимать революционные лозунги и действия, д) в прямолинейности суждения и попытке втиснуть действия исторических личностей в некие абстрактные и общие схемы и в случае несоответствия – объявить иллюзорными эти действия.

Нельзя не учитывать, и об этом мы уже говорили, что взгляды и мировоззрение представителей русского освободительного движения сами по себе были ограниченными, порою утопичными. Они возлагали большую надежду на общинное землевладение, на бунт крестьян и т. п. Все это было обусловлено и объяснимо социально-экономическими условиями того времени. Эти условия были еще более неблагоприятными и ограниченными в казахском обществе. Таким образом, деятелю передовой русской общественной мысли грозило в Казахстане, можно сказать, двойное ограничение – общероссийское и местное казахское.

Среда, в которой оказался Валиханов после Петербурга, не могла не наложить своего отпечатка на его ближайшие цели, тактику действий и формы борьбы за свои идеалы. Задача исследователя заключается в том, чтобы видеть за этими изменениями форм и методов действия их внутреннее содержание: непосредственную и более отдаленную цели, которые вовсе не идентичны. Попытка отождествить методы и формы действий с целью или нежелание разобраться в этом отношении могут только повредить истине и делу.

А как смотрел сам Чокан Валиханов на выдвижение своей кандидатуры на должность старшего султана? В письме Ф.М. Достоевскому от 14 января 1862 года он писал, что «теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в орде по выборам..., а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в орду к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик Федя?»¹

В другом письме, от 15 октября того же года, уже после выборов, он сообщал Ф.М. Достоевскому: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Он увидел бы, что человек истинно образованный не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа».²

Вот, пожалуй, весь материал, имеющийся в делах Чокана Валиханова относительно атбасарских выборов. Эти откровенные личные признания совершенно не дают никакого повода для выводов, которые были сделаны некоторыми советскими исследователями. В них вовсе нет намека на то, что сверху, «от власти», можно создать «счастье народа» или о том, что можно ликвидировать общественное зло посредством занятия какой-то должности в иерархии управления краем. Подобные выводы, мягко говоря, больше, похожи на домыслы. Чокая Валиханов хорошо понимал, что существующая система власти не способна не только обеспечить справедливость, но и либерально-умеренное управление казахской степью. Об этом он говорил весьма недвусмысленно. Так, по поводу вопиющей несправедливости и нарушения закона на выборах старших султанов Чокан Валиханов писал, что «протестовать следует, хотя и толку из этого никакого не выйдет».³ Эту же мысль он высказывал и в другом месте. Обиженному несправедливостями «просить удовлетворения (от властей. – Авторы), по-моему, то же самое, что просить

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 556-557.

² Там же, стр. 562.

³ Там же, стр. 568.

Конституции: посадят, да потом к Макару на пастбище пошлют»¹ Эти слова Чокана Валиханова не оставляют никакого сомнения в том, что ему вовсе не были свойственны поклонение перед феодальной местной властью и ее фетишизация, приписываемые ему в нашей литературе.

Из писем Чокана Валиханова к своим друзьям видно, что мысль занять должность непосредственно в степи у него возникла, во-первых и главным образом, после того, как он убедился в необходимости откладывания поездки в Петербург; во-вторых, когда ему не удалось получить в системе сибирской администрации должности консула в Кашгарии, давшей бы ему возможность продолжать научные искания и позаботиться об улучшении своего здоровья; наконец, в-третьих, в связи с предписаниями врачей о лечении кумысом в степи и отрицательным влиянием на его здоровье чиновничьей сутолоки в крупных административных центрах края.

Таким образом, желание занять должность старшего султана в Атбасарском округе вовсе не было основной целью в его мыслях. Наоборот, это желание было производным и появилось на свет, когда отпали основные варианты. Следовательно, по этой логике Чокан Валиханов не мог рассматривать должность старшего султана как основной рычаг борьбы с «общественным злом» или как источник «счастья народа».

Стремление занять административную должность, в данном случае в казахской степи, вовсе не было каким-то новым явлением в жизни Чокана Валиханова. Он всю сознательную жизнь занимал официальные должности в системе колониальной администрации, в центральных правительственных учреждениях и в войсках. Поэтому само по себе выделение факта желания Валиханова работать в степи, в гуще казахского народа, от всей его чиновничьей деятельности, правомерно лишь для положительного освещения его действий, отнюдь не для критики и поношения. Что может быть лучше, чем работать на пользу родного народа, находиться в его среде, жить его думами и помогать его прогрессу, используя возможные и доступные средства, предоставляемые эпохой и временем? От этой цели не отказывался ни один передовой деятель.

Как это с достаточной ясностью рисуют имеющиеся материалы, Чокан Валиханов, выдвигая свою кандидатуру в старшие султаны, рассчитывал принести пользу соотечественникам, защищая «их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз», т. е. от их злоупотреблений, подать пример «образованного правления» и, наконец, возвысить в глазах казахского народа «русское воспитание». Своими действиями Чокан Валиханов хотел сказать своему народу: «Не чуждайтесь русского образования, отдавайте

¹ Там же, стр. 565.

детей в русские школы, на русское воспитание – это один из верных путей общественного развития». В этом проявился русский и национальный патриотизм Чокана Валиханова, о котором в свое время писал Потанин. «В сердце Чокана любовь к своему народу, – указывал он, – соединялась с русским патриотизмом. В 60-х годах общерусский патриотизм не отрицал местных, областных и инородческих, и два патриотизма, общий и частный, легко уживались в одном человеке... Чокан был киргизский патриот, но в то же время он был и патриот русский».¹

Таким образом, мечты Чокана Валиханова не были утопичными и иллюзорными. Они преследовали непосредственные практические интересы. Чокан Валиханов вовсе не ставил себе задачу преобразования общества или добиваться коренного изменения внутреннего режима при помощи занятия должности старшего султана в одном из казахских округов. В материалах на это нет ни малейшего намека. Постановка такой задачи действительно была бы полнейшим абсурдом и пустой утопией. Но желание занимать ту или иную должность, принести «пользу соотечественникам» – законное и положительное.

В любом обществе власть является важнейшим инструментом в руках господствующего класса. Это общеизвестная истина. В степи во времена Валиханова власть практически отправлялась многочисленными чиновниками. Среди них были грубые и умеренные, образованные и темные, деспоты и мягкотелые, люди передовых взглядов и реакционеры. Все эти индивидуальные особенности по-разному проявлялись и имели немаловажное значение как для ведения государственных дел, так и для интересов народных масс. Подданные не могли быть безразличными к этим чиновникам, по-разному относились к ним. От одних, в рамках одного и того же строя, они терпели несмываемые обиды и унижение, другие несли им некоторое облегчение.

Власть, какая бы она ни была – маленькая или большая, местная или центральная, тем более, если она имеет некоторую автономность или обладает признаками самоуправления, – может быть использована для причинения подданным «большого» или «меньшего зла». Власть султана-правителя, хотя она ограничена и обусловлена господствующими в обществе отношениями, все же давала известную возможность для маневрирования и использования ее в определенных целях. Именно это и привлекало Валиханова. Идеи, лежавшие в основе выдвижения Чоканом Валихановым своей кандидатуры на пост старшего султана, были позитивными, практически целесообразными. Они не опорочи-

¹ «Русское богатство», 1896, №8, стр. 88.

вали его общих взглядов. Он был не только человеком научного вдохновения и передовых идеалов, а вместе с тем человеком действия и практического опыта. Эту сторону его природы не следует упускать из виду при анализе и оценке его деятельности.

Разумеется, намерение Чокана Валиханова получить ответственную должность в казахском обществе было встречено в штыки со стороны омского начальства и местной крупной знати. Несмотря на то, что он получил большее количество голосов, чем его соперник, областной губернатор отклонил кандидатуру Чокана Валиханова. Скрытые мотивы этого шага губернатора хорошо изложены самим Валихановым. В одном из писем друзьям он писал: «Господа эти, как областные, так и приказные, поголовно восстали против этого (т. е. против его избрания. – Авторы). Ты понимаешь почему. Областные лишились бы нескольких тысяч, которые они стягивали со старшего султана, а приказным, действительно, если бы я был султаном, пришлось бы идти по миру. Видишь, что тут для чиновников своего рода «быть или не быть»... Чиновничество начинает подстрекать самолюбие богатых и честолюбивых ордынцев и пугать их, что если Валиханов будет султаном, то всем будет худо, он, мол, держится понятий о равенстве и отличать вас по роду, богатству, как свой брат натуральный киргиз, не будет; пустили в ход и то, что я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде».¹

Эта неудача с избранием в старшие султаны глубоко тронула чувствительную душу Чокана Валиханова. Он переживал не потому, что не стал султаном. Он томился, не видя просвета в сплошной тьме злоупотреблений и бесчинств царских и местных чиновников и не находя должной опоры в народе, не дозревшем для активных действий и борьбы против этих общественных зол. В отчаянии он восклицал: «Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся».²

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 562-563.

² Там же, стр. 565.

ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

1. Социализм и община в представлении Ч. Валиханова, его друзей и единомышленников

Социализм, как система определенных идей, стал играть заметную роль в общественно-политическом движении России, начиная с 40-х годов XIX века. В это время начинают формироваться интеллигенция, способная воспринимать социалистические идеи, и профессиональные революционеры – борцы за социализм, каким его представляли в ту историческую эпоху.

Характерно, что социализм в России, в силу ряда объективных условий, миновал этап абстрактно-теоретического развития. Он непосредственно слился с революционной борьбой передовых людей, принимавшей все больший размах, и стал ее идейной основой. Такое положение обусловило быстрый успех и популярность социалистических идей в среде передовой и сознательной части народа.

С осложнением социальных противоречий и развитием русского освободительного движения политические идеалы передовых деятелей обогащались новыми моментами и все больше стали отражать потребности исторического прогресса. Среди той части радикально мыслящих людей, которые ясно видели глубокие социальные противоречия, свойственные самодержавному строю, и искренне желали избавления от них, чего бы это ни стоило, идеи социализма непременно брали верх над всеми остальными учениями. Как бы ни были различны пути подобных деятелей, они в конце концов должны были прийти к социализму – такова была особенность развития передовой общественной мысли в России XIX века. Эта особенность эпохи хорошо передана в признаниях Белинского, относящихся к 1841 году. Он писал: «Я теперь в новой крайности – это идея социализма, которая стала для меня идеею идей».¹

Петрашевский, испытавший сильное влияние Белинского, указывал, что в условиях самодержавного строя нет возможности не только думать, а даже дышать свободно, по-человечески.² По мнению его

¹ Приводится по работе Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли в XIX веке». Соч., т. XXIII. М.-Л., 1926, стр. 140.

² Федосов И. Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М., 1958, стр. 273.

последователей, выход из этого «смадного» положения заключался в социализме, который был призван преобразить Россию. Объясняя, что такое социализм, петрашевцы писали: «Социализм не есть изобретение новейшего времени, хитрая выдумка XIX века, подобная пароходу, паровозу или светописи, – он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться... Социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества... Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить».¹ Если, по определению В.И. Ленина, В. Белинский был предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении, то историческая роль петрашевцев заключалась в том, что они положили начало вытеснения дворян разночинцами.² Не случайно поэтому В.И. Ленин датировал существование «социалистической интеллигенции» в России, «начиная от кружка петрашевцев, примерно».³

В распространении социалистических идей в России огромную роль играла деятельность революционных демократов – Белинского, Герцена, Огарева, Добролюбова и в особенности Чернышевского и его школы. Они и их идеи пользовались большой притягательной силой и популярностью среди недовольной царским режимом молодежи. По свидетельству одного из современников, в середине XIX века «социализм делал широкие завоевания в русской молодежи».⁴ «Тогдашние философские увлечения мыслящей молодежи, – писал А.И. Герцен, – вызваны были исканием тех средств, которые помогли бы ей справиться с окружающей ее безобразной действительностью».⁵ Деятельность Чокана Валиханова в Сибири, а в особенности в Петербурге, его активное участие в кружке «Сибирское землячество» говорят о том, что он относился к числу этой «мыслящей молодежи», увлеченной идеями социализма. Об этом имеются и прямые указания современников.

В своих поздних воспоминаниях друг и тогдашний единомышленник Чокана Валиханова Г.Н. Потанин писал: «Русские политические кружки, в которых Валиханов и Банзаров провели свою молодость, т. е. те годы, когда складываются общественные идеи у человека, были различны... О казанском кружке, в котором вырос Банзаров, мы мало

¹ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 389, 423, 428.

² Ленин В.И. Сочинения, т. 20, стр. 223; «История философии», т. II. М., 1957, стр. 310.

³ Лейкина-Свирская В.Р. Петрашевцы. Л., 1956, стр. 18-19.

⁴ «Из воспоминаний М.И. Венюкова», кн. I (1832-1867). Амстердам, 1895, стр. 147.

⁵ Плеханов Г.В. Указ., соч., стр. 29.

знаем, но полагаем, что он мало похож на друзей Валиханова. Яснее для нас характер петербургских друзей Банзарова (Савельев, Григорьев). Они тоже, как и друзья Валиханова, увлекались социализмом».¹

В другом месте Потанин, имея в виду Валиханова, Ядринцева, Шашкова и себя, прямо говорит, что «мы были социалистами».² Также известно, что кружок, организованный ими в Петербурге, близко стоял к группе Чернышевского и в начале 60-х годов вошел в состав революционной организации «Земля и воля».

Социализм шестидесятых годов был идеологией крестьянства со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Передовые деятели этого периода во главу угла своей программы ставили интересы крестьянства и все общественные вопросы решали в связи и исходя из требований и чаяний этого класса. Это определяло и позицию сибирских патриотов, в том числе Чокана Валиханова. Когда в 1865 году арестовали ведущих деятелей сибирского революционного движения, следователи, допрашивавшие их, были поражены тем, как они преданно защищали интересы крестьян и рядовых казаков. Полковник жандармерии Рыкачев, лично знавший Ядринцева, после очередного допроса, с явной целью повлиять на его убеждения, заявил ему следующее: «Вы, Николай Михайлович, хлопчете о народной массе, хотите душу за мужиков положить, а я уверяю Вас, что, если я выведу Вас на площадь, передам в руки их, они Вас разорвут на куски».³

Сибирские патриоты шестидесятых годов вполне обоснованно называли себя социалистами. Валиханов, Потанин, Ядринцев, Шашков, Усов и другие действительно были социалистами-утопистами. Они не просто защищали интересы трудового крестьянства, в том числе и сибирских казаков. В крестьянской сельской общине они видели зародыш социалистического общежития. С. Капустин в ряде своих интересных исследований крестьянского землевладения доказывал, что «русскому крестьянству коренной России присущ общинный строй жизни до такой степени, что его можно назвать прирожденным».⁴ То же самое утверждал Н. Ядринцев: «Общинный поземельный быт, русский крестьянский мир как бы осуществлял уже формы европейского социализма». Вместе с тем они хорошо видели существенные изменения, происходившие в жизни крестьян в пореформенный период. Как уже отмечалось выше, Н. Ядринцев далее пишет, что община сильно изменилась, в ней выдвинулось кулачество, появились безземельные крестьяне, и «в России обнаружился тот же аграрный вопрос и беззе-

¹ Банзаров Д. Черная вера и шаманство у монголов. СПб., 1891, стр. 29.

² «Голос минувшего», 1913, №9, стр. 277.

³ «Сибирская жизнь», 1914, №63.

⁴ Капустин С. Формы землевладения у русского народа. СПб., 1877, стр. 77.

мелье, которое считалось только язвой Запада».¹ Сибирские патриоты тратили много энергии на то, чтобы защитить сельскую крестьянскую общину от усиливающегося влияния кулаков, купцов и чиновников.

Революционная деятельность сибирских патриотов имела некоторые особенности. Например, в их плане практических действий не ставилась задача освобождения крестьян из-под помещичьей кабалы. Но это объяснялось просто: в Сибири крестьяне были более свободны, чем в других областях страны, и не испытывали такого гнета помещиков, как в Центральной России. Поэтому сибирские патриоты не могли включить этот пункт в свою программу, хотя были по-своему преданы интересам трудовой массы населения. Они сами указывали, что крепостным сословием в Сибири, по сути дела, являются рядовые казаки,² и борьба за их интересы с целью уравнивания их в правах с другими свободными сословиями имеет такое же значение, как и освобождение крестьян Центральной России из-под помещичьей кабалы. Эта линия особенно ярко проявилась во время составления нового Положения о сибирских казаках в 1864 году. Г.Н. Потанин возглавил движение представителей казачьих низов, пытавшихся бороться за свое равноправие и свободу.³ Эти и другие дела «создали ему широкую популярность среди населения, а в известных кругах (т. е. в правительственных органах. – Авторы) репутацию беспокойного человека».⁴

Любовь к Сибири, посвящение себя ее жизненным интересам вовсе нельзя считать ограниченностью сибирских патриотов, тем более каким-то узким местничеством. Они свою борьбу не отрывали от борьбы передовых деятелей освободительного движения в России.

В одном дореволюционном сборнике, вышедшем под редакцией Н.М. Ядринцева, об И.В. Оммулевском сказано, что он «соединил в себе с личностью русского общественного бойца-шестидесятника глубокую любовь к Сибири и горячее отношение к ее интересам и недугам».⁵ Это определение вполне подходит к самому Ядринцеву и его единомышленникам-друзьям – Потанину, Шашкову, Наумову, Валиханову и другим. Один из крупных исследователей истории освободительной мысли шестидесятых годов М. Лемке совершенно правильно напомнил, что «областничество» Ядринцева и других сибирских патриотов было органической частью борьбы за свободную Россию и что его нельзя смешивать с «областничеством» позднего времени.⁶

¹ *Ядринцев Н.* Иллюзия величия и ничтожество, стр. 3, 5.

² «Сибирская жизнь», 1913, №28.

³ Там же, 1913, №242, 248.

⁴ *Попов И.И.* К 80-летию Г.Н. Потанина. «Голос минувшего», 1915, №1.

⁵ «Сибирский сборник». СПб., 1887, кн. IV, стр. 140.

⁶ *Лемке М.* Н.М. Ядринцев, стр. 9.

При рассмотрении вопроса об отношении Валиханова к идее крестьянского утопического социализма следует иметь в виду следующее: а) среди оппозиционной и революционной молодежи, в особенности Петербурга, в 50 – 60-х годах увлечение социализмом было широким. В числе этой молодежи, несомненно, был и Чокан Валиханов; б) непосредственное окружение и самые близкие друзья Ч. Валиханова, которые считались его единомышленниками, за отдельными исключениями, разделяли идею крестьянского социализма и сделали ее знаменем своей борьбы. Известно, что, как отмечали его друзья, Ч. Валиханов в своих суждениях о политике был более глубоким и смелым, в его бытность в Петербурге резко высказывал свои демократические убеждения и выделялся в этом отношении среди многих своих товарищей; в) склад мышления, довольно отчетливо вырисовывающийся как из совокупности его высказываний, так и из всего жизненного пути, характеризует Чокана Валиханова не иначе как социалиста по убеждению.

То, что Чокан Валиханов был противником крепостного права, жаждал его отмены и освобождения крестьян не может вызвать никакого сомнения не только потому, что он был в кругу и в числе передовых мыслителей шестидесятых годов и никогда не имел с ними расхождений по основным вопросам. Люди, близко знавшие Чокана Валиханова, всегда подчеркивали, что он был воспитан именно «гуманной литературой шестидесятых годов»,¹ под которой понимались в первую очередь революционные произведения Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. Чокан Валиханов умел учиться у опытных, образованных и передовых деятелей. Вместе с тем он не был простым подражателем.

Идеи русских социалистов-утопистов и революционеров были для него исходным методологическим началом для решения практических вопросов, вставших перед ним.

Особенно интересны мысли Ч. Валиханова, изложенные им в «Записке о судебной реформе». Несмотря на то, что она посвящена узкому вопросу и носила характер официальной переписки с правительственными органами, в ней мы находим ценные теоретические рассуждения и широкие обобщения. Для этой работы, в частности, характерно: а) открытое утверждение противоположности и несовместимости интересов и мнений привилегированных классов общества и масс народа; б) признание казахов «неразвитыми» и «младенчествующими», в то же время по «надеждам на развитие в будущем» – перспективным народом. Эти два момента следует рассмотреть более подробно, ибо

¹ «Сибирская жизнь», 1913, №257.

такая постановка вопроса, по выражению самого Чокана Валиханова, обусловлена «тенденциями и требованиями нашего времени».¹

По мнению Чокана Валиханова, казахское общество того времени состояло из привилегированных классов и народа. К первым относились «волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы», а народ – это «небогатые, нечиновные и нетитулованные киргизы».² Такая констатация была нужна Чокану Валиханову для показа резкого расхождения интересов и чаяний этих двух социальных групп. Надо было обладать не только твердым убеждением, но и смелым характером, чтобы официально заявить, что «на мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большею частью, враждебны интересам массы, большинства».³

Исходя из этой социальной предпосылки, Чокан Валиханов берет под защиту все то, что народно и связано с будущим прогрессивным развитием народных масс. В их отсталости он видел зародыш прогресса общества, так же как и передовые деятели России того времени в отсталой крестьянской общине видели основу социалистического общежития. Развивая свою мысль о том, что казахи, жившие в условиях родового деления и аульно-общинного строя, «по надеждам на развитие в будущем» занимают особое место, он писал: «Что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее».⁴ Этот замечательный тезис отражает идею крестьянского социализма применительно к жизни казахского трудового населения.

Один из весьма компетентных советских исследователей наследия Валиханова проф. С.Я. Булатов,⁵ надо отдать ему должное, первым правильно оценил глубокую и непосредственную связь мыслей Чокана Валиханова в вопросе о характере и будущности казахской аульно-родовой общины с теорией крестьянского социализма, разработанной и проповедуемой русской революционной демократией. Эта мысль была поддержана исследованием Л.В. Дюкова.⁶

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, стр. 497.

² Там же, стр. 500.

³ Там же, стр. 495.

⁴ Там же, стр. 499.

⁵ См.: Булатов С.Я. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова. «Вестник АН КССР», 1956.

⁶ См.: Дюков Л.В. Ч.Ч. Валиханов как последователь Н.Г. Чернышевского. «Ученые записки Казахского университета», 1960, т. 29, вып. 6.

Казахская аульно-родовая община представлялась Чокану Валиханову, во-первых, как общество, находящееся в своем развитии в стадии «младенчества» и «безыскусственного» состояния, т. е. на такой стадии, когда оно продолжало нести в себе ряд положительных черт и достоинств коллективного пользования, в первую очередь, основным средством производства – землей, во-вторых, как общество, имеющее «наибольшую аналогию», сходство с «результатами высшего, культурного развития», а такими результатами высшего развития в то время считалась социалистическая общность трудового населения.

Чокан Валиханов не скрывал, что с этими двумя моментами, характеризующими, по его мнению, внутреннюю жизнь аульно-родовой общины, связаны его «надежды на будущее».

Каждый, кто сколько-нибудь знаком с основными идеями и произведениями Герцена, Чернышевского, Добролюбова, легко может представить, что выдвинутые Валихановым положения о состоянии и будущности казахской аульно-родовой общины, в своей основе имеют революционную теорию крестьянского социализма периода освободительного движения в России в шестидесятых годах прошлого века. Чтобы не быть голословным, сошлемся на факты.

Н.Г. Чернышевский, как и другие революционеры-демократы, употреблял термины «младенствующее племя», «младенствующее общество» в определенном смысле – в смысле патриархальной отсталости неразвитых, отсталых сельскохозяйственных общин и их безыскусственного состояния.¹ «Один из величайших мыслителей нашего века, – писал Н.Г. Чернышевский, – высказал идею о том, что высшая степень развития по форме совпадает с совершенною неразвитостью, существенно отличается от нее содержанием. В приложении к истории такая идея оказывается совершенно справедливою. Мы видим теперь, что конечный результат исторического развития состоит в теснейшем сближении всех членов нации в одно плотное духовное целое. Таково же положение людей до начала цивилизации».² В другой работе, написанной в 1858 году, отвечая своим критикам, Н. Г. Чернышевский подчеркивал мысль о том, что «высшая степень развития по форме сходна с его началом — это мы видим во всех сферах жизни» и что «под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»³, – вот

¹ См., например, его статью «Песни разных народов», напечатанную в «Современнике» в 1854 году.

² *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. М., 1939-1953 гг., т. 2, стр. 295.

³ Там же, т. 5, стр. 364, 389.

теоретические и методологические предпосылки, из которых исходил Ч. Валиханов в оценке казахской общины.

Чокан Валиханов очень хорошо знал произведения Н.Г. Чернышевского и других ведущих деятелей русской революционной демократии. Он верил в их идеи и руководствовался ими. В этом мы лишний раз убеждаемся, обнаруживая полное совпадение их точек зрения по такой важной и первостепенной проблеме, как оценка будущности отсталой крестьянской общины.

Нет сомнения в том, что Ч. Валиханов ценил и слова Герцена, сказанные о русской общине: «Вид этих убогих сельских общин таит в себе что-то, глубоко меня волнующее. Домишки жмутся друг к другу, предпочитая вместе сгореть, нежели разбрестись во все стороны. За домами теряются бесконечные дали, поля без плетней и оград. Избушка для человека, для семьи. Земля – для всех, для общины... Крестьянин, живущий в этих домишках – все в том же положении, в каком застигли его кочующие полчища Чингисхана. События последних веков пронесли над его головой, даже не заставив его задуматься».¹ Эти признаки еще более были глубоки и свойственны казахской аульно-родовой общине, – так рассуждал Чокан Валиханов.

Ч. Валиханов считал, что в казахской аульно-родовой общине сохранились весьма положительные и ценные черты взаимопомощи, чувства заступничества друг за друга и много других патриархальных обычаев в быту и самоуправлении.

«Члены одного рода считались как бы членами одного семейства»,² и это представление имело ряд практических последствий. Казахи чувствительны, и «участие, принимаемое ими в несчастьи ближнего, стоит внимания и похвалы». Обязанность «всего благополучно пребывающего общества» оказывать необходимую материальную помощь обедневшему члену общины («жилу»), принимать с уважением и доставлять бесплатное питание любому путнику («конакасы»), по мнению Ч. Валиханова, достойны «подражания и просвещенному европейцу».³ А обычное право казахов, в той или иной степени отражавшее эту сторону жизни народа и его отсталость, «имеет более гуманных сторон».⁴

Важной характерной чертой внутренней жизни казахской аульно-родовой общины, по мнению Чокана Валиханова, было то, что она в прошлом обладала значительной свободой в пользовании землей – пастбищами, в ней господствовали начала общей собственности. «Мы

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений, т. VII. М., 1956, стр. 137-138.

² Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, стр. 505.

³ Там же, т. III, стр. 40, 41.

⁴ Там же, т. I, стр. 513.

устроивали свою жизнь, принаравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно так же как и приуроченных мест для летних пастбищ, — указывал он. — Когда в одном месте был голод, отцы наши уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями».¹ Он с горечью говорил о постепенном разрушении этой системы землепользования и протестовал против планов правительственных органов, отчасти осуществляющихся, направленных на углубление этого процесса путем закрепления пастбищных участков за отдельными родовыми подразделениями и личностями.²

Все эти признаки казахских аульно-родовых общин в соединении с их сильными внутренними элементами самоуправления в совокупности служили основанием для того, чтобы провести между нею и «результатами высшего развития» достаточную аналогию, т. е. видеть в ней потенциальную социалистическую общность людей.

Как видно из этого, Чокан Валиханов идеализировал казахскую аульно-родовую общину и не замечал процесса разрушения коллективных начал, когда-то действительно господствовавших в ней.

Он был убежден, что при определенных условиях можно приостановить эту «злую» силу, и доказывал другим необходимость поддержания в общине старых порядков и обычаев, более «близких народу». В этих рассуждениях, как солнце в капле воды, отражается позиция русских социалистов-утопистов в крестьянском вопросе и их историческая ограниченность. Сам по себе тот факт, что Чокан Валиханов в своем подходе к крестьянскому вопросу в кочевом казахском обществе и в понимании перспективы развития казахской сельской общины поднялся до уровня идей социалистов-утопистов России шестидесятых годов и был солидарен с ними, составляет его крупную историческую заслугу.

Революционеры-разночинцы и демократы видели в русской крестьянской общине экономическую основу социализма. Они считали, что после захвата власти трудящимися, опираясь на крестьянскую общину и на ее основе, можно строить социализм. Известно, что петрашевцы, под влиянием которых в значительной степени находился Валиханов, ставили перед собой цель применить идеи социализма в русской действительности. Они считали орудием перехода крестьян к социализму хозяйство вкладчину (община), где доходы распределяются по труду.³ Подобно коммунистам Запада петрашевцы видели

¹ Там же, стр. 531.

² Там же, стр. 533.

³ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 412.

в собственности (капитале) главный источник всех бедствий и в замене частной собственности общей собственностью усмотрели способ уничтожения всех зол. «Мы здесь в нашей стране, – пророчески говорил петрашевец Ахшарумов, – начнем преобразование, а кончит его вся земля».¹

Герцен, Добролюбов и Чернышевский создали довольно стройную теорию о крестьянской общине как об основе социалистического переустройства общества. Они ратовали за сохранение и развитие общинной формы землепользования и порядков, связанных с нею. Герцен, видя в общине характерные для будущего социалистического общества черты, по словам Энгельса, изображал «русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, гнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм».² Возражая тем, кто утверждал, что община чисто славянское (русское) явление, Энгельс говорил, что она существует у всех народов, находящихся на низкой ступени развития от Индии до Ирландии.³ Он также подчеркивал, что внутри самой общины в результате периодических переделов земли объективно происходит процесс дифференциации самих крестьян, ведущий к неравенству, к зарождению внутри общины кулака-ростовщика.⁴

При всех этих недостатках общинной формы собственности на землю у русских крестьян и Энгельс признавал, что «тем не менее нельзя отрицать наличие возможности перевести эту общинную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно; причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того; чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной параллельной собственности».⁵

К. Маркс по поводу защиты Чернышевским общины писал: «Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос – должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы прийти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения... Если Россия

¹ Там же, стр. 110.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. II, 1949, стр. 45.

³ Там же, стр. 45-46.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 47-48.

будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя».¹

Идея крестьянского социализма русских революционных демократов была утопической. Они не видели и не могли видеть в тех условиях России подлинных революционных сил, способных преобразовать общество на социалистических началах. Тем не менее она была прогрессивной и глубоко революционной идеей, подготовившей последующий, более высокий этап освободительного движения.

Чокан Валиханов и его друзья-единомышленники всецело находились в плену идеи крестьянского социализма. Они выступали в защиту крестьянской поземельной общины в Сибири и в Казахстане, усматривали в ее изменении и разрушении особый вред прогрессу. Сопоставляя государственный строй русского самодержавия с государственным строем цинской империи, Ч. Валиханов осуждал наличие в России крупного удельного землевладения.²

Он, защищая общинную форму собственности на землю в России, писал: «Да посмотрите, вникните в китайскую систему поземельной собственности: она основана на идеях, до которых Европа дошла только в наш просвещенный век».

Бликие друзья Ч. Валиханова – сибирские патриоты, следуя за «русским социализмом» Герцена и общинной идеей Чернышевского, в отсутствие частной земельной собственности в Сибири видели великое будущее этого края³ и выступали в его защиту против расхищения царизмом.⁴ Они также считали, что частная собственность вредна казахскому народу.⁵ Сибирские патриоты надеялись решить крестьянский вопрос крестьянской артелизацией. «Нормальнее было бы, если бы к новому способу хозяйства переходили сами крестьяне, соединяясь в товарищества и прибегая к усовершенствованию способов обработки земли»,⁶ – указывали они. В крестьянской общине они видели силу, способную водворить в Сибири рациональное хозяйство.⁷ Один

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I, стр. 314.

² Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 426.

³ Козьмин Н.И. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910, стр. 194.

⁴ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907, стр. 4.

⁵ Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, №8, стр. 80.

⁶ Круссер Г.В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1965 г. «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1924-1925, т. 4, вып. 1, стр. 96.

⁷ Кожевников С. Н.И. Наумов, стр. 29.

из лидеров сибирских патриотов Г.Н. Потанин, правда, позже, уже в преклонном возрасте, призывал к тому, чтобы «земля не могла стать ничьей частной собственностью», «надо, чтобы земля навеки осталась общенародным достоянием».¹

Родоначальник и теоретик «русского социализма» А.И. Герцен представлял социализм как господство взаимного доверия людей,² исключая несправедливость, насилие и социальные контрасты. Н.А. Добролюбов мыслил социализм как «союз трудящихся масс, союз работников».³ Как отмечает один из советских исследователей С.А. Покровский, в представлении русских революционных демократов «социализм означал общественную собственность на средства производства и распределение по труду».⁴ Они видели в нем бесклассовое общество, которому чужда эксплуатация человека человеком и неравенство людей. Из этого видно, что для передовых деятелей этого периода было характерно отождествление идеи социализма с демократизмом. Они под социализмом понимали демократические свободы и наоборот. На эту особенность указывал и В.И. Ленин. Он писал, что «та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, напр., в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность».⁵

Чокан Валиханов был последовательным демократом. Основными условиями развития народа он считал его просвещение и свободу. «Успех прогресса обуславливается двумя факторами: знанием и свободой»,⁶ – говорил он. Ч. Валиханов ратовал за равенство людей, за режим, в котором не было бы места сословным привилегиям. Царские чиновники, не желая допускать избрания Ч. Валиханова старшим султаном, вербовали себе в союзники казахскую знать, приводя как аргумент, что «он, мол, держится понятия о равенстве и отличать вас по роду, богатству, как свой брат натуральный киргиз, не будет...».⁷

Социалисты шестидесятых годов горячо и страстно говорили и боролись за обновление общественного строя, за освобождение личности и мысли из-под гнета и ограничения. Эта идея проходила основным лейтмотивом и в убеждениях Валиханова, Ядринцева, Потанина, Шашкова и других сибирских патриотов. В ненапечатанной рукописи

¹ «Сибирская жизнь», 1917, №227.

² «История политических учений», под редакцией проф. С.Ф. Кечекьяна. М., 1955, стр. 448.

³ *Бурлацкий Ф.М.* Политические взгляды Н.А. Добролюбова. М., 1954, с. 224.

⁴ *Покровский С.А.* Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952, стр. 313.

⁵ *Ленин В.И.* Сочинения, т. 1, стр. 253.

⁶ *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений, т. 1, стр. 614.

⁷ *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения, стр. 563.

С. Шашкова есть места, характеризующие настроение его товарищей, возвратившихся из Петербурга в Сибирь: «Мы все явились в Сибирь в каком-то восторженном состоянии экзальтированных прозелитов новой идеи, одушевлявшей нас. Мы могли говорить о Сибири, об ее обновлении, о будущих задачах целые часы, горячо, пламенно говорить... У нас явилась потребность скорее высказаться, передать, провести свои идеи в жизнь, побудить и заставить жить это общество. Мало того – заставить трепетать его и воспламеняться тем же огнем, какой кипел в нас. Мы неустанно пропагандировали везде обновление России и, не довольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекции и зажигать сердца».¹ Известно, что эти публичные выступления, проведенные с соблюдением цензурных ограничений и с ведома официальных властей, а отсюда – со многими недомолвками, были в свое время расценены как «антигосударственные» и «мятежные», а ораторы арестованы и приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Об идее обновления России и Сибири, владевшей умами сибирских патриотов, говорил и Ядринцев. В своих воспоминаниях в несколько завуалированной форме он писал про шестидесятые годы, что «это была эпоха обновления русской жизни, под которою мы жили тогда и распускались. Эпоха незабвенная, где все веяло пробуждением умственной жизни и лучших человеческих инстинктов».²

В идею обновления общественного строя, разумеется, можно вкладывать различное содержание. К ней можно подходить с различных классовых и групповых позиций и с разными мерками. Понимание идеи обновления общественной жизни сибирскими патриотами в принципе было тождественно взглядам русской революционной демократии. Точнее говоря, они переняли эту идею у русской революционной демократии, в лагерь которой они входили. Об этом говорили сибирские патриоты, и открыто в этом сходятся почти все дореволюционные авторы, близко знавшие многих из них. Обновление русской жизни, о котором мечтали сибирские патриоты, было обновлением на началах свободы и равенства, справедливости и любви во взаимоотношениях членов общества.

Идеалы, которым собирались служить Потанин, Валиханов, Ядринцев, Наумов и другие патриоты Сибири в пору своей молодости, в шестидесятых годах, были прекрасны и возвышенны. Сама жизнь толкала их на путь участия в освободительном движении того времени, когда, казалось, даже воздух был пропитан демократическими

¹ Лелке М. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 50.

² Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919.

и революционными идеями. «Русское общество никогда не переживало больше того, что пережило в эпоху так называемых «шестидесятых годов» (1855 – 1862 гг.), – писал один из поздних биографов Н.М. Ядринцева. – Эта была светлая полоса, о которой и до сих пор так приятно всегда вспоминать. Славное прошлое, славные деятели – его работники; вечны идеалы, их стимулировавшие, – любовь, свобода, равенство»¹.

2. О проблеме самозащиты народа

В период назревания и наступления революционной ситуации в России проблема форм борьбы за интересы крестьянских масс приобрела особенно острый характер. Буржуазные либералы разных оттенков старались решить ее в рамках существующего самодержавного режима и в формах, не затрагивающих его основ. Они готовы были объявить защиту интересов угнетенного народа обязанностью самого правительства, отдельных просвещенных деятелей и переложить всецело выполнение этой защиты на их плечи со всеми вытекающими отсюда последствиями. В противовес им Герцен, Добролюбов, Чернышевский и их единомышленники придерживались в этом вопросе наиболее последовательного и революционного взгляда. Вместо либерального и реформистского лозунга «улучшение быта крестьян» они провозгласили лозунг «освобождение крестьян». Причем крестьяне должны были освободить сами себя, в порядке инициативы снизу, путем восстания. Самозащита и восстание в этот период приобрели единый смысл и представлялись неразрывно целыми понятиями.

Те реальные результаты, к которым привело «освобождение» крестьян сверху в 1861 году, явились настоящим приговором либералам. Никчемность их лозунгов стала видна многим. Это не могло не усилить революционные позиции передовых деятелей освободительного движения и их влияние в народной массе, среди мыслящей интеллигенции.

«Народ царем обманут»² – таков был вывод Огарева, когда он ознакомился с царским манифестом от 19 февраля 1861 года и незамедлительно совместно с Герценом развернул агитацию за «новую волю». Вождь русской революционной демократии Чернышевский, выступивший с рядом страстных статей в «Современнике», призывал народ к сознательности, организованности и к решительности дейс-

¹ Лемке М. Н.М. Ядринцев, СПб, стр. 31.

² Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, стр. 526.

твий в борьбе с самодержавием. Он и его боевые соратники, в тесной связи с Герценом и Огаревым, приступили к подготовке крестьянского восстания, создав тайную революционную организацию «Земля и воля».¹ По стране катилась волна крестьянских протестов, волнений и локальных восстаний.

Под влиянием идей русской революционной демократии в ряде крупных центральных городов, в особенности в Петербурге, возникли многочисленные политические кружки студенчества, молодой интеллигенции и передовых офицеров. Они являлись как бы массовой разночинной опорой революции. «Чернышевский, Добролюбов были пророками университетской молодежи, – писал Н.В. Шелгунов, – приходившей в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше от того, что читали потом между строками. Чем крайнее и смелее были статьи, тем они сильнее действовали на студентов».²

Словом, в этот период в стране создалось такое положение, что крестьянское восстание считалось вполне реальным. Его допускали не только деятели освободительного движения. Даже в правительственных кругах придавали этому вопросу весьма важное значение. Ожидание нового освобождения было очень сильно. «Всем казалось, – писал Н.Г. Потанин, – что через год русскую жизнь не узнаешь; сюртуки, шляпы, дамские наряды показались устаревшими... Открывалась возможность свободного самоопределения, не стесняемого кастой, сословием или социальным положением».³ Грузинский студент И. Николадзе связывал революцию с ближайшим временем: «Как, в самом деле, уехать при мысли, что можешь прозевать революцию».⁴ «Ожидание грядущей крестьянской революции было широко распространено в различных кругах тогдашнего общества»,⁵ – указывает один из видных специалистов в области изучения общественной мысли нашей страны Б. Козьмин.

Чокан Валиханов жил в Петербурге в самое горячее время политической борьбы (конец 1859 – начало 1861 г.), связанной с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Пореформенную ситуацию он в основном наблюдал из далекой казахской степи. Известные прямые и косвенные источники и материалы о взглядах Чокана Валиханова на крестьянский вопрос свидетельствуют о том, что он в период назревания революционной ситуации твердо придерживался мнения о праве крестьян на самозащиту вплоть до восстания.

¹ «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.». М., 1960, стр. 29.

² Баскаков В.Г. Мировоззрение Чернышевского. М., 1956, стр. 160.

³ «Сибирская жизнь», 1914.

⁴ «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 251.

⁵ Козьмин Б. Казанский заговор 1863 г. М., 1929, стр. 9.

Петербургские друзья Ч. Валиханова, которые в своих поздних воспоминаниях открыто признавали, что они в то время жили в ожидании чего-то нового, указывали, что Чокан Валиханов был более страстен в своих демократических (т. е. революционных) убеждениях. В качестве характерного примера Г.Н. Потанин приводит такой случай: «Однажды на майском параде стоявший возле него какой-то молодой князь, которого толкнул какой-то серый кафтан, сказал: «Что это не почистят публику?», Чокан быстро заметил ему: «А вы читали, как Разин чистил публику?». ¹ Дело в том, что незадолго перед этим в Петербурге получила широкое распространение книга проф. Костомарова «Степан Разин», написанная в неблагожелательном для правительства тоне. ²

Восторженный прием, оказанный в Петербурге членами кружка «Сибирские патриоты» профессору А. Шапову – руководителю революционных групп г. Казани, вовсе не был случайным. Они тем самым выразили горячую симпатию восставшим крестьянам с. Бездны, расстрелянным царским правительством, павшим, говоря словами Шапова, за землю икупительными жертвами деспотизма. Шапов заявлял, что эта земля «воззовет народ к восстанию и свободе». ³ Этим случаем, подчеркнул он, народ «нарушил сон.., разрушил несправедливое сомнение революционной интеллигенции, будто народ наш неспособен к инициативе политических движений». ⁴ Известно, что А.И. Герцен на страницах «Колокола» поднял свой могучий голос в защиту крестьян, против бесчинства царских войск в Казанской губернии. Его статья «Русская кровь льется» прозвучала на всю Россию. Напоминая русскому крестьянству важность безднинских событий, А.И. Герцен писал: «Живая память об них может совершить одно чудо – твое освобождение». ⁵

Горячая встреча Шапова в Петербурге находится в органической связи со всей деятельностью сибирских патриотов, принимавших активное участие в подготовке крестьянского восстания. Так, Г.Н. Потанин, используя свои связи в войсках, распространял прокламацию «Офицерам всех войск от общества», подготовленную революционным центром «Земли и воли». В ней, в частности, говорилось: «Вы должны готовиться и готовить солдат – на Востоке и Юге, на Западе и Севере». ⁶ Как установлено теперь, Г.Н. Потанин «употреблял,

¹ Потанин Г.Н. Банзаров. Черная вера и другие статьи. ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 32.

² «Русская мысль», 1885, №6, стр. 33.

³ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 657.

⁴ Речь Шапова по поводу расстрелянных крестьян в с. Бездне. Рукописный фонд библиот. им. Ленина. Ор. 192, 2, л. 1.

⁵ Приводится по статье В.И. Ленина «Памяти Герцена». Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 261.

⁶ «Вопросы истории», 1958, №9, стр. 45.

насколько было возможно, меры, чтобы сделать войско участником общего сибирского движения».¹ Другая прокламация русской революционной демократии «Что надо делать войску», где говори-лось, что войска не должны «идти против народа и поляков»,² также была распространена «по всей Сибири» не без активного участия сибирских патриотов.³ Один из них Ганин, который, по определению следственной комиссии, питал «ненависть к существующему порядку», выступил с открытой поддержкой польского восстания, считая, что «надо потерять все чувства, чтоб остаться хладнокровным к польскому вопросу».⁴ С. Капустин в своем письме к Д. Кузнецову от 17 марта 1862 года писал: «Ваше умное дело, что навестили несколько раз Михайлова... Еще несколько лет и конец царству легионов взяточников, самодуров, холопов».⁵ Эти факты совершенно ясно характеризуют солидарность сибирских патриотов с революционными призывами Герцена и Чернышевского. Причем многие из них, наиболее близкие к Валиханову, были страстными борцами и находились в то время в передовых рядах.

Известно, что в этот период Чокан Валиханов по основным политическим вопросам не имел существенных расхождений с Потаниным, Ядринцевым, Капустиным и др. Наоборот, судя по воспоминаниям этих его друзей, он высказывал свои демократические убеждения более резко. Также известно, что Чокан Валиханов, как это можно усмотреть из второй главы настоящей работы, развернул в Петербурге кипучую деятельность. Он общался со многими деятелями революционного движения, бывал у них на вечерах и диспутах, устраивал сам подобные собрания. Не вызывает сомнений, что основной темой разговоров здесь были вопросы обновления России, борьбы с самодержавием. На этих вечерах часто пели революционные песни и зачитывались революционной литературой.

Поддержка Чоканом Валихановым идеи крестьянского восстания в России не была каким-то временным явлением, вызванным действием преходящих факторов. Она вытекала из его твердого убеждения, что угнетенный народ имеет право восставать против тирании и жестокости. В этом отношении большую ценность представляют его бумаги и дневники кашгарского периода. Он обращает внимание на «бесчеловечные меры», к которым прибегало китайское прави-

¹ «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1924-1925, т. 4, вып. 1, стр. 87.

² ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, д. 62, л. 22.

³ Госархив Иркутской области, ф. 24, оп. 3, д. 38, л. 86.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 13, д. 5, лл. 235-240

⁵ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 15, л. 16.

тельство при покорении Восточного Туркестана и при управлении им. Эти грубые и насильственные меры, как писал Чокан Валиханов, «возбуждали более внутреннее неповиновение и родили постоянный страх, только карающая их сила удерживала туркестанцев от восстания».¹ Заслуживает особого внимания анализ причин восстаний, происходивших в Кашгарии и имевших характер освободительного движения. По-видимому, для Чокана Валиханова кашгарский опыт был лишь историческим фоном, удобным для иллюстрации положения на своей родине. Так обычно поступали видные передовые общественные деятели того времени и многие его друзья, когда касались недозволенных вопросов политики в России. Это хорошо было известно Чокану Валиханову, и к этому методу он сам не раз прибегал.

С особенной тщательностью Чокан Валиханов разбирает причины, приведшие к восстаниям. При этом на первый план выдвигает социально-экономические и политические мотивы, которые являются двигательной силой любой социальной революции в любой зависимой стране. По мнению Чокана Валиханова, а) «обременительные налоги, незаконные поборы, лихоимства и притеснения китайцев и беков, поставленных ими, раздражают народонаселение шести городов, и они от души ненавидят как китайцев, так и своих чиновников», б) высшие местные чиновники «чужды народу, которым управляют, заботятся только о собственных выгодах, чтобы составить состояние.., мелкие чиновники копируют высших, но более их грубы и дерзки», в) а китайские чиновники, которых численно немного, выдвигая того или иного местного ставленника, «доверяют только тем, которые притесняют, следовательно, не имеют ничего общего с народом. Они боятся всего более, чтобы чиновники не соединяли своих интересов с интересами народа, тогда они сделались бы для них опасными».²

Эти факторы, по убеждению Чокана Валиханова, лежат в основе того, что «народ ненавидит китайцев и поддерживает постоянные восстания и упорную борьбу»³. Однако, отмечает он, эти восстания не приводят к желаемым результатам. Ч. Валиханов задает вопрос: если китайцы, подчинившие страну, малочисленны и слабы, а их местные ставленники ненавистны народу, знают только грабить его, то почему освободительные восстания не имеют там успеха?

И сам же дает ответ на этот вопрос. Он указывает на три главных фактора, которые пока сводят на нет народные усилия в борьбе за свою

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. II, стр. 171.

² Там же, т. II, стр. 361-363.

³ Там же, стр. 361.

независимость. Это, во-первых, военные силы, сосредоточенные в руках порабитителей, и строгие карательные меры, к которым они прибегают; во-вторых, несогласие, взаимная вражда между отдельными частями внутри самого местного, «туземного» населения. По религиозным признакам оно делится на белогорцев и черногорцев. «Вражда этих партий есть главная причина, почему в Восточном Туркестане не может быть всеобщего восстания...»; в-третьих, разлагающее и корыстное влияние Коканда, через своих духовных ставленников-ходжей, на внутреннюю жизнь народа. С одной стороны, эти ходжи пользуются фанатичным доверием отсталого, религиозного народа, с другой стороны, они в основном действуют в союзе с китайскими и местными владельцами. И тем самым они запутывают борьбу народа.¹

Этот разбор проблем народного восстания в Восточном Туркестане, данный Чоканом Валихановым, можно без преувеличения назвать оригинальным и поистине здравым наброском мыслей, которые могли исходить только от революционера. Во многих картинах из жизни населения Восточного Туркестана, связанной с его борьбой за свободу и независимость, Чокан Валиханов, безусловно, видел штрихи жизни и борьбы своего народа, томившегося в то время под двойным гнетом: под гнетом царизма и местных владельцев. Этим отчасти следует объяснить выпуклую характеристику проблемы восстания в одной из стран Азии – в соседней с Казахстаном Кашгарии.

Чокан Валиханов уехал из Петербурга к себе в степь в начале пореформенной политической борьбы. Он мечтал снова возвратиться в столицу, но судьба решила иначе.

Живя в своем ауле, больной Чокан Валиханов не переставал живо интересоваться политическими событиями в России. Он посетил своих друзей в Омске перед самым их арестом за революционную агитацию, писал письма в Петербург, которые за единичными случаями, не сохранились, или, во всяком случае, пока не найдены. Интересно, что в письме к Гутковскому от 6 февраля 1863 года он спрашивал: «Что нового из Питера? Нет ли движения Планет?».² Что означали эти намеки? Ясно, что здесь речь идет о таких явлениях, о которых нельзя писать своими именами. Нам представляется вполне вероятным, что Чокан Валиханов спрашивал и интересовался политическими переменами в Петербурге, связанными с подготовкой

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. II, стр. 361-384-495.

² Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 561. Кстати, составителями избр. произведений Ч. Валиханова это письмо неправильно датировано 6 февр. 1862 г. Мы путем сопоставления содержания писем Ч. Валиханова к Гутковскому от 16 января 1863 г. (стр. 573) и от 6 февраля 1862 г. (дата составителей, стр. 561) установили, что письмо Валиханова к Гутковскому (стр. 561) написано 6 февраля 1863 г., а не 6 февраля 1862 г.

крестьянского восстания. Надо иметь в виду, что ожидание восстания в России весной 1863 года было так сильно, что Ф. Энгельс после начала восстания поляков 17 февраля 1863 года писал К. Марксу: «Поляки – молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания».¹

Когда в 1862 году были закрыты «Современник» и «Русское слово», Герцен на страницах «Колокола» выступил с протестом против произвола царского правительства.² Ч. Валиханов это восьмимесячное запрещение «Современника» назвал «вавилонским пленением».³ К этому выражению в то время часто прибегали русские революционеры. Под «египетским пленением» они подразумевали крепостную эпоху,⁴ а под «Вавилоном» – самодержавие.⁵

Весной 1863 года, когда отдельные очаги восстания крестьян были царизмом потоплены в крови и русская революционная демократия в трудных условиях подполья продолжала борьбу за освобождение народов России от царского самодержавия, Чокан Валиханов, находясь в гуще местных, казахских событий, пишет свои записки «О судебной реформе» и «О мусульманстве в степи», предназначенные для официального представления в правительственные органы. В них в основном рассматривались сугубо практические вопросы, связанные с подготовкой царским правительством реформы и отдельных изменений в управлении казахской степью.

Несмотря на такой характер этих записок, Валиханов высказывал в них довольно смелые мысли. Критикуя систему управления казахским обществом и те планы, которые готовились правительством в этой части, он требовал положить в основу политической организации общества «неизбежные законы прогресса», в условиях которых «возможно здоровое развитие общественного организма».⁶ Поясняя свою мысль, Валиханов писал, что «для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитное, самоуправление и самосуд»;⁷ с чем царизм, разумеется, не мог согласиться.

В этом выступлении Чокана Валиханова профессор С.Я. Булатов первый среди советских исследователей усмотрел революционный смысл.⁸ Наше исследование убеждает нас в том, что такая оценка более близка

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXIII, стр. 135.

² «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, стр. 217.

³ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 569.

⁴ Анненский Н.Ф. Сорок лет назад, стр. 331-332; «Ссылка и каторга», кн. 33-34, 1927, стр. 36; Госархив Иркутской области, ф. 293, оп. 4, д. 264, св. 19, лл. 1-2.

⁵ «История СССР», 1963, №6, стр. 38.

⁶ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 198.

⁷ Там же, стр. 221.

⁸ Булатов С.Я. Государственно-правовые взгляды Чокана Валиханова, стр. 60.

к истине, чем позиция его оппонентов. Тем более, что в основе выдвинутых Ч. Валихановым принципов: саморазвитие, самоуправление, самозащита и самосуд народа – лежат взгляды русских революционных демократов, отстаивавших созыв Земского собора в России, как восстановление суверенитета народа и отречение царя от престола.¹

Интересны высказывания Ч. Валиханова о «самозащити» народа. Он считал, что чувство самосохранения народа «есть чувство похвальное». По его мнению, отсутствие «разумного самозащиты» и пассивность казахов являются результатами их неразвитости.² Он сравнивал отсталые народы с ребенком, которому «трудно согласовать ощущения свои (т.е. стремление к лучшим условиям жизни. – Авторы) с действиями (т.е. сознательное отыскивание путей к лучшему. – Авторы)».³

Останавливаясь на вопросах реформы, подготавливаемой царским правительством для казахской степи, Чокан Валиханов смело указывает на ее насильственный характер. Такие преобразования, основанные «на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, – писал он, – составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие».⁴ Они препятствовали прогрессу и движению к цивилизации. Ч. Валиханов вместе с тем дал понять правительству, что такие методы управления казахской степью могут привести к восстанию народа, как это не раз бывало в истории других народов, поставленных в такие условия. «Все революции – писал он в этой связи, – бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительств подавить свободное народное движение».⁵

На фоне изложенного становится понятным смысл выражения «преобразования коренные по Западному образцу»,⁶ о которых с оттенком одобрения писал Чокан Валиханов в 1862 году в письме А.Н. Майкову.

В официальном некрологе по поводу смерти Ч. Валиханова было сказано, что «Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране. Он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России».⁷ По этому поводу

¹ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 658, 661, 662; «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.», стр. 289; «Колокол», 1863, №175.

² Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 201-202.

³ Там же, стр. 197-198.

⁴ Там же, стр. 198.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 568.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 322, л. 17.

Г.Н. Потанин говорил: «Сказано официальным слогом, но в самом деле по своим умственным симпатиям и направлению Чокан был русским западником. Он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления».¹ Позднее один из видных сибирских патриотов и друзей Валиханова Н.М. Ядринцев следующими словами охарактеризовал внутренний мир своих единомышленников: «Жили надеждами и идеалами, осуществления которых не дождались, но были свидетелями также реакции, мрачного времени, затоптанных идеалов, низверженных кумиров, опозоренных знамен».²

Если подвести некоторые итоги сказанному, то выходит, что Чокан Валиханов стоял в ряду тех деятелей русского освободительного движения, которые освобождение крестьян считали делом самих крестьян, т. е. защищал лозунг «самозащиты» народа; право народа на «самозащиту» доводилось до признания в определенных условиях права на восстание; крестьянские бунты и восстания, возникающие в разных местах в конце 50-х – начале 60-х годов, назревание всеобщего крестьянского восстания представлялось Чокану Валиханову явлением закономерным.

3. Обновление России и дружба с русским народом – основа освобождения национальностей

Русская революционная демократия резко критиковала колонизаторскую и шовинистическую политику правительства, выступала выразителем интересов трудящихся масс и угнетенных слоев населения Российской империи без различия национальностей. Она признавала право народов окраин – Польши, Литвы, Украины и др. – на самоопределение в рамках свободной федеративной российской республики, ратовала за равноправие и развитие национальностей, выступала за культурный обмен между народами России. Еще В. Белинский говорил: «Люди должны быть братья и не должны оскорблять друг друга ни даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства... Без национальности человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания...»

Народы начинают сознавать, что они – члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности... Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности».³

¹ Там же.

² «Восточное обозрение», 1890, №148.

³ *Белинский В.Г.* Собрание сочинений, т. 10, стр. 408; т. 12, стр. 393.

Царские колонизаторы проводили политику разделения народов, рассчитанную на утверждение превосходства народа угнетающей страны над народами угнетенной страны. Они старались «внушить ему (народу. – Авторы) доверие не только к могуществу, но и к справедливости, превосходству умственного и нравственного развития покорителей».¹ Эта политика в особенно грубой и обнаженной форме проявилась в Казахстане. Держать в страхе мирное население было одним из излюбленных приемов здешней царской администрации. Этому способствовали темнота и невежественность казахов. «В таком положении азиатцев, пока проникнет к ним образование, можно действовать на них одним лишь страхом», – писал один из царских чиновников.² «Степь киргизская трепещет предо мною», – говорил начальник области оренбургских казахов В. Григорьев,³ считавшийся более умеренным среди других чиновников.

Казахскую степь безжалостно «грабили, несмотря на инструкцию»⁴ представители казачьей верхушки. «Такой системой действовало все сибирское казачье», – указывал друг и современник Ч. Валиханова М. Венюков.⁵ В то время «казачьи офицеры в чине хорунжего получали в год всего только по 90 рублей жалованья и пополняли свои бюджеты легкими при их командировках и исполнении служебных обязанностей в киргизской степи поборами с киргизов (казахов)».⁶

Такая официальная политика колониальных властей, направленная на беспощадное подавление и ограбление казахского народа, на всемерное разжигание розни между народами, не могла не оказывать вредного влияния на отношения казахов и русских крестьян, зараженных угаром шовинизма. Так, по свидетельству друга Ч. Валиханова С.Я. Капустина, «самый гуманнейший сибиряк и россиянин относится к киргизу как взрослый к ребенку. Это самое, так сказать, христианнейшее отношение, доступное весьма немногим».⁷

Казахское население, забитое и подавленное, в силу своей отсталости не могло различить Россию царя и Россию Чернышевского. Оно судило о России во многом по действиям царских чиновников

¹ «Вестник Европы», 1869, №6, стр. 694.

² Долинский В. Об отношениях России к Средне-Азиатским владениям и об устроении киргизской степи. СПб., 1865, стр. 16.

³ Веселовский П.И. В.Г. Григорьев по его письмам и трудам. СПб., 1887, стр. 134.

⁴ Усов Ф.Н. Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884, стр. 37.

⁵ Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. Р-1, оп. 4, №28, стр. 3.

⁶ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958, стр. 59.

⁷ Капустин С.Я. О Чокане Валиханове. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 24-31.

и по тем мерам, которыми осуществлялась колониальная политика. Не удивительно поэтому, что среди части казахского населения в то время жило чувство отчуждения и неприязни ко всему российскому. В определенной степени этим воспользовались местные реакционные деятели, которые активизировали свои выступления за отделение Казахстана от России.

В тех условиях, когда, с одной стороны, грубое политическое насилие и прямой грабеж являлись узаконенными мерами, а с другой стороны, такие отсталые и малые народы, как казахи, объективно были обречены на постепенное вымирание, постановка вопроса о прогрессе малых народов, о необходимости проявления гуманизма к этим народам, о дружбе их с русским народом, об их будущности и перспективах развития имела исключительно важное значение. Так могли ставить вопрос настоящие гуманисты и подлинны демократы, какими были Белинский, Герцен, Огарев, Добролюбов и Чернышевский. Им следовали передовые деятели Сибири, хорошо знавшие положение и жизнь малых народов Сибири и казахов.

Чокан Валиханов и его ближайшие друзья в обстановке сложных политических переплетений в стране и давления реакции, опиравшейся на мощь официальной политики, смогли подняться до сознательного проповедования основных идей русской революционной демократии в национальном вопросе. В противоположность официальной версии о позитивном значении колонизации малых народов один из сибирских патриотов С. Шашков в 1865 году указывал, что «главную целью русской колониальной политики была прибыль государевой казне».¹ Одним из орудий порабощения инородцев Сибири выступала деятельность христианских миссионеров, «кои только грабить и мучить их (инородцев. – Авторы) приезжали».² Причину заметного вымирания таких малых народностей Сибири, как ал-тайцы и остяки, и резко-го обеднения других царские сатрапы оправдывали тем, что якобы низшие расы самой природой обречены на уничтожение.³ Против этой псевдонаучной теории выступали сибирские патриоты. Они правильно связывали эти явления с хищнической политикой царизма в Сибири. «У нас есть общества для покровительства животным и нет общества для покровительства умирающим людям», – писал Г. Потанин, обличая пороки существующего строя.⁴ Н. Ядринцев считал, что

¹ *Круссер Г.В.* Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 года. Показание С. Шашкова. «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1926, т. 5. стр. 225-226.

² *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 191.

³ Сборник к 80-летию Г.Н. Потанина. Томск, 1915, стр. 107,

⁴ «Этнографическое обозрение», 1894, №4, стр. 175.

«все бедствия и несчастья инородцев» порождены «внешними обстоятельствами» и что напрасно отдают инородцев «на жертву хищникам, торговцам, кулакам, которые являются не столько представителями цивилизации, сколько подонками и обратной стороной ее».¹

Гуманная и демократическая позиция передовых деятелей Сибири по вопросу о судьбе малых народов вызвала неприкрытую злобу идеологов колониализма и шовинизма. По их мнению, инородцы Сибири не заслуживают того, чтобы их защищали. Они цинично писали: «Плюньте на них!.. Предоставьте их той жестокой участи, какая им предназначена. Вам не изменить железного закона истории, который против них. Им не суждено иметь будущего, им предоставлено только послужить удобрением почвы, на которой должна возникнуть и развиться жизнь более счастливой расы».²

Еще в кадетском корпусе молодой Чокан чувствовал на себе давление этой обстановки. В первое время не обошлось без холодного и пренебрежительного отношения к нему со стороны некоторых кадетов из зажиточных слоев казачьего сословия. Свое неравноправное положение Чокан еще более резко почувствовал, когда его не допустили, как инородца, в последний выпускной класс, где преподавались специальные военные науки. Впоследствии он отмену этого закона встретил с одобрением.³ Несмотря на все это, круг его истинных друзей среди кадетов быстро увеличивался. По воспоминаниям современников, Чокан Валиханов всем своим поведением в кадетском корпусе и через своих друзей «приучал казачат (т. е. кадетов эскадрона. — Авторы) к расотерпимости».⁴ Позже, осуждая меры царского правительства, ограничивавшее доступ инородцев к образованию, Ч. Валиханов говорил: «Образование должно быть общечеловеческое. И оттенок народности оно получит само собою, под влиянием местности, под влиянием языка и нравов наших».⁵

Чокан Валиханов хорошо понимал, что в условиях царского режима «общечеловеческая» политика, свободная от национальных предрассудков и угнетения, невозможна. Даже те законы, которые предоставляли казахам кое-какие гражданские права, не выполнялись царскими генералами, стоявшими у власти в Казахстане. По поводу этого Ч. Валиханов сокрушенно говорил: «Законы у нас на Руси пока

¹ Лелке М. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 168-169.

² Потанин. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1904, стр. 50; «Сборник к 80-летию Г. Н. Потанина», стр. 107.

³ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 188. (Этот закон был отменен 28 февраля 1859 года. ЦГВИА, ф. 4, оп. 26, д. 152 л. 4.)

⁴ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 11.

⁵ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 568.

еще пишутся не для генералов».¹ В одном из писем своим русским друзьям в Петербурге он открыто писал, что «с инородцами в Сибири делают, что хотят, только разве собаками не травят».² Нельзя не согласиться с мнением советского исследователя Ш.Я. Шафиро, который писал, что «не греша против действительности, можно сказать, что царское правительство готовило для казахских трудящихся судьбу американских индейцев».

Сибирские патриоты гордились тем, что они усвоили любовь и гуманизм людей 40-х годов.³ Они горячо доказывали способность инородцев к развитию и культуре.⁴ Г.Н. Потанин писал: «С подъемом уровня образования и просвещения среди инородцев можно ожидать более или менее пышного расцвета их своеобразной культуры... Умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа».⁵ По его мнению, если бы из среды казахского и бурятского народов вышло бы побольше Чоканов и Банзаровых, то связи этих народов с русским народом были бы прочнее и эти связи благотворно отразились бы на их жизни.⁶

Чокан Валиханов страстно любил свой народ. Но его любовь никогда не была связана с национальным эгоизмом. Он представлял себе приобщение отсталого казахского народа к культуре, достижениям цивилизации и передовым идеям не иначе как через дружбу с другими народами, в особенности с русским народом. В то же время здесь ничего не было от космополитов с их всеобщей любовью, «равно на всех простирающейся, – как писал В.Г. Белинский, – и не отличающей своих от чужих, близких от дальних».⁷ Чокан Валиханов не раз говорил, что он прежде всего любит свой казахский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество.⁸ По словам Г.Н. Потанина, Чокан заявлял: «Когда русские бьют киргизов, я встаю против русских... когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских».⁹

Ч. Валиханов, воспитанный на идеях ссыльных декабристов, петрашевцев и на гуманной и демократической литературе шестидесятых годов, решительно выступал за дружбу казахского и русского народов.

¹ Там же, стр. 564.

² Там же, стр. 568.

³ «Восточное обозрение», 1884, №34.

⁴ Беспалова Л.Г. Рассказы и очерки Н.И. Наумова. М., 1962, стр. 15.

⁵ «Сибирский студент», 1915, №1-2, стр. 121.

⁶ «Русское богатство», 1896, №8, стр. 79; Банзаров Д. Черная вера и шаманство у монголов, стр. 6.

⁷ Белинский В.Г. Письма. М., т. 3, стр. 281.

⁸ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 32.

⁹ Там же.

В этой дружбе он видел лучшее будущее казахского общества. Он не мог терпеть, когда кто-нибудь говорил против этой дружбы. Красно-речивым примером этому служит такой факт: на одном из обедов в Омске, где был и Чокан Валиханов, путешественник Э. Струве как-то сказал, что «киргизы ненавидят казаков». Ч. Валиханова передернуло от этих слов и он заявил: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать» и горячо поцеловал сидящего рядом Г.Н. Потанина.¹ Этот случай произвел особенное впечатление на общество и о нем вспоминали спустя десятилетия.

Глубокое понимание Валихановым необходимости сближения казахского и русского народов заставляло его решительно протестовать против распространенной версии о «дикости» казахского народа и невозможности приобщения его к передовой русской культуре. «Говоря серьезно, – писал Чокан Валиханов, – киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства».² По свидетельству Г.Н. Потанина, «Чокан старался доказывать, что киргизы мирный народ; это не наездники-грабители; это мирные пастухи. Посмотрите, говорил он, на их одежду, на их оружие. Чекмень с патронами, ятаганы и пр. им неизвестны; одежда киргиза – халат, оружие – жердь, посредством которой он ловит лошадей в табуне».³ Вопреки утверждениям царских чиновников, что инородческие племена неспособны к общечеловеческому развитию и прогрессу, Чокан Валиханов заявлял: «Мы способны к полному восприятию европейской культуры».⁴ Такого же взгляда придерживались и сибирские патриоты. Они мечтали увидеть в Сибирском университете рядом с плотными и коренастыми сибиряками представителей инородцев, стремились создать сеть местных школ с преподаванием на их родном языке.⁵

С другой стороны, Чокан Валиханов всю силу своего авторитета и влияния в среде казахского народа употребил для разъяснения ему отличия русского народа от царских чиновников и военных карателей. Ч. Валиханов, хорошо зная, что у значительной части казахов представление о русском народе складывается под впечатлением произвола царских чиновников, пытался разъяснить своему народу, «что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение

¹ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 38.

² *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 201.

³ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 31.

⁴ ЦГВИА, ф. 1450, оп. 258/908, д. 11, л. 72.

⁵ *Круссер Г.В.* Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 года, стр. 241 (показание С. Шашкова).

о русском воспитании», ложно. Чокан Валиханов высказывал убеждение, что более человеческое отношение со стороны царских властей к казахам было бы в интересах обоих народов. Обращаясь к властям, он писал: «Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности».¹ В то же время он хотел, чтобы и другие его соотечественники поняли, что русская культура полезна и необходима для отсталого казахского народа. И что для управления краем нужны не муллы, а просвещенные местные деятели, получившие образование в России. По его убеждению, такие деятели помогли бы народу многое понимать в ином свете и глубже.²

Надо было быть не только прозорливым, но и обладать глубокой верой в истинность прогресса, чтобы в тогдашних условиях господства мрака в казахском обществе, вселилия феодальной идеологии и колонизаторской политики царизма, заявить: «Мы без России пропадем, без русских – это без просвещения, в деспотии и темноте, без русских – мы только Азия и причем другими без нее не можем быть».³

Одним из основных мотивов всесторонней критики Чоканом Валихановым ислама было желание предотвратить его вредное влияние на союз и дружбу двух народов. Как указывал К. Маркс, «коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный, это «гяур», это – враг. Ислам прокликает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными».⁴

Известно, что в своих официальных представлениях правительственным органам Валиханов требовал не оказывать покровительства муллам и идеям ислама и учредить в округах вместо мусульманских школ русские.⁵ Эти школы, по его мысли, не должны быть лишь учреждениями для подготовки толмачей и других чиновников, а служить средством приобщения казахов к европейской науке и гуманным идеям того времени.⁶

Русская революционная демократия была уверена в неспособности царского правительства проводить реформы, ведущие к коренным про-

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 201.

² Там же, стр. 562.

³ Чернышевская. Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского, стр. 225.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. X, стр. 6.

⁵ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 188.

⁶ Ядринцев Н. Ч. Валиханов (некролог). «Сибирский вестник, 1866, №3.

грессивным преобразованиям в России. Воспитанный на этих идеях, польский революционер Муравский заявил в 1862 году следственной комиссии: «Если комиссия желает знать мои настоящие политические убеждения, то не нахожу нужным скрывать их. Вот они: в последние три года или четыре я пришел к твердому убеждению, что от русского правительства (под именем которого я понимаю императора и всех ныне существующих властей) подвластные ему национальности не должны ожидать никаких существенно полезных преобразований, так как правительство не имеет ни способности, ни желания сделать что-нибудь подобное для народа, -- и что единственное средство к перемене существующего порядка остается, по моему мнению, путь насильственной революции».¹ Сибирские патриоты половинчатые реформы царизма называли «низкой ложью и подлым обманом» народа. Они предпринимали определенные шаги, направленные на то, чтобы «будить спящую Сибирь».²

Идею русской революционной демократии о праве народов на самоопределение Ч. Валиханов и его друзья восприняли как программу, выражающую «разнообразие в единстве».³ Известно, что революционная демократия осуществление права народов на самоопределение связывала с обновлением России. Этой же позиции придерживались и близкие к русской революционной демократии представители угнетенных национальностей. Так, Т. Шевченко считал возможным самоопределение Украины только в результате падения царского режима в России.⁴ Сибирские патриоты прогресс Сибири с ее разнообразными народностями связывали с освобождением России. На предъявленное им обвинение в «стремлении к отделению», они отвечали: «Дело было не в сепаратизме, а в уничтожении патриотических стремлений в Сибири».⁵ Они осуждали политику царизма: добиться расположения к себе национальностей «табаком и водкой, хитростью и обманом», а предлагали вместо этого приобщить их к России русским хлебом и солью, дешевым, добросовестно продаваемым товаром, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человеческим обращением с ними».⁶

Ч. Валиханов сознавал, что перед казахским народом, так же как и перед другими народами России, стоит вопрос: быть или не быть.

¹ Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 301.

² «Сибирские записки», 1918, №1, стр. 66.

³ Потанин Г.Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь», №109.

⁴ Шагинян М. Тарас Шевченко. М., 1946, стр. 353.

⁵ Лемке М. Н.М. Ядринцев. СПб., стр. 65.

⁶ Щапов А.П. Сочинения, т. 2, 1906, стр. 367.

Решение этого вопроса он связывал с общей судьбой России. Он верил в здоровые силы русского народа, верил в грядущее освобождение России от ига царизма, и в нем «жило сознание, что улучшение положения его сородичей зависит от общего обновления России».¹ Совершенно правильно отмечает один из советских исследователей, что Ч. Валиханов вместе с Налбандяном, Калиновским, Шевченко, Сериковским и другими был одним из тех революционеров национальных окраин, которые стремились и распространяли в среде своих народов идеи русской революционной демократии.²

4. Ч. Валиханов и общественные течения

В 50-60-х годах идейная борьба в России значительно обострилась. Под действием разраставшихся революционных движений народных масс стали обнажаться характер и природа различных идейных концепций. На этом ответственном и сложном этапе освободительного движения важное значение имел известный вопрос «кто с кем».

Отдельные наброски мыслей и высказывания Чокана Валиханова, а также воспоминания его современников дают достаточно оснований для вывода о том, что он отрицательно относился к консервативным и либеральным общественным течениям и всецело находился в лагере сторонников русской революционной демократии, под влиянием ее идей.

Одной из распространенных в то время идей была «теория официальной народности», выдвинутая министром просвещения графом С. Уваровым, который утверждал, что основанием России служат православие, самодержавие и народность. По его мнению, единение царя с народом характерно для всей истории России. В этом он видел отличие традиций и путей развития России от «гнилого» Запада. Приверженцы этой теории пытались доказать, что революционность чужда русскому народу. Нетрудно усмотреть, что эта «теория» была идеологией правящей верхушки Российской империи и «теория» эта явилась бюрократической реакцией на революционные движения.

Против «теории официальной народности» боролись представители складывающегося революционно-демократического лагеря во главе с Белинским и Герценом. В своем «Письме к Гоголю» Белинский гневно осуждал писателя за то, что он выступил в защиту этой теории. Отвергая тезис о «глубокой религиозности» русского народа, Белинский писал, что «церковь явилась поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми, чем продолжает быть и до сих пор».³

¹ Потанин Г. См. введение к книге Д. Банзарова «Черная вера и другие статьи», стр. 32.

² Хинкулов Л. Тарас Шевченко (биография). М., 1960, стр. 300.

³ Белинский В.Г. Письма. М., т. 3, стр. 233.

А.И. Герцен назвал эту теорию «цареградской философией рабства». «Идея народности, – писал он, – сама по себе – идея консервативная, выгораживание своих прав, противоположения себя другому; в ней есть и юдаическое понятие о превосходстве племени, и аристократические притязания на чистоту крови и на майорат... Николай бежал в народность и православие от революционных идей».¹

Ч. Валиханов не только осуждал «теорию официальной народности» в целом и видел в ней замкнутость, служащую преградой культурному обмену между народами. Он отвергал и ту часть этой «теории», которая выглядела безобидной и либеральной, где народность трактовалась как нечто самобытное и изолированное. «Вообще из сказанного нами не следует думать, – писал он в одной из своих поздних работ, – чтобы мы принадлежали к последователям той узкой теории народности, которые смотрят на народность, как на нечто predeterminedенное от начала, и думают, что она должна развиваться только сама из себя».²

О проблеме народа и народности Чокан Валиханов высказал ряд интересных и глубоких мыслей, в основе своей сходных с идейными установками по этому вопросу видных деятелей русской революционной демократии. Под «народом» он понимал не какую-то этническую общность вообще, а определенную социальную категорию. Описывая народонаселение Кашгарии, Ч. Валиханов указывал, что оно состоит из трех социальных групп («классов») – из чиновников, духовенства и простого народа. Причем первые две группы освобождены от податей, а последняя обременена налогами и весьма стеснена «высшими классами». Они по своим взаимным отношениям делятся на господствующие и подчиненные, «на патронов и клиентов», первые живут за счет вторых.³

Эти идеи получили конкретизацию и дальнейшее развитие в «Записке о судебной реформе» (1864 год). В ней Валиханов открыто говорил, что интересы привилегированных классов в казахском обществе совершенно противоположны интересам простого народа и что первые не могут быть выразителями чаяний и желаний второго.

К простому народу Валиханов относился с особенной теплотой и заботой. Народ, по его мнению, – «это народ рабочий, дельный, трудолюбивый»,⁴ с которым ничего общего не имеют его притеснители. В ряде своих записей, не предназначенных для публикации, он с грустью описывает тяжелое положение и отсталость народа как в Кашгарии и в Бухаре, так и в казахской степи. Много говорит он о необходимости распространения среди народов этих стран просвещения и передовой культуры.⁵

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений, т. 9. М., 1956, стр. 134, 137.

² Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 198-199.

³ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. II, стр. 93, 494.

⁴ Там же, стр. 59.

⁵ Там же, стр. 362.

Как видно из изложенного, Ч. Валиханову была чужда идея соединения царя с народом, правителей и чиновников – с подвластным им населением. Наоборот, он постоянно подчеркивал противоположность их интересов, и решительно восставал против того, чтобы считать мусульманство каким-то неотъемлемым атрибутом народов Азии. «Теорию официальной народности» косвенно поддерживали славянофилы (А. Хомяков, И. Киреевский и др.). Они выступали с лозунгом «сила власти – царю, сила мнения – народу», доказывали самобытность русского народа, восхваляли деятельность русских царей.

Славянофилы говорили о необходимости отмены крепостного права и разрешения крестьянского вопроса в рамках самодержавного режима. Они «защищали» общины, но хотели, чтобы во главе их стояли дворяне. «Мы видели в их учении, – говорил А.И. Герцен, – новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболопной византийской церкви».¹

Если славянофилы опасались пролетариата Запада, видя в нем корень всех зол,² то западники (Т. Грановский, К. Кавелин, В. Боткин, М. Катков и др.), преклоняясь перед Западом, выступали за конституционную монархию, за постепенную отмену крепостного права «сверху». Они отрицательно относились к социалистическим учениям. Западничество было характерно в основном для 40 – 50-х годов.

Как славянофилы, так и западники исключали всякую возможность разрешения наболевших вопросов России революционным путем. Несмотря на полемическую борьбу между собой, славянофилы и западники, будучи монархистами и защитниками помещиков, являлись, в конце концов, носителями одной и той же буржуазно-помещичьей идеологии.

Еще Чаадаев расценивал кредо славянофилов как «пагубное учение русских националистов».³ Белинский видел в славянофилах «витязей прошедшего и обожателей настоящего». Западников он назвал «беспаспортными бродягами в человечестве»⁴. Славянофильское направление, по Герцену, это «кость в горле» русского общественно-го движения, от славянофилов «веет застенком, рваными ноздрями, епитимией, покаянием, Соловецким монастырем».⁵ «Славянизм и европеизм – писал он о славянофилах и западниках, – представляют негодные, неприлагаемые ими чужие формы для уловления нашей

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений, т. 9, стр. 133.

² «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 24.

³ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли в XIX в. Соч., т. XXIII. М.-Л., 1926, стр. 6, 7.

⁴ «История СССР», ч. I. М., Учпедгиз, 1961, стр. 533.

⁵ Плеханов Г.В. Упомянутое сочинение, стр. 311.

жизни; они ее меряют по другим эпохам, по иным мирозозерцаниям; ни загробный голос праотцов, ни соседний ум не помогут разрешить его вполне».¹ Белинский и Герцен сходились с западниками только в одном – в одобрении передовых европейских идей.

Чокан Валиханов лично знал многих видных славянофилов и крайних западников, которых критиковали Белинский и Герцен. Личные контакты, порою личные связи с некоторыми из них не помешали Ч. Валиханову отрицательно относиться к их программам. В этом отношении характерно отношение Ч. Валиханова к Ф.М. Достоевскому. Уже будучи больным в степи, он смог правильно оценить приспособленческую программу «почвенничества» Достоевского, к которому питал огромное личное уважение. Когда Достоевский со своим братом через свой печатный орган «Время» начал проповедовать идеи славянофилов и доказывать «смирение» и религиозность русского народа, Ч. Валиханов в письме А. Майкову в 1862 г. отмечал: «Что делают Достоевские?.. Как их журнал идет?... Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним. По-моему, что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному образцу; или держись старого, даже старую веру надо исповедовать».²

В свое время А.Н. Пыпин писал, что «по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником».³ Некоторые наши исследователи, не разобравшись, чуть было не отнесли Чокана Валиханова к группе буржуазно-помещичьих западников. Они не учитывали того, что в то время, с одной стороны, славянофилы всех своих противников окрестили западниками, независимо от того, кто в какой степени и в какой форме стоял на стороне опыта Западной Европы. С другой стороны, революционные демократы критиковали не вообще сторонников Запада и отнюдь не за то, что они видели положительное в историческом опыте Запада, а за то, что они хотели использовать отдельные уроки Запада для совершенствования буржуазно-помещичьего строя и его укрепления. Русская революционная демократия, как указывал В.И. Ленин, сама жадно искала революционную теорию, с удивительным усердием изучая все новое в демократическом и революционном движении Запада.⁴ Но это она делала для того, чтобы найти средства для свержения самодержавного строя. В этом плане русских революционных демократов иногда в свое время также называли «западниками». Известно, что Герцен только в таком

¹ «История СССР», ч. I, стр. 533.

² Там же.

³ Пыпин А. История русской этнографии, т. IV, стр. 400.

⁴ Ленин В.И. Сочинения, т. 31, стр. 9.

понимании, называл себя западником.¹ Потанин, чьи революционные побуждения в те годы были открытыми, западниками считал всех тех, кто воспитывался на идеях Белинского, Герцена и Чернышевского.²

Когда А. Пыпин называл Чокана Валиханова «русским западником», он, несомненно, имел в виду такого рода западников, о которых говорит Потанин.

С течением времени название «западник» приобрело определенность и было закреплено за теми, кто был в лагере буржуазии и помещиков. Разумеется, в наше время расширительное толкование термина «западники» не может считаться научным.

Известно, что в период жарких споров и разногласий общественные деятели группировались вокруг периодических органов и на их страницах печатали свои полемические статьи, ведя борьбу за общественное мнение. Основным органом русских революционных демократов был «Современник». Ближе всех к нему стоял сатирический журнал «Искра». Сторону революционной демократии по некоторым важным вопросам держали и «Отечественные записки».

Против революционно-демократического направления в печати выступали реакционеры Катков и его окружение, господствовавшие в особенности на страницах газеты «Московские ведомости». В своей злобе Катков доходил до того, что называл «Современник» «красного Чернышевского» «гнездом революции».³ Это признание врага не ослабляло позиций революционной демократии, а, наоборот, усиливало ее влияние в народе.

В этой сложной обстановке, когда на головы молодых людей со страниц печатных органов обрушивался поток различных идей, разобраться в них, распознать ложный демократизм от подлинного было нелегким делом. И все-таки Чокан Валиханов сблизился именно с редактором «Искры» Курочкиным, а Г. Потанин, несмотря на личное знакомство с Катковым в период его заигрывания с демократизмом, перешел на сторону революционной организации «Земля и воля», во главе которой стоял Н.Г. Чернышевский.

Ч. Валиханов, Г. Потанин, Н. Ядринцев, следившие за каждым словом революционно-демократической печати, порою видели, что мнения журналов расходятся, но они всегда при этом оправдывали курс «Современника» Чернышевского. Так, в начале 60-х годов возникли некоторые расхождения между «Современником» и «Русским словом» Писарева по проблеме будущности Сибири, а также по некоторым

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений, т. II. М., 1957, стр. 405; «Молодой большевик», 1941, №11, стр. 46.

² Потанин Г.Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1915, №54.

³ «Русское богатство», 1915, №3, стр. 171.

другим вопросам. Сибирские патриоты быстро откликнулись на это. Г. Потанин в своих воспоминаниях писал: «Наши размышления о местных делах происходили в рамках общего влияния русской прессы, в которой в это время обнаружилось два направления, выразившиеся в двух журналах: «Современнике» и «Русском слове». В рамках одного направления перед нами прошли Чернышевский, Добролюбов и Антонович, в рамках другого – Писарев, Зайцев и др. Ядринцев и мы были противниками «писаревщины». Направление «Современника» казалось нам более здоровым; мы думали, что если бы мы вошли в редакцию этого журнала с изложением своих чувств и идей, то в редакции «Современника» к нам отнеслись бы с большею благосклонностью, чем в редакции, пропагандировавшей писаревские идеи».¹ Из этих слов видно, что сибирские патриоты ближе всего стояли к «Современнику», ценили его идейные установки и позицию.

¹ «Сибирская жизнь», 1913, №114.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

1. Суждения о формах управления и о самодержавном строе

Чокан Валиханов придавал большое значение политической системе общества и вопросам ее преобразования. По его мнению, от этих вопросов зависела будущность народа, «быть или не быть».¹ В его произведениях, особенно написанных после пребывания в Петербурге, красной нитью проходит мысль о том, что управление должно быть организовано с учетом «истинных народных нужд», «действительной народной потребности», в соответствии с интересами «целой нации».

Интересно, что Ч. Валиханов проводил тонкое различие между «мнениями народа» и «действительной народной потребностью», говорил, что на определенных этапах они могут и не совпадать. Он писал также, что интересы «целой нации» нельзя свести к мнению сословий, тем более привилегированных из них. В «Записке о судебной реформе», возражая царским чиновникам, готовым выдавать свои построения и реформы за «народные мнения», Чокан Валиханов отмечал, что «мнение народа, особенно народа невежественного и полудикого, не всегда может быть принято как выражение действительной народной потребности. На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд».² Далее указывалось, что «интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия».

«Действительная народная потребность» не может быть правильно выражена, по мнению Ч. Валиханова, народом, стоящим на низкой ступени развития, когда он еще не познал «самого себя» и не имеет «никаких положительных сведений об окружающей его природе», «груб и туп и вследствие этого пассивен». Такой народ («человек-дитя») «должен был в стремлении своем к улучшению идти ощупью, подобно слепому, и понятно, что он должен был больше ошибаться, принимая ложь за истину, «вред за пользу». «Действительная народная потребность» не может быть выражена богатыми и знатными, даже в обществе цивилизованном, ибо интересы их «большою частью враж-

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, стр. 497.

² Там же, стр. 495.

дебны интересам масс». Необходимость отличать подлинно народные потребности от мнимых Чокан Валиханов считал «требованиями нашего времени».

Выходит, что народные нужды и интересы могут быть сформулированы только трудящейся массой и в условиях, когда она просвещена, развита и познала «самое себя», – это весьма глубокие для того времени суждения, не лишенные оригинальности.

Правда, Чокан Валиханов не идет дальше и не указывает на социальные и политические причины отсталости народов и того, почему они при таком состоянии не могут правильно отразить в своих мыслях «истинные народные нужды». Тут, пожалуй, следует учесть два важных обстоятельства. Во-первых, «Записка о судебной реформе», в которой в основном изложены эти мысли, не была «свободным» сочинением публицистического характера. Она являлась официальным материалом, предназначенным для представления в правительственные органы, и углубляться в щекотливую тему было весьма опасно, да в этом практически и не было нужды. Во-вторых, Валиханов не оставил нам специальных трактатов и статей, посвященных вопросам общей политики и власти, в которых разъяснял бы более или менее полно свою позицию и взгляды. А богатая его переписка с общественными деятелями, которая, безусловно, дала бы нам много новых дополнительных сведений, не сохранилась. Поэтому не всегда уместно ставить ему в вину отсутствие в письменных материалах тех или иных мыслей. Нам кажется более важным то, что суждение и подход Чокана Валиханова к вопросу о связях политической организации общества с интересами и нуждами народа логичны, глубоки и соответствуют взглядам передовых мыслителей России того времени.

Трезвы суждения Чокана Валиханова относительно связи экономики и политических форм. «Каждый человек отдельно и все человечество коллективно, – указывает он, – стремится в развитии своем к одной конечной цели – к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс». Отсюда он выводит, что экономические и социальные преобразования (по его выражению, «реформы») составляют основную и наиболее близкую потребность народа. А управление имеет подчиненное значение и преследует задачу обеспечения этих основных интересов. «В наше время самым важным и близким для народа, – пишет Чокан Валиханов – считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм».

Работу, которую мы цитируем, Чокан Валиханов написал в связи с подготавливаемой царским правительством реформой административной системы, в частности суда, в казахской степи. Поэтому в ней, естественно, говорится только о «реформе». Но если несколько вникнуть и присмотреться, то под «реформой» у него часто выступает идея об изменении политической системы вообще. Это важный момент для исследователей и читателей. На вопрос о том, а как практически определять «насущенные нужды народа» и «цели общественного благосостояния», которые, главным образом, выражаются в «экономических формах» общества, Чокан Валиханов отвечает, что для этого необходимы «точные ученые исследования». Разъясняя эту мысль, он проводит аналогию с доктором, взявшимся лечить больного. «Доктор тогда только лечит больного с уверенностью в успехе, — указывает он, — когда ему известны не только болезненные симптомы пациента, но и основные причины болезни». Далее сказано, что надо поступать подобно тому, как это делается в сельском хозяйстве при выращивании культурных растений. «По этому методу, — отмечает Валиханов, — во-первых, необходимо изучить вполне самое растение, затем нужно знать, на какой почве оно произрастает, сколько требует оно света, теплоты и проч.»

Исходя из этих основных предпосылок, Чокан Валиханов выступал против нововведений царского правительства в Казахстане, которые противоречили «народному быту и нраву», против перенесения готовых форм правления других народов на казахскую почву без изучения местной потребности и специфических условий.¹ Он критиковал попытку царских чиновников выдавать свои личные, выгодные только правительству планы относительно изменения системы власти и управления в степи, за «народные мнения» и т. д. Кое-кому из советских исследователей эти шаги Чокана Валиханова показались недостаточными, не радикальными и даже известным регрессом на фоне требований русских революционных демократов, призывавших народ к обновлению России, к переустройству общества и к восстанию.

В этой связи следует сказать несколько слов о «реформизме» Чокана Валиханова.

В предыдущих главах было показано его отношение к проблеме «самозащиты» и восстания народа. Находясь в Петербурге, Ч. Валиханов разделял взгляды революционеров и довольно резко высказывал свои демократические и революционные убеждения. Он ждал крестьянского восстания в России и желал его, — это уже не вызывает

¹ «Реформы же (имеется в виду политический статут вообще. — Авторы), насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие», — писал Ч. Валиханов. (Собрание сочинений, т. I, стр. 496).

сомнений. Таким образом, находясь в России, он мыслил радикально и революционно, так как жил в условиях революционной ситуации, когда радикальные действия и революционные лозунги диктовались самой жизнью и явились ее потребностью.

Совершенно в других условиях оказался Чокан Валиханов в Казахстане. Здесь не было не только революционной ситуации, но даже сколько-нибудь отчетливых ее признаков. Казахскому обществу предстояло пройти еще ряд этапов экономического, социального и интеллектуального развития, прежде чем оно достигнет уровня, при котором возможны революционная пропаганда и действия. Этим обстоятельством следует объяснить то, что ссыльные революционеры, каких бы крайних взглядов они ни придерживались и каких бы смелых планов ни вынашивали, ничего не могли сделать в казахском ауле вплоть до конца XIX века, так как не находили в нем социальной опоры и благоприятной почвы. Это очень хорошо понимал Чокан Валиханов. Его известные слова о том, что «организм не может принять того, до чего он не дорос»¹ были сказаны именно в этой связи. «Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей, – писал он, – нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему».² Правда, в этом взгляде сказывается сильное влияние младобуржуазной идеалистической концепции «идеи правят миром», но это уже другой вопрос. Важно сознание того, что казахское общество еще не созрело до восприятия «европейских преобразовательных идей», каковыми в то время были в России, в первую очередь, идеи революционных демократов.

В тех конкретных исторических условиях развития казахского общества реформы и реформистские идеи были необходимым этапом в политическом воспитании народа. Однако было бы неправильным считать авторов этих идей и предложений всех без исключения реформистами. Среди них следует непременно различать тех, кто считал эти реформы конечной целью, и тех, для кого они были лишь переходной ступенью к осуществлению перспективных, революционных задач обновления и преобразования общества. Первые, действительно, остаются реформистами, а вторые, при тех же идеях и действиях на определенном этапе, оказываются убежденными революционерами. Чокан Валиханов, безусловно, принадлежал к последней группе деятелей. Поэтому было бы совершенно не научно отнести его к лагерю узких буржуазных реформистов.

Ч. Валиханов писал: «Реформы бывают только тогда удачны, когда

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, стр. 497.

² Там же.

они правильны, т. е. тогда, когда они основаны на тех неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие общественного организма... Для нормального роста и развития народа необходимы прежде всего свобода и знание».¹ Таким образом, реформа в понимании Чокана Валиханова тесно переплеталась с законами прогресса. Она вовсе не рассматривалась им как какая-то частная уступка или как некоторое улучшение положения народа, а как коренное обновление строя и режима. По всему видно, что Чокан Валиханов не проводил смысловых различий между терминами «реформа» и «коренные преобразования».

О том, что Чокан Валиханов не возлагал особенно больших надежд на реформы и считал существующую государственную систему «несправедливой» и неспособной удовлетворять народные интересы, свидетельствует ряд его высказываний по этому поводу. Так, оценивая работу комитета по составлению проекта нового управления казахской степью, Чокан Валиханов открыто писал, что следовало бы ему «вникнуть в сословные отношения киргиз и в отношения их к непосредственному русскому правительству», чего комитет не сделал. «Наконец, — указывал он далее, — комитет имел под рукою достаточно исторических и статистических фактов», которые также не учтены.² Чокан Валиханов не сделал из этих замечаний какого-то определенного вывода, но этот вывод — о неспособности комитета решать вопросы политического переустройства общества в соответствии с интересами и требованиями его развития — напрашивается сам собой.

Более откровенно высказался Чокан Валиханов в одном из писем Ф.М. Достоевскому в 1862 году, когда речь зашла о возможности обращения к высшим властям с жалобой на несправедливые действия, взяточничество и нарушение законов со стороны Западно-Сибирского губернатора. Он был убежден, что у царских властей «просить удовлетворения, по-моему, то же самое, что просить конституции: посадят, да потом к Макару на пастбище пошлют».³

Поддержка реформ на определенном этапе и в определенных целях вовсе не является каким-то отступлением от классовой борьбы, от революционных лозунгов.

Известно, что в 40 – 50-х годах, когда не было еще революционной ситуации и либерализм имел сильное влияние в крестьянском движении, русские революционные демократы поддерживали требования масс о крестьянской реформе, обсуждали ее аспекты, проблему выкупа земли и крестьян и вносили свои конкретные предложения по этим

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, стр. 499-500.

² Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 198; ЦГАЛИ, ф. 159, д. 179, л. 73.

³ Там же, стр. 565.

вопросам. А в период интенсивного роста революционной ситуации они делали основной упор на подготовку восстания, как на необходимое средство разрешения крестьянской проблемы.

Весьма интересна мысль Чокана Валиханова о том, что феодальные владельцы и государи живут «за счет народа». Этот момент им отмечается с особым акцентом и не без иронии. Когда в 1856 году, во время его поездки в Кульджу, местные китайские владельцы предложили ему подарки, он по этому поводу писал в своем дневнике: «Китайское правительство, как всякое азиатское государство, устраивает подобные подарки за счет народа».¹ Здесь из одного конкретного факта делается широкое обобщение о государствах Азии вообще – и это, безусловно, не случайно. По-видимому, эту мысль он давно носил в своем сознании, и случай с подарком со стороны представителя китайского правительства был лишь поводом для подобной записи в дневнике. Несколько позже в том же дневнике Валиханов снова возвращается к этой идее. «Сколько мы замечали, – писал он, – все в Китае относительно государственного управления на поминает Азию. Здешний цзян-цзюнь (главный управляющий Западного Китая. – Авторы) он пьет, ест за счет народа. Мясники доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят границы».² В поздних записях мы встречаем еще более глубокие рассуждения о структуре отношений господства и подчинения в обществе. В Кашгарии, указывал Валиханов, «все население разделяется по взаимным отношениям на патронов и клиентов. Последние, кроме налогов, обязаны снабжать своих патронов всем необходимым для жизни».

Все симпатии Чокана Валиханова – на стороне трудового народа, и к анализу явлений социально-политической действительности он подходит с позиции интересов народа. Он сокрушался, что «народ живет бедно, терпит нужду и трудится вечно». Причину такого положения он видел в насилии над народом со стороны чиновников, владельцев и присвоении последними результатов труда народа. «Если бы туркестанцы могли пользоваться плодами своих трудов, – писал он, – то они были бы одними из богатых восточных народов, какими они были прежде. Непомерные налоги, система клиентизма и насилие беков отнимают у них почти все достояние».³

Эти меткие характеристики социальных и политических отношений, господствовавших в Восточном Туркестане, нельзя приписать

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. II, стр. 17.

² Там же, стр. 93.

³ Там же, стр. 350.

только наблюдательности и объективности Ч. Валиханова, хотя он этими качествами, несомненно, обладал. Верно также, что он умел постигать глубинные социальные явления, причем он оценивал их как передовой политический деятель. Именно поэтому в его высказываниях отчетливо слышны нотки недовольства, протест против социальных несправедливостей и их критика.

Чокан Валиханов в своих произведениях метко и остро бичевал деспотию и клерикализм в управлении и политике. Он их рассматривал как одну из причин бедствия народа, его культурной и экономической отсталости.

Рисуя весьма тяжелое положение в Средней Азии, он пишет, что народ развращен исламом и забит «религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев».¹ Ценные исторические памятники в Бухаре, Хиве и Коканде, которые могли явиться гордостью народов этих земель, по словам Чокана Валиханова, безвозвратно погибли «под беспощадной рукой татарского вандализма и бухарской инквизиции, которые предали проклятию всякое знание, кроме религиозного».²

Чокан Валиханов весьма тонко понимал природу деспотической власти. Суровость и жестокость владельцев он связывал не только с их личными качествами или специфической этногеографической средой Азии, как это делали многие исследователи. Он искал и находил объяснение в конкретных социально-политических отношениях и пытался показать, к чему приводит деспотия и как она отражается на положении масс населения.

В «Записках о киргизах» он отмечает, что более или менее демократическая в прошлом власть родовых старшин у киргизов со временем превратилась «в деспотические отношения владетеля и рабов».

Ныне манап, т.е. глава рода, «полный господин черного народа, может их продавать и убивать». Чем более жесток правитель, тем больше он известен, как это ни покажется противоречивым. «Мрачность характера», недоступность доставляют манапам «большую знаменитость», – писал Ч. Валиханов. Сильные и господствующие «жестокость... называют великодушием и ставят как первую добродетель всякого управителя». Они не увидели ничего предосудительного в действиях манапа Умбетали Урманова, который расстрелял «любимую жену за то, что она заставила его повторить какое-то приказание два раза».³ Более страшную форму деспотизм принял в Кашгарии. Там

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 84.

² Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, стр. 393.

³ Там же, стр. 333.

строят башни из отрубленных человеческих голов и режут «людей так же обыденно, как режут только кур»,¹ — замечает Чокан Валиханов. Кашгарцы, по его словам, влчат жалкое существование рабов и зависимых, и это «наложило на их лица печать какой-то угрюмой и печальной безнадежности».² По определению Чокана Валиханова, правители Малой Бухарии не уступают в этом отношении другим владельцам-деспотам. Там также «всюду разрушение, невежество и безграничный произвол».³

Ч. Валиханов считал, что деспотическая власть имеет основанием первоначальное право отца семейства,⁴ которое затем было узурпировано тиранами.⁵ Монархия, соединенная с жестокостью чиновничьего аппарата, в Кашгарии служила опорой грабителям, насильникам и убийцам,⁶ а в Китае, внутреннюю жизнь которого Чокан Валиханов имел возможность наблюдать, она, по его мнению, довела страну до «дряхлости»⁷ и, вызвав народное возмущение, послужила главной причиной восстания тайпинов.⁸ Сосредоточенный ум и прозорливость позволили Ч. Валиханову прийти к выводу, что современный ему Китай «напоминает древний Рим в период перед его падением»,⁹ что Китай в то время находился перед большими переменами, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они писали, что «страна очутилась на краю гибели и находится под угрозой насильственной революции... Несомненно одно: смертный час старого Китая быстро приближается».¹⁰

Мы уже имели возможность отметить в предыдущих разделах, что Чокан Валиханов придерживался идеи самоуправления и самозащиты народа. При выработке этих идей отправными для него в первую очередь были порядки и политические режимы, господствовавшие в то время в Восточном Туркестане и Средней Азии. Известно, что Чокан Валиханов самозащиты народов противопоставлял деспотии владельцев и считал первое следствием второго явления. Народ, по его мнению, в определенных условиях, защищая свои интересы и права, может прийти до восстания против тиранов.

Эти суждения глубоки для того времени и логичны по своей внутренней структуре и обоснованности.

¹ Там же, стр. 394.

² Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. II, стр. 33.

³ Там же, т. I, стр. 393.

⁴ Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, стр. 289.

⁵ Там же, стр. 290, 590.

⁶ Там же, стр. 86.

⁷ Там же, стр. 416.

⁸ Там же, стр. 511.

⁹ Там же, стр. 415-416.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 8, стр. 210; т. 12, стр. 223.

Интересно отметить, что Чокан Валиханов, критикуя бюрократию, чиновничий аппарат власти, рассматривал их отдельно от народа и как надстройку над народом. В связи с характеристикой порядков на западных окраинах провинций Китая он делает обобщающий вывод о том, что «чиновники составляют совершенно отдельный класс, отчужденный от народа».¹ Эта же идея лежит в основе другого его замечания о том, что в Кашгарии население разделяется на три группы (по его выражению, «классы»): чиновничество, духовенство и «простой народ».² «Чиновники ничего не делают, – писал Ч. Валиханов, – получают жалованье от китайцев, поборы с туземцев, а народ трудится, чтобы уплатить законные налоги, насытить корыстолюбие китайцев и беков и чтобы не умереть с голоду».³

В целом в суждениях Ч. Валиханова об управлении народами ярко выступает его резко отрицательное отношение: к власти, угнетающей и подавляющей трудящиеся массы как экономически (налоги, сборы и поборы) и политически (лишение свободы, организованное насилие и др.) так, и духовно (отравление религией, узаконение невежественности, принижение достоинства и т. д.); к власти, держащейся жестокостью и поощряющей жестокость по отношению к подданным (деспотическое управление); к власти, опирающейся на религию и управляемой религией (клерикальный режим); к власти, в которой чиновничий аппарат отделен от народа, стоит над народом и действует против народа (бюрократическая анархия).

Чокан Валиханов не оставил после себя специальных работ о политике и политическом режиме. О характере и содержании его политических взглядов приходится судить по разным заметкам, замечаниям или работам, посвященным узкопрактическим вопросам, в которых он попутно, поэтому в сжатом виде, высказывал интересные мысли по тем или иным проблемам и аспектам политической жизни общества. Во многих работах Чокана Валиханова затрагиваются весьма щепетильные, злободневные и сложные вопросы и стороны политики и господствующих политических и социальных режимов. При тщательном анализе можно ясно обнаружить и проследить определенную линию в его политических взглядах. Она ведет к крестьянскому социализму, к демократическому периоду русского освободительного движения.

Мы уже отметили, что Валиханов, как и многие подобные ему передовые деятели России, по обстоятельствам времени и соображе-

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. II, стр. 363.

² Там же, стр. 494.

³ Там же, стр. 444.

ниям службы не мог открыто выступить с критикой самодержавного строя. Для этого передовые деятели выбирали другой, окольный путь: описывая историю и положение той или иной страны и обрушиваясь на ее внутренние порядки, они давали понять читателю, что все это свойственно и России. Под видом турецкого паши, персидского шаха и китайского мандарина подразумевали русского царя. Этот прием получил в то время известность. Н.Г. Чернышевский указывал, что «ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе, как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения».¹ В этой связи нельзя не согласиться с проф. С.Я. Булатовым, отмечавшим, что Ч. Валиханов, говоря о Восточном Туркестане, имел в виду пороки общественного строя России, так же как Монтескье, который в своих «Персидских письмах» описывал пороки современной ему Франции.²

В произведениях Чокана Валиханова, порою посвященных отдаленной, часто научной проблеме и другим странам, мы встречаем вставки, сделанные к месту и сознательно, чтобы читатель мог провести аналогию с российской действительностью, обратить внимание на пороки ее режима. Так, в дневнике о поездке в Кульджу в 1856 году Чокан Валиханов, рисуя страшную картину алчности носителей власти, добавляет от себя: «Сколько мы замечали – все в Китае относительно государственного управления напоминает Азию. Здешний цзян-цзюнь – это совершенный трехбунчужный паша. Он пьет, ест за счет народа... Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху».³

Совершенно ясно, что здесь речь идет о самодержавном режиме русского царя. Вообще говоря, критика внутреннего строя западных китайских провинций, Бухары, Коканда и Хивы для Чокана Валиханова не являлась самоцелью. Он использовал их как фон, на котором можно было более свободно высказать волнующие его мысли об отдельных сторонах политической жизни России.

2. О колониальной политике и администрации

Особое место во взглядах Ч. Валиханова занимает критика колониальной политики вообще, царизма в особенности. Этому причиной были следующие обстоятельства. Чокан Валиханов получил политическую закалку в рядах демократического и революционного движе-

¹ Чернышевский Н.Г. Сочинения, т. 5, стр. 661.

² Булатов С.Я. Государственно-правовые взгляды Ч. Валиханова, стр. 55.

³ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. II, стр. 93.

ния Сибири и Петербурга, он сам работал в аппарате колониальной администрации в Западной Сибири и Казахстане, жил, творил и боролся в условиях усиления колониальной экспансии царизма на Востоке и все большего осложнения отношений правительства с поработенными народами, был выходцем из народа, испытывавшего колониальную эксплуатацию в самой грубой форме.

Колониальные интересы царского правительства проводились в Казахстане через специально созданные органы на местах. Довольно-таки разветвленная сеть колониальной администрации, за спиной которой стояла самодержавная власть России и ее мощь, в своей деятельности опиралась, во-первых, на огромную вооруженную силу, данную в ее распоряжение; во-вторых, на союз с верхушкой господствующего в казахском обществе класса, в-третьих, на русские, в особенности казачьи, специальные поселения, которым предоставлялись привилегии и льготы и в которых поощрялись шовинистические настроения. Эти правительственные органы служили олицетворением колониальной политики царизма в Казахстане.

В ряде своих произведений и публичных высказываний Чокан Валиханов показал продажность, гнилость и антинародный характер колониальной администрации в Казахстане. В одной из своих последних работ, в «Записке о судебной реформе», он указал на несуразность проводимых правительственными органами мероприятий, игнорирующих коренные интересы местного населения. Даже такой, по его выражению, «замечательный и умный человек», как Сперанский, деятель с либеральными взглядами, стоящий в начале 20-х годов во главе колониальной администрации, подчинил казахов «ни с того ни с сего бюрократической централизации со всеми ее мудренными инстанциями, атрибутами и названиями канцелярскими, непонятными до сих пор не только киргизам, но и русским».¹ Осуждая покровительственную политику по отношению к исламу со стороны губернаторов, имеющую явно выраженный реакционный характер, Ч. Валиханов писал: «Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом». Он сокрушался о том, что невнимательность «в отношении нас, киргиз, вошла уже в привычку областного начальства». Мнение Ч. Валиханова в отношении колониальной администрации разделяли все его друзья – сибиряки.

Официальное положение Чокана Валиханова несколько стесняло его как в критике отдельных чиновников из колониальной администрации, с которыми большей частью он был лично знаком, так и в

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 199.

публичном глубоком обнажении пороков системы колониального управления в Сибири и в Казахстане. Тем не менее он не скрывал своих взглядов, хотя порою облачал их в очень деликатную форму. Но зато в письмах к друзьям по борьбе он говорил, не стесняясь. Еще в 1856 году в письме Ф. М. Достоевскому, он писал, имея в виду управление губернатора в Сибири: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить». Далее он отмечал, что сосланный туда революционер С. Дуров, его политический учитель, окружен «чиновническими крючками» и должен терпеть придирки полицейских чиновников.¹ Несколько позже в переписке с Гутковским Ч. Валиханов с нескрываемым возмущением сообщал, что один из ответственных чиновников канцелярии военного губернатора области сибирских казахов Кури продает должности в казахской степи. «Все волостные управители, которые не дали [взятку] Кури в нынешнюю ревизию, уже сменены или же ждут смены».² В другом письме Ф.М. Достоевскому, приводя факт, когда ближайший чиновник губернатора Фридрихса за взятки освободил двух арестантов, Ч. Валиханов называл таких людей «подлецами» и отмечал, что «законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов».³ А эти генералы «с инородцами в Сибири делают, что хотят, только разве собаками не травят».⁴ Трудно себе представить более обличительную критику системы колониальных органов и ее деятельности!

То, о чем говорил и писал Чокан Валиханов, не было преувеличением действительного положения в крае. Современники отмечали, что правитель канцелярии Почекунин, состоявший при генерал-губернаторе Гасфорте, был опытным среди опытных взяточников.⁵ Подобных в управлении было много, и когда начальство, бывало, прогонит одного, «другой является еще хуже, да и голодный торопится нажиться».⁶ «Во время моего посещения города Омска в 1856 году, – писал П.П. Семенов-Тянь-Шанский, – только один из членов Совета не принимал никакого непосредственного участия в этих злоупотреблениях».⁷ Ч. Валиханов, как всегда метко, говорил, что чиновники колониальной администрации шьют своим женам «померанцевые платья на цитроновых лентах» на деньги, отобранные у местного населения.⁸

¹ Там же, стр. 546.

² Там же, стр. 559.

³ Там же, стр. 564.

⁴ Там же, стр. 568.

⁵ *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1858-1875 гг. СПб., 1912, стр. 51.

⁶ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М., 1862, т. I, стр. 86.

⁷ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань, стр. 52.

⁸ *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 563.

Ч. Валиханов остро высмеивал самого генерала Гасфорта с его манерами колониального администратора. Анекдоты, сочиненные им про генерала, были в ходу среди молодых офицеров и интеллигенции Омска. Так, однажды Гасфорт, просматривая карту Казахстана, остался недоволен тем, что горы расположены не там, где бы ему хотелось.¹ По этому поводу Ч. Валиханов сочинил смешной анекдот о том, как Гасфорт «воздвигнул горы». В свое время этот генерал хотел ввести среди казахов новую религию, несколько отличную от христианства и ислама. Когда это намерение стало известно царю Николаю I, тот написал: «Религии не сочиняются, как статьи свода законов».² Этот случай был положен Ч. Валихановым в основу другого анекдота – «о гасфортской религии».

В трудах Чокана Валиханова содержится принципиальное неодобрение системы управления и экономической политики царского правительства в Казахстане. Говоря об основных положениях «Устава о сибирских киргизах» 1822 года, составленном при графе Сперанском, Ч. Валиханов в официальном представлении правительственным органам открыто указывал, что «реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса».³ Несколько позже, когда сибирское управление держало курс на развитие в Казахстане начал частной земельной собственности на пастбищные угодия и стало проводить политику продажи свободных земель состоятельным лицам.⁴ Ч. Валиханов высказал свое мнение о том, что «разделение земель наших по округам и приурочение летних и зимних пастбищных мест известным родам и личностям должно считать одною из главных причин, вредящих скотоводству».⁵ О возможных отрицательных последствиях, проводимых правительством мероприятий в области землепользования, говорили и некоторые чиновники. Один из них указывал, что «если бы по административному произволу изменить пути кочеваний, освященные временем и нравом, то это водворило бы в степи, насилия, беспорядки и привело бы к всеобщим тратам».⁶

Чокан Валиханов оставался последовательным в своей оценке налоговой политики царизма в Казахстане. «По новейшим теориям», писал он, если следовать им, то подать должна быть «без отягощения

¹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Упомянутое сочинение, стр. 58.

² Семенов-Тянь-Шанский П. Мемуары, т. 2. М., 1946, стр. 52.

³ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 199.

⁴ Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 3, д. 4244, лл. 12-15.

⁵ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 323.

⁶ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов, т. 2, стр. 578.

наложена на кочевников».¹ Между тем так называемый «кибиточный сбор» и другие виды налогов несправедливы и разоряют народ. «Неправилен с научной точки зрения и тягостен для народа кибиточный сбор, собираемый с зауральских киргиз. Хотя налог этот не выдерживает самой поверхностной критики, но некоторые наши пограничные администраторы, по каким-то узким соображениям, увлекались им до того, что думали ввести подымную подать и в нашу степь».² Так писал Ч. Валиханов в одной из официальных записок правительству.

О том, что из себя представлял в то время кибиточный сбор, можно судить по докладной Н. Любимова, представленной в Министерство иностранных дел. Он писал: «Теперь беднейший из киргизов платит наравне с самым богатым, т. е. по 1 руб. 50 коп. сер. в год с кибитки, налог этот для первого в высшей степени тягостен, для второго – нечувствителен, бедные киргизы иногда находятся в необходимости продавать последнее свое имущество (таганы, котлы и т. п.), чтобы заплатить требуемую с них подать». Председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский, прочитав докладную Любимова, вынужден был согласиться, что кибиточный сбор «есть сущая несправедливость».³ Нельзя не отметить, что Валиханов несколько преувеличивал целесообразность ясака, введенного в области сибирских казахов, ставил его в пример управлению зауральских казахов, где была установлена покибиточная форма обложения населения налогом. Правда, ясак был несколько разномерен и учитывал экономическое состояние облагаемого хозяйства, но и он оставался одной из тяжелейших форм экономической эксплуатации населения. Хотя система ясака была «более справедлива», как писал И. Завалишин,⁴ «рациональным налогом», как указывал «Колокол»,⁵ что имел в виду и Ч. Валиханов, однако, по выражению самих современников, купцы, ростовщики и спекулянты, которые приходили на «помощь» населению со своими кредитами во время взноса налогов, как пиявки, высасывали местное население Сибири, часть которого убегала от ясака в тундру.⁶

Не менее обременительной была для казахов, в особенности для трудового, малообеспеченного скотом населения, ямская повинность, узаконенная колониальной администрацией. Ч. Валиханов намекнул ответственным органам, к чему такая повинность может привести и уже

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 234.

² Там же.

³ «Материалы по истории политического строя Казахстана», стр. 229, 239-240.

⁴ Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. 3, стр. 64.

⁵ «Колокол», 1862, №131.

⁶ «Восточное обозрение», 1882, №19; ЦГАОР, ф. 109, 1865, оп. 5, д. 196, л. 243; Шашков С. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 290.

приводила в прошлом в России. «Ямская повинность, – писал он, – как известно из опыта, была в прошлом столетии одной из главных причин неудовольствия русского народа на правительство... У киргиз же ямская повинность отправляется без всякого порядка и крайне неравномерно. Многие чиновники берут и теперь по сорок и шестьдесят лошадей под один экипаж и ничего не дают подводчикам, кроме зуботычин».¹

Царское правительство не вняло трезвым голосам, раздававшимся как со стороны левых элементов, так и со стороны беспристрастных наблюдателей. Оно продолжало проводить старую политику, иногда лишь несколько обновляя ее, не меняя при этом принципов. Г.Н. Потанин, характеризуя царские реформы в Казахстане, писал, что «правительство учреждало комиссии для улучшения быта инородцев», но на самом деле эти комиссии ставили своей задачей только «изобретение мер к увеличению поступлений с инородцев в казну платежей».²

Резко выступал Ч. Валиханов против планов и намерений правительства широко распространить в степи христианство и ислам, считая, что в исламе господствует «чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли».³

О попытках колониальных властей оживить работу христианских миссионеров и провести насильственное крещение казахов с последующим переселением их из степи в пограничные районы Ч. Валиханов писал, что «мера эта, похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была бы величайшей ошибкой».⁴

В свете изложенного видна явная несостоятельность взглядов тех, кто считал Ч. Валиханова чуть ли не царским агентом в казахской степи и проводником колониальной политики. Так, по мнению С. Садвокасова, «Ч. Валиханов... был искренним проводником русской колониальной политики на Востоке».⁵ А советский писатель Ф. Попов называл Ч. Валиханова «одним из поработителей казахского народа».⁶ Исследования Х. Айдаровой⁷ и К. Бейсембиева⁸ несколько рассеяли эти недоразумения, хотя по ряду вопросов в них нет еще достаточной ясности.

Те, кто обвинял Ч. Валиханова в приверженности к колонизаторс-

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 225.

² Потанин Г.Н. Н.М. Ядринцев (некролог). «Этнографическое обозрение», 1894, №4, стр. 175.

³ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 232.

⁴ Там же, стр. 190.

⁵ Садвокасов С. Год работы казахского педагогического института, 1928, стр. 27.

⁶ «Антирелигиозник», 1941, №2, стр. 23.

⁷ Айдарова Х. Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1945.

⁸ Бейсембиев К. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1957.

кой политике царизма, ссылались при этом на такие факты, как участие его в военных действиях отряда генерала Черняева, взявшего г. Аулие-Ата, участие в мероприятиях по присоединению ряда областей Киргизии к России, его поездку в Кашгарию по заданию правительства, связи с генералом Колпаковским и др. В исследованиях советских ученых по-разному описываются и оцениваются эти факты, и суть их остается неясной.

В отношении Ч. Валиханова к России следует выделять два момента: с одной стороны, он во всем объеме понимал прогрессивную роль России в судьбах народов Средней Азии и Казахстана, многие из которых в то время жили в условиях крайней отсталости, невежества, изоляции и религиозного фанатизма, в стороне от столбовой дороги цивилизации. Вырвать эти народы из когтей «туземных владельцев», также отсталых, но беспредельно алчных, и из-под «религиозного развращения» ислама он считал неременной задачей, которую следует решить путем присоединения этих народов к России. Убежденный в этом, Ч. Валиханов лично ведет работу среди этих народов, склоняя их на сторону России. Когда не удается приобщить их к России мирными методами, он не возражает и против военных походов, но рекомендует соответствующим правительственным органам и чиновникам проводить эти мероприятия в пределах гуманности и человеческого отношения. Видя несправедливость, он выражает возмущение и порою отказывается быть участником злодеяний против малых народов. С другой стороны, он был критиком и противником самодержавного строя в России, колонизаторской политики царизма на окраинах и вместе со всеми передовыми людьми жаждал падения русского «бодыхана». Такой взгляд, однако, не мешал ему быть русским патриотом, другом России Герцена, Белинского и Чернышевского.

Смешение этих двух аспектов в политических воззрениях Чокана Валиханова может привести к серьезным ошибкам. Только разграничение их, тонкий анализ каждой из этих сторон с учетом целей и тактических приемов, к которым прибегал Ч. Валиханов, могут внести ясность и воссоздать историческую картину его поступков.

Рассмотрим, например, факт пребывания Ч. Валиханова в отряде Черняева.

В начале 1864 года в правительственных кругах царской России шла подготовка к присоединению Киргизии и южных районов Казахстана к России. При этом занятию укрепления Аулие-Ата (ныне г. Джамбул), которое находилось в руках кокандских оккупантов, отводилось особое значение. Этот план был одобрен и утвержден царем 4 февраля 1864 года.¹ Начальником экспедиционного отряда был

¹ ЦГВИА, ф.1450, оп.2, д.3, лл. 65, 479; ЦГВИА, ф. ВУА, 483, д.77, лл.28, 41.

назначен полковник М.Г. Черняев. Отряд состоял в основном из пехотных подразделений и подразделений казачьих войск Отдельного Сибирского корпуса. Для успешного продвижения отряда его начальнику было предписано мирное сношение с местным населением.

Полковник Черняев по прибытии в Омск по совету генерал-губернатора Западной Сибири Дюгамеля пригласил Ч.Валиханова принять участие в экспедиции, с чем последний согласился. Полностью о целях, которыми руководствовался при этом Ч.Валиханов, мы можем строить лишь догадки. Однако несомненным является одно: он хотел лично принять участие в изгнании кокандских владельцев из пределов Казахстана и Киргизии, приносивших огромное бедствие коренному населению, и обеспечить этим территориям покровительство России. Немаловажное значение имело и то, что отряду предписывалось «должное обращение» с народом. Вполне вероятно, что Ч. Валиханов собирался оказывать известное влияние на Черняева и его отряд в целом в этом направлении. «Если, вследствие успеха нашего оружия, правитель Ташкента или Туркестана изъявили бы желание, – доносил Дюгамель военному министру Милютину, – отложиться от Коканда и проявит готовность сделаться как бы вассалами России, то я предложил полковнику Черняеву, не отвергая подобных предложений, вступить с ними в предварительные переговоры, а мне донести. Для такого рода сношений при нем будет состоять штаб-ротмистр Валиханов».¹ В отряде было немало казахских и киргизских джигитов, которых называли киргизской милицией.

Продвижение отряда из укрепления Верного в направлении Аулие-Аты проходило мирно и с соблюдением наставления. Киргизские роды, находившиеся в ведении манапов Жантая, Байтика и Турегельды, выразили желание быть в русском подданстве и даже предложили бесплатно доставить лес для строящегося Токмакского укрепления. Некоторые бии и манапы добровольно взяли на себя обязанность обеспечить почтовую связь и частью служили при отряде проводниками. «Достижению такого благоприятного результата наших сношений с туземцами, – доносил Черняев, – много способствовали своим знанием и усердием штаб-ротмистр Валиханов и помощник начальника Алатавского округа артиллерии поручик Мединский, которым и принадлежит успех этого дела».² Вечером 3 июня 1864 года полковник Черняев отправил посланца к аулиеатинскому беку Нияз-Али-датхе с требованием безоговорочной капитуляции, обещая безопасность жителям города и его гарнизону. На следующий день в шесть часов

¹ Письмо Дюгамеля к Милютину. ГПБ им. В.И. Ленина, ф. 169, л. 63/34, л. 89.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 483, л. 77, лл. 77, 80.

утра посланец возвратился в сопровождении одного аулиеатинского купца. Комендант крепости просил четырнадцать дней на размышление. «Поручив состоящему при отряде штаб-ротмистру Валиханову отвечать беку, что предложенные мною условия остаются неизменными, я приказал снова открыть огонь», – доносил Черняев.¹ Скоро Аулие-Ата было занято без потерь. Таким образом, экспедиционный отряд выполнил свою первоначальную задачу. Вскоре 4-я рота 9-го батальона, 3-я временная сотня и 50 милиционеров из состава отряда генерала Черняева с пленными возвратились в укрепление Верное. С ними прибыл и Ч. Валиханов⁶⁶.

Возвращение Ч. Валиханова получило в литературе различное освещение. Г. Потанин и Н. Ядринцев, самые близкие его друзья, в своих воспоминаниях указывают на определенные расхождения Ч. Валиханова с генералом Черняевым, имевшие место в бытность его в отряде. Так, Г. Потанин писал, что «при взятии Пишпека или Аулие-Аты, не помню, зверства русских войск огорчили его», а Ядринцев указывал; «Не сошлись ли эти два деятеля или Валиханов содрогнулся и в нем запротестовало чувство в виду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным».² Такие факты вполне могли иметь место.

Гуманист Ч. Валиханов, преданный своим идеалам, не мог быть участником грабежа и зверств, если таковые действительно учинялись отрядом. Расхождения же с генералом Черняевым, если и были, то, по-видимому, были неглубокими. Генерал высоко ценил заслуги Чокана Валиханова и, представляя его к награде, писал, что он «был весьма полезен при сношении с туземцами во время движения отряда от реки Чу до Аулие-Ата, а в день 2-го июня и при штурме крепости исполнял свой долг с хладнокровием и самоотвержением. Полагаю наградить следующим чином ротмистра». 10 марта 1865 года это звание было ему присвоено.³

Этот частный случай нахождения Ч. Валиханова в отряде генерала Черняева при грубом подходе может быть квалифицирован лишь как служба интересам царизма. Но тогда всякое занятие официальных должностей в государственном аппарате также может быть расценено как защита интересов правительства. Находясь в отряде, Чокан Валиханов преследовал свои цели, служил своим идеям: он боролся за присоединение южных районов Казахстана и Киргизии к России – к России демократической и революционной. По нашему мнению, идейный мотив для Ч. Валиханова был главным.

¹ Там же, лл. 91-92. Утверждение Б. Джамгерчинова о том, что Черняев послал Ч. Валиханова с требованием капитуляции к беку, не подтверждается источниками. «Присоединение Киргизии к России». М., 1959, стр. 287. 66 ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 258, св. 13, л. 30.

² ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 29-38.

³ ЦГВИА, ф. 4, оп. 31, д. 209, лл. 8-9, 48.

3. Подход к вопросу о самоуправлении

Чокан Валиханов совершенно определенно и четко выразил свое отрицательное отношение к деспотической форме управления народами, клерикализму и системе самодержавного строя в России. В этой связи вполне правомерно поставить вопрос: а за какую политическую форму организации общества он стоял? Можно ответить, что он мечтал о такой политической структуре, при которой народы и области пользовались бы большей свободой, могли бы устраивать свою внутреннюю жизнь по своему усмотрению, исходя из своих интересов, т. е. за самоуправление.

В понятие «самоуправление» Чокан Валиханов и его единомышленники вкладывали революционно-демократическое содержание в отличие от буржуазных деятелей, рассматривавших его как придаток самодержавия. Это видно из того, что Ч. Валиханов самоуправление народов рассматривал в органической связи, с одной стороны, с такими политическими институтами как саморазвитие, самозащитение и самосуд народов, с другой стороны, оно выдвигалось им как противовес бюрократии, неравенству сословий и угнетению. «Для нормального роста народа, – писал он, на какой бы ступени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитение, самоуправление и самосуд».¹

Как и многие другие революционеры 50 – 60-х годов прошлого века, Чокан Валиханов не был свободен от иллюзий, что преобразования в системе управления, ведущие к установлению самоуправления общин, областей и народов, могут быть осуществлены и по инициативе царя, если удастся его в этом убедить. Однако все, кто раньше так думал, в конечном счете испытывали разочарование и приходили к выводу о необходимости опираться на собственные силы народа и защищать, отстаивать принципы саморазвития и самозащитения народных масс.

Преобразования в системе управления и политики, по мнению Чокана Валиханова, должны были удовлетворять следующим требованиям: а) соответствовать «материальным нуждам» и «национальному характеру» того общества, в пользу которого они осуществляются;² б) они должны быть основаны «на неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие общественного организма»;³ в) предусматривать осуществление народами таких политических прерогатив, как саморазвитие, самозащитение, самоуправ-

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 221.

² Там же.

³ Там же, стр. 198.

ление и самосуд. Из этого нетрудно представить, что «реформизм» Чокана Валиханова был глубоким и революционным.

Проблема самоуправления являлась одной из центральных в политической программе русской революционной демократии. Крестьянский социализм, уничтожение продажного чиновничества, социальные равенства связывались с самоуправлением общин, областей и народов. Н.П. Огарев в 1863 году писал в «Колоколе», что «русская революция может быть только реорганизацией, т. е. мирным ли путем или бунтом пойдет Россия, но она не успокоится, пока не будут в восстановлены все те элементы народного землевладения, самосуда и самоуправления... В России бунт невозможен иначе, как чтобы вместе с ним возникли и учредились народное землевладение, самосуд и самоуправление».¹

Революционер А. Щапов в своем гневном письме князю Вяземскому – одному из видных государственных деятелей и приближенных царя, раскрыл идею самоуправления, за которую боролись в шестидесятые годы XIX века передовые деятели России того времени, ее лучшие люди.

«Князь, – писал Щапов, – если царь страшится, не хочет страшного суда народного – ужаснейшей в свете предстоящей русской революции, – он должен сам созвать в сельских мирах сельские волостные сходы для свободного обсуждения и правильного решения вопроса сельского самоустройства, самоуправления и саморазвития. В городах городские сходы или внегородные думы для обсуждения и устройства городского, общинного самоуправления и самосуда. Из выборных от всех областных земских советов или союзов должен быть созван общерусский великий союзный или федеральный земский совет, съезд, Собор. Предоставив областным советам и союзному федеральному Земскому собору созвать русское земское общинно-демократическое народосоветие, царь, естественно, должен отречься от самодержавия».² Должно думать, что Чокан Валиханов, как и все сибирские патриоты, не только относились сочувственно к взглядам А. Щапова, но и разделяли их.

«Самоуправление» не было изолированным лозунгом. Оно не рассматривалось революционной демократией как абсолютная часть ее программы. Наоборот, оно мыслилось как свобода местной инициативы и власти в составе единого организма, как местная автономия в составе федерации. Герцен и Огарев, провозгласив лозунг «землю – крестьянам, волю – областям», требовали проведения бессловесных

¹ Н.П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952.

² «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 657, 658, 662; «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.» М., 1962, стр. 289.

выборов в Земский собор и чтобы конституция России была написана выборными от народа.¹ В этом же плане говорил и Щапов о «самостоятельности и соединении областей, самостоятельно управляемых своими выборными областными думами, и о соединении областей в один общий союз (федерацию), заведываемый от всех областей выборною земскою думой».²

Был неправ Г. Плеханов, когда федеративные идеи Щапова он ошибочно «трактовал как возврат к феодальному дроблению».³ Как теперь установлено советскими исследователями, А. П. Щапов первым из участников освободительного движения выдвинул лозунг созыва Земского собора не как лозунг реформы, а как лозунг революции.⁴ В его взгляде, может быть, немало схематизма, иллюзорных построений, это другой вопрос. Он сам говорил, что в вопросах «федерации и самоуправления мы еще молоды, малосведущи» и что у нас «мало твердой, положительной, жизненной и научной основы».⁵

Федеративные идеи Щапова хорошо были известны Ч. Валиханову и его друзьям. «Я припоминаю лекции Костомарова, – писал Н.Я. Ядринцев, – кружок Шевченко, его поэзию, лекции об областности Щапова..., но ближе всего по времени и сильнее всего по влиянию были лекции Щапова».⁶

Известно, что Ч. Валиханов прогрессивное развитие Сибири и Казахстана не мыслил иначе как в составе русского государства. Он писал и говорил о том, что «мы без России пропадем». Он лично питал искреннюю и глубокую любовь к русскому народу, его передовым представителям, и это, безусловно, имело важное значение для формирования его политических взглядов, в частности по вопросу о самоуправлении Сибири с ее разноплеменным составом и Казахстана. Можно сказать, что он всю сознательную жизнь посвятил пропаганде дружбы казахского народа с русским народом, отдавал все свои силы и способности делу упрочения союза Казахстана с Россией.

Когда в начале второй половины XIX века в казахском обществе определились две политические тенденции – прорусская и антирусская, Чокан Валиханов смело разоблачал последнюю. «В настоящее время, – писал Ч. Валиханов, – происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей Востоку, и русской».⁷ В представлении правительственным органам он открыто

¹ «Колокол», 1863, №175.

² «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.», стр. 293.

³ «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 666 (примечание).

⁴ «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.», стр. 289.

⁵ ГПБ им. Ленина. Рукописный фонд.

⁶ Сочинения А.П. Щапова, т. 3. СПб., 1908, стр. 85.

⁷ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. 192.

писал, что мусульманство «грозит нам разьединением народа в будущем» и требовал от них принятия энергичных мер, чтобы воспрепятствовать его распространению в казахском обществе. «Мы должны во что бы то ни стало, – говорил Чокан Валиханов, – обойти татарский период (т. е. исламизацию общества. – Авторы), и правительство должно нам в этом помочь».¹

Революционное общество сибирских патриотов боролось за свободное развитие Сибири и народов, ее населяющих. В своих воззваниях они призывали к свержению династии Романовых, доказывали необходимость созыва Земского собора в России, «на котором нужды всех народов ее могли бы быть высказываемы перед русским народом, перед целым светом, и быть удовлетворяемы не по прихотям генералов и бюрократии, а по их действительной настоятельности».² По их мнению, и казахи должны получить «свою Думу»³ на основе свободного волеизъявления и объединения с народами Сибири.

Следует решительным образом отместить обвинение, приписанное царской охранкой обществу сибирских патриотов, в том, что оно якобы хотело отделить Сибирь от России. К сожалению, такой взгляд со страниц обвинительных актов царской юстиции перекочевал в труды некоторых советских исследователей.⁴ Поскольку этот вопрос все еще недостаточно ясен и имеет отношение к Чокану Валиханову, следует рассмотреть его несколько шире.

В руках царской охраны оказалось некое воззвание, составленное якобы сибирскими революционерами, в котором проводилась мысль об отделении Сибири от России. Это в свое время и послужило поводом для ареста сибирских патриотов. На самом деле этот «документ» был сфабрикован одним из провокаторов, оказавшимся в их кружке.

В начале 60-х годов друзья Чокана Валиханова по кружку «Сибирское землячество», возвратившись из Петербурга в свой родной край – Западную Сибирь, развернули еще более активную революционную деятельность. Они были связаны с активными членами «Земли и воли», выполняли их задания.

Так, Белоголовый, Пестерев, Павлинов, Наумов по указанию Герцена (с которым Белоголовый встретился в 1861, а Пестерев в мае 1863 года) пытались освободить Чернышевского с каторги и переправить

¹ *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 188.

² «Колокол», 1867, 1 августа.

³ «Сборник к 80-летию Г. Н. Потанина». Томск, 1915, стр. 74.

⁴ Так, К. Бейсембиев писал: «Потанин в свое время состоял в организации сибирских патриотов, находился в плену вредной, реакционной идеи «автономной Сибири», выступал за отделение ее от России» («Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века», стр. 36).

за границу. «Пусть приедет Чернышевский. Я с руками передам ему мой станок. А что, ведь от вас (т. е. из Сибири. – Авторы) уйти можно? Бакунин ушел же», – говорил Герцен сибирским патриотам.

В ходе интенсивной подготовки к выполнению этой задачи их постигло несчастье: они были арестованы.

III отделение давно следило за деятельностью сибирских патриотов, в среду которых проник его агент – С.С. Попов, родом из Сибири, который «был введен в кружки лиц, связанных с революционерами, своим земляком и приятелем – иркутским купцом Н.Н. Пестеревым».¹ III отделение считало заслугой С. Попова перехват им в свое время переписки Серно-Соловьевича, содержащегося в Александровском рavelине, и доставку переписки из-за границы жены Шелгунова.² В агентурных донесениях III отделению С. Попов отмечал связи сибирских патриотов с сосланными в Сибирь польскими революционерами, называл их «сепаратистами».³

С провокационной целью С. Попов высылает из Петербурга Потанину, Ядринцеву, Шашкову и другим прокламацию «К сибирским патриотам», где говорилось об отделении Сибири от России. Автором этой прокламации был сам Попов.⁴ Выслав эту прокламацию по почте почти всем сибирским патриотам, он выехал в Сибирь, чтобы следить за их реакцией и деятельностью и доносить III отделению.⁵ Экземпляр прокламации, попавший в руки Ядринцева и Шашкова, был ими отредактирован, и мысль об отделении Сибири от России заменена следующими словами: «Жители России имеют уже целую организацию против правительственной партии в лице русского центрального народного комитета, поставившего своей целью всеобщее восстание для освобождения всей нашей русской империи. Мы, сибиряки, братски подаем руку российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом. По окончании ее Сибирь должна будет созвать свое народное собрание, определить свои будущие отношения с Россией. Это ее неотъемлемое право».⁶ Сибирские революционеры стояли за федерацию, а не за сепаратизм. Сепаратизм был сфабрикован и пришит им реакцией и царской охранкой. Об этом говорилось, правда, очень осторожно и тогда, когда мнение ревностных защитников царизма брало верх над истиной и всякое другое толкование подавлялось.⁷

¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 619, л. 1; «Литературное наследство», т. 67, 1959, стр. 748.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 619, л. 1.

³ Там же, лл. 2-3.

⁴ «Сибирская жизнь», 1914, №40.

⁵ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 619, лл. 2-3.

⁶ Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 13, д. 1, лл. 19-26.

⁷ Госархив Иркутской области, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 50, л. 1; К. Дубровский. Рожденные в стране изгнания. Пг., 1916, стр. 249.

На следствии арестованные сибирские патриоты не выдали ни одного из своих членов, находившихся на свободе. Они также скрыли свое участие в «Земле и воле» и связь с другими ячейками этой организации. Они не выдали и Чокана Валиханова, который незадолго до их ареста, будучи больным, встречался с ними в Омске (к моменту ареста его уже не было в живых).

Вместе с тем сибирские патриоты не сочли нужным скрывать свою революционную деятельность. Так, Г.Н. Потанин на предложение председателя следственной комиссии Пилино раскаться в своем «сепаратизме» ответил вопросом: «В чем ему раскаться – если в желании освободить Сибирь, то это не преступление, а результат его убеждений».¹ Г. Потанин в своих показаниях говорил: «Если комиссия ищет только моего обвинения, то я готов согласиться на все ее предложения; если она ищет революционных масс, то она не там их ищет. Войско очень консервативно. Революционная масса Сибири состоит из приисковых рабочих и рабочих на казенных алтайских заводах. Вот это люди, о которых следует подумать».² «Отделить Сибирь могли думать только сумасшедшие.., – писал Н.М. Ядринцев. – Дело было не столько в определенно задуманном намерении, сколько в обвинении, которое стремилось навязать это намерение».³

Характерно, что царские жандармы долго скрывали от сибирских патриотов, что они обвиняются в «сепаратизме». «Однажды во время визита в комиссию мне, – пишет Потанин, – попалась на глаза обложка этого дела. Дело было озаглавлено так: «Дело о злоумышленниках, имевших целью отделить Сибирь от России и основать в ней республику по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов». Я улыбнулся и, обратясь к Пилино, председателю комиссии, сказал: «Как вы нас громко титузуете». Пилино смутился и ответил: «Нет, это временное название; оно дано, когда дело еще не выяснилось».⁴ В Петербург оно было отправлено под названием: «Дело о злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка управления в Сибири».⁵

После ареста видных сибирских революционеров следственная комиссия просила петербургскую полицию разыскать там Капустина, Пантелеева, Аристова, установить за ними строгий полицейский

¹ *Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов, т. I. СПб., 1897, стр. 213.

² «Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1924-1925 гг., вып. I, т. IV, стр. 87.

³ *Лемке М.* Н.М. Ядринцев, стр. 63; *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, т. VI, стр. 154.

⁴ *Попов И.И.* К 80-летию Г.Н. Потанина. «Голос минувшего», 1915, №1, стр. 296.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 64, д. 7631.

надзор, осмотреть их бумаги и корреспонденцию и выяснить, нет ли в них следов связи с делом «сибирских сепаратистов».¹ О Пантелееве из Петербурга ответили, что он судится за революционную пропаганду полевым судом при Виленском Ордонанс Гаузе.² На допросах Пантелеев отрицал свои связи с «сибирскими сепаратистами», но признавал, что он давал уроки Г. Потанину «для существования и больше никаких дел с сибиряками не имел».³ Л. Пантелеев предъявленное сибирским патриотам обвинение в стремлении отделить Сибирь от России назвал «курьезным вопросом».

О нелепости предъявленного сибирским патриотам обвинения в «сепаратизме» говорит и тот факт, что ни Потанин, ни Ядринцев, ни кто другой из арестованных не являлся автором прокламации «Патриотам Сибири».⁴ «Это воззвание было писано в Петербурге, – писал Ядринцев, – я и покойный Шашков его редактировали, настоящий же автор не был взят и скрыт в тумане, да он и не был выдающимся лицом. При следствии он сыграл бы дурную роль».⁵ Действительно, провокатор Попов, надеясь на то, что он еще не раз пригодится царской агентуре, продолжал разыгрывать из себя «революционера», и его нарочно оставили в стороне от дела сибирских патриотов.

Сибирские патриоты 60-х годов XIX века не имели ничего общего с сибирским областничеством начала XX века. И.И. Попов, лично знавший почти всех сибирских патриотов, писал впоследствии, что их «областничество слишком далеко от интересов многих современных областников, не желающих понять, что прогресс Сибири тесно связан с интересом всей нашей Родины».⁶

4. Об организации власти и управления в Казахстане

Система местного управления в казахском обществе была довольно проста. Область сибирских казахов, охватывавшая огромную территорию северного, восточного и центрального Казахстана, делилась на несколько округов. Во главе их стояли старшие султаны, формально избираемые на собраниях крупной знати, а фактически назначаемые колониальной администрацией. Каждый округ имел в своем составе

¹ Госархив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 5, л. 230.

² Госархив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 5, лл. 235-240.

³ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 154, л. 19.

⁴ *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания, стр. 391.

⁵ *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии, стр. 158.

⁶ См. введение к книге М. Лемке «Н. М. Ядринцев». СПб., 1904, стр. 9.

ряд волостей, состоявших из административных аулов. Волостной управитель избирался на собрании местной знати путем тайного голосования, а аульные старшины назначались местной царской властью, точнее – признавались ею.

Об административном устройстве населения Сибирского ведомства известное представление дают приводимые ниже данные, относящиеся к 1851 году.¹

Округа	Число волостей	Число адм. аулов	Число кибиток
Каркаралинский	18	146	18325
Кокчетавский	14	167	11147
Аягузский	12	118	16808
Акмолинский	20	212	15007
Баян-Аульский	14	149	11819
Кушмурунский	5	63	4885
Кокбектинский	15	106	13508
Итого	98	962	90999

На административное устройство области сильное влияние оказывало родовое деление населения. Каждый округ, в особенности каждая волость, включали в свой состав определенные родовые подразделения с их сезонными кочевьями, простирающимися иногда на сотни верст. Родовая структура с ее внутренней организацией и сложной взаимосвязью сказывалась во всем: в выделении волости в самостоятельную единицу, в избрании ее управителя и его помощника (кандидата), в самом управлении волостью, в ее отношениях с окружным приказом, а также с другими волостями.

По официальным и проверенным сведениям 1851 года, Карсон-Кирнеевская волость, входившая в Каркаралинский округ и имевшая в своем составе 9 административных аулов (1191 кибитка), была составлена почти исключительно из отделений двух родов: карсон и кирней. В этой волости так называемые административные аулы за отдельными исключениями совпадали с отделениями.² Так было во многих волостях. Отношения родства и связанные с этим взаимная помощь и круговая порука имели еще определенное значение и создавали впечатление продолжающейся патриархальщины в общественно-политических отношениях. В этих условиях и официальная власть в

¹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, л. 2447, л. 4.

² ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, л. 2441, л. 45.

волости должна была быть организована с известным учетом местных особенностей. Вместе с тем эти особенности порождали серьезные конфликты между отдельными родовыми группами: борьба за власть, за фактическую гегемонию во внутриродовых и межродовых отношениях не утихала.¹

С ослаблением связей между более крупными родовыми подразделениями, что было характерно для середины XIX века, и как следствие этого, с разрастанием отдельных мелких мирков с обособленными интересами столкновения между группами становились все более острыми и глубокими.

Однако, как бы ни были отсталы представления народа и как бы ни цеплялись члены общества за привычные им формы общежития, как бы ни облекали они свои новые отношения в старые формы, как бы ни приравнивались носители власти к местным условиям, за этими внешними наслоениями лежали более глубокие факторы – интересы классов. Невнимательный наблюдатель мог, конечно, этого не разглядеть. Но внимательному трудно было не заметить классового контраста и социальной поляризации в казахском обществе, обусловленные этим сложные отношения господства и подчинения. Кроме признанных колониальной администрацией органов власти и управления (округ, волость, аул), параллельно с ними в казахском обществе существовали и негосударственные органы – в родах, родовых группах и в хозяйственных аулах. Первые строились по территориально-родовому принципу, вторые были связаны только с родовым делением. Первые в своей деятельности опирались на вышестоящие органы и колониальную администрацию с ее мощью, а также на часть местной знати, а вторые – на поддержку местной знати и членов управляемых групп. Первые отбирались и назначались, частью формально избирались, а вторые сами узурпировали власть. И те и другие в необходимых случаях прибегали к помощи старых институтов управления: созывали феодальные собрания, считались с мнениями совета знати, разбирали споры и тяжбы совместно с биями в окружении многолюдной толпы, только первые все меньше и меньше, а вторые относительно больше. По мере усиления влияния царского правительства все больше укреплялись введенные им органы и, наоборот, теряли свои позиции непризнанные органы в родовых группах.

Служившая знать и связанные с нею феодалы составляли ядро группы процарской ориентации. Другая часть местной знати, куда входили

¹ В этой волости основная борьба за власть вначале шла между знатью отделения танабай рода карсон и отделения туюте рода кирней, которые считались, по древнему представлению, старшими в соответствующих родах, и только они могли претендовать на лидерство. Управляющий волостью назначался попеременно из этих отделений.

как те, которые сохранили в своих руках власть в родовых делениях и боролись за свои политические привилегии, так и те, которые являлись опорой этой старой системы, придерживалась в основной массе антицарской ориентации.

Родовые начальники, под напором правительственных органов и их сторонников, постепенно и неумолимо теряли почву под ногами. Чем больше они вытеснялись из сферы власти, тем старательнее они прикидывались защитниками родов, низов общества. Это создавало определенную иллюзию общности интересов местной родовой знати с рядовыми общинниками. В этой обстановке возникали как антиколониальные, так и феодально-монархические движения. Появились, с одной стороны, течения, оплакивающие прошлое, проповедующие возврат к нему, с другой стороны – демократические течения, призывающие к дружбе и совместной борьбе с русским и другими народами.

Все эти перипетии политического развития казахского общества проходили перед глазами Чокана Валиханова. Он находился в гуще событий, сам принимал в них активное участие. Внимательно наблюдая общественно-политические отношения казахов, он смог подняться выше предрассудков семьи, окружения и даже своей эпохи и проникновенно обозреть происходящее в казахском обществе, охватить главное.

Можно смело утверждать, что никто из казахских гуманистов и демократов до Чокана Валиханова не понимал так глубоко экономическую и социальную природу власти и системы управления в Казахстане, как он. В этом проявились его прозорливость и политическое чутье передового деятеля, сочетавшего в себе радикальное и революционное мышление 50 – 60-х годов XIX века в России и органическую близость к местной системе власти.

Чокан Валиханов еще подростком начал размышлять над серьезными социально-политическими темами. Порою он делал удивительные по глубине наблюдения. Он видел и понимал, что в казахском обществе, как бы в нем ни были значительны остатки патриархальных отношений, сильные господствуют над слабыми, беззащитными и что последние зависимы от первых. В начале пятидесятых годов Ч. Валиханов в письме проф. Березину, давая расшифровку и толкование некоторым выражениям Токтамыш-хана, между прочим утвердительно заметил, что «в таком народе, как наш (казах), где господствовало право сильного, безродные, бессильные люди не могли иметь самостоятельности и делались рабами султана и бия».¹ Более чем десять лет спустя, развивая и конкретизируя эту мысль в связи с критикой деятельности комитета по подготовке преобразования в казахской степи,

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. 1, стр. 127.

он писал, что этот комитет «основал свой вывод на одних «народных мнениях», собранных от «знатных» киргиз,¹ тогда как «интересы знатных и богатых людей большею частью враждебны интересам массы, большинства».²

Между тем власть и управление в степи находились в руках этих же господствующих классов. Структура органов управления, принципы их работы и связи в округах, волостях и аулах были подчинены тому, чтобы лучшим образом служить и обеспечивать интересы господствующих социальных групп. По словам Ч. Валиханова, носители местной власти, несмотря на наличие некоторых трений между отдельными их представителями, были единодушны в главном. В конце концов их междоусобное внутреннее дело, как писал он, «улаживалось таким образом, что они не могли мешать управителям, управители – биям, а управители-биям – султанам. Почетные ордынцы – нечиновники были на все согласны, ибо для них, для будущих кандидатов на все эти должности, того и нужно было, чтобы степные власти не мешали друг другу эксплуатировать простой народ».³ Такое высказывание, насыщенное социально-политическим обобщением, делало честь передовому представителю отсталого казахского общества.

Родственные отношения с султаном Тезеком, управляющим албансубановскими родами в Старшем жузе,⁴ у которого долгое время после возвращения из Петербурга жил Чокан Валиханов, не помешали ему критически оценить власть этого султана. В одном из своих писем генералу Колпаковскому он писал, что этот степной аристократ «управляет только своими туленгутами, которых очень много, и управляет ими, как плантатор неграми».⁵ Неудивительно, что Ч. Валиханов и его родственники не могли найти общего языка. «Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, – писал Ч. Валиханов Майкову в 1862 году, – когда я живу в степи, хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но разъединенный с ними чем-то неодолимым, как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров – мы начинаем расходиться».⁶

Подобные отношения Ч. Валиханова с отдельными представителя-

¹ Там же, стр. 497.

² Там же, стр. 495.

³ Там же, стр. 502-503.

⁴ Старший жуз присоединился к России к середине XIX века. Султан Тезек, по данным 1864 года, имел при себе 750 кибиток туленгутов, т. е. зависимых во всех отношениях работников-дружинников. (ЦГА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 562, л. 169).

⁵ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 588-589.

⁶ Там же, стр. 566.

ми местной власти не были чем-то случайным, они определялись его убеждениями, его передовыми взглядами на социальные отношения.

«С местными султанами и богачами из черной кости, — писал он, — я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы бии платили им жалование и чтобы обращались, как с человеком, в противном случае грозил законом».¹ Интересно, что А.Х. Маргулан обнаружил в делах Ч. Валиханова письмо невольников, адресованное ему.

Как мы отмечали прежде, Чокан Валиханов был деятельной натурой. Он не только мечтал, но и действовал в соответствии со своими убеждениями. Видя злоупотребления и произвол в системе местной власти и управления, антинародную деятельность этих органов, чувствуя «беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей», он одно время решается занять должность управляющего округом (старшего султана). Известно, что из этой в моральном отношении бесценной, а практически несбыточной затее ничего не вышло. Власти ему просто не позволили занять эту должность.

Чокан Валиханов считал, что любая власть, независимо от того, связана ли она с официальной политикой царского правительства или нет, вредна и с нею следует бороться, если она деспотична и антинародна. Известно, как он обрушивался на царских наместников в степи за их пренебрежение к интересам масс, алчность и произвол. С неменьшим упорством он разоблачал так называемое «народное родовое управление», не тронутое или слабо тронутое влиянием колониальных органов. В этом отношении особенно характерно письмо Чокана Валиханова от 14 декабря 1864 года начальнику Алатавского округа генералу Колпаковскому, с которым он находился в дружественных отношениях.

В этом письме Валиханов, говоря о крупном родовом поколении джалаир, писал, что «между джалаирскими родоправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ». В целом, по его мнению, «родовое народное управление орды представляет ужасный хаос и крайнее безобразие».² Он просил генерала Колпаковского предпринять шаги в интересах смягчения тяжелого положения простого народа. Весьма интересна его мотивировка, почему нужно ограничить власть местных владельцев. Он доказывал, что «можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 — вернее, полезнее, чем 10».³

¹ Там же, стр. 568.

² *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 588, 589.

³ Там же.

Совершенно ясно, что здесь Чокан Валиханов излагает свою идею, придав ей окраску пристрастности правительственного чиновника. Вряд ли можно было сказать иначе в официальном донесении. Ч. Валиханов прекрасно, конечно, знал цену своему выражению «правительству нужен народ» и какое это произведет впечатление на такого высокопоставленного царского деятеля, как генерал Колпаковский. В конце письма он отметил: «Прошу у Вашего превосходительства снисхождения, что я решился написать о том, о чем Вы меня не просили. Как киргиз, я не мог удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно моих страждущих земляков».¹

А как представлял себе Чокан Валиханов политическое развитие казахского общества? Мы уже имели возможность рассмотреть в предыдущих главах и параграфах его взгляды на формы управления народами вообще. Он стоял за самоуправление и самосуд, с тем чтобы обеспечивались интересы всего народа, а не отдельных сословий. Он не стремился к новым построениям или изысканию доселе неизвестных форм управления. Он стоял в принципе за выборность местных органов власти, вносил предложения ввести ее среди казахов Оренбургского ведомства и Большой орды, возмущался подкупом и шантажом во время выборов в Средней орде, хотя и не знал, как обеспечить подлинные выборы в органы власти.

Он стоял за «суд биев в древней форме», т. е. за такую судебную систему, в которой судьи избирались бы самими тяжущимися и были бы свободны от влияния, как выражался Ч. Валиханов, «киргизских чиновников и богатых табуновладельцев». В своей «Записке о судебной реформе» он писал, что «преимущество имеет суд биев и в том отношении, что он редко бывает единоличен; в нем допускается безграничная публичность, а иногда и нечто вроде участия присяжных; решения его подлежат обжалованию».² Вместе с тем он отмечал, что правосудие теперь сплошь и рядом захватывается «при помощи денежных сделок и разных низких интриг» богачами и торговой знатью. А в Большой орде «суд биев не существует, дела решаются по капризу властей».³ Он рекомендовал правительственным органам до поры до времени сохранить «суд биев в древней форме», «ослабить аристократический элемент и поднять и дать значение суду биев». Как видно из этого, и в вопросе суда Ч. Валиханов не изобретал новых форм. Он предлагал старую, известную форму, когда-то приобретшую положительную славу, наполнить новым содержанием. Он не заметил

¹ Там же, стр. 590.

² *Валиханов Ч.* Избранные произведения, стр. 219.

³ Там же, стр. 589.

и не учел того обстоятельства, что эта старая форма – суд биев – успела уже к этому времени превратиться в свою противоположность. В оценке Ч. Валихановым суда биев проявилась еще одна черта тогдашних передовых деятелей, в том числе и революционеров, – наивность и утопичность их многих взглядов.

Чем собственно Ч. Валиханов отличается от ряда деятелей – гуманистов, просветителей и либеральных реформистов? Могут утверждать, что он, как и эти деятели, стоял за некоторое улучшение и обновление фасада существующей в то время системы. Разве не об этом говорит его стремление утвердить «суд биев в древней форме», ввести выборность в местных органах власти, восхваление ясака в ведомстве оренбургских казахов и поношение на его фоне кибиточного сбора в области сибирских казахов. Да, в такой форме мог ставить вопрос любой другой более или менее либеральный и демократический деятель. Если рассматривать все эти шаги Чокана Валиханова изолированно от его политического мировоззрения в целом или если посчитать эти его действия за конечные цели, то нельзя не согласиться с подобным мнением. Однако самое ближайшее рассмотрение мотивов его действий убеждает нас в том, что он вовсе не видел в этих отдельных предложениях основную цель своей борьбы, его идейные стремления далеко не ограничивались рамками этих требований. Они не определяли его отношения к политической организации казахского общества. Скорее всего это были частности, отражающие определенный этап развития его мировоззрения.

Внося предложения в правительственные органы относительно улучшения системы управления казахской степью, Ч. Валиханов, с одной стороны, учитывал реальные условия существования казахского общества, а с другой стороны, говорил лишь о вещах и явлениях, которые могли в какой-то мере заинтересовать органы колониальной администрации. При этом он вносил такие предложения, выполнение которых было возможно в те годы и в тех условиях. Было бы неправильным выдавать эти требования Ч. Валиханова за его политическую программу. Если говорить о цели его политической борьбы, то он мечтал об обновлении и преобразовании общества с тем, чтобы в нем не было неравенства и угнетения, насилия и несправедливости, бюрократии и феодальных владельцев. Это был социализм Ч. Валиханова.

Официальные рекомендации и требования Ч. Валиханова в части свободы действия «судов биев в древней форме», введение выборности в органах управления, изменения системы налогов и т. д. имели промежуточный, тактический характер. Это был своего рода протест. Он понимал, что вряд ли добьется удовлетворения правительством своих

требований. «Конечно, правительство наше никогда не согласится отдать суду биев те преступления и проступки, которые были судимы до сих пор по русским уголовным законам и составляли предмет особенного правительственного наблюдения»,¹ – писал он. И «протестовать следует, хоть и толку из того никакого не выйдет».²

Казахская действительность была слишком тесна для такой фигуры, как Чокан Валиханов. Он не всегда встречал понимание даже у близких и товарищей. Это наводило его на размышления и создавало чувство одиночества. В последние годы жизни он говорил, что чувствует себя очень плохо как физически, так и нравственно, имея в виду социально-политическую обстановку в казахском обществе, которое постоянно раздражало его. «Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, – писал он, – что не видишь надежды, вернее, луча надежды – когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты».³ Мы можем теперь понять, как сложно и трудно было в отсталом казахском обществе Ч. Валиханову, чьи убеждения намного опережали его эпоху.

Заключение

Как ученый и общественный деятель, как гражданин и патриот, как обличитель пороков современного ему строя Чокан Валиханов дорог как казахскому, так и русскому народу. Сам он считал Россию родиной, а казахскую степь – матерью. Его любовь к своему народу была неотделима от любви к русскому народу. Его мысль была тесно связана с передовой общественной мыслью России, его борьба была частью борьбы прогрессивных деятелей того времени. Он не представлял лучшую будущность казахского общества вне России, без ее народа. В этом сказалась широта его взглядов и мудрая прозорливость, в этом его сила.

Политическое лицо Ч. Валиханова, как и всякого деятеля, оформилось не сразу. Это и понятно, если иметь в виду, что область политики – наиболее запутанная и сложная область взаимоотношений, доступная в то время лишь «избранныкам» и весьма скрупулезно оберегаемая господствующим классом. Более того, ее понимание требует серьезной и всесторонней подготовки.

Нельзя думать, что Ч. Валиханов в вопросах «большой» политики шел прямой дорогой. К тем взглядам, которые были характерны для

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 221.

² Там же, стр. 568.

³ Там же, стр. 562.

периода его наивысшей зрелости и которые считались радикальными в ту историческую эпоху, он пришел от простого желания служить Родине, народу, от ограниченных «народных» идей.

Политические взгляды Валиханова развивались, во-первых, под непосредственным воздействием передовых и в первую очередь революционно-демократических идей в России середины XIX века, в результате личного общения Ч. Валиханова с видными представителями русского освободительного движения; во-вторых, вследствие критической оценки им политики самодержавия, что постепенно привело его к генному пониманию природы политической организации Российской империи; в-третьих, вследствие его ориентации на массы, на народ и стремления учитывать в своей деятельности интересы народных масс, их демократические и социалистические идеалы. Все эти моменты неразрывно связаны, взаимообусловлены и в совокупности определяют собой политическое мировоззрение Ч.Ч. Валиханова.

Социалистические идеи русской революционной демократии были убеждением Ч. Валиханова, их революционные призывы он воспринимал сознательно и творчески. Он старался выработать применительно к конкретным условиям местности свою «теорию» и формы борьбы, исходя из ее идеалов. В этом он иногда преуспевал, иногда терпел неудачи, но всегда оставался верным своим политическим убеждениям.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МУХАМЕДЖАНА СЕРАЛИНА

1982 г.

*В монографии С.Зиманова и
К.Идрисова, изданной в 1982 году в г. Алма-Ата,
рассматриваются условия формирования, творческая био-
графия и идеалы М. Сералина, его общественно-политическая
деятельность в начале XX в. и после Октябрьской социа-
листической революции.*

- **ВВЕДЕНИЕ**
- ***I. УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ М. СЕРАЛИНА***
 1. Социальное и национальное пробуждение казахского общества в начале XX в.
 2. Юность Мухамеджана Сералина
 3. На стыке трех культур
- ***II. М. СЕРАЛИН И ЖУРНАЛ «АЙКАП»***
 1. Основатель и редактор первого национального журнала в Казахстане
 2. Идеиная направленность журнала «Айкап»
- ***III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. СЕРАЛИНА***
 1. М. Сералин в годы революционного движения 1905 – 1907 гг. в России
 2. М. Сералин о политике царизма в Казахстане
 3. Просветительские идеи М. Сералина
- ***IV. М. СЕРАЛИН – УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ***
 1. Накануне Октября и в первые годы Советской власти
 2. М. Сералин – активный участник советского строительства в Казахстане
 3. М. Сералин о В.И. Ленине
 4. Последние годы жизни М. Сералина

Введение

Одной из значительных фигур в истории общественно-политической мысли Казахстана конца XIX – начала XX в. является Мухамеджан Сералин (1872 – 1929). Тем не менее его жизненный путь и идеалы, становление как передового общественно-политического деятеля и этапы развития взглядов, легальная и нелегальная его работа в дореволюционный период и другие вопросы остаются весьма слабо, а частью вовсе не исследованными.

Это не означает, однако, что нет исследований о М. Сералине. О нем время от времени писали, но освещали в основном его литературно-художественную и журналистскую деятельность, а попытки рассмотреть взгляды и место М. Сералина в истории идейного движения в дореволюционном Казахстане, как правило, ограничивались рамками журнала «Айкап» (1911 – 1915 гг.), основателем и идейным руководителем которого он был. Таким образом, его общественно-политическая деятельность и воззрения сводились к этому журналу.

«Айкап» был в многовековой истории Казахстана первым национальным журналом, и на его страницах действительно поднимались вопросы социально-экономической и хозяйственной жизни края. В этом плане его историческое значение огромно и заслуги его как издателя значительны.

В то же время рассматривать М. Сералина, разностороннего, образованного деятеля только с позиции этого журнала явно недостаточно. Если судить по материалам, известным на сегодня, то литературно-художественная деятельность М. Сералина – не главное в его общественной биографии. М. Сералин написал небольшие поэмы «Топжарган» (1900) и «Гулкашима» (1903) и перевел из Фирдоуси поэму «Рустем-Зораб», (1914)), а также несколько рассказов, написал три-четыре газетных очерка. Большинство этих произведений написано в ранние годы, когда он был учителем и увлекался идеями просвещения народа, как и многие другие молодые образованные местные интеллигенты того времени.

К тому же, хотя исследование литературно-художественного творчества М. Сералина, включая его деятельность как журналиста, ведется сравнительно давно, и в этой области добиться существенного успеха еще не удалось. Многочисленные стихи, басни и памфлеты, написанные им в стиле социально-политической публицистики в годы революции 1905 – 1907 гг. и после нее, еще не найдены, а

следовательно, не введены в научный оборот, ученые-филологи не вели активных поисков по их обнаружению. Другим общим недостатком изучения художественного наследия М. Сералина является то, что оно рассматривалось без должной связи с его общественно-политическими и моральными воззрениями. Этим отчасти объясняется, что Мухамеджан Сералин еще не занял достойного его места в истории казахского народа, в истории общественно-политической мысли и культуры Казахстана.¹

Мы также не ставим задачу всеобъемлющего рассмотрения общественно-политических воззрений М. Сералина, ибо ее невозможно решить в рамках одного исследования, а пытаемся лишь, опираясь на предыдущие работы и накопленный материал, частью найденный нами, воссоздать образ Мухамеджана Сералина в зрелые годы как носителя передовых и радикальных общественно-политических идей своего времени, рассматривать его практическую деятельность как воплощение этих идей в условиях дореволюционного Казахстана и после Великой Октябрьской социалистической революции. При этом мы, наряду с изложением, стремились не только дать свою определенную точку зрения, но и наметить направления в изучении мировоззрения и деятельности М. Сералина.

Политические взгляды М. Сералина, которые представляют основной предмет настоящего исследования, тесно связаны с другими сторонами его воззрений, и в первую очередь, с его мироощущением и мировоззрением. Исходя из этого и имея в виду более целостное познание его как деятеля, мы уделили в работе значительное внимание процессу формирования его взглядов и факторам, во многом предопределявшим направление его идейной жизни и деятельности.

К освещению общественно-политических взглядов М. Сералина можно подходить по-разному. Один из подходов заключается в том, что, поскольку издателем журнала «Айкап» был Мухамеджан Сералин, то его идейно-политическая позиция может быть охарактеризована через содержание этого издания в целом. Так поступают многие, если не большинство исследователей: позицию журнала отождествляют с позицией М. Сералина.

Другой подход состоит в том, что общественно-политические воззрения М. Сералина всецело выводятся из его статей и трудов, опубли-

¹ Парадоксально, но факт, что в Кустанайской области, где жил и работал всю жизнь М. Сералин, и даже в Комсомольском районе, где он родился и где покоится его прах, плохо знают своего земляка. Как писала республиканская печать, «в настоящее время во многих местах Кустанайской области в районе мало кто знает М. Сералина» (Социалистік Қазақстан. 1984. 13 мая; Коммунизм таңы, 1970. 25 февралы).

ликованных в официальной подцензурной печати дореволюционного Казахстана. Этот метод более научный, но он требует тщательного сопоставительного анализа, позволяющего раскрыть внутреннюю логику и мысли, остающиеся незамеченными при поверхностном чтении.

Отсутствие такого анализа характерно для многих исследователей, занимавшихся вопросами идейно-политических течений в дореволюционном Казахстане.

Нам представляется более рациональным в дополнение к первым двум подходам рассматривать общественно-политические взгляды М. Сералина через его нелегальные и практические действия, которые не всегда, а иногда и вовсе не укладываются в рамки его официальных печатных трудов. Такой подход ведет к более верному раскрытию внутреннего мира мыслителя, не всегда проявляющегося открыто в условиях колониального режима и отсутствия условий для свободного выражения мысли. Мы придерживались именно этого, последнего метода. Это не означает, однако, что мы таким образом сказали последнее слово, мы лишь стремимся преодолеть неполноту в оценке общественно-политических взглядов М. Сералина.

Некоторым работам присуще простое комментирование. Они пишутся по шаблону: берутся статьи М. Сералина, как правило, опубликованные в журнале «Айкап», и пересказывается их содержание. Анализ и оценка при этом делаются просто: если есть призыв к переходу кочевника к оседлости и земледелию, то это прогрессивно, а если есть мысли о необходимости строительства мектебов и медресе при мечетях, то это – непрогрессивно. Если же есть в трудах М. Сералина оправдание каких-то сторон местного управления, бийского суда, адатного права, то это – реакционно, а если сплошь и рядом их поносят как отжившие органы, такое суждение объявляется «демократическим». Такая прямолинейность в оценках не имеет ничего общего с научно-историческим анализом. Поэтому не удивительно, что эти авторы, характеризуя тех или иных дореволюционных деятелей, больше оперируют определениями типа «консерватор», «клерикал», «реакционер», «панисламист» или «демократ», «просветитель», «революционер», не пытаясь серьезно разобраться в сути противоречивой эволюции их взглядов. Отчасти это можно отнести к издержкам периода культа личности и застоя.

Исследователями проделана определенная работа по выявлению и публикации новых материалов о дореволюционных казахских деятелях и изучению их общественной и политической биографии, творческой деятельности, конкретного вклада в духовную жизнь и культуру народа. Однако в основном это работы, посвященные Абаю Кунанбаев-

ву, Чокану Валиханову и Ибраю Алтынсарину. Наследие многих других видных представителей общественной мысли дореволюционного Казахстана остается еще недостаточно, а в ряде случаев слабо исследованным. К последним относится и М. Сералин. Новые горизонты открываются теперь в связи со снятием запретов и обвинений с ряда крупных деятелей общественной мысли, таких как Шакарим Кудайбердиев, Ахмет Байтурсунов и др.

М. Сералин, как уже отмечалось, в литературе представлен в основном как журналист, поэт и основатель первого казахского национального журнала «Айкап» (1911 – 1915 гг.). Составление биографии, описание его жизненного пути и истории публикации двух поэм, а также подготовки издания журнала М. Сералиным – все это было сделано в основном учеными-филологами. Они же первыми назвали М. Сералина народным просветителем, просветителем-демократом.

Ни один исследователь истории культуры Казахстана и идейного движения не может обойти журнал «Айкап» как письменный памятник и источник сведений о различных сторонах жизни казахского общества, в том числе социально-экономической и идейно-политической. Попутно затрагивались, как правило, и взгляды М. Сералина, почти всецело определяемые его статьями, опубликованными на страницах журнала. Но, во-первых, они охватывают только небольшой отрезок времени – четырехлетнюю деятельность М. Сералина. Во-вторых, даже в рамках этого периода отражают не всю его общественно-политическую и идейно-творческую деятельность. В эти же годы М. Сералин сотрудничал с русскими и татарскими изданиями, где нередко высказывал более смелые и зрелые мысли, чем в журнале «Айкап». Даже с этой точки зрения изучать взгляды М. Сералина исключительно на основании журнала «Айкап» неправомерно. В-третьих, деятельность М. Сералина по изданию журнала «Айкап» и его статьи в нем выражают только одну сторону творчества просветителя, ту его часть, которая укладывалась в официальную политику царизма и не наносила ей вреда. Но куда более разносторонней, богатой, идейно глубокой и насыщенной была его неофициальная деятельность, происходившая за пределами журнала «Айкап».

В этой связи важно и нужно различать официальные выступления М. Сералина в журнале «Айкап» и его неофициальную, нелегальную и полулегальную деятельность, а также рассматривать их в тесной взаимосвязи. Только такой подход позволяет раскрыть его идейно-политические позиции.

Одними из первых к личности М. Сералина обратились ученые-филологи К. Жумалиев и Е. Исмаилов. В книге, посвященной казах-

ской литературе, они еще в 1946 г. указывали на то, что в Казахстане «появился ряд демократических поэтов-писателей. Одним из них был М. Сералин».¹ По их мнению, М. Сералин, наряду с С. Торайгыровым, С. Кубеевым, С. Донентаевым, А. Галимовым, Б. Отетлеуовым и М. Копеевым, является видным представителем дореволюционной демократической казахской литературы.² В «Очерках истории казахской дореволюционной литературы» Б. Шалабаева, изданных в 1958г., М. Сералин характеризуется как «известный казахский журналист, публицист и поэт».³

С середины 50-х гг. в работах литераторов и историков, посвященных истории культуры, литературы и печатного дела в дореволюционном Казахстане, все больше стало уделяться внимания общественно-политическим взглядам М. Сералина. «Существенное место в казахской литературе после революции 1905 – 1907 гг., – говорится в одной из них, – занимали гражданские мотивы. Писатели призывали к ломке устоев старого, обветшалого патриархально-родового быта, ратовали за развитие всего нового, прогрессивного, за обновление жизни кочевого народа. Поэты, писатели, журналисты демократического направления считали своей основной задачей отображение реальной действительности. К таким демократическим писателям и поэтам относится и М. Сералин. В их творчестве получили отражение новые общественные идеи, народные мечты о светлом будущем.»⁴ Такой крупный исследователь истории дореволюционной казахской литературы, как И. Дуйсенбаев, на основе изучения художественного творчества М. Сералина пришел к выводу, что «он в своих поэмах стремился показать жизнь казахского народа того периода с реалистических позиций».⁵

Сбор и публикация воспоминаний ряда членов революционной социал-демократической ячейки, а затем – большевистской группы в г. Кустанае, в особенности С. С. Ужгина, в которых приводились данные о связях М. Сералина и других казахских передовых учителей с местными революционными организациями и их деятелями, подняли изучение общественно-политических воззрений М. Сералина на новый уровень. Историк Якунин в одной из статей, написанных в середине 50-х гг. отмечал, что М. Сералин в период революции 1905–1907 гг., как и некоторые другие передовые казахские интеллигенты, сочувствовал

¹ Жұмалиев Х., Ысмайылов Е. Қазақ әдебиеті. Алматы, 1946, 94-95-б.

² Там же. С. 96.

³ Шалабаев Б. Очерки истории казахской дореволюционной литературы. Алма-Ата, 1958. С. 51.

⁴ Тойганбаев А., Жиренишин А. Книга, графика, плакат Казахстана. Алма-Ата, 1958. С. 28.

⁵ Үш ғасыр жырлайды. Алматы, 1965. 43-б.

большевикам и относился к группе революционно-демократической казахской интеллигенции. «Сералин, – писал он, – являясь представителем революционно-демократической интеллигенции Казахстана, был горячим сторонником совместной борьбы казахских и русских трудящихся против самодержавия. Он пропагандировал в своих выступлениях идею дружбы между русским и казахским народами, звал казахов учиться у русских революционной борьбе, овладевать русской культурой, переходить к оседлости, заниматься земледелием».¹ С позиции участия в освободительном движении характеризовался М. Сералин и в первых изданиях очерков истории Компартии Казахстана. В них отмечалось, что в результате усиления революционной пропаганды в Казахстане после революции 1905 г. происходило «дальнейшее революционизирование казахской демократической интеллигенции. Ее передовые представители С. Кубеев, С. Мендешев, М. Сералин и многие другие активно участвовали в освободительной борьбе.

В своих произведениях этого периода М. Сералин обличал царизм, баев, буржуазных националистов, призывал к дружбе с русским народом».²

Указанные выше авторы не задавались целью изучения и освоения наследия М. Сералина, не ставили задачу специального рассмотрения его взглядов. Они высказывали свои мысли попутно, мимоходом, в связи с освещением других вопросов. Среди филологов, изучавших Сералина, особенно много сделал Б. Кенжебаев. В середине 50-х гг. вышла в свет его брошюра на казахском языке о М. Сералине,³ посвященная его журналистской и литературной деятельности. В ней дан краткий биографический очерк М. Сералина. Автор хорошо знал места, где родился и жил М. Сералин, встречался с его родственниками и современниками, использовал их рассказы и письменные воспоминания. В частности, в очерке говорилось о том, что в период пребывания в г. Троицке с 1900 г. М. Сералин вел систематическое изучение социально-политической ситуации в стране и активно включился в общественную деятельность. «Он выписывал русские и татарские газеты и журналы, в свободное от работы время посещал библиотеки, читал разные книги, умножал свое знание, поднимал культурный уровень и одновременно готовил себя к литературно-творческой и социально-политической деятельности, с особым интересом знакомится с русской литературной классикой, увлеченно изучает историю казахов и казахскую литературу».⁴

¹ Революция 1905 – 1907 годов в национальных районах России. М., 1955. С. 685.

² Очерки истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 38.

³ *Кенжебаев Б.* Журналист Мухамеджан Сералин. Алматы, 1957.

⁴ Там же. С. 4.

Б. Кенжебаев первым обратился к воспоминаниям старого большевика С. Ужгина. Он, в частности, приводит его высказывание о том, что в 1905 – 1907 гг. М. Сералин и С. Кубеев были связаны с местной социал-демократической организацией, по ее заданию переводили на казахский язык и распространяли среди казахов революционные листовки и обращения.

По словам исследователя, падение царя в феврале 1917 г. было встречено М. Сералиным как нечто неминуемое и с большим энтузиазмом. Анализируя журналистскую деятельность М. Сералина в период редактирования им журнала «Айкап», автор приходит к выводу о том, что он придерживался демократическо-просветительского направления, являлся «видным общественным деятелем, журналистом и поэтом казахского народа начала XX века».¹

В монографическом исследовании, посвященном казахским писателям-демократам начала XX в., одну из глав Б. Кенжебаев посвятил Мухамеджану Сералину.² В ней впервые дан обзор взглядов на деятельность и идейную позицию М. Сералина. Автор справедливо критикует бытовавшее в литературе 20-х гг. мнение о том, что М. Сералин и его журнал «Айкап» придерживались «колонизаторской и русификаторской» политики в Казахстане, и обвинения его в националистических и религиозных устремлениях. Причем и те и другие противопоставляли журналу «Айкап» газету «Казах», объявляя последнюю подлинно народным органом.³

Эти несправедливые оценки, ошибочные взгляды, пишет Б. Кенжебаев, оказывают еще заметное влияние на некоторых исследователей, участвующих в дискуссиях 50-х гг. по вопросу журнала «Айкап».⁴ Одни из них продолжают оценивать дореволюционную деятельность М. Сералина как реакционную и буржуазно-националистическую, а другие, наоборот, считают его прогрессивным деятелем, демократом, просветителем. Сам автор занимал в то время осторожную позицию. «Оба эти взгляда, – пишет Б. Кенжебаев, – страдают односторонностью, построены на преувеличенной оценке фактов. Поэтому нельзя сказать, что полностью правы первые и неправы вторые».⁵ Если сопоставить слабость, недостатки и ошибки во взглядах М. Сералина с его положительной, полезной деятельностью, то, по мнению автора

¹ Там же. С. 37.

² *Кенжебаев Б. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары.* Алматы, 1958.

³ Там же. С. 84-85.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же.

книги, «более весомым представляется прогрессивное, демократическое просветительство в его действиях и взглядах».¹

В последующих работах Б. Кенжебаев уже твердо называл М. Сералина «демократом-просветителем» в журналистской и литературной деятельности.²

Начиная с 60-х гг. стали появляться работы философов, историков и юристов, посвященные общественно-политической и философской мысли Казахстана XIX – начала XX в. Одним из основных был вопрос о месте и роли журнала «Айкап» в идейном движении дореволюционного Казахстана. При этом авторы не могли не говорить о М. Сералине – основателе и редакторе этого журнала, многие статьи которого, можно сказать, определяли основное его направление.

Несколько работ по истории общественной мысли дореволюционного Казахстана написал К.Б. Бейсембиев. К сожалению, в них в наибольшей степени отразились особенности периода догматизма и необъективности, приклеивания ярлыков и отнесения того или иного деятеля к двум противоположным лагерям в местах критического осмысления их жизненных путей, нередко противоречивых. В монографии, посвященной идейно-политическим течениям в Казахстане конца XIX – начала XX в., около 100 страниц автор отвел освещению позиций газеты «Казах» и журнала «Айкап», издававшихся на казахском языке почти одновременно. Однако и оценка социальной и идейно-политической направленности этих журналов подменяется пересказом их содержания с акцентами на мелких и второстепенных вопросах. Собственно, идейно-политические вопросы, поднимавшиеся в этих органах печати, по которым и определялась суть их ориентации, затрагиваются в работе только вскользь.

Лишь однажды Бейсембиев упоминает имя М. Сералина в числе лидеров «казахского национализма, получивших из рук Временного правительства высокие должности» и как участника съезда казахского населения Тургайской и Уральской областей, состоявшегося в апреле 1917 г.³ В другой его книге, увидевшей свет через четыре года после указанной, рассматривались те же вопросы, что и в первой, но только в несколько иной постановке. Один из трех разделов целиком был посвящен журналу «Айкап». В нем М. Сералину как основателю и редактору этого журнала и автору ряда статей уделено определенное внимание. В этой книге К.Б. Бейсембиев пересматривает свои прежние оценки деятельности М. Сералина. «Буржуазные националисты полагали, – от-

¹ Там же.

² *Кенжебаев Б.* XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті. Алматы, 1976. 108-б.

³ *Бейсембиев К.Б.* Идейно-политические течения в Казахстане конца XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1961. С. 335.

мечает он, – что за ними пойдут М. Сералин, Ж. Сейдалин, Б. Каратаев, которых они, надеясь на это, пригласили на съезд».¹ Разбирая только поэмы «Гулькашима» и «Топ жарган», написанные М. Сералиным в начале века, К. Бейсембиев приходит к выводу, что М. Сералин «еще до издания «Айкапа» пропагандировал прогрессивные идеи, критиковал патриархально-феодалные предрассудки, выступал за свободу личности, против феодального деспотизма».² Однако для таких ответственных и больших обобщений указанные поэмы, посвященные узкой семейно-бытовой, полусказочной тематике, не давали решительно никакого основания. Характеризовать М. Сералина как поборника «за свободу личности» и борца «против феодального деспотизма» в тот период, когда он после окончания русско-казахского училища лишь начинал жизнь, по меньшей мере, поспешно. Основной заслугой М. Сералина в период его работы в «Айкапе», по мнению К. Бейсембиева, было то, что он стоял за решительный отказ от отживших форм хозяйства, стремился доказать, что при создавшемся положении необходимо оседание казахского населения. И тут автор слишком категоричен. Не может быть, чтобы М. Сералин и айкаповцы стояли за переход всех кочевников к оседлости.

Выражая свое отрицательное отношение к Ч. Валиханову и М. Сералину за то, что первый в свое время выставлял однажды свою кандидатуру на должность волостного правителя, а второй считал «выборное начало в степи положительным явлением». К.Б. Бейсембиев утверждал, что они не понимали классовой сущности административно-выборной системы в Казахстане, идеализировали вообще выборное начало, рассматривали его абстрактно, вне связи с господствующими социально-экономическими отношениями.³ Такая же прямолинейность рассмотрения вопроса вне связи с конкретно-историческими условиями казахского общества того времени характерна и для его оценки бийской судебной системы.⁴ Исходя из своей абстрактной формулы о том, что суд биев вообще являлся в дооктябрьский период «сильнейшим тормозом на пути прогресса общества» и якобы была доказана «гнилость этого юридического учреждения», ставил в упрек М. Сералину то, что он стоял за реформу и совершенствование местной судебной системы вместо ее разрушения.

Серьезные методологические и фактические ошибки, допущенные К.Б. Бейсембиевым при освещении истории общественной мысли

¹ *Бейсембиев К.Б.* Прогрессивно-демократическая и марксистская мысль в Казахстане начала XX века. Алма-Ата, 1965, с. 14.

² Там же. С. 17.

³ *Бейсембиев К.Б.* Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана. Алма-Ата, 1976. С. 66-67.

⁴ Там же. С. 74.

и идейного движения в дореволюционном Казахстане, не остались незамеченными. Утверждение К. Бейсембиевым того, что в дореволюционном Казахстане существовало несколько оформившихся идейных течений, а именно: религиозно-мистическое, буржуазно-консервативное, прогрессивно-буржуазное, народно-демократическое, — не отражает реальности. «Представить дореволюционное казахское общество, высокоразвитым в идейном отношении, нечего сказать, намерение благое. Однако нельзя отрывать от исторической действительности. Отдельные аморфные идейные образования, слабые веяния различного толка и оттенка, случайные суждения отдельных лиц нельзя выдавать за законченные общественные, отличные друг от друга идейные течения».

По мнению М.С. Бурабаева, в своих работах К. Бейсембиев больше занят комментированием, изложением содержания статей различных газет, оставляя без выяснения вопрос, к каким партиям, классам, группам эти издания принадлежали. Одним из основных недостатков работ К. Бейсембиева он считает определение «воззрения этого важнейшего представителя народно-демократической интеллигенции (М. Сералина. — Авт.), исходя только из содержания редактировавшегося им журнала».

Следует заметить, что сам М. Бурабаев нередко преувеличивает революционность М. Сералина. Полагаясь на воспоминание С. Ужгина, хранящееся в партийном архиве республики, он делает вывод, что М. Сералин, как и С. Кубеев и Н. Иралин, «несли в казахские аулы смелое устное и печатное слово о необходимости революционной борьбы с царским самодержавием. Проводимая им агитация и пропаганда в аулах и селах способствовала объединению русских и казахских трудящихся в борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами, и что в своих произведениях он бичевал царизм, баев, буржуазных националистов, призывал к дружбе с русским народом».

В книгах М.С. Бурабаева даны в основном правильные оценки идейной ориентации М. Сералина в годы издания им журнала «Айкап» и установления связи с местными русскими революционными социал-демократами, под влиянием которых он поднимается на новый уровень в своей идейной зрелости.

Другую трактовку позиции М. Сералина в период издания им журнала «Айкап» дает Д.К. Кабдиев. По его мнению, в постановке хозяйственных и экономических вопросов журнал придерживался «крестьянско-демократической» позиции, а его издатель и основной автор М. Сералин по своим экономическим взглядам был «крестьянско-демократическим деятелем».¹ Такая оценка нам представляется субъективной, не подтвержденной историческими фактами.

¹ См.: *Кабдиев Д.К.* Развитие экономической мысли в Казахстане (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата. 1978. С. 31-67.

В 1968 – 1970 гг. вышли книги С.Б. Бейсембаева «Ленин и Казахстан» и С.З. Зиманова «В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане». Первая работа носила историко-партийный характер, вторая больше охватывала политическую историю Казахстана с конца XIX в. до образования казахской советской государственности в 1920 г. включительно. В книге С.Б. Бейсембаева, написанной на базе большого числа документов партийных архивов, сказано, что М. Сералин в годы революции 1905 – 1907 гг. и некоторое время после нее был связан с кустанайской группой РСДРП, а позже стал одним из руководителей национально-освободительного движения в крае, слившегося с социалистическим движением в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции.¹ В монографии С. Зиманова журналу «Айкап» и самому М. Сералину отведено значительное место. Исходя из того, что просветительство и идеи просвещения народа как условие идейного пробуждения и национально-освободительного движения отсталого в своем развитии казахского народа имели общенациональное значение в конце XIX – начале XX в., было показано, что М. Сералин и основанный им журнал «Айкап» занимали в идейной жизни общества передовые позиции.

«Общенациональные идеи просветительства, – говорилось в ней, – одолевали и М. Сералина, представлявшего более трезво мыслящую группу национальной интеллигенции».²

Оценка идейно-политической и общественной деятельности и воззрений М. Сералина дана в различных изданиях «Истории Казахской ССР». «История Казахской ССР» 1943 г. отличается от других изданий качеством методологии и глубиной содержания, тщательностью анализа и глубиной оценки исторических событий, широкими обобщениями фактов. Во многом это связано с тем, что в ее составлении принимал непосредственное участие ряд крупных советских историков, эвакуированных в годы войны в столицу Казахстана – академики Б.Д. Греков, А. Панкратова, И.И. Мещанинов, доктора наук М.П. Вяткин, С.В. Юшков, А.Н. Бернштам, С.Е. Малов и др. Этот труд, несмотря на ряд последующих изданий истории Казахской ССР, в том числе и многотомного, не потерял научного значения и по сей день. В нем, можно сказать, впервые была дана реалистическая оценка идейных позиций журнала «Айкап» и его издателя Мухамеджана Сералина. «Наиболее широко демократические писатели и журналисты использовали для своих выступлений страницы журнала «Айкап», – гово-

¹ См.: *Бейсембаев С. Ленин и Казахстан*. Алма-Ата. 1968. С. 55, 62.

² *Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане*. Алма-Ата, 1970. С. 41.

рится в «Истории Казахской ССР» издания 1943 г. Привлеченные к участию в журнале передовые казахские поэты, писатели, сельские учителя, «поднимая самые актуальные для казахского народа общественно-политические вопросы.., способствовали росту национально-го самосознания казахского народа».¹

В «Истории Казахской ССР» издания 1957 г. М. Сералин отнесен к группе дореволюционных казахских писателей и поэтов демократического направления. Его деятельность в журнале «Айкап» и газете «Степь», являющаяся наиболее зрелым этапом в жизни М. Сералина, характеризовалась следующим образом: «Несмотря на существенные мелкобуржуазные, иногда даже националистические ошибки, в основном носила просветительский, демократический характер».² Весьма скромно и приглушенно говорилось о журнале «Айкап», основателем и издателем которого был М. Сералин. Правда, отмечалось, что он «оказал определенное влияние на развитие казахской общественной и просветительской мысли», ставил вопросы об отрицательной роли в обществе некоторых старых пережитков, поднимал на страницах журнала и экономические вопросы. «Однако эти вопросы, – сказано в ней, – как и многие другие, освещались противоречиво и с мелкобуржуазных позиций. На страницах журнала публиковались и статьи буржуазно-националистического, панисламистского характера».³ К основным заслугам журнала отнесено то, что он, «как и другие периодические издания, а также творчество писателей-демократов, сыграл важную роль в деле формирования и дальнейшего развития казахского национального литературного языка».⁴

В последнем многотомном издании «Истории Казахской ССР» нет обвинения М. Сералина в «мелкобуржуазности» и «буржуазном национализме», но и нет сколько-нибудь ясной оценки его общественно-политической деятельности. Признается, что он был одним из основоположников казахской журналистики, и что «его деятельность на посту редактора журнала «Айкап», многочисленные публицистические статьи оставили заметный след в истории казахской литературы».⁵ Сам журнал «Айкап», отмечается в «Истории», имел «большое значение для формирования казахской культуры, и вокруг него собиралось большинство выдающихся писателей начала XX века».⁶

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата, 1943. С. 369.

² История Казахской ССР. В 2-х т. Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 549.

³ Там же. С. 557.

⁴ Там же.

⁵ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 493.

⁶ Там же. С. 488, 489.

Ценным источником в исторических исследованиях являются воспоминания современников М. Сералина. Многогранность и сложность жизни, как правило, ускользают от истории, не находят отражения в официальных исторических документах, не отражены в них психология, переживания и настроения, отношения людей, что очень важно при воссоздании духовного портрета исторических деятелей. И бесценным источником таких сведений являются обычно воспоминания современников, осваиваемые исследователем методами постижения истины.

Материалов о М. Сералине крайне мало. Нет даже более или менее выверенной и относительно полной его биографии, хотя прошло всего 60 лет после его смерти. Что касается области нелегальной, «неписьменной» деятельности М. Сералина, то о ней кое-что мы узнаем только из отдельных воспоминаний современников и близких к нему людей. Но и воспоминаний о М. Сералине мало. Их сбором никто не занимался, а теперь время упущено. Отдельные воспоминания о М. Сералине обнаружены нами в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, в Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана, в Научной библиотеке Академии наук Казахской ССР, в Кустанайском областном музее, частью напечатаны в журналах и газетах. Все они написаны по личной инициативе авторов воспоминаний, в подавляющем большинстве без плана, с привлечением лишь некоторых биографических данных, с ознакомительной целью. Однако и эти сведения важны для исследователя и представляют определенную ценность для воссоздания исторической фигуры Мухамеджана Сералина.

Среди воспоминаний о М. Сералине особую ценность представляют записи С.С. Ужгина, лично знавшего и находившегося в тесной дружбе с ним с начала XX в. С.С. Ужгин работал с М. Сералиным в партийных и советских органах Кустанайской губернии в первые годы Советской власти.

Сохранилось несколько вариантов его воспоминаний, написанных в разное время. Каждое из них дополняет другое, уточняет, детализирует отдельные моменты деятельности М. Сералина. Очень важно, что в записях С.С. Ужгина описываются связи М. Сералина с местными русскими революционерами в 1905 – 1907 гг. и после, их встречи, диалоги, переход М. Сералина на революционную деятельность и периоды некоторого отхода от этой деятельности, сомнения и разочарования в годы реакции. Только у С.С. Ужгина сохранились в его переводе на русский язык политические стихи М. Сералина, полные революционной страсти, написанные в предреволюционные годы и

распространенные на двух языках среди казахского и русского населения региона. Они являются бесценными документами, воссоздающими образ М. Сералина как крупного общественно-политического деятеля дореволюционного Казахстана. С.С. Ужгин приоткрыл завесу жизни, полной энергии и движения, страстного борца за светлое будущее казахского народа. Он, можно сказать, второй раз открыл М. Сералина для истории.

Кем был С.С. Ужгин? Как много он знал о М. Сералине? Насколько можно доверять его воспоминаниям?

Семен Семенович Ужгин (1883 – 1957 гг.) рано включился в революционную деятельность. Еще в студенческие годы, в период обучения в Кустанайском русско-киргизском училище, установил связь с рабочими-станочниками Троицкой железнодорожной станции, участвовал в их борьбе. Эту связь с ними он сохранил и в годы революционной деятельности. С.С. Ужгин был инициатором объединения местных молодых учителей в нелегальную группу с противоправительственной ориентацией, а затем становится одним из руководителей первого кружка революционной социал-демократии, организованного на кустанайской земле в 1905 г. Он считался среди своих единомышленников наиболее образованным и подготовленным революционером-марксистом кустанайской группы РСДРП. После разгрома царской охранкой кустанайской группы РСДРП (1907 г.) С. Ужгин был сослан в Тобольскую губернию. В 1911 г., вернувшись из Сибири в родные места, он снова возглавил подпольную группу большевистской организации в Троицке. Однако вскоре его снова выслали из пределов уезда. С.С. Ужгин был активным участником февральской и Октябрьской революций 1917 г., входил в состав первого Кустанайского уездного Совета, образованного в январе 1918 г., занимал пост уездного комиссара юстиции. После оккупации уезда белогвардейцами в июне того же года С. Ужгин бежал на Алтай и воевал там в рядах партизанских частей с войсками Колчака. После освобождения г. Кустаная от белогвардейцев он вернулся в родные места и до 1923 г. работал в партийных и советских органах Кустанайской губернии.

До Октябрьской социалистической революции С.С. Ужгин был профессиональным журналистом. Он работал в редакции дореволюционных газет левой ориентации «Степь», «Юг Тобола», «Приишимье», выступал со статьями, освещающими революционную борьбу рабочего класса в центре и на местах и направленными на пропаганду революционных идей. В марте – августе 1917 г. работал в газете «Новая жизнь», руководимой М. Горьким и выходившей в Петрограде, в 1923 – 1934 гг. – в московских газетах «Беднота», «Крестьянская газета».

С. Ужгин был страстным сторонником укрепления дружбы русского и казахского народов, его лучших и передовых представителей. С детства он общался с казахами, дружил с местными казахскими студентами и с молодыми учителями, хорошо знал аульную жизнь. Как и М. Сералин, он окончил русско-киргизское училище в г. Кустанае, только на два года позже, был одним из самых близких его друзей юности. С особым тактом и симпатией относился он к быту казахского народа, его трудовой части, любил казахский фольклор, собирал его и знакомил с ним русскую общественность. Ужгин в совершенстве владел казахским языком, что давало ему возможность переводить на русский язык произведения казахского фольклора. Переводил он и стихи М. Сералина, написанные им на казахском языке. После Великой Октябрьской социалистической революции, наряду со статьями на социально-политические темы, в газете «Степная заря», издававшейся в Кустанае, Ужгин опубликовал ряд материалов о культуре и устном творчестве казахов. Второй годовщине образования Казахской Советской автономной республики он посвятил специальную статью, в которой писал: «На скрижалях истории десятиmillionной нации огненными буквами высечены этапы молчаливой, но упорной борьбы киргизского (казахского. – Авт.) народа за свою независимость».¹ Об С.С. Ужгине можно говорить как о славном сыне двух народов – русского и казахского. Материалы С.С. Ужгина можно разделить на воспоминания, специально посвященные М. Сералину, на воспоминания о кустанайской группе социал-демократов, в которых содержались сведения о нем.

Им опубликована статья, рассказывающая об истории организации первых революционных кружков на кустанайщине и об их деятельности по пропаганде революционных, большевистских идей среди русского и казахского населения региона, о совместных революционных выступлениях против самодержавия.²

Рукописные воспоминания С.С. Ужгина о М. Сералине имеют следующие варианты:

1. Странички о былом в Казахстане: о легальной и нелегальной деятельности М. Сералина (заметки бывшего подпольщика). Оригинал хранится в Кустанайском областном музее (объем 11 машинописных страниц). Они написаны в 40-х гг. по поводу выхода в свет в 1943 г. «Истории Казахской ССР». У автора заметок вызвало возражение положение о том, что «политическую позицию журнала «Айкап» нельзя считать последовательно демократической». Как говорилось

¹ Ужгин С. Шире дорогу // Степная заря, 1922, 3 октября.

² Большевик Казахстана, 1946, №1.

в «Истории», «Айкап» опирался на некоторую часть молодой казахской буржуазии, в основном держал курс на народное просвещение и демократию. Но больших проблем классовой и политической борьбы он не ставил».¹ Эта, в общем, верная оценка была неправильно понята Ужгиным, который увидел стремление авторов книги приблизить Сералина к буржуазным националистам и панисламистам. Исходя из такого толкования, он доказывал ошибочность подобного взгляда, ставшего возможным, по его мнению, вследствие односторонности подхода к деятельности и наследию М. Сералина. С.С. Ужгин стоял на том, что нельзя сводить деятельность и взгляды М. Сералина к «комплектam журнала «Айкап», ибо это было легальным и подцензурным изданием. «Практика показала, – писал он, – что из этого источника черпаются разноречивые, противоречивые друг другу мнения о литературно-политических взглядах М. Сералина, а между тем есть данные не только о легальной политической деятельности». Далее автор приводит факты, когда М. Сералин в 1905 – 1907 гг. и после занимался революционной пропагандой в казахских аулах, писал стихи, призывавшие трудящихся казахов к борьбе с самодержавием и баями в союзе с русским народом. На одном из собраний казахских учителей и молодой интеллигенции, состоявшемся в г. Кустанае в 1906 г., на котором среди них произошел раскол, М. Сералин твердо встал на сторону местной ячейки – русской революционной социал-демократии. В годы столыпинской реакции, рассказывал Ужгин, после 1907 г., в рядах казахской демократической интеллигенции и в части русских социал-демократов начались идейные шатания. Не избежал их и М. Сералин. Настроение этого периода он выразил в одном из писем, адресованных С. Ужгину, бывшему в ссылке в Сибири:

*Где-нибудь бы блеснул огонек,
Лишь один бы удался на радость денек...
Я пошел бы тогда к огоньку,
Поклонился бы земно деньку.
Каждодневно ищю я огни
в эти вьюжно-печальные дни...*

Интересны страницы воспоминания С.С. Ужгина, где дается портрет М. Сералина и излагается эволюция его взглядов на политические события в России и в Казахстане. В частности, приводятся слова М. Сералина: «Потеряв связь и общение с революционерами, лишился

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, Алма-Ата, 1943. С. 369.

я твердой опоры своему уму, – признавался он в беседе с руководителем нелегальной большевистской группы в г. Троицке Самуилом Цвиллингом в 1916 г. – ...Теперь сознаю свою ошибку. Много наделал я таких ошибок, удаляясь от участия в революционной пропаганде, – настала пора кончить с блужданием. Помогите мне выйти из этого состояния».

2. Странички былого. «Айкап» – первый демократический журнал на казахском языке». Изложение носит спокойный тон, поскольку, как указано в документе, в новом издании «Истории Казахской ССР» 1949 г., в отличие от прежнего ее издания, М. Сералин, С. Кубеев и Н. Иралин характеризуются уже «сочувствующими большевикам». Воспоминание написано для альманаха «Казахстан» в 1951 г., но опубликовано не было. Объем 27 машинописных страниц. Эта запись С. Ужгина намного отличается от приведенного выше воспоминания. Здесь подробно, с указанием имен и годов, описаны подготовка и начало издания журнала «Айкап», инициатором и руководителем которого был М. Сералин. Показаны помощь и поддержка со стороны русских политических ссыльных и местных русских социал-демократов, оказанные ими М. Сералину в его политическом взрослении и в реализации плана издания национального журнала. С. Ужгин как очевидец приводит содержание ряда бесед и диалогов между М. Сералиным и его русскими товарищами из местной ячейки РСДРП относительно форм и перспектив борьбы за насущные интересы русского и казахского народов, о необходимости укрепления дружбы между ними как условия успеха социального и национального их освобождения. По словам автора, политическая фигура М. Сералина не однозначна. Это было связано с тем, что, с одной стороны, М. Сералин был типичным представителем казахского народа, а с другой – он находился под влиянием русских революционеров, придерживавшихся высоких идеалов освободительной борьбы. «При всем этом, – писал С. Ужгин, – М. Сералин видел дальше своих (казахских) современников. В его нелегальных баснях и памфлетах, частью по сей день не найденных, в его личном, неизвестно где затерявшемся архиве... исследователи-историки литературы найдут ключ к пониманию всесторонней общественно-литературной деятельности Сералина по линиям использования легальных и нелегальных методов по пропаганде революционных идей».

3. Общественно-политическая деятельность М. Сералина. Оригинал хранится в Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана. Это воспоминание, наряду с некоторыми материалами и сведениями, вошедшими в приведенные выше варианты его записи, содержит немало новых подробностей, дополняющих представления

о творчестве и мировоззрении М. Сералина в периоды их знакомства. В самом начале рассказа автор говорит, что он близко знал М. Сералина более 20 лет, часто видел и общался с ним в 1905 – 1907 гг. и в период его ссылки в Тобольскую губернию переписывался. Личные встречи возобновились в 1911 г., когда он снова возглавил подпольную группу большевиков в г. Троицке. По утверждению С. Ужгина, М. Сералин один, а иногда вместе с С. Кубеевым и Н. Иралиным переводил на казахский язык прокламации и листовки, специально составленные для казахского населения ячейкой РСДРП. По мнению С. Ужгина, М. Сералин хотел этим продемонстрировать поддержку казахским населением борьбы русских революционеров и вместе с тем внести элементы революционности в сознание казахов, их трудовой части. Включено несколько стихов в переводе С. Ужгина, часть из которых не приводилась в предыдущих его записях. Сообщает он и подробности о прекращении издания журнала «Айкап» в 1915 г. По свидетельству С. Ужгина, это произошло не в результате недостатка средств, а в результате запрета царскими властями.

При всей ценности воспоминаний С.С. Ужгина о М. Сералине, нельзя воспринимать все, что им написано, без критического осмысления и проверки. В воспоминаниях нередко проступает стремление «осовременить» свои суждения, относящиеся к событиям начала века. Нельзя согласиться, в частности, с его положением о возможности «революционировать» отсталое казахское аульное общество методами, приемлемыми для русского фабрично-заводского населения. Не всегда приемлем с исторической точки зрения упрек М. Сералину в том, что он «отступил» от распространения в казахском обществе призывов и лозунгов русской революционной социал-демократии и избрал другой путь, по мнению М. Сералина, более соответствующий образу жизни и мышлению степного населения.

Сведения о Мухамеджане Сералине имеются в книге воспоминаний башкирского писателя Сайфр. Кудаша.¹ С. Кудаш свидетельствует о том, что М. Сералин был одержим идеей распространения знания среди казахской молодежи. Встреча писателя с Сералиным состоялась в период издания им журнала «Айкап». «В ходе разговора, – писал С. Кудаш, – он пожаловался на большие затруднения, связанные с выпуском журнала и на слабое его распространение в народе. Из-за чего он и вынужден выезжать теперь в деревни для привлечения новых подписчиков». В ходе беседы М. Сералин советовал башкирскому писателю: «Не ограничивайтесь одним лишь обучением детей грамоте, сейте в их сердцах семена любви к родному языку и литературе», –

¹ Кудаш С. По следам юности (роясь в пыли годов). М., 1974. С. 457-459.

и на прощание произнес слова Акрама Галимова, рано ушедшего из жизни поэта, сотрудничавшего с ним в «Айкапе»:

*Не свернем с прямого пути,
Если надо, с честью умрем:
В этот мир добро принесем,
И в могилу с пользой сойдем –
Оправдаем хлеб, что едим,
Оправдаем воду, что пьем.*

В рукописном фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР сохранились воспоминания Асылбека Ташбаева¹ под названием «Краткая биография М. Сералина». В ней, наряду с подробными биографическими данными приводятся некоторые детали налаживания издания журнала «Айкап», имена казахов, помогавших М. Сералину в распространении журнала среди аульного населения. Ценной является та часть воспоминаний, в которой говорится о дружбе М. Сералина с русским революционером Ашмариним, работавшим до революции землемером, а в первые годы Советской власти – в казахском революционном комитете в г. Оренбурге. Из этих воспоминаний можно сделать вывод, что их автор близко знал М. Сералина.

В рукописном фонде Центральной научной библиотеки АН Казахской ССР хранятся воспоминания Жумаша Еленова «Биография М. Сералина», написанная им в 1947 г.² Они интересны тем, что в определенной степени освещают просветительскую деятельность М. Сералина. Например, приводятся факты строительства им на собственные средства и собранные жителями аула школы для казахских детей, организации им у себя дома библиотеки для учащихся.

Определенную ценность для изучения общественной и семейной биографии М. Сералина представляют воспоминания его бывших учеников, коллег по работе в послеоктябрьские годы и родственников.

1. В поисках людей, знавших и близко общавшихся с М. Сералиным, один из авторов данной книги К. Идрисов встретился с Мырзагулом Ескожиновым и записал его воспоминания.

М. Ескожинов приходился родственником М. Сералину, несколь-

¹ А. Ташбаев (1896 – 1979 гг.) учился вместе с крупным казахским писателем Бембетом Майлиным и вместе с ним в первые годы Советской власти основал сельскую школу «Өнеге мектебі». А. Ташбаев был ее первым директором.

² Ж. Еленов, по данным Б. Кенжебаева, родился и вырос в ауле М. Сералина. Учился вместе с его сыном Закиром в г. Уфе, в годы Советской власти постоянно общался с М. Сералиным; последний раз беседовал с ним в 1929 г. (*Кенжебаев Б. Казак халкының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары*. Алматы, 1958. 70 б.).

ко раз встречался и беседовал с ним в 20-е г., в течение многих лет занимался составлением генеалогии М. Сералина. При этом он пользовался, по его словам, старыми рукописями и рассказами стариков, живших в 40 – 60-х гг. XX в.

2. Воспоминание Альжана Мырзабекова, 1900 г. рождения. А. Мырзабеков окончил до революции 4-классную русскую школу под г. Троицком, в 1919 г. вступил в конный красно гвардейский отряд А. Джангильдина. Был женат на старшей дочери М. Сералина, близко знал его. Оно ценно в биографическом плане: содержит более подробные и дополнительные сведения об отце и матери М. Сералина, а также о периоде работы М. Сералина у купца Яушева. В его рассказе имеются наброски о личности и привычках М. Сералина, что небезынтересно. «Мукан (т. е. М. Сералин) был простым и сдержанным в общении, и его внешний вид и манера держаться в обществе гармонировали его внутреннему миру, – сказано в воспоминании. – Одевался в русский костюм, мало кушал мяса, любил пить кумыс, приправленный сахаром, говорил негромко, но складно».

3. Воспоминание Ахметгаля Сафаргалиевича Рахматуллина (1886 г. рождения). При нашей встрече ему было 95 лет. В 1908 – 1918 гг. служил приказчиком у известного татарского купца Яушева, в торговой конторе которого работал и М. Сералин. На протяжении многих лет они находились рядом. Его рассказы интересны во многих отношениях. Яушев был либералом, и в его доме нередко собирались молодые татарские демократически настроенные деятели, а также казахская переродовая молодежь, в том числе Мухамеджан Сералин.

Кроме того, он приходился М. Сералину родственником по линии матери и оказывал материальную поддержку в издании журнала «Айкап». Как свидетельствует автор воспоминания, М. Сералин находился в близких отношениях с такими известными татарскими левыми деятелями, как Ф. Ганиев, Иркасов, Даулетшин и др. Это воспоминание заканчивается словами: «Мухамеджан агай очень любил искусство и знание, был весьма учтивым и воспитанным человеком».

4. Воспоминание Галиакбара Сейдалина (1905 г. рождения), сына Жансултана Сейдалина, одного из сподвижников М. Сералина по журналу «Айкап». Он помнил, как после февральской революции 1917 г. в доме его отца в г. Троицке собралась группа казахской интеллигенции и среди них М. Сералин. Ж. Сейдалин рассказывал своему сыну, как страстно приветствовал М. Сералин свержение царя. Вслед за ним, считал М. Сералин, последует свобода для угнетенных народов, в том числе и казахского. Одним из вопросов, который обсуждался на этом собрании, был вопрос об искоренении вредных и диких обычаев,

распространенных в казахском обществе, унижающих достоинство женщин и позорящих общество в глазах цивилизованных обществ и их представителей.

5. Воспоминание Каната Казангапова, 1900 г. рождения, члена КПСС с 1926 г. Оно направлено в виде приложения к письмам в редакцию газеты «Казахстанская правда» и на имя министра культуры Союза ССР в 1978 г. Копия находится в Кустанайском областном музее. В 1914 – 1916 гг. он учился в двухклассной русско-казахской школе в г. Троицке – в той самой, в которой бывал часто М.Сералин и учился один из его сыновей.

К. Казангапов помнит, как вместе с сыном М. Сералина часто провожал его в сторону железнодорожной станции Золотая сопка. В 1918 – 1919 гг. М. Сералин часто брал К. Казангапова с собой в разъезды. Из рассказа М. Сералина в 1919 г. он узнал, что в 1915 – 1916 гг. тот бывал на митингах, революционных сборах, проводившихся за станцией Золотая сопка, где выступали большевики-подпольщики Сыромолотов, Петров, Бородин и три брата Хейфецы (последние во время гражданской войны были убиты белогвардейцами).

Эти и некоторые другие данные связаны с жизнью и деятельностью М. Сералина в канун Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы после нее, дополняют, детализируют имеющиеся источники.

6. Воспоминание Моисея Львовича Страховенко, 1885 г. рождения, члена КПСС с 1920 г.¹ С 1912 г. он был членом Варшавского социал-демократического союза рабочей молодежи. Оказавшись в 1915 – 1916 гг. в г. Троицке, вошел в группу газеты «Степь», вокруг которой собирались С.М. Цвиллинг, С. Ужгин, братья Сосновские и другие члены местной большевистской организации. Здесь он познакомился с М. Сералиным и встречал его позже. С 1921 г. был заместителем наркома труда Казахской автономной республики и одновременно заместителем редактора газеты «Степная правда» (ныне «Казахстанская правда»). Воспоминание охватывает его знакомство и тесные связи с А. Джангильдиным, А.В. Затаевичем, С. Мендешевым, С. Сейфуллиным и другими известными государственными и общественными деятелями первых лет Советского Казахстана.

Наши встречи не ограничивались только с указанными выше лицами, было немало и других встреч с интересными людьми, знавшими М. Сералина, рассказы которых в той или иной мере использованы и учтены в данной книге. Так, Ахметжан Биркиндин, 1901 г. рождения (Кустанайская область, Комсомольский район, совхоз «Урнек», 4-е отделение),

¹ К. Идрисов дважды посетил его в 70-х гг., записал отдельные воспоминания.

родственник М. Сералина, показал его зимовку и рассказал, что в свое время около старой мельницы в железном сундуке были закопаны рукописи, книги и другие предметы, принадлежавшие М. Сералину. Место это было отмечено нами, но торопливые поиски результата не дали. Мы пользовались рассказами и сведениями дочери М. Сералина – Гайни Сералиной. Были полезные встречи и беседы с С. Толепбергеновым, С. Шамсеновым, Д. Айбосыновым, А. Рахметовым и др.

Всем, кто помогал нам собрать материалы и сведения о М. Сералине, аксакалам, которые поделились своими воспоминаниями о нем, приносим нашу благодарность.

Мы сознаем, что воспоминания, тем более те, в которых описываются события далекого прошлого, не свободны от субъективности. Но их критическое освоение может дать нужные результаты.

Поиски новых материалов и наследия М. Сералина продолжаются. Неизвестна судьба рукописей его сочинений и стихов, написанных до Великой Октябрьской социалистической революции, которые он готовил в свое время к печати. По некоторым данным, часть этих рукописей закопана в годы гражданской войны, а другая часть – при переезде семьи М. Сералина в годы Великой Отечественной войны из поселка Париж в поселок Фершампенуаз, что находится на территории Челябинской области, – утеряна. Не исключено, что в будущем удастся их найти, хотя бы частично.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ М. СЕРАЛИНА

1. Социальное и национальное пробуждение казахского общества в начале XX в.

Эпоха, среда и воспитание – факторы, формирующие мироощущение и миропонимание человека, общественного деятеля. Он воспроизводит в своей деятельности и идеях внутреннюю связь многих сторон жизни общества, данную в зрелой форме или в его тенденциях развития.

Мухамеджан Сералин тоже был сыном своей эпохи. Успехи и недостатки его общественно-политической деятельности несут на себе в первую очередь особенности состояния и развития казахского общества и той социальной среды – малой и большой, – в которой он формировался как мыслитель, личность.

Казахское общество начала XX в. по характеру и содержанию господствующих в нем общественных отношений было патриархально-феодальным. Изменения и сдвиги, которые произошли во многих сферах общественной жизни казахов в XIX в., и в особенности в начале XX в., в целом умещались в рамки отсталого средневековья. Если они и изменили патриархально-феодальные отношения, то не нарушая господствующего положения этих отношений. Поэтому в целом казахское общество рассматриваемого периода по уровню развития было отсталым, и это всегда накладывало существенный отпечаток на взгляды всех его деятелей.

Отсталость общества всегда имеет конкретные формы. В казахском обществе она заключалась в следующем:

- основная масса населения (80 – 90%) занималась кочевым и полукочевым скотоводством, связанным с освоением значительных кочевых путей и пастбищных пространств;

- экономические и культурные центры, которых было немного, находились в большом удалении от мест кочевания основной массы населения. Они находились, в основном, на пограничной полосе с соседними странами и народами. Более того, за отдельными исключениями, эти города возникли как военно-опорные базы царского правительства и развивались как центры колониальной администрации и экономической эксплуатации окраинной территории. На этой основе

накопились противоречия между городами и сельской местностью, между горожанами и кочевниками:

– внутренняя жизнь казахского общества во многом была однообразна и архаична, в то же время социально контрастна и противоречива. По данным одного из советских исследователей, в начале XX в. в структуре казахского населения батраки и бедняки составляли до 60, середняки – до 30, баи – около 10%.¹ Общественные связи внутри кочевых коллективов и аулов, а также внутрисемейные отношения были опутаны общинно-родовыми пережитками;

– население было сплошь неграмотным. Только небольшая часть зажиточных слоев общества имела начальное домашнее мусульманское образование. Европейское образование получали единицы представителей верхушки казахского общества;

– царское правительство всемерно усиливало свое влияние на внутреннюю жизнь казахского общества, с тем чтобы превратить его в сырьевой придаток империи и колониальную провинцию. Возрастание контрольной и карательной функций государственных органов в какой-то степени поколебало традиционную структуру местного управления. В то же время в противовес объективным процессам правительство стремилось сохранить отсталость казахского общества;

– строительство железнодорожных линий, создание горнозаводских предприятий и предприятий первичной обработки животноводческого сырья с наемными рабочими привели к росту отрядов рабочего класса в Казахстане, в том числе национальных кадров рабочих, пришедших из степи и сохранивших во многом психологию кочевого скотоводства.

Положение Казахстана и казахского народа заметно стало изменяться с начала XX в. Возникали новые явления, а часть старых, традиционных явлений в жизни казахского общества получили новую окраску. В целом же положение казахского общества оставалось неизменным.

К началу XX в. усилилась реальная власть России в Казахстане, ставшем внутренней колонией империи. Это сказывалось на всех сферах жизни края, в особенности на его экономическом и политическом развитии. Царское правительство к решению вопроса о хозяйственном и политическом развитии края подходило исключительно с позиций колониальной политики и игнорировало внутренние тенденции казахского общества и интересы казахского народа.

Все более усиливавшееся проникновение российского капитала в сферы экономики и во внутренние рынки края в начале XX в. ускорило процессы разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений. «Все большая часть киргизского бюджета, –

¹ Кучкин А.П. Советизация казахского аула. М., 1962. С. 45

писал один из дореволюционных русских экономистов, – становится денежной. Денежный доход делается одной из целей, а подчас, главной целью хозяйства. Стремление же к этой цели не знает границ»¹ Это было внешним проявлением тех существенных сдвигов и изменений, которые происходили в общественной жизни Казахстана вообще, в хозяйственных отношениях и в психологии местного населения в особенности. И все же эти сдвиги были не настолько глубокими, чтобы могли окончательно ликвидировать значительные остатки натурального хозяйства, базировавшиеся на господстве патриархально-феодалных отношений в казахском обществе.

Одно из основных противоречий в сфере развития казахского общества этого периода состояло в том, что новые хозяйственные отношения, в большей степени связанные с внутренним рынком и рынком всероссийским и через них – с российским капитализмом, уживались с патриархально-феодалными отношениями и даже в определенной мере консервировали последние. Такое положение свидетельствовало, с одной стороны, о малой преобразовательной силе колониального капитала в сфере старых, средневековых порядков, каковы господствовали в Казахстане, а с другой – о том, что в цели русского капитализма не входило обеспечение прогресса в этом регионе.

С начала XX в. особенно обострился в Казахстане земельный вопрос. Он и раньше был центральным внутри страны и во взаимоотношениях с Россией. Столкновение интересов различных социальных групп, хозяйственных объединений, а также обострение отношений между органами государственной власти и населением во многом происходили из-за земельного вопроса. Для кочевого скотоводческого хозяйства проблема пастбища была не менее актуальной и острой, чем земельные участки и отрезки в земледельческих, оседлых обществах. Только наличие огромного пространства в условиях Казахстана смягчало эти отношения, но не снимало их. Особенно осложнились они с начала XX в.

Само социально-экономическое развитие казахского общества превращало земельный вопрос в центральный. Обостряла его и аграрная политика царского правительства в Казахстане. В земельном вопросе образовался клубок противоречий, который стал центром общественного напряжения.

Переселение крестьян из Центральной России в Казахстан и в районы Сибири, начавшееся в конце XIX в., в начале XX в. приобрело массовый характер. В 1904 г. было образовано новое правитель-

¹ Румянцев П.П. Материалы по землепользованию Семиреченской области. Спб. 1911. Т. 1. С. 376.

твенное учреждение – переселенческое управление, ведавшее всеми делами переселения крестьян. Законом «О добровольном переселении сельских обывателей, мещан, землевладельцев» (1904 г.) предусматривались некоторые льготы переселявшимся в Казахстан крестьянам по месту нового расселения. Указом от 9 ноября 1906 г. крестьянам разрешалось выходить из общины на отруб в хутор. Это было выгодно крестьянам, имевшим крепкое хозяйство. Разоренные мелкие хозяйственники, бедняки были вынуждены искать «счастья» в восточной части страны.

Переселившиеся в период с 1893 г. по 1912 г. крестьяне составляли: в Акмолинской области – 292 400, в Тургайской – 292 300, Семипалатинской – 50 700, Семиреченской области – 43 300 душ мужского пола.¹

Кустанайский уезд, входивший в состав Тургайской области, был одним из районов массового переселения крестьян. В 1899 г. в нем было 10 русских поселков, а к 1900 г. их стало уже 50, которым было отведено 256 296 десятин земли. Переселение росло и в последующие годы. В 1903 г. было образовано 14 русских волостей и уездов.²

Правительство этой мерой надеялось разрешить несколько задач. Во-первых, ослабить антиправительственные выступления крестьян и создать в лице кулаков надежную опору царизма как в центральных районах, так и на окраинах; во-вторых, направить развитие России по «прусскому пути» и, в-третьих, использовать переселение крестьян для прочной и окончательной колонизации Казахстана. Переселение происходило волнообразно. Только в северные районы края с 1906 по 1912 гг. переселились 438 000 крестьян. Однако царскому правительству не удалось достичь поставленных целей. Аграрный вопрос в стране не только не был разрешен, но еще более обострился. Немало крестьянских семей погибло на пути к местам переселения. Эксплуатация в кулацких и помещичьих хозяйствах еще больше усилилась. На общую аграрную обстановку в стране влияло и положение Казахстана как основного, наряду с Сибирью, региона крестьянского переселения.

Переселенческий фонд в Казахстане создавался ценой разорения казахского населения. Да и сами переселенцы испытывали острую нужду, а часть из них была вынуждена возвратиться обратно.

Говоря о положении казахского шаруа, Беротов писал: «Так как переселение прежде всего потребовало земель лучших, то есть таких,

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратова. Алма-Ата, 1943, С. 340.

² Там же.

природные условия которых допускали бы оседлый образ жизни, и так как таких мест в степи немного, и они издавна уже используются киргизами как места зимних стоянок, то вполне понятно, что отнятие их, хотя и под видом «изъятия «излишка», чрезвычайно сильно отразилось на киргизском хозяйстве».¹ Всего за 14 лет существования временных партий по образованию переселенческих участков в степных областях у казахов фактически было изъято около 3,5 млн. десятин излишков земли.²

Не столько в результате переселения крестьян, сколько в результате колониальной политики правительства многие казахские хозяйства лишились освоенных пастбищ, лучших угодий и были загнаны в пустынные, полупустынные районы. Кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство оказалось в кризисном положении со всеми вытекающими отсюда хозяйственными, социальными и психологическими последствиями.

Ряд явлений в социально-экономической жизни Казахстана начала XX в. был тесно связан с внутренними и внешними условиями его развития: резким сокращением кочевых путей скотоводов и процессом оседания, ростом сельского отходничества в результате усиления социального расслоения в аулах. Отходники нанимались на работу батраками на промыслы и в мастерские, на горно-заводские предприятия и в места разработки минерального сырья. Батраки и бедняки составляли более половины всего населения, из них формировался местный пролетариат.

Рост отходничества в начале XX в. имел ряд последствий. Отходничество ослабляло патриархальные связи людей, имевшие еще значительную силу в общественных отношениях казахов. Оно усиливало контакты с другими обществами и укладами жизни, в том числе с городской и производственной культурой. В этом плане отходничество было прогрессивным явлением во внутренней жизни казахского общества. Применительно к условиям внутренней России, В.И. Ленин писал, что «неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное, он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности».³ Это относится и к казахскому обществу.

Новой чертой в социально-демографической структуре Казахстана

¹ Беротов. Страна свободных земель. Спб., 1908. С. 56.

² Седельников М. Борьба за землю в киргизской степи. Спб., 1907. С. 39.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 576-577.

того периода была его многонациональность, сложившаяся в результате массового переселения крестьян из центральной России, Украины, а также бегства уйгуров и дунган из Китая. В 30-е г. XIX в. казахи в целом по Российской империи составляли 2,2, по Казахстану – 96,4, а в 1897 г. – соответственно 2,4 и 79,81%.¹

Многонациональная структура Казахстана со значительным удельным весом русских имела далеко идущие прогрессивные последствия. Усилились контакты и связи между русскими и казахами, хозяйственные и товарно-обменные отношения между ними. Более высокая культура русских в сферах материального производства в духовной жизни и в быту оказала ощутимое влияние на многие стороны жизнедеятельности местного населения. Чувства неприязни и отчуждения, которыми характеризовались межнациональные отношения в начальный период переселения крестьян из России и Китая, постепенно сменялись отношениями соседства, доброжелательности и дружбы. В этом непростом процессе немаловажную роль играли отношения трудовых слоев разных народов, составлявших большинство переселенцев. Как отмечали современники, «рядовые киргизы» охотно вступают во всевозможные отношения с переселенцами, меняют под их влиянием всю обстановку.., допускают широкий обмен услугами и вообще не чуждаются близкого соседского сожительства с пришельцами, а напротив, ищут их».²

В исторической перспективе непосредственные контакты с русскими, растущие хозяйственные и культурные связи с ними имели решающее значение для социально-экономического и идейно-политического прогресса казахского общества, становления и утверждения дружбы между двумя народами. Это происходило вопреки намерениям, планам и действиям царского правительства, выступавшего в союзе с верхушкой казахского общества. Царизм культивировал разделение общества на русские поселения и казахские аулы, разжигал межнациональные трения и поддерживал их. С этой целью, например, царская администрация эпизодически организовывала воинские рейды против мирных казахских аулов, чтобы держать последних в страхе и повиновении, а также поддерживать определенную дистанцию между русскими и казахами. Все это делалось для того, чтобы Казахстан оставался навсегда отсталой колониальной территорией, оторванной от других частей империи.

Вместе с тем интенсивное вовлечение Казахстана в орбиту отно-

¹ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980. С. 201.

² Хворостанский П. Вопросы колонизации. Спб., 1907. №1. С. 83-84.

шений Российской империи, усиление влияния русской культуры и цивилизаторских идей на казахское общество, а также потребности внутреннего развития казахского общества, для которого рамки патриархально-феодалных отношений стали уже тесными, обусловили зарождение и формирование казахского просветительства. Оно берет свое начало с середины XIX в., заметным общественным явлением становится с конца XIX в. Развитие казахского просветительства совпало с формированием национальной интеллигенции, большинство представителей которой получали русское или смешанное русско-казахское образование. «Формирование интеллигенции в основном шло через русско-туземные начальные школы, гимназии, реальные училища, специализированные школы в русских деревнях, поселках, станциях и городах. Немногие из ее числа получили образование в университетах и других высших учебных заведениях России».¹

Освободительное движение народов России, революционные события 1905 – 1907 гг. в центре России отозвались и в казахском крае. Под влиянием этих событий в идейно-политической жизни края происходили ощутимые изменения, которые можно было назвать пробуждением народного самосознания.

Революция 1905 г. в России придала значительный импульс национальной жизни казахов. Она пробудила почти все силы местного населения. Начался новый этап в интеллектуальной истории казахского общества.

Социальная неоднородность участников освободительного движения Казахстана обусловила чрезвычайную пестроту идейной жизни казахского общества. Представители имущих слоев казахского общества, мусульманского духовенства и правого крыла национальной буржуазии выдвинули ряд требований перед царским правительством: подчинить казахское население Оренбургскому магометанскому духовному управлению, предоставить свободу строительства и организации мечетей и медресе с преподаванием в них арабского, персидского и турецкого языков, изъять из ведения биев – судей дела брачные и наследственные и передать их всецело в ведение мулл для решения их по шариату, обеспечить полную свободу ходжата и паломничества в мусульманские центры Востока; запретить деятельность православных миссионеров; разрешить казахам открывать заводы, рудники и приобретать земли; уменьшить подати; упразднить институт крестьянских начальников в уездах края и др.²

¹ Зиланов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 34.

² См.: Атишев А.А. Политическая мысль Казахстана второй половины XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1979. С. 132.

В период оживления национальной жизни не осталось в стороне и местное мусульманское духовенство, тем более что потрясенный революцией самодержец поощрял деятелей местного духовенства в их попытках укрепить пошатнувшиеся позиции религии.

Прогрессивно настроенная часть национальной интеллигенции более трезво рассматривала особенности и перспективы развития казахского общества. Она считала, что без активности и освоения нового, передового у других народов казахи не смогут преодолеть отсталость, патриархальный взгляд на окружающее, свою изолированность и чувство неприязни к другим обществам. Они предлагали пути решения из создавшегося положения. Первое и основное условие преодоления косности, забитости народа они видели в просвещении. Эта часть национальной интеллигенции выступала также за постепенный переход кочевников, полукочевников к оседлости, за возведение центров культуры городского типа в степи, а также за модернизацию местной системы управления, особенно судебной. Словом, разные социальные группы и их представители в казахском обществе, преследовавшие разные цели, считали удобным воспользоваться благоприятной обстановкой для удовлетворения своих требований, для обсуждения идей и планов на будущее, для укрепления своих позиций и расширения влияния в массах. Как и следовало ожидать, во главе процесса национального пробуждения стремилась встать, и не без успеха, разночинная по составу национальная интеллигенция.¹

Революция 1905 – 1907 гг. открыла новый этап в социальном и национальном пробуждении казахов. В крае стали выходить массовым тиражом книги на социальные темы. Вдохновленная первыми успехами, некоторыми уступками царской администрации, казахская передовая интеллигенция стремилась использовать благоприятный момент для усиления агитационно-разъяснительной и литературно-издательской деятельности.

Казахская интеллигенция по своему социальному составу была неоднородной. Наряду с представителями низших и средних слоев в ее составе были и выходцы из зажиточных, обеспеченных семей и даже из нарождающейся крупной национальной буржуазии. На первых порах в рамках общенациональных лозунгов они выступали как общая сила. Их объединяла ненависть к самодержавию.

Царское самодержавие, в течение нескольких веков накопившее опыт ведения борьбы против собственного народа и против выступления ряда угнетенных народов, проживающих в составе Российской

¹ Зимапов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 34.

империи, проводило политику подавления всяких признаков вольнодумства и среди казахов. Царизм стремился искоренить всякое суждение и поступки, противоречившие его интересам, задушить в самом зародыше любое проявление критического отношения к политике самодержавного управления и не допустить проникновения в казахскую степь идей прогрессивных мыслителей России. Стремясь оградить казахскую степь от проникновения освободительных идей, идущих из России, царизм в союзе с казахской эксплуататорской верхушкой и реакционным духовенством, удерживая основную массу населения края в невежестве, бесправии и закабалении, надеялся продлить свое господство в Казахстане на неопределенно долгое время.

Все это тормозило, но не смогло свести на нет демократическое, буржуазно-демократическое движение, являющееся закономерным этапом освободительного движения для остальных средневековых обществ, на начальном этапе их перехода на рельсы новобуржуазных отношений. В.И. Ленин, давая оценку положению, сложившемуся после революции 1905 г. на Востоке, писал, что «в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждение целого ряда буржуазно-демократических национальных движений».¹

Напуганное событиями 1905 – 1907 гг. самодержавие стало искать поддержку у национальной буржуазии, в том числе окраин, стремясь расколоть и ослабить антимонархическое движение в национальных окраинах. Ценой огромных усилий царизм выдержал первый натиск рабочих и внес раскол в антимонархическое движение. Но это был временный успех.

Социальное и национальное пробуждение казахского народа, начало которому проложили революционные события в России 1905 – 1907 гг., сопровождалось ослаблением веры в царя и местной «туземной» администрации, в возможности добиться разрешения национального вопроса местными средствами и действиями в одиночку. Начало XX в. вошло в историю казахского народа как начало союза казахского и русского народов в освободительном движении. Слова В.И. Ленина о том, что «у европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»,² относились и к Казахстану.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 269.

² Там же. Т. 17. С. 179.

2. Юность Мухамеджана Сералина

Предки М. Сералина происходили из г. Туркестана. Дед по отцу – Турсунбай-кожа был среднезажиточным кочевником.¹ Его аул занимал пастбища в низовьях Сырдарьи. По семейным преданиям, он любил музыку и поэзию, сочинял песни и стихи, пользовался уважением у одноаульцев и в округе.

Отец Мухамеджана Сералы рано остался без отца. В отличие от своего отца скотоводством не занимался. В молодости увлекался сочинением стихов и музыки, обладал хорошим голосом, пел. Без него, как говорят, не проходили вечера в окрестных аулах. Одно время он входил в свиту молодого султана-правителя части младшего жуза Ахмета Джантюрина, сопровождал его в поездках по степи. Ценили Сералы также за находчивость и талант импровизатора. По некоторым данным, он получил хорошее для того времени домашнее образование, учился в медресе, владел некоторыми навыками врачевания, которые передали ему родители. Со временем он пришел к убеждению о необходимости распространения просвещения среди казахской молодежи. Переехав в Кустанайскую степь, Сералы занялся обучением детей. Но в народе был известен не столько как учитель, сколько как одаренный певец и сочинитель стихов.

В рукописном фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР сохранилось несколько стихов Сералы-ходжи. Они посвящены моральным темам. «Друг, каким он должен быть», «Памятное дерево», «Слава перед смертью». Судя по ним, он обладал тонким поэтическим даром и проницательным умом. Вот несколько строк из его стихов.

*Дос, емес – дос сыртынан жамандаса,
Несі дос, бір қатесін жаба алмаса.
Душпан шіркін не демейді,
Қауып етіп бір адамнан ұялмаса.*

*Дос емес, досты – сөзін көтермесе,
Салган жерден түбіңе жетем десе.
Негылып дос атына қосылады,
Көтермей бір сөзіңді бүйтем десе.*

*Жақынның әрбір сөзін қайырмаңыз,
Жасырған жердей қылып майырмаңыз.*

¹ В некоторых книгах ошибочно Сералы называют сыном Еруалы.

*Сыр алмаган біреумен дос болдым деп,
Сыр алған досыңыздан айрылмаңыз.¹*

В этом стихотворении воспевается истинная дружба, ее моральные и ценностные черты, какими являются честность и душевность, открытость и преданность, немелочность и способность прийти на защиту друга, если он попал в беду.

В другом стихотворении, названном «Прощальное слово Сералы», сказанное им перед своей смертью, имеются следующие строки:

*Дуние қырда ойнаған лақтайсысың,
Мекен ғып қандай жанға тұрақтайсың.
Еріксіз көнбегенді көндіресің,
Жол білмес асау кердей бұлғақтайсың.*

*Азгана көңіл ашар қызығың бар,
Кетеріңе келгенде сылаңдайсың,
Тығыны жоқ шыныға күйгандай-ақ,
Қашарыңа келгенде сынаптайсың.²*

За поэтическую одаренность прозванный в народе Сералы-акыном, он, видимо, настолько стоял в своем искусстве высоко, что участвовал в поэтических состязаниях (айтысах) с наиболее крупными импровизаторами-поэтами. Известный советский казахский писатель Шахмет Хусаинов в 1943 г. записал и сдал в фонд научной библиотеки Академии наук Казахской ССР текст такого айтыса между Сералы и Орынбаем. Поэтическое состязание произошло при следующих обстоятельствах: когда Сералы уехал в Бухару, поэт Орынбай посетил Ахмета-торе,

¹ Подстрочный перевод здесь и далее С. Зиманова. Не друг тот, кто наговорит на друга, Какой же он друг, если не может стать на защиту друга. Враги готовы много-словить о тебе, Если не будут остерегаться твоего друга. Не друг тот, кто обидится на твои слова И скажет мгновенно: «Я отомщу тебе». Как же он может именоваться другом, Если не переносит твои дружеские упреки. Не старайтесь ответить на каждое слово друга, Тем более не старайтесь его унижить

Из-за того, что вы завели нового друга, которого не знаете, Не расставайтесь с другом, которого знаете. (ЦНБ АН КазССР. Рук. ф. 114. С. 131-134).

² О жизнь, ты, как лань, игриво проносишься по степи,
Не находишь постоянного пристанища ни в одном из живых.
Как дикарь ты, не признающий правил,
Покидаешь тех, кто не хочет расставаться с тобой.
О жизнь, ты даруешь радость мгновенную,
Становишься еще краше перед тем, как оставляешь душу.
Будто ты ргуть в склянке без пробки,
Ускользаешь вмиг, когда заблагорассудится покинуть нас.

сына Кенесары, и получил от него в подарок хорошего коня за хвалебные стихи. По возвращении Сералы, узнав об этом случае, проговорил: «Жаль, что не было тогда меня, я бы победил его (в состязаниях), вынудил бы Орынбая оставить мне своего коня». Такие слова могли исходить только из уст крупного, известного поэта. Этот случай народ сохранил в своей памяти. Поэты впоследствии встретились в том же доме Ахмета-торе. Поэт Орынбай на приветственное слово Сералы и готовность его состязаться в стихах с ним ответил:

*Ассалаумагалайқум Сералы інім,
Дәулет бітіп жабылсын бойда мінің,
Жақсы леп, жарым ырыс деген сөз бар
Баласы асылзада данагерім.*

*Нәсілің төрт тараптан діндар қожам,
Қисы жүрме, тузу жүр, жол бар қожам,
Қолына ұстап кітап дәріс айтпай,
Өлеңде молда болсаң нең бар қожам.¹*

Этими словами поэт Орынбай с одной стороны, воздаёт должное поэтическому таланту Сералы, а с другой, как это положено в айтысе (песенное состязание), находит в нем, в его генеалогии «слабые» места, указывая на которые можно уязвить самолюбие оппонента.² Замечательный композитор А.В. Затаевич, собравший богатейшие образцы казахской фольклорной музыкальной культуры в начале 20-х гг., писал: «Песню Сералы я лично склонен считать одним из перлов настоящего сборника. По своей форме она необыкновенно светла и оригинальна».³ В дальнейшем А.В. Затаевич несколько раз пытался записывать песни и мелодии Сералы-акына. К сожалению, его поиски не увенчались успехом, и он с досадой сетует: «Серали-акын, певец Кустанайской губернии, умерший в 1876 году, 40 лет от роду, был поэтом и автором напевов. По приведенному здесь образчику можно судить о том, что это был музыкальный самородок великолепного дарования,

¹ Здравствуй, достойный младший брат Сералы,
Пусть наступит желанная обеспеченность и прикроет твою нужду,
Теплый прием – начало добродетели,
Благодарю тебя за это, потомок святых.
Предки твои происходят от четырех святых мест, мой Кожа.
Не лучше ли тебе, мой Кожа, идти их дорогой, быть муллой,
Читать назидания, согласно святым книгам, вместо того чтобы
Увлекаться поэзией. (ЦНБ. АН КазССР. Рук. Ф. П. 5. Л. 2, 3).

² Имеется в виду происхождение Сералы из ходжей.

³ Левецкая И. Живые драгоценности. Алма-Ата, 1976. С. 79.

и тем более жаль, что его песни, своевременно никем не записанные, в настоящее время почти совершенно порастерялись., все мои старания найти и записать еще какие-либо песни прекрасного кустанайского мастера остались безрезультатными».¹

Во время встречи с А.В. Затаевичем М. Сералин рассказывал ему, что его отец – Сералы-акын вместе с тем был «горе-коммерсантом», непрактичным и добрым. Быстро прогорел, но не унывая, к радости окружающих, брался за домбру и пел. Текст и музыку, как правило, слагал он сам.

Семья М. Сералина была религиозной. Традиционно в семье ходжей в отличие от кочевников-скотоводов более строго соблюдались религиозные правила и обряды, и к этому приучали детей с ранних лет. Детские религиозные впечатления в определенной степени влияли на его дальнейшую жизнь и деятельность, формирование мировоззрения.

Семья Сералы скорее относилась к категории слабообеспеченных, хотя не была и бедной. Ему не удалось успешно сочетать искусство певца и поэта с деятельностью торговца, каковым пытался стать он по совету родственников. В последние годы жизни Сералы-акын обеднел и умер в долгах.

М. Сералин гордился своим отцом, уважительным отношением казахского народа к его памяти. Об этом он писал в вводной части поэмы «Топ жарган».

М. Сералин родился в 1872 г. Когда ему было три года, умер отец. Для семьи наступили тяжелые времена. Воспитание детей² легло на плечи матери. В этом ей оказывали помощь и поддержку одноаульцы, с почтением относившиеся к дому Сералы-акына, а также ближайшие родственники. Об этих годах М. Сералин писал:

*Құдайым сәби шақта жетім етті,
Жетімдік жарлық пен қатты дертті.
Атаны жақсы көрген арқасында,
Көрген баришасы да құрметтеді».³*

В 1880–1887 гг. М. Сералин учился в медресе в г. Троицке, считавшемся в ту пору лучшим в Центральном Казахстане. После завершения учебы

¹ Затаевич А.В. Исследования, воспоминания, письма, документы. Алма-Ата, 1958. С. 113.

² У Сералы от двух жен было шестеро сыновей и три дочери.

³ Ребенком остался сиротой по воле всевышнего, необеспеченность и нужда грузом легли на нас, но везде к нам относились с уважением из почтения к нашему отцу. («Мұхаметжанның Жаппаска берген жауабы». Рук. ф. Института философии и права АН КазССР).

мать отправила Мухамеджана в г. Кустанай к родственнику Арыстану Мыржакупулы для продолжения учебы и обучения ремеслу. Там он поступил в Кустанайское двухклассное русско-киргизское (казахское) училище. Прилежание и способности М. Сералина обратили на него внимание учителей. Один из них – Ильиных становится весьма близким М. Сералину, снабжает его литературой, помогает его интеллектуальному росту. По совету и рекомендации Ильиных, после окончания училища Мухамеджан едет в г. Оренбург, где, успешно сдав вступительные экзамены, зачисляется в учительскую семинарию, закончить которую ему не пришлось. По семейным и материальным обстоятельствам он вынужден был работать.

М. Сералин родился, вырос и начал свою трудовую деятельность в Кустанайском уезде, с ним была связана его дальнейшая судьба. Кустанайский уезд (бывший Николаевский) с территорией 69 183 км² до 1917 г. входил в состав Тургайской области. Его административным центром вначале был г. Троицк, а с конца XIX в. – г. Кустанай, основанный русскими переселенцами. Кустанай, возведенный в степень города в 1893 г., быстро рос. Его население за период с 1885 по 1900 гг. выросло с 7325 чел. до 16 175, т. е. более чем в два раза.¹ Вскоре он стал значительным торговым, экономическим и культурным центром уезда и Тургайской области. Этому способствовало удобное географическое положение, возведение железнодорожной ветки Кустанай – Троицк в 1913 г.

Только перечень учебных заведений, имевшихся в то время в г. Кустанае, характеризует его как значительный культурный центр на северо-западе Казахстана. Так, в 1884 г., по настоянию инспектора учебных заведений Тургайской области Ибрая Алтынсарина, в г. Кустанай из г. Троицка была переведена классная школа, ставшая первым учебным заведением города. Уже через год, в 1885 г., в ней обучались 55 учеников, из них 30 казахских мальчиков и 25 русских детей. Из стен этой школы вышел ряд видных деятелей казахского общества: Алиби Джангильдин, Спандияр Кубеев и др. К 1911 г. в городе действовали реальное училище, Александровская русско-киргизская (казахская) гимназия, духовенское русско-киргизское (казахское) училище, двухклассное русско-киргизское (казахское) училище, городское четырехклассное училище, педагогические курсы и др. – всего 27 учебных заведений, в которых обучались 2370 учащихся. При русско-казахских училищах были организованы интернаты для мальчиков и девочек из казахских аулов.

Население уезда было многонациональным, причем более половины его составляли русские.

¹ Кустанай. Вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата, 1979. С. 15.

Кустанайский уезд имел самую большую плотность населения. Здесь проживала основная масса русских, намного больше, чем во всех остальных уездах Тургайской области вместе взятых. Одних русских поселков в уезде насчитывалось 299, что составляло 66% всех поселков в области. Большинство казахского населения занималось кочевым и полукочевым скотоводством. Многие из них в начале XX в. уже имели небольшие посевные участки вблизи зимовок, по берегам небольших рек и на богаре. Однако основным источником благосостояния и хозяйственных доходов казахских семей оставалось пастбищное скотоводство. В 1911 г. на одну семью русского крестьянина приходилось около 8 голов скота, а на одну кибитку казахов – более 30 голов.

Административно уезд делился по территориально-национальному принципу. Для русского населения создавались отдельные волости. Первые управлялись на основе крестьянского Положения, как и в центральных областях России, а казахи – по Положению об управлении в степных областях от 25 марта 1891 г. Русские, проживавшие на территории казахских волостей, управлялись и подлежали юрисдикции только русских властей. Такой порядок распространялся и на казахов.

Вопреки политике царской администрации и ее наместников, направленной на разъединение и противопоставление народов, трудовые массы русского и казахского населения завязывали тесные хозяйственные, деловые и семейные связи. В их отношениях закладывались основы дружбы и взаимной солидарности в борьбе за жизненные интересы, против царского режима.

В Кустанайском уезде, территориально расположенном на границе с Россией, влияние на местное население передовой экономики и культуры, а также освободительных идей и движения русского народа было более активным, чем во внутренних районах Казахстана.

М. Сералин как мыслитель и общественный деятель формировался в общении с русскими крестьянами, людьми передовых взглядов. Вместе с тем с молоком матери он впитал психологию, быт, интересы и нужды казахского народа. Социальная среда, в гуще которой находился М. Сералин, была разнообразной, насыщенной событиями. Она давала молодому Сералину богатую пищу для размышлений, подводила к критической оценке политики царизма, проводимой в Казахстане, к осознанию необходимости преодоления отсталости казахского народа, приобщения к цивилизации.

М. Сералин ставит перед собой задачу идти «в народ», глубже знать его состояние, настроение и нужды, способствовать распространению образования и русской грамоты. В открытии мектебов и училищ для

казахских детей он видит долг казахской интеллигенции. Руководимый этой идеей, он едет в Приаралье, в пустынные и полупустынные районы казахских кочевий. Там, в гуще казахских аулов, сохранивших во многом традиционный быт кочевников-скотоводов, он решил учить детей.

Район, куда направился М. Сералин вместе с караваном, был песчаной пустыней. Инспектор школ Тургайской области А.А. Алекторов на страницах столичной газеты так описывал эту поездку М. Сералина к берегам Аральского моря: «Странный караван двигался в начале сентября к берегам Аральского моря. Никто не мог определить, что за караван идет и чем нагружены верблюды. Одна тропа пересекала другую, образуя бесчисленное множество верблюжьих дорог, и неопытному человеку никогда не найти бы своей дороги, а караван шел уверенным шагом. Всегда любопытные встречные киргизы напрасно всматривались в тюки – все им было непонятно. Верблюды нагружены были ученическими столами, классными досками и разными школьными принадлежностями. Караван остановился в урочище Талыспе. Здесь, в доме казаха Жасаганбергена Пирманова, в ауле №4 Тургайской волости Иргизского уезда Тургайской области предположено было открыть первую на Аральском море аульную школу. Собравшиеся киргизы ощупывали руками мебель, развертывали невиданные книги и покачивали головами. Школа открыта при одиннадцати учениках, и семь поступили на другой день. Учителем назначены окончивший курс Кустанайского педагогического класса киргиз Сералин». Далее школьный инспектор отмечает: «Мог ли тогда, 12 лет тому назад, я предполагать, что и сюда заглянет просвещение, что эти пустынные берега огласятся веселыми голосами школьников, что с книжками в руках побегут киргизские дети в русские училища, сядут за русскую азбуку».¹

Это были первые шаги его самостоятельной деятельности, и начал он их на ниве просвещения казахского народа.

В Приаралье М. Сералин пробыл несколько лет. Известно, что в эти годы он задумывает планы будущих поэм и заканчивает одну из них. В 1900 г. в г. Троицке выходит первая поэма «Топ жарган», написанная в 1888 г. В ней он воспеваает удалство и храбрость молодых и славит степного скакуна, способного спасти жизнь джигита в час трудных испытаний.

В поэме «Гулкашима», написанной в 1901 г., М. Сералин выступает против старых и вредных обычаев, широко распространенных в казахской степи, узаконивших положение, при котором девушек выдавали замуж против их воли, продавали, наследовали, как вещь.

¹ Санкт-Петербургские ведомости, 1898, №302.

Против несправедливости и насилия протестует М. Сералин и в ранних стихах. Для этого он часто выбирал иносказательную форму. В поэме «Слезы Сайгака» он описывает случай, когда жестоко нравный охотник расставлял свои капканы (ловушки) в степи, в одну из которых попала самка Сайгака. В предсмертных муках, прощаясь с жизнью, она вдруг увидела человека в образе Мухаммед-пророка и обратилась к нему с просьбой.

Пришелец услышал ее страдания и, искренне желая ей помочь, обратился к охотнику с просьбой дать ее ему на поруки с обязательством, что она, накормив своих детей, вернется, и человек волен будет поступать с ней, как захочет.

Сайгачиха сдержала обещание: возвратилась с двумя своими козлятами раньше срока и, обняв детей в последний раз, отдала себя в распоряжение охотника. Он был изумлен, а затем заплакал: «Не достоин я называться человеком, намного лучше меня дикие обитатели степи». И дал ей свободу. В этой небольшой по объему поэме-легенде М. Сералин, с одной стороны, наделяет добро силой, способной одолеть зло, а с другой – восстает против угнетения слабых, против жестокости человека по отношению к незащитным диким обитателям земли.

От бытовых и нравственных проблем, которые преобладали в ранних произведениях М. Сералина и имели социальное звучание, постепенно он переходит к идее служения народу, поискам практических путей ее реализации.

В те годы М. Сералин еще четко не представлял, каким образом он будет служить своему народу, но одно было для него ясно, что необходимо всемерно способствовать пробуждению народа и преодолению старых взглядов, консервирующих отсталость казахского общества.

В 1900 г. М. Сералин переехал в г. Троицк и устроился на работу приказчиком у купца Яушева. Выполняя поручения Яушева, он часто выезжал в степь, в г. Оренбург и Кустанай. Постоянные поездки давали ему возможность лучше узнать жизнь населения различных его слоев, познакомиться с прогрессивно мыслящими людьми.

В жизни М. Сералина и его идейно-политическом становлении г. Троицк сыграл первостепенную роль. Здесь он по-настоящему приобщился к русской культуре, увлекся передовыми идеями русских и татарских просветителей, стал постоянным читателем городской библиотеки, установил контакты с патриотически настроенной частью образованной казахской молодежи и стал одним из ее лидеров, с русской местной интеллигенцией и рабочими.

М. Сералин был разносторонне развитым человеком. С малых лет он много читал, имел личную библиотеку. Многие книги, изданные в

Казани, Уфе и Оренбурге на турко-казахском и татарском языках, он брал с собой в Приаралье. Позже М. Сералин описывал чувства, охватившие его, когда ему привозили новые книги татарских просветителей: «Я, как голодный, набросился на них и прочитал на одном дыхании. По прочтении их мои мысли озарились как солнце, вышедшее над горизонтом... Никогда не изгладятся из моей памяти те времена, когда я на берегу Сырдарьи читал эти книги, как будто я встретился с лучшим другом».¹ Пристрастие к книгам сохранилось у него на всю жизнь. Повзрослев, он обогатил свою библиотеку книгами на русском языке, среди которых были и запрещенные.

Страстно увлекался М. Сералин фольклором: собирал, изучал и записывал его. Его занимала приключенческая жизнь Марала Курманова, которого можно назвать «возмутителем спокойствия» в степи, выдавшего себя за посланца «неба» для установления нового порядка на земле. Собрав о нем сведения, Сералин сообщил их русскому ученому И.И. Крафту, который опубликовал статью о М. Курманове. К его сородичам принадлежал акын Шортанбай, многие стихотворения которого направлены против невежества, косности и социальной несправедливости.² М. Сералин с почтением относился и к личности, и к творчеству Шортанбая, называя его «печальником казахской бедноты». Одна из статей, напечатанная в первые годы Советской власти и обращенная к трудовому казахскому населению, начиналась следующими словами: «Лет 50 тому назад киргизский поэт Шортанбай пел следующие песни: Как может хорошо жить киргизский кедей (бедняк), коли он все лето косит сено, всю осень жнет хлеб, а добытую таким образом трудовую копейку от него «на расходы» отнимает толмач? Зимой кедей режет последнюю корову на мясо, а теленка от коровы забирает себе богач. Сколько бы ни эксплуатировал бедняка, утроба бая не насыщается, и он готов отнять у кедея последнее достояние. За отказ бедняка от бесплатной работы, хотя бы на один день, бай отказывает бедняку в чашке жирного супа». Так пел печальный поэт киргизской бедноты Шортанбай».³

3. На стыке трех культур

Одной из особенностей условий формирования Мухамеджана Сералина как деятеля было то, что он жил, воспитывался и рос в среде трех народов – казахского, русского и татарского. Эта его связь была

¹ Айкап, 1914, №17.

² См. кн.: *Муканов С.* Народное наследие. Алма-Ата, 1974. С. 17; *Талжанов С.* Өткен кундер сейлейді. Алматы. 1979. 116-134 б.

³ *Сералин М.* Что должны помнить трудовые киргизы во время выборов// *Степная Заря*, 1922, 3 августа.

не столько кровно-родственной, сколько духовной: с юных лет, со школьной скамьи он тесно общался и дружил с передовыми представителями этих народов. Тесное общение с ними, совместное участие в делах обогащали, расширяли кругозор и способствовали становлению М. Сералина как зрелого общественно-политического деятеля.

М. Сералин был истинным сыном казахского народа, хорошо знал быт и психологию и кочевника-скотовода, и полуоседлого и оседлого земледельца, еще не успевшего оторваться полностью от жизни скотовода.

Вместе с тем он родился на русско-казахской границе, воспитывался и вырос под непосредственным влиянием общества, социального и идейного климата городов Троицка и Кустаная, основанных русскими, где абсолютное большинство населения составляли русские, Учился он в русско-казахском училище, многие из друзей его также были русские.

Он хорошо знал быт, уклад жизни и психологию русского переселенца-крестьянина, ибо аул М. Сералина находился в непосредственном соседстве с русской переселенческой деревней, обмен, общение и связи между которыми были интенсивными и постоянными. Юношей Мухамеджан часто гостил в русской деревне, в зрелые годы среди его наставников, единомышленников и близких немало было русских передовых рабочих, интеллигентов и революционеров: Ужгин, Ильинский, Ашмарин, Сосновский, Зиссер и многие другие. М. Сералин хорошо знал русский язык, свои стихи с казахского переводил сам, а иногда и сочинял на русском языке.

Русская культура и освободительное движение в России были основными родниками, из которых М. Сералин черпал вдохновение для служения своему народу, ориентирами, по которым он сверял свои идеи и планы, свой путь и деятельность.

Не меньшее значение в его становлении имела татарская культура и ее передовые деятели, жившие и работавшие в Оренбурге, Уральске, Кустанае и Троицке. Не только М. Сералин, но и другие казахские деятели в той или иной мере испытывали благотворное влияние передовой татарской общественной мысли и ее представителей. М. Сералин, пожалуй, в наибольшей степени был связан с татарской культурой и ее прогрессивными традициями.

Говоря о влиянии татарской культуры на казахское общество в широком смысле слова, следует иметь в виду, что, во-первых, Татария раньше всех других регионов мусульманского Востока России приобщилась к русской культуре и к европейской цивилизации; во-вторых, в ней раньше, чем в Средней Азии и Казахстане, зародились просветительское, либеральное, мелкобуржуазное и революционное

движение; в-третьих, татары, будучи одной из самых многочисленных и образованных народностей среди мусульман России и в силу того, что они в значительном числе проживали в городах, кишлаках и аулах Туркестана и Казахстана, нередко были наставниками молодежи в этих регионах.

В распространении просветительских идей и просвещения в Туркестане, Бухарском эмирате, Хивинском ханстве и Казахстане заслуга татарских просветителей, учителей и деятелей общественной мысли значительна.

Не последнюю роль в идейном становлении и формировании М. Сералина как деятеля дореволюционной казахской общественной мысли играли общение, тесные контакты с передовой татарской интеллигенцией. Надо сказать, что это было влияние не только передовых людей Татарии, той их части, которая была связана с Казахстаном, но и татарской культуры в целом, взятой в ее социально-экономическом, хозяйственном и идейном аспектах.

Мать Мухамеджана Сералина была дочерью ногайского ремесленника Бекчентаева, который приходился родственником Яушеву, известному татарскому купцу, жившему в г. Троицке. Яушевы обладали крупным капиталом, имели свою торговую фирму и несколько контор. Их торговые связи простирались на многие губернии центральной и западной России. После смерти отца М. Сералина Яушевы как родственники стали оказывать ему покровительство: помогали устроиться учиться в медресе, приобрести навыки работы в торговой конторе.

В доме Моллахмета Яушева, у которого работал Сералин, время от времени собирались известные в те годы местные татарские деятели, а также приезжавшие из Оренбурга и других городов учителя, издатели газет, владельцы типографий, образованная молодежь. Среди них было немало лиц, связанных с просветительским, народно-демократическим и даже социал-демократическим движением в Татарии, Поволжье, в центральных губерниях России. Общаясь с ними, участвуя в спорах на политические темы, М. Сералин расширял свой общественный и политический кругозор.

М. Яушев, будучи крупным торговцем, придерживался либеральных взглядов на политические события в России. Это подтверждает и С.С. Ужгин, называвший его «либеральным купцом».¹ Яушев сочувственно относился к татарской молодой интеллигенции, зараженной мелкобуржуазными и демократическими идеями обновления общества,

¹ Ужгин С.С. Странички былого. Воспоминания. С. 1. Кустанай. Обл. историко-краеведч. музей.

оказывал ей материальную помощь. Он не раз значился в жандармских донесениях и материалах в числе «опасных» людей за покровительство ссыльным, а также местным радикальным татарским деятелям. Один из таких случаев был связан с его сближением с Абдуллой Буби (Бабинским), учителем Вятской губернии, сосланным в ноябре 1913 г. в Троицк за свободомыслие. М. Яушеву ставилось в вину его сочувственное отношение к фельдшеру Мухамедшину, издателю журнала «Акмолла» Х. Танееву и другим, за которыми был установлен надзор царской охранки. За это Яушевы подвергались репрессивным мерам.¹

Первое учебное заведение, двери которого открылись перед М. Сералиным, было медресе в г. Троицке, основанное в свое время волжскими татарами-миссионерами. В числе его преподавателей немало было хорошо образованных людей, пропагандистов народного просвещения и лиц, связанных с передовыми для того времени идейными течениями в России и Татарии, а также в Северном Казахстане. На впечатлительного юношу из казахской степи идейная обстановка в медресе оказала заметное влияние.

Какое-то время М. Сералин увлекался идеями Шагабуддина Марджани (1815 – 1889 гг.) – известного татарского ученого, историка и этнографа, критически относившегося к мусульманским фанатикам. В 1849 г. Марджани открыл медресе, в котором в учебную программу были включены и светские дисциплины: история, литература, астрономия и др. Это вызвало сопротивление ортодоксальных мулл и богатых священнослужителей. Позднее Ш. Марджани с болью говорил: «Они, предлагая подражать медресе из деревни Кышкар и из деревни Буби, а также казанским медресе, мое медресе погубили. Все мои предложения о новых методах преподавания, с которыми я приехал из Бухары, пошли насмарку. Напрасно тратят время, занимаясь пустяками. Нужные предметы не преподают. Ах, это проклятое время, что же делать?»²

Ш. Марджани был горячим сторонником изучения русского языка и содействовал тем, кто желал отдать своих детей в русские школы. Свои идеи он изложил в работах «Кончина предков и воздаяние потомков», «История Булгарии» и др. Историческое значение трудов Ш. Марджани определяется критикой догматизма и схоластики, имевших широкое распространение среди мусульманского духовенства того времени. Выступления в защиту свободы мысли, признание преимуществ знания и необходимости изучения наук и русского языка ставят Ш. Марджани в ряд прогрессивных деятелей.

¹ См.: *Тагиров И.Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1977. С. 67.

² Приводится по кн.: *Гайнуллин М.Х.* Татарская литература XIX века. Казань, 1975. С. 42.

Просветительские и гуманистические взгляды и идеи Ш. Марджани оказали определенное влияние на творчество многих казахских и башкирских общественных деятелей: И.А. Алтынсарина, А. Кунанбаева, Ахансеры.¹ Известный поэт Акмулла считал себя учеником Ш. Марджани. М. Сералин высоко ценил труды Ш. Марджани и настойчиво предлагал молодежи изучать его идеалы и следовать им, в особенности в деле распространения образования среди казахского народа.

В связи со 100-летним юбилеем Ш. Марджани в 1915 г. М. Сералин опубликовал статью, в которой особо отметил его заслуги перед народами Востока в их сближении с Россией, ее культурой.² «В тот день, – говорилось в статье, – много людей собралось на его могиле и поклонились его памяти и духу. Среди них были татары, казахи и кавказцы, приезжие из Туркестана, а также молодежь, жаждавшая знаний. От юношей до белобородых старцев, от мулл с огромными белыми чалмами на голове до студентов, одетых в формы, можно было встретить здесь». М. Сералин призывал казахских интеллигентов брать пример с Ш. Марджани и направить свои усилия на просвещение народа, бережно относиться к идейно-просветительскому наследию передовых казахских мыслителей прошлых эпох, в том числе и к наследию Ибрая Алтынсарина.

Не только идеи Ш. Марджани, но и ряда других деятелей прогрессивной татарской культуры, оказали заметное влияние на М. Сералина, особенно в годы его увлечения народным просвещением.

Нам представляется справедливым утверждение С. Асфендиярова, что на начальном этапе творчества М. Сералин испытывал влияние татарских джадидов. Это течение общественной мысли возникло в противовес схоластическому методу обучения в мусульманских медресе, основанному на заучивании догм корана и других религиозных учений, оторванных от жизни, от потребностей общественного развития.

Джадидизм возник в пореформенный период в среде татар. Этому способствовало то обстоятельство, что Татария раньше других регионов мусульманского Востока России втянулась в сферу буржуазных отношений, находилась ближе к центральной России, имела тесные связи с ней. Передовые татарские общественные деятели видели отсталость Татарии в области науки и просвещения по сравнению с Россией и европейскими народами. Татарские школы, где было сильно засилие мусульманского духовенства, не соответствовали возросшим требованиям эпохи. Критикуя фанатичных мулл, прогрессивная интеллигенция выступала с требованием проведения реформы в мектебах и медресе. Они боролись за введение в школах европейского звукового

¹ Ысқақов Б. Қазақ-татар әдеби байланысы. Алматы, 55-б.

² Айқап, 1915, №2. С. 284.

метода обучения, который по-арабски назывался «усул и джадид» т.е. «новый метод». Сторонников этого метода стали называть джадидами.

Основное внимание джадида уделяли реформации учебных заведений, не вторгаясь в область практического изменения системы политической власти и формы государственного управления метрополии и колониальных окраин. Соблюдая идейно-политическую сдержанность, джадида ставили задачу обучения детей и подготовку молодых кадров в русле требований эпохи просвещения и развернули достаточно активную деятельность в этом направлении.

Таким образом, джадидизм, возникший в конце XIX в., носил буржуазно-реформаторский характер. По мнению многих советских исследователей, главными задачами джадидов были ограничение влияния ортодоксальной мусульманской религии на светскую жизнь, реформа школьного образования, внедрение европейского звукового метода обучения в мектебах, широкая пропаганда и стремление приобщить мусульманские народы к европейской, в первую очередь к русской, культуре. Под этими лозунгами выступали люди различных убеждений и социальных слоев. Но объединяли их широкие интересы просвещения и недовольство закостенелой образовательной политикой мусульманского духовенства. Желание джадидов ознакомить молодежь с достижениями русских и других европейских народов в области науки, техники и образования и их первые практические шаги нашли широкий отклик у молодежи. Сторонники джадидизма – шакирды отличались критическим, вдумчивым подходом к общественным явлениям и к действительности. Даже в своем поведении они были более свободны и раскованны.

Таким образом, джадидизм подрывал вековые устои и предписания шариата и адата, вызывал вначале обеспокоенность и недовольство, а в дальнейшем – яростный гнев реакционного мусульманского духовенства, так называемых «кадимистов».

Царское правительство отнеслось недоверчиво и к джадидам, и к кадимистам, но, как отмечает Р.И. Нафигов, «среди мер, намеченных для реализации на местах, нет ни одной, направленной против мулл кадимистов. Главный удар наносился не по нему, а по только что родившейся национальной литературе, по школам, обучающим своих учеников по европейскому звуковому методу обучения».¹ Несомненно, новый рациональный метод обучения значительно ускорил овладение грамотой, а введение новых методов обучения явилось прогрессивным фактором.

¹ *Нафигов Р.И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1965. С. 34.

В истории джадидизма прослеживаются два этапа: просветительский, объединительный и политико-реформаторский. Под влиянием революции 1905 – 1907 гг. произошло размежевание среди его сторонников. Стали выделяться прогрессивные представители национальной интеллигенции. Свою просветительскую деятельность они связывали с отношением к политической системе.

Прогрессивно-реформаторские идеи джадидизма в области просвещения увлекли и молодого М. Сералина. О них он слышал в русско-казахском училище в г. Кустанае. Новые методы обучения детей М. Сералин применил в своей работе, будучи учителем аульной школы в Приаралье, где ввел преподавание русского языка и предметов общеобразовательного значения. В Казахстане конца XIX – начала XX в. внедрение новых методов обучения детей в мектебах и медресе не было сопряжено с такой ожесточенной борьбой и острыми конфликтами между джадидистами и кадмистами, как в Туркестане, Бухаре, Хиве.

Татарские общественные деятели, с которыми был связан М. Сералин, оказывали ему поддержку в разные годы жизни. По воспоминаниям старого большевика С.С. Ужгина, Сералину нередко оказывал поддержку Ганиев, приказчик купца М. Яушева, возглавляющий татарскую демократическую интеллигенцию г. Троицка. В 1904 г. он сделал предложение М. Сералину о совместном издании русско-казахской газеты «Сначала, – вспоминает С.С. Ужгин, – предполагалось издавать большую еженедельную газету на русском и казахском языках с тем, чтобы в ней ставились и обсуждались вопросы, связанные с жизнью казахского общества и русских переселенцев. Редактором русского текста намечался журналист Ильинский».¹ Когда встал вопрос о средствах, необходимых для издания такой газеты, Ганиев убедил либерального купца М. Яушева выдать субсидию в размере 500 рублей. Однако М. Сералин, не желая быть зависимым от него, от денег отказался.

Ахметгали Рахматуллин, работавший в 1908 – 1918 гг. приказчиком М. Яушева, знавший М. Сералина, вспоминал: «Мухамеджан-агай общался с Ганиевым и Иркасовым. Все мы находились в тесном общении и большой дружбе».

Как видно из сказанного выше, М. Сералин в своих воззрениях и идейной ориентации многое воспринял из культур трех народов – казахского, русского и татарского, а его личная жизнь и творчество тесно были связаны с духовной жизнью этих народов.

¹ Ужгин С.С. Странички былого. Воспоминания. Кустанай. Обл. истор. краев. музей. С. 2.

1. Основатель и редактор первого национального журнала в Казахстане

Пробуждение национального самосознания в казахском обществе приходится на начало XX в. Во многом оно связано с революционными событиями в России 1905 – 1907 гг. Это, однако, не означает, что одни только внешние факторы породили его. При такой трактовке оживление национальной жизни в Казахстане выглядело бы навязанным извне, искусственным, а значит, непрочным.

Уже накануне первой российской революции в отдельных сферах жизни казахского общества начали формироваться новые явления, свидетельствующие о более глубоких внутренних изменениях, происходивших в его структуре. Особенностью этих изменений было то, что при сохранении господства патриархально-феодальных отношений в сфере духовной жизни казахского общества складывались условия, намного опередившие развитие экономических отношений. Такое положение создалось в результате неравномерности распространения влияния России и ее официальной политики на различные сферы общественной жизни казахов. Наибольшее влияние оказывала передовая Россия на общественную и духовную сферу казахского общества, особенно на его молодежь, в той или иной мере связанную с городской культурой и культурой русского населения. Более медленным и затяжным было влияние России на экономическую жизнь степного региона.

Усиление в первую очередь политического влияния царского правительства на казахское общество, а также растущие контакты и связи казахского населения с русским, сделали необходимой ускоренную подготовку грамотных людей из среды местного населения, владеющих русским языком.

В этом были заинтересованы и местная знать, и царские наместники, но и те и другие исходили из своих узких, нередко противоположных интересов. Так, царская администрация надеялась создать касту чиновников из казахов, способных проводить их политику в крае, а местная знать больше пеклась о защите своих прав и привилегий с помощью тех же образованных казахов.

В 80-х гг. XIX в. в казахской степи появились первые по-европейски

образованные казахи, а в начале 10-х гг. XX в. их было уже несколько десятков. В степи стали встречаться студенты-казахи, обучавшиеся в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Казани, Варшавы, Юрьевска, Томска.

Значительно увеличилось число окончивших гимназии, русско-казахские училища, учительские курсы, волостные и аульные казахские школы с преподаванием русского языка и естественных дисциплин. При всем этом удельный вес грамотных, в особенности грамотных порусски, в среде местного населения был незначителен.

Расширение европейского образования в конце XIX в., в особенности в начале XX в., было заметным явлением в жизни казахского общества и внесло определенные изменения в его интеллектуальную структуру.

Получившие уроки цивилизации, познавшие ее благотворное влияние на народное состояние и впитавшие немало ценного из русской культуры зараженные просветительскими идеями молодые казахи возвращались в свои аулы одни после окончания учебных заведений России, другие – после более или менее длительных контактов с русской, татарской и башкирской интеллигенцией и более передовым образом их жизни. Перед ними стояла дилемма: либо приспособиться к степной, патриархальной и отсталой аульной жизни, раствориться в ней, занимая должности переводчиков, письмоводителей, канцеляристов, либо идти в народ, посвятить себя его интересам, попытаться вывести его из патриархальщины и косности, пробудить в нем стремление к преодолению своей отсталости. Многие из казахских молодых интеллигентов выбрали второй путь.

На формирование национальной казахской интеллигенции влиял ряд социальных и общественно-политических факторов:

1. Оно совпало с революционными событиями в России 1905 – 1907 гг., под мощным натиском которых царский трон и царский авторитет сильно пошатнулись.

2. Основной ее образовательной базой были русские учебные заведения в метрополии и приграничных городах, при ставках гражданских и военных губернаторов, правивших делами казахского края.

3. Формирование младонациональной казахской интеллигенции происходило на таком историческом этапе развития, когда казахское общество по своему политическому и социально-экономическому положению уже превратилось в полностью контролируруемую колониальную окраину Русской империи.

4. Основной общественной средой, из которой вышли казахские интеллигенты и с которой они были органически связаны, являлось

отсталое кочевое и полукочевое скотоводческое общество с господством патриархально-феодальных отношений. По социальному составу интеллигенция была разночинной: наряду с выходцами из зажиточной и средней части населения были и дети рядовых шаруа. В большинстве этих семей существовали прежде культ покорности царю и его политике, борьбы за новые чины в системе местного управления под властью царских наместников. Все эти факторы и обстоятельства наложили отпечаток на воззрения и общественно-политическую деятельность основной части казахской интеллигенции.

Особенно сильное влияние на идейную жизнь казахского общества оказала революция 1905 – 1907 гг. Она открыла глаза на Россию окраинным отсталым народам, которые увидели в России – Россию царскую и Россию рабочих и крестьян, безжалостно эксплуатируемых и подавляемых царизмом. Именно после революции 1905 – 1907 гг. в России в патриотически настроенных кругах казахской интеллигенции заговорили о союзе и совместной борьбе русских и казахов против политики царского правительства в крае.

Революция 1905 – 1907 гг. имела решающее влияние на казахское общество и в другом плане. По своему характеру она была буржуазно-демократической и проходила под лозунгами борьбы за социальную справедливость, свободу, равенство, за лучшую жизнь, против феодально-монархической системы. Эти политические требования русских рабочих, разносившиеся по всей России, были источником и стимулом для формирования местных программ общественного обновления в национальных окраинах, в том числе и в Казахстане. Именно с русской революцией 1905 – 1907 гг. связано пробуждение национальной жизни в Казахстане, заметное оживление политической активности среди населения.

На этом фоне создание печатного органа, способного донести до широкого круга населения мысли и взгляды младо-казахской интеллигенции, а также служащего средством мобилизации сил для решения назревших вопросов национальной жизни и ее развития, стало закономерной необходимостью, обусловленной с таким развитием казахского общества начала XX в.

Царское правительство и его наместники в Казахстане противодействовали намерениям казахской интеллигенции наладить издание национальных газет и журналов. Это противодействие особенно усилилось, когда царская администрация увидела ее связь с русской общественной жизнью, с ее передовыми деятелями. В этом правительство видело опасность для интересов дальнейшей колонизации края. Оживление национальной жизни в казахском обществе было для ца-

ризма нежелательным. С одной стороны, оно могло нарушить то «спокойствие и послушание», которое, по мнению царских чиновников, было характерно для основной массы местного населения, а с другой – могло усилить контакты между казахским и русским обществами и тем самым создать дополнительные трудности в борьбе с оппозицией официальной политики. Однако сознавая, что совсем избежать решения этого вопроса нельзя, необходимо было идти по линии издания приложений к некоторым губернским и областным ведомостям, издающимся в крае как официальные органы. В крайнем случае допускалось издание газет на казахском языке по примеру прошлых лет. И в первом и во втором случаях правительство осуществляло полный контроль над изданиями как государственными органами печати.

В конце XIX в. – начале XX в. на казахском языке издавались две газеты «Туркестан уалаятының газеті» (1870 – 1881) и «Дала уалаятының газеті» (1888 – 1902). Первая выходила в Ташкенте и была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства, а вторая издавалась в Омске степным генерал-губернаторством. В них в основном печатались распоряжения правительственных органов и материалы о проведении политики царизма в крае, в неофициальном отделе иногда давались материалы по истории, этнографии и литературе Казахстана. Но и эти газеты, вопреки намерениям царского правительства, сыграли в целом положительную роль в общественной жизни края.

После 1905 г. оживление идейной жизни казахского общества выразилось в попытках организовать ограниченные по составу совещания с приглашением влиятельных лиц из степной знати, а также основать неправительственный печатный орган. Одно из таких совещаний состоялось 28 мая 1906 г. в Актюбинске, во время выборов депутатов в I государственную думу, на котором был поставлен вопрос об издании на казахском языке журнала. Было вынесено решение о сборе средств на эти цели и назначен казначей С. Иманшалов. Однако издание журнала откладывалось из-за отсутствия базы и разногласий о месте пребывания редакции. В 1908 г. в Оренбурге, под руководством Смагула Иманшалова и Сералы Лапина, состоялось новое совещание с участием некоторых аксакалов, на котором было принято решение об издании казахской газеты на средства, пожертвованные населением. Подобно предыдущим попыткам и эта начинание осталось нереализованным.¹

Такие совещания устраивались и в Петербурге группой казахских членов Государственной думы и казахской интеллигенции в 1905 – 1907 гг. В них принимали участие и студенты-казахи, обучавшие-

¹ См.: Зиланов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 44-45.

ся в столице – в г. Москве. В 1907 г. депутат Государственной думы Ш. Кошегулов договорился с татарским издательством в Петербурге о выпуске казахского журнала «Серке». Однако первый же его номер показался цензуре неблагонадежным, и его издание было запрещено. В том же году в г. Троицке вышел первый номер «Киргизской газеты» (на казахском и русском языках), инициаторами которой были Ж. Андреев, Е. Исмаилов, Х. Сосновский, Есмухамедов и Иманбаев. Имеются некоторые сведения, что в числе инициаторов ее издания был и Мухамеджан Сералин. Эту газету постигла та же участь: первый ее номер был и последним.

Группа казахской молодежи пыталась наладить издание газеты «Дала» (Степь) в г. Томске, но и она вскоре была закрыта. Студенты-казахи медресе, обучавшиеся в г. Уфе, выпустили несколько номеров рукописного журнала «Садак». Такие попытки стали повсеместным явлением в Казахстане.

Создание национального печатного органа превратилось в начале XX в. в национальную проблему. Решать ее настойчиво взялась младонациональная интеллигенция, пытавшаяся перенести буржуазно-демократические лозунги в условия отсталого, патриархально-феодального казахского общества. Это движение, нашедшее ощутимую поддержку в демократических кругах и в кругах оппозиционных правительству партий и деятелей России, набрало силу, со временем стало влиятельным движением в обществе.

Правительство, позиции которого серьезно пошатнулись в результате революционных выступлений русского рабочего класса и крестьянства в метрополии, вынуждено было пойти на «уступки» и дать официальное согласие на издание казахского печатного органа, но с усиленным цензорским надзором.

В конце 1910 г. правительство удовлетворило ходатайство М. Сералина и дало разрешение на издание журнала. В нем было сказано: «Киргизу Кустанайского уезда Чубарской волости №5 М. Сералину выдано разрешение на издание в г. Троицке под его ответственность ежемесячного журнала «Эй-Кафь» по следующей программе: передовые статьи, заграничные вести, вопросы мусульманской жизни, хроника, фельетоны и стихотворения, библиография и научные статьи, письма в редакцию».¹

10 января 1911 года в г. Троицке вышел первый в истории казахский национальный журнал «Айкап», 16 марта того же года увидел свет первый номер газеты «Казахстан», печатавшийся на казахском и русском языках. С 2 февраля 1913 года в г. Оренбурге начала выходить

¹ Ленинградский исторический архив. Ф. 776. Оп. 21-П. Д. 1. Л. 386.

газета «Казах». Накануне февральской революции в г. Ташкенте стала издаваться газета «Алаш». Все эти издания имели различные идейные направления, в зависимости от позиции и взглядов их издателей.

В этих изданиях в полной мере отразились все противоречия времени и общества, жизнь которого они отражали, революционный подъем событий 1905 – 1907 гг. сменился наступлением реакции, которая в свою очередь подготавливала условия для нового этапа социальных потрясений. Царский манифест о новой демократии, борьба вокруг Государственной думы подвели к началу первой мировой войны, лозунги «Война до победного конца!», «Храни царя и Отечество!» перемежались с лозунгами «Долой царя!», «Хлеб и свободу народам!». Назревала революционная ситуация, направленная против священных устоев многовекового царского режима и социальной несправедливости, угнетения человека человеком. Вместе с тем на этих изданиях отразилось и то особенное, что было характерно для самого казахского общества. Колониальное положение края, политика жестокого подавления инакомыслия в крае в полной мере отражались на печатных органах. К тому же следует иметь в виду, что эти казахские периодические издания были основаны не политическими партиями, которых еще не было в казахском обществе, и не профессиональными организациями, а малочисленной младонациональной интеллигенцией, формировавшейся в большинстве своем на стыке двух культур – русской и казахской.

Журнал «Айкап» был основан казахским учителем Мухамеджаном Сералиным, который был не только его организатором и издателем, но и его ведущим составителем – автором и идейным руководителем, редактором. Его историческая заслуга состоит в том, что он был первым, наладившим издание национального журнала демократического направления в Казахстане. Журнал «Айкап» стал окном в просвещенный мир.

Изданию журнала предшествовала значительная подготовительная работа: накопление средств, хлопоты о получении специального разрешения от официальных властей на это, подбор будущих авторов и переговоры с типографскими учреждениями и лицами, способными участвовать в издании журнала и поддерживать его материально.

История издания журнала «Айкап» в литературе почти не освещена, не изучен и путь, по которому шел М. Сералин к его созданию, а вместе с тем этот этап его деятельности важен не только в познавательном, но и в научном плане, ибо мотивы и цели создания журнала не могли не отразиться на его содержании. Отсутствие данных и материалов явилось в прошлом основным препятствием в воссоздании

истории журнала. Этот пробел в изучении деятельности и взглядов М.Сералина в периоды подготовки и издания журнала в определенной степени может быть теперь восполнен. В нашем распоряжении сегодня имеется ряд записей С.С. Ужгина, посвященных общественно-политической биографии М. Сералина, охватывающей 1905 – 1917 гг., написанные в разные годы и с разной целью, но дополняющие друг друга. В них есть упоминание о том, что первоначально речь шла об издании русско-казахской газеты демократического направления. Причем М. Сералин взялся редактировать казахскую часть, а журналист Ильинский – русскую часть газеты. Ильинский, по поручению своих коллег, повел успешные переговоры с казахскими баями С. Иманшаловым, К. Алдияровым и Клышбаевым, проявившими определенный интерес к решению национальных проблем, относительно материальной поддержки новой газеты. Узнав об этом, М. Сералин запротестовал и заявил, что он не будет работать в газете, финансируемой этими баями, а следовательно, выполнять их заказы. Выход М. Сералина из редакции будущей газеты предопределил неудачу плана ее издания.

Отказ М. Сералина сотрудничать с указанными представителями казахской крупной знати имел основания. В принципе он считал, что пожертвования со стороны казахской знати на издание национального печатного органа необходимы, такой возможностью обладали только они. Но пользоваться такой поддержкой со стороны указанных баев М. Сералин не мог. Против бая С. Иманшалова М. Сералин писал памфлеты и стихи об его бессердечии и произволе по отношению к беднякам, высмеивал его притязания на образованность. Эти материалы в рукописях распространялись по аулам. Позже получил огласку случай утаивания С. Иманшаловым средств, собранных им с населения для издания национальной газеты.

Одиозной фигурой был и Кара Алдияров. По воспоминаниям Толепбергена Сейткалиева, как только было получено известие в г. Троицке о февральской революции 1917 г. о низложении царя, в доме Жанши Сейдалина состоялось большое собрание местных казахских интеллигентов с участием М. Сералина. В нем участвовал и известный казахский революционер Омар Досшанов, только что освобожденный из тюрьмы. Увидев К. Алдиярова среди присутствовавших, он набросился на него. Алдияров был одним из доносчиков на О. Досшанова при царе. М. Сералин, присутствовавший при этом инциденте, постарался не допустить дальнейшего осложнения ситуации. Неблаговидные дела Алдиярова ему были хорошо известны.

Сам факт, что М. Сералин с самого начала издания газеты или журнала не хотел связываться с крупными баями, преследующими

узкокорыстные классовые цели в национальном движении, говорит о его демократических взглядах, сориентированных на интересы народных масс, а не верхушек казахского патриархально-феодалного общества.

Воспоминания С. Ужгина об истории подготовки издания журнала «Айкап» имеют достаточно достоверную основу. Но, как всякие мемуарные материалы, воспоминания С. Ужгина не свободны от субъективных привнесений. Однако в воспоминаниях всегда ценны факты и детали исторических событий, наиболее емкими источниками которых они являются. По рассказам С. Ужгина, «мысль об издании печатного органа с демократической направленностью возникла в г. Троицке бывшей Оренбургской губернии, среди татарской буржуазно-демократической интеллигенции, во главе которой стоял Ганиев, приказчик либерального купца Яушева...

Татарская буржуазно-демократическая интеллигенция нуждалась в рупоре, через который она могла бы влиять на трудовые массы и, прежде всего на казахские массы, находившиеся под влиянием ислама и предрассудков отсталого кочевого быта. Таким рупором, по мысли Ганиева, могла служить газета с демократическим направлением».¹ В конце 1904 г. создалась благоприятная ситуация для реализации этого плана. Поражение России в русско-японской войне еще больше усилило недовольство народных масс, в том числе и на окраинах империи. Ганиев в это время вел переговоры с казахским учителем Мухамеджаном Сералиным о редактировании газеты. Предполагалось издавать газету на двух языках – русском и казахском. М. Сералин должен был редактировать казахскую часть. Было также установлено, по словам С. Ужгина, что газета будет освещать жизнь и нужды «рядовой казахской массы и русских переселенцев». Хотя договоренность в принципе была достигнута, однако финансовые, производственные и другие вопросы, связанные с изданием газеты и определением ее направления, задержали ее выпуск.

В 1906 г. М. Сералин вел переговоры с П.А. Зиссером, редактором газеты «Зауралье», начавшей выходить с мая в г. Троицке. Она издавалась на средства либеральной местной русской интеллигенции и считалась «крайне левого направления». П.А. Зиссер, связанный с местной социал-демократической организацией и знавший М. Сералина раньше, изъявил готовность освещать на страницах редактируемой газеты положение и интересы трудовых масс казахов и опубликовать обращение М. Сералина к патриотически и демократически

¹ Ужгин С. Странички былого. «Айкап» – первый демократический журнал на казахском языке. Воспоминания. Рукопись. Кустанай. Обл. истор. краев. музей.

настроенной части казахского населения о материальной поддержке начинания, связанного с изданием национальной газеты. П.А. Зиссер не только поддержал идею М. Сералина об издании газеты, но и выступил ходатаем перед владельцем типографии, где печаталось «Зауралье», о приобретении арабского шрифта для целей нового издания. Но уже после достижения договоренности оренбургский губернатор распорядился закрыть газету «Зауралье» «за вредное направление» и наложил запрет на приобретение типографией арабского шрифта. Почти в то же время был арестован и осужден на каторгу Юдин, редактор социал-демократической газеты «Степь», издававшейся в г. Оренбурге, с которой также вел переписку М. Сералин по поводу своего плана об издании газеты.

«Отбывая второй год ссылки в Тюмени, бывшей Тобольской губернии, – пишет С. Ужгин, – летом 1909 г. я получил от редактора газеты «Троицкий вестник» предложение написать несколько статей по национальному и земельному вопросам в Казахстане, причем редактор закончил письмо припиской: «Мы снова затеваем издание печатного органа на киргизском языке, на этот раз популярного ежемесячника». По словам С.Ужгина, тогда он не понял, кого имел редактор ввиду под словом «мы». Несколько позже он узнал, что инициаторами этого дела были М. Сералин и Ганиев. Об этом М. Сералин сам написал в письме С. Ужгину, присланном ему через общего знакомого Селянкина. «В письме М. Сералин делится своими мечтами об издании ежемесячного журнала и обстоятельно описывал разброд среди казахской интеллигенции, зажатой в тиски столыпинского режима».

Действия М. Сералина не остались незамеченными местной властью, охранявшей интересы царского режима в Казахстане, тем более что его памфлеты и басни, частью в переложении на русский язык С. Ужгина, имевшие «неудобное правительству содержание», вызвали подозрения у властей относительно «благонадежности» М. Сералина. Кустанайская администрация, указывает С. Ужгин, с одинаковым усердием охотилась за русскими и казахскими литераторами, в числе которых видной фигурой был и Сералин. Однако прямых доказательств для его обвинения власти не имели.

Особый интерес представляет рассказ М.Л. Страховенко, записанный нами в Москве в 1978 г. Он длительное время работал репортером газеты социал-демократической организации «Степь» и лично знал многих революционеров-подпольщиков кустанайщины, оказывавших помощь и поддержку М. Сералину во многих его начинаниях и делах. М. Сералину к 1911 г. удалось собрать вокруг себя несколько казахских интеллигентов, с энтузиазмом воспринявших идею об издании казах-

ского журнала. С их помощью, а также с помощью татарских друзей и собственными усилиями им были собраны необходимые средства для начала издания. Солидный взнос внес либерально настроенный троицкий купец Яушев, считавший себя в какой-то мере покровителем дел Сералина.

Сложными были организационная и техническая сторона издания журнала: поиск арабских шрифтов, наборщиков, бумаги, типографской базы. В решениях многих из этих вопросов значительную помощь оказали М. Сералину старые друзья и товарищи – русские революционные социал-демократы Ф. Сыромолотов, С.С. Ужгин, Зиссер, Юдин. Они помогли ему заключить договор с владельцем типографии «Энергия» Хаимом Сосновским, в известной степени терпимо относившимся к делам и идеям либеральной русской и казахской интеллигенции. В результате многотрудных хлопот 10 января 1911 г. в г. Троицке вышел первый номер первого в истории Казахстана национального журнала «Айқап».

Сам М. Сералин об этом так писал в 1924 г.: «После 1905 г. появились некоторые проблески для изданий инородцев... Однако казахский народ из-за своей темноты не мог воспользоваться результатами революции 1905 г. Известные татарские деятели с участием двух-трех казахских джигитов начали издавать в Петрограде журнал «Серке» на полуказахском и полутатарском языках. Этот журнал, увидевший свет во время царствования кровавого Николая, скоро был похоронен... В те мрачные времена, в 1911 г., в г. Троицке начал выходить казахский журнал «Айқап». Через некоторый период он издавался два раза в месяц».¹

В первом номере журнала М. Сералин рассматривал причины неудач прежних лет по налаживанию издания национального печатного органа. Одной из основных причин он считал несогласованность и отсутствие единого взгляда среди организаторов, а также нежелание людей, владеющих огромными средствами, выделить часть из них на издание национального журнала или газеты. «Мы постоянно упрекали друг друга в лени и глупости и от досады часто разводили руками. Увы-увы, к сожалению, ошибки нам не шли впрок», – сетовал М. Сералин. Это дало и название журналу («ай-қап» дословно – как жаль, возглас досады, сожаления, «увы-увы»). Но тут же М. Сералин выражал надежду, что совместные усилия энтузиастов не дадут погибнуть этому слабому ростку, и порукой тому является рост числа людей, думающих о судьбе родного народа.

Выход журнала сразу привлек внимание широкой общественности.

¹ Аул, 1924, 10 мая.

В газете «Оренбургский край» по этому поводу вышла статья «Му-сульманская печать», в которой в благожелательном тоне характеризовалось это издание. «...Киргизский двухнедельный общественно-политический журнал «Айкап», – писала газета, – представляет в высшей степени самобытное и по характеру, и по типу издание. Редактором названного журнала является коренной степняк – киргиз М. Сералин... Пять дней в неделю он проводит у себя за работой в ауле, а на шестой приезжает в город для редакционной работы. Зная его за человека мелкого достатка, просто удивляешься, как это можно осуществить солидный (до 4/5 листов) двухнедельник, имеющий небольшой тираж в 900 – 1200 экземпляров. Но это секрет только для тех, кто не постиг тайны того духовного родства, которое установилось среди киргизской интеллигенции, между журналом и киргизской массой... Назвать этот журнал предприятием, основанным на коммерческих началах, было бы тягчайшей ошибкой. Это удивительно выдержанный тип туземно-народного издания, являющегося лучшим показателем успехов культурной работы прогрессивной киргизской мысли».¹

Журнал «Айкап» находился и издавался под строгим надзором правительственных органов, еще больше усилившимся с начала первой мировой войны. Цензоры требовали от всех органов печати, особенно на окраинах империи, великодержавного «патриотизма» и пропаганды царской политики во внутренних и внешних делах. Был введен предварительный цензорский контроль на издания, по которому цензор просматривал все подготовленные к публикации материалы и сигнальные гранки газет и журналов и давал разрешение на их размножение. При этом цензоры особенно бесцеремонно обращались с «инородческими» изданиями, в том числе с «Айкапом». Особым усердием отличался цензор жандармский полковник Кучин, надзиравший над «Айкапом». Как свидетельствует С. Ужгин, он вычеркивал и снимал даже статьи, рассказывающие о несправедливых действиях землемеров в казахской степи при отводе ими земель в переселенческий фонд.

Со второй половины 1915 г. журнал «Айкап» прекратил свое существование. Причину закрытия журнала Х. Бекхо-жин связывает с публикацией на ее страницах статьи большевика Ф.Ф. Сыромолотова, осуждающей первую мировую войну. Это вызвало гнев властей, и журнал был закрыт, а сам М. Сералин чуть было не угодил в ссылку в Сибирь.²

В одной из статей, опубликованных в советский период, сам

¹ Оренбургский край, 1912, №155.

² Аул, 1924, 10 мая.

М. Сералин писал, что «с августа 1915 г. журнал перестал выходить из-за недостатка средств».¹ По-видимому, оба эти фактора сыграли роль в прекращении издания журнала.

2. Идеиная направленность журнала «Айкап»

Одним из принципиальных вопросов, не освещенных до сих пор в литературе, а следовательно, не рассмотренных в ней, является вопрос о том, можно ли сводить взгляды и идейные позиции М. Сералина к журналу «Айкап», говоря иначе, насколько правомерно судить о них по деятельности М. Сералина в журнале «Айкап». До сих пор такая постановка проблемы считалась неправомерной, а общая идейная направленность журнала принималась как выражение позиции самого М. Сералина. Для характеристики М. Сералина этого периода почти единственным основанием служили его статьи, опубликованные в журнале. Такой подход нам представляется ущербным, не отражающим действительного положения вещей.

Появление и деятельность журнала «Айкап» определяли два фактора: социально-исторический и цензурный. Как уже отмечалось, рожден он был всем ходом внутреннего и внешнего развития казахского общества. Исходя из этого, нельзя «Айкап» отрывать от казахского общества того периода, тем более нельзя рассматривать его обособленно, вне связи с его насущными проблемами. Вместе с тем следует помнить, что, хотя журнал и был легальным изданием, но не был официальным органом. Как издание «иностранное» он находился под жестким цензурским контролем.

М. Сералин и другие участники издания журнала «Айкап» вынуждены были считаться с требованиями жесткого административного контроля. Поэтому не всегда они могли открыто высказывать свои мысли и нередко прибегали к нелегальным формам распространения своих идей и взглядов.

По уровню идейной и политической зрелости М. Сералин стоял ближе к революционно-демократической русской и татарской, чем к местной казахской интеллигенции. В этом, можно сказать, он опережал развитие казахского общества и тех, кто ограничивал себя узко-местными интересами.

Свою реакцию на революцию 1905 – 1907 гг. в России в одном из стихотворений тех лет, которые в рукописном виде он разослал своим знакомым, жившим в казахских волостях и аулах Кустанайского уезда, выразил следующим образом:

¹ Бекхожин Х. Очерки истории печати Казахстана. Алма-Ата, 1981. С.50.

*Русский брат богатырской рукой
Знамя красное взвил над Землей.
На царя, на злодеев-владык
У рабочих отточенный штык.¹*

Ни один казахский деятель того периода не выражал свои мысли так ярко, революционно, как М. Сералин в этих строках.

М. Сералин видел не только возможность, но и необходимость совместной борьбы казахского трудового народа с русским народом против царского режима. Однако призывы на такую борьбу в тот период были преждевременны. Он не мог не видеть отсталости казахского общества, опутанного патриархальными и феодальными отношениями. На том уровне его развития идеи социальных преобразований еще не могли найти сколько-нибудь широкого отклика и понимания, гораздо ближе народу были национальные проблемы. И не сознавать злободневных местных и специфических вопросов, более того, не учитывать социальных и идейных позиций тех, кто претендовал на роль защитника народных интересов, М. Сералин не мог.

В материалах С. Ужгина о журнале «Айкап» и самом М. Сералине имеются сведения и факты, проливающие свет на его идейную ориентацию. Известно, что М. Сералин, издавая журнал, работал рядом и вместе с русскими революционерами, занятыми в редакции троицкой газеты «Степь», органа местной социал-демократической организации. Общая типографская база и редакторское помещение позволяли постоянно общаться и обмениваться мнениями относительно направления и содержания печатных материалов. По свидетельству С. Ужгина, между М. Сералиным, с одной стороны, и некоторыми русскими революционерами – с другой, нередко возникали разногласия. С позицией журнала «Айкап» в освещении некоторых важных вопросов не соглашалась часть его друзей. Ф. Сыромолотов, например, упрекал Сералина в забвении нужд и интересов национальных рабочих. У М. Сералина были на то свои, достаточно убедительные аргументы: «Казахов-рабочих немного, а кибитковладельцев – сотни тысяч. Отхожие заработки казахской бедноты не занимают в хозяйстве казахов главной отрасли. Главной фигурой за переустройство всей жизни казахов является трудовик-средняк, на него журнал и должен делать ставку». Оппоненты же считали, что непонимание Сералиным роли киргизского (казахского) пролетариата, пусть немногочисленного, приведет к заблуждениям. М. Сералин на это отвечал, что «главной

¹ Приводится по кн.: *Куприн Г.А.* Кустанай. Историко-информационный путеводитель. Алма-Ата, 1979. С. 14.

социальной фигурой в степи являются крестьяне-скотоводы и первостепенная задача – овладение их мыслями. Практически это вовлечение его именно в круговорот событий, связанных с переходом на оседлость».¹

Вопрос об освещении проблем казахских рабочих в журнале приводил к углублению расхождения Сералина с некоторыми русскими литераторами и с С. Торайгыровым, принимавшими деятельное участие в становлении журнала. М. Сералин глубоко переживал это, но твердо оставался на своих позициях. Большевику Цвиллингу, работавшему в редакции газеты «Степь», он признавался: «Конечно, и Сыромолотов, и Торайгыров правы, но я слаб в революционной теории, трудно мне объять своим умом тонкости политики. Я же не ставил перед собой задачу сделать журнал революционной трибуной, только нутром чувствую, что в теперешнее время надо пользоваться легальными средствами, не рискуя закрытием журнала».²

При рассмотрении идейной направленности журнала «Айкап» и разногласий Сералина с русскими социал-демократами очень важно не впасть в односторонний подход. Было бы неверным видеть в этих разногласиях только ошибочность взглядов М. Сералина. В тех условиях, когда издавался журнал, он объективно не мог быть революционным изданием, и требования Сыромолотова и других шли не только от недопонимания состояния казахского общества того времени, но и от недопонимания тех целей, которые ставил перед журналом, сам Сералин: объединение всего лучшего, прогрессивного, что было в казахском обществе, его просвещение и воспитание национального самосознания. Сам М. Сералин был и порождением, и отражением казахского общества. Журнал «Айкап» хотя и находился под влиянием местных русских революционеров, однако, направлен он был на отражение не политических и революционных событий в России, связанных в первую очередь с выступлениями русского рабочего класса, а социально-экономических изменений в казахском обществе в условиях колониальной политики царизма. Нам представляется необходимым выделить три аспекта проблемы идейной направленности журнала «Айкап»: убеждение, идейные позиции самого М. Сералина в период издания журнала; обстановка, в которой работал Сералин; оценка журнала с точки зрения статей, публиковавшихся в нем.

Следует иметь в виду, что, хотя журнал «Айкап» и был легальным, работал он в условиях жесткой цензуры. Из него нередко изымались

¹ Ужгин С. Странички былого. «Айкап» – первый демократический журнал на казахском языке. Л. 15-16.

² Там же. С. 17.

статьи по требованиям царской администрации или цензуры. По этим причинам М. Сералину приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы обойти эти препоны. По совету Цвиллинга, рекомендовавшего помещать в журнале статьи о первой мировой войне, М. Сералин написал статью «Кому выгодна война?». По воспоминаниям С. Ужгина, в ней довольно осторожно излагались взгляды эсера Матвеева по земельному вопросу в Сибири и Казахстане, статья которого была напечатана перед этим в газете «Степь». Матвеев предлагал поставить перед Государственной думой вопрос о введении помещичьего землевладения в восточных регионах. М. Сералин выразил свое несогласие с такой точкой зрения. Уже в гранках статья была представлена цензору – полковнику жандармерии Кучину. О реакции Кучина на нее мы читаем у Ужгина: «Он, топая ногами, заорал: «Как! И ты, киргизская образина, посмел осуждать патриотическое начинание. Да, знаешь ли ты, что русское благородное дворянство принесет в киргизскую дикую степь такую культуру, которая ни тебе, ни твоим предкам не снилась?»¹

Это глубоко оскорбило М. Сералина, надломило его физически и морально. «К концу 1915 года, свидетельствуют современники, он выглядел совершенно больным человеком: одряхлел, былой огонек в его темно-карих глазах угасал».²

Как видим, не только направленность на проблемы казахского общества, но и условия, в которых работал М. Сералин, обуславливали тематику и идейное содержание многих статей. Сам М. Сералин в 1924 г. в статье, посвященной истории создания журнала «Айкап», писал, что журнал «не был органом трудящегося класса. Он, будучи народным, не придерживался определенной классовой, политической и экономической ориентации».³ Понять эту мысль автора можно если конкретно, а не абстрактно представлять казахское общество. Казахские шаруа – аульные крестьяне, которые составляли 80 – 95% всего казахского населения, в своем идейно-политическом развитии оставались и в начале XX в. неорганизованной, раздробленной и в основном пассивной социальной силой, способной лишь на отдельные стихийные выступления.⁴

Над казахским шаруа довели интересы своей общины, своего рода, следовательно, его идейный горизонт в большей части ограничивался тесными рамками отношений внутри родовой группы, аула и двора. Этими же отношениями они были отгорожены от внешнего

¹ Ужгин С. Странички былого... Л. 20.

² Там же.

³ Аул, 1924, 10 мая.

⁴ См. кн.: Зиланов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 30-32.

мира цивилизации и в своем большинстве пребывали в отсталости. Природа была им ближе и понятнее, чем люди и их отношения.

Одной из причин идейной «спячки» шаруа было отсутствие или крайняя слабость национальных сил, способных нести в их ряды в доступной и понятной форме передовые социальные идеи. Поэтому нам представляется неправомерным рассматривать журнал «Айкап» в отрыве от тех конкретно-исторических условий, в которых находилось казахское общество. Политические события в России в начале XX в. пробудили национальные окраины. Это совпало с проникновением в определенные регионы казахского общества элементов буржуазных отношений. Область же кочевого и полукочевого скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства, где была занята основная масса казахского населения, оставалась практически вне этих процессов.

Буржуазно-демократические идеи для казахского общества с господством в нем патриархально-феодальных отношений играли в тех исторических условиях революционизирующую роль.

Говоря о политических событиях на Востоке, В.И. Ленин писал, что «в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждение целого ряда буржуазно-демократических национальных движений».¹

На этапе национальных движений общенациональные мотивы и лозунги выдвигаются на первый план и временно заслоняют все другие общественные мотивы и идеи, т. е. становятся преобладающими, доминирующими в системе социальных интересов. Это общее явление, характерное на определенном этапе развития для всех народов, однако, не означает, что интересы и мотивы отдельных социальных слоев и классов стираются, исчезают.

Журнал «Айкап» связывал проблему преобразования казахского общества с просвещением и цивилизацией, с необходимостью преодоления старых, отживших, негативных норм адата и шариата. Невежество и безграмотность, косность основной массы населения, в особенности его трудовых низов, обособленность отдельных хозяйственных мирков, связанных с кочеванием, отсутствие культурных очагов в центре степных районов журнал считал основными причинами отсталости, неразвитости казахского общества и его народа.

«Айкап», на страницах которого печатались авторы различных взглядов и идейных установок, в целом был проводником идей младонациональной казахской демократической интеллигенции, ориентированной на тесный союз русского и казахского народов, на демократическую Россию. Это отличало его от других органов национальной печати того периода.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 269.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. СЕРАЛИНА

1. М. Сералин в годы революционного движения 1905 – 1907 гг. в России

Российская революция 1905 – 1907 гг. потрясла устои царского самодержавия и показала, что русский рабочий класс является самостоятельной политической силой, выступающей за свое социальное освобождение, всех других угнетенных слоев населения в многонациональной империи. Известия о кровавых событиях 9 января 1905 г. в Петербурге и выступлениях рабочих в Центральной России дошли и до казахских степей. На многих станциях Оренбургско-Ташкентской железной дороги происходили волнения рабочих. Забастовки охватили рабочих прииска Акмолинского уезда, угольщиков Экибастуза, соледобытчиков Баскунчака. В них принимали участие и казахские трудящиеся. Пристально наблюдая за событиями, В.И. Ленин писал: «За Петербургом последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет».¹

Революция 1905 – 1907 гг. пробудила трудовые массы казахского народа и подняла их политическую активность, в первую очередь национальных рабочих в борьбе за свои национальные интересы. Под непосредственным влиянием революционных событий в России заметно оживилась идейная и общественно-политическая жизнь Казахстана. 1905 г., как отмечал В.И. Ленин, был началом конца «восточной неподвижности».²

27 ноября 1905 г. в г. Уральске начала выходить первая татарская газета «Фикер» (Мысль), отражавшая взгляды местной демократической интеллигенции. В следующем году издается сатирический журнал «Уklar» (Стрелы) и литературно-общественный «Эль-Гаср-эль-Джадид» (Новый век), официальным редактором которых был К. Мутыги Тухватуллин, известный своими радикальными убеждениями. В работе этих органов непосредственно участвовал татарский поэт Габдулла Тукай. 4 января 1907 г. в Оренбурге вышел первый номер большевистской газеты «Урал»,³ издателями которой были Т. Соловьев и профессиональный революционер Хусаин Ямашев.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. II. С. 313.

² Там же. Т. 17. С. 178.

³ Искаков Б. Казахско-татарские литературные связи. Алма-Ата, 1976. С. 86.

Газета в доступной форме доводила до своих читателей идеи революции 1905 г. и основные требования большевиков в борьбе с самодержавием. Она решительно выступила против выдвинутой буржуазными националистами идеи по созданию для всех мусульман единой надклассовой партии. Газета по этому поводу писала: «Несмотря на общность религии, не все мусульмане могут вступать в одну и ту же партию, в так называемый «Союз мусульман», так как экономические интересы их далеко не одинаковы».¹ «Урал» издавался недолго: после выхода 31 номера 27 апреля 1907 г. он был запрещен властями. Тем не менее газета сыграла определенную роль в политическом пробуждении татарских, башкирских трудящихся.

Одним из первых казахов, открыто выступивших после «кровавого воскресенья» с критикой царского произвола в центре и в Казахской степи, был служащий Омской почтово-телеграфной конторы Максут Бекметов. 14 августа 1905 г. во время обыска в его квартире была найдена книга «Социальная революция», а при следующем обыске 2 сентября 1905 г. – текст революционной песни.² Он участвовал в митинге в Каракаралинске, состоявшемся 15 ноября 1905 г. по случаю объявленного царского манифеста 17 ноября. Как явствует из сохранившихся документов, на городской площади после чтения молитвы за погибших во имя свободы, казах Колбай Туленгутов (Тогусов) вытащил два красных знамени и высоко поднял вверх. Затем, передав одно знамя рядовому солдату Кашкину, возглавил шествие по городу.³ Усиленные наряды полиции разогнали демонстрантов. Полиция схватила М. Бекметова. Он был сослан в Казань, а затем в Оренбург. Многолетняя ссылка подорвала здоровье М. Бекметова, и в 1912 г., не дожив до 30 лет, он умер от заболевания легких. В некрологе, опубликованном в журнале «Айкап», сообщалось: «9 февраля в Оренбурге скончался один из представителей нашей подающей надежды казахской молодежи Максут Бекметов... За участие в забастовке телеграфистов в 1906 г. он был изгнан на много лет из родных мест и в последние годы писал статьи в русских газетах».⁴

Подобные примеры можно было бы продолжать. Они свидетельствуют о том, что под влиянием революционных выступлений русского пролетариата и идей борьбы против самодержавия постепенно втягивались в орбиту политической борьбы слои трудящихся масс и в национальных окраинах, в том числе в Казахстане.

¹ Приводится по кн.: *Хасанов Х.Х.* Революция 1905-1907 гг. в Татарии. М., 1965. С. 297.

² Омский обл. гос. архив. Ф. 270. Оп. 1. Д. 365. С. 128. С. 133.

³ Там же.

⁴ Айкап, 1912, №2.

Накануне и в период революции 1905 – 1907 гг. в России обучалось несколько десятков представителей казахской молодежи. Они живо интересовались литературной и политической жизнью России. Известен, например, факт, что 5 декабря 1904 г. группа студентов-казахов, обучавшаяся в Петербурге, обратилась с письмом к Л.Н. Толстому: «Мы общими силами перевели на казахский язык Ваше сочинение и желали бы напечатать и распространить его в казахских степях, казахи его поймут. Благодарные читатели, студенты-казахи».¹

Среди студентов было немало революционно настроенных. Они горячо и сочувственно обсуждали в своей среде выступления русских рабочих в центральной России. Один из них – Идрис Беркалиев, обучавшийся в Кронштадте, примкнул к забастовщикам. Над некоторыми студентами-казахами, учившимися в Петербурге, Москве, Киеве и Казани, жандармы установили полицейский надзор. За участие в революционном движении 1905 г. был исключен из учебного заведения в г. Москве А. Джангильдин. Подвергался репрессиям участник рабочего движения на заводе Алафузова в Татарии член ученической организации РСДРП, студент Казанской учительской семинарии Нугман Залиев. В 1906 г. был вынужден эмигрировать в Лондон Мамбетали Сердалин, который учился в Санкт-Петербургском университете с братом В.И. Ленина Александром Ульяновым. За участие в революционном движении 1905 г. был сослан в Нижний Тагил Галиахмет (Юрий) Арунгазиев, окончивший медицинский факультет Казанского университета.

К идеям социализма казахская интеллигенция шла сложным путем – от антиродовых, антифеодальных и антиколониальных установок. Главную задачу она видела в преодолении социально-экономической застойности казахского общества, порожденной патриархально-феодальными порядками и политикой колониализма, и поэтому в своей практической деятельности руководствовалась, прежде всего, идеей сохранения самобытности материальных и духовных ценностей, т. е. не выходила за рамки буржуазно-просветительских идей.

В годы реакции, последовавшие после столыпинских реформ и революции 1905 – 1907 гг., часть казахской интеллигенции охватило упадническое настроение.

Преодолению этого идейного кризиса способствовал новый подъем революционного движения в России, захвативший и национальные окраины. В Казахстане также активизировалась деятельность революционных организаций, в том числе марксистских. Особенно взрывоопасной была обстановка в Тургайской области, в частности в Кустанай-

¹ Толстой Л.Н. в Казахстане. Алма-Ата, 1979. С. 4-5.

ском уезде. Тому было несколько причин. Здесь были сосредоточены железнодорожные рабочие, отличавшиеся политической зрелостью и социальной активностью. Другой причиной было тяжелое положение переселенцев, оказавшихся без земли, а значит, и без средств к существованию. Вместе с тем изъятие лучших земель у скотоводов в пользу переселенцев вызывало недовольство местного населения.

Губернатор Тургайской области признавал, что землемерам нередко «противятся киргизы». Серьезные волнения казахов произошли в 1909 г. в районе урочища Узенкуль. С целью дальнейшего их предотвращения туда была послана казачья сотня из Перми. И наконец, соседство уездных городов Кустаная и Троицка с такими важными экономическими и политико-административными центрами, как Оренбург, Челябинск и Омск, в которых уже сложились революционные традиции, также способствовало активизации революционной деятельности в этом регионе.

Выходившая в г. Челябинске газета «Голос Приуралья» 18 апреля 1907 г. сообщила о выступлениях рабочих г. Кустаная: «Тяжелый экономический и политический гнет заставил их организовать и идти по пути, избранному российским пролетариатом».¹

По инициативе русских учителей в г. Кустанае в начале 1905 г. был организован нелегальный революционный кружок. 1 мая 1905 г. его члены организовали митинг, в котором участвовали около двух тысяч человек. Этот день явился днем оформления нелегальной Кустанайской группы РСДРП, в которую вошли 15 членов и около 10 сочувствующих.² Одним из сочувствующих был учитель Мухамеджан Сералин. Относительно быстро росло влияние этой ячейки. Определенную роль в этом сыграл качественный состав ее организаторов и активистов. В руководящее ядро группы входили С. Ужгин, Д. Пустовалов, З. Толстых, несколько позже – И. Голованов и В. Рябов, большевик, присланный из Омска.³ Многие из них имели теоретическую подготовку и опыт борьбы, были знакомы с революционной и марксистской литературой.

Одним из наиболее образованных, инициативных и активных руководителей ячейки был С.С. Ужгин. Он разбирался в местных условиях, пользовался большим авторитетом среди казахского населения. Кустанайский уездный начальник в рапорте от 12 мая 1907 г. доносил военному губернатору Тургайской области: «Семен Ужгин есть один из главных деятелей местного кружка, принадлежавшего к партии со-

¹ Революционное движение в Казахстане в 1905-1907 гг.; Сб. док. и мат. Алма-Ата, 1955. С. 278.

² Там же. С. 63.

³ Кустанай. Вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата, 1979. С. 32-33.

циал-демократов, и в политическом отношении является лицом далеко неблагонадежным. Подробные сведения о нем имеются в канцелярии Вашего превосходительства по секретной части».¹

Уроженец Тобольска агроном И.Ф. Голованов заведовал Кустанайской сельскохозяйственным складом земледельческих орудий переселенческого управления, депутат II Государственной думы от большевиков. Большевик В. А. Рябков был прислан Омской организацией РСДРП в 1906 г. Учитель М.А. Попов хорошо был знаком с социал-демократической и марксистской литературой. Другой член группы студент Л.К. Шульгин состоял членом Уфимской организации РСДРП, через него осуществлялась связь с центральными партийными организациями.

Кустанайская группа РСДРП имела большевистскую ориентацию и с самого начала обратила внимание на казахские аулы, где планировала вести целенаправленную агитационную работу среди казахского населения и пыталась привлечь на свою сторону активистов из числа молодых учителей-казахов. «Группа большевиков, – писал С. Ужгин, – возлагала большие надежды на работу их в казахских аулах. В итоге встреч и бесед с казахскими учителями удалось привлечь в качестве сочувствующих Сералина Мухамеджана, Кубеева Испандияра, в те годы это было большим достижением».²

Росту авторитета кустанайской группы РСДРП среди казахского населения в немалой степени способствовало в первую очередь то, что большинство ее членов хорошо знали быт, жизнь и проблемы казахского общества. Кроме того, большое значение она придавала вовлечению в работу группы передовых представителей местной казахской интеллигенции и казахских рабочих, а также распространению сферы влияния и на аульное казахское население.

Члены Кустанайской группы РСДРП сочувственно отнеслись к нуждам и положению казахского населения. Так, в статье «Плоды обрусения», опубликованной в местной легальной печати, С. Ужгин писал: «Кочевник никогда не был под защитой... Хищническая колонизация степи шаг за шагом подрывает хозяйство кочевников, тяготы налогов увеличиваются. Кочевое и оседлое население области лишено представительства в Государственной думе, а следовательно, и права отстаивать свои интересы от вожделений помещиков, в угоду которым продолжается хищническая колонизация киргизской степи. Общественная самодеятельность культурных сил населения учитывается как проявление крамолы и изгоняется из области в места не столь

¹ Революционное движение... С. 289.

² Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905-1907 гг. // Большевик Казахстана, 1946, №1, с. 26.

отдаленные».¹ Такие статьи получали значительный резонанс не только среди городской казахской образованной молодежи и рабочих, но и в среде аульного населения в глубине степи. Не случайно, что кроме М. Сералина сочувствующими революционной группе стали учителя С. Кубеев, Н. Иралин и др.

Все больше втягивался в революционно-политическую деятельность и М. Сералин – вначале в качестве сочувствующего с юношеских лет, затем зрелого пропагандиста идей борьбы с колониальным режимом в Казахстане. «Через Сералина и Кубеева, – писал С. Ужгин, – в казахские аулы впервые проникло смелое большевистское слово о необходимости взаимной солидарности русских и казахских трудящихся в схватке с общим врагом – царским самодержавием. Знакомство этих двух передовых учителей-казахов с основами программы партии поставило их в ряды пропагандистов большевизма и в среде казахских учителей, живущих в аулах. Нелегальная литература, в особенности листовки, переводились на казахский язык и в рукописном виде пересылались из аула в аул».² В этом высказывании есть доля преувеличения, но сам факт участия М. Сералина в политической работе в аулах бесспорен.

В 1904 – 1906 гг. М. Сералин установил связь с журналистом Ильинским, высланным из центральной России в г. Троицк, а также с политическим ссыльным, бывшим народником-революционером П.А. Зиссером, редактировавшим с мая 1906 г. газету «Зауралье» в г. Троицке. М. Сералин вел также переписку с Юдиным, редактором социал-демократической газеты «Степь», выходившей в г. Оренбурге. Юдин поддерживал идею М. Сералина об издании казахской газеты или журнала, собирался оказать ему необходимую поддержку, но в 1905 г. был арестован и отправлен на каторгу.

Значительную помощь в подготовке и издании журнала «Айкап» оказывали также Ф. Сыромолотов, Цвиллинг и др. Следует отметить связь М. Сералина с Х.Ш. Сосновским, владельцем типографии «Энергия», в которой печатался журнал «Айкап». В одной из своих журнальных статей М. Сералин благодарил Х.Ш. Сосновского за предоставление ему на льготных условиях типографии, бумаги, красок и других материальных средств для издания журнала. Секрет такого отношения к М. Сералину и его журналу несколько раскрывают новые материалы. Напасть на их след нам помогла встреча с М.Л. Страховенко, в свое время знавшим Сосновских. Сам Х.Ш. Сосновский лояльно

¹ Троицкий вестник, 1908, 7 августа.

² Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905 – 1907 годах // Большевик Казахстана, 1946, №1, с. 26.

и даже сочувственно относился к кустанайской организации РСДРП, а его брат Лев Семенович Сосновский с 1903 г. являлся членом большевистской партии. В свое время он через революционерку Марию Оскаровну Авейде и Клавдию Тимофеевну Новгородцеву-Свердлову познакомился с Я.М. Свердловым. В автобиографии Л.С. Сосновский так вспоминает свою встречу с Я.М. Свердловым: «Появился Я.М. Свердлов, который сразу меня очаровал как тип настоящего революционера. Стал я посещать собрания и массовки. Печатал на гектографе прокламации. Выполнял разные мелкие поручения. Так подошли события осени 1905 г. Организация располагала крупными силами. Свердлов, Чуцкаев, Сыромолотов и многие другие товарищи были опытными, твердыми большевиками, и мы могли у них учиться. В Октябрьские дни 1905 г. в городском театре под охраной боевой дружины большевиков состоялись многолюдные митинги, где с исключительным успехом выступал Свердлов».¹ Л.С. Сосновский, связанный с подпольными революционерами Кустаная и через них знавший М. Сералина, надо полагать, убедил своего брата Хаима Шумлиха (Якова) Сосновского оказать помощь М. Сералину в издании журнала «Айкап».

Как уже отмечалось, среди передовой казахской интеллигенции М. Сералин был наиболее активным и политически зрелым. «Когда в 1905 г., – вспоминает С. Ужгин, – в России широко раскинулось революционное движение, М. Сералин не был уже в категории тех демократически настроенных казахских интеллигентов, которых события в России озадачили своим бурным размахом, – он увидел в них неизбежный исторический этап в судьбах России и населяющих ее народов в движении вперед к более светлому будущему».²

Известно, что социал-демократы Кустаная вели активную пропагандистскую деятельность. Сами нелегально печатали листовки и прокламации, размножали на гектографе листовки курганской, оренбургской, омской социал-демократической организаций. Группа имела нелегальный книжный магазин, через который распространялись произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, В. Плеханова. К осени 1906 г. кустанайская группа РСДРП через курганских большевиков установила связь с Москвой, откуда регулярно получала политическую литературу. Некоторые из листовок и прокламации обрабатывались и переводились на казахский язык М. Сералиным, который «русской речью владел безукоризненно».³ Он возглавлял и их распространение

¹ Энциклопедический словарь Русского библиографического института // «Гранат». №7. Т. 41. С. 95.

² Ужгин С. Странички былого. Воспоминания.

³ Там же.

в степи, подбирая для этого надежных людей, умевших передавать «новости» в традиционной казахской поэтической форме – айтысов.

В эти годы М. Сералин сочинял в стихах сказки, басни и памфлеты, в которых высмеивал пороки феодалов и чиновников.

С. Ужгин вспоминал: «Пользовался Сералин и казахским фольклором, в особенности сказками и песнями, острием своим направленным против баев, биев, их жадности и самодурства. В среде молодых домбристов появились импровизаторы, откликавшиеся злободневной песней на современность. Им Сералин помогал в составлении новых песен».¹ Свои стихи М. Сералин, как правило, показывал С. Ужгину и нередко после совместной работы над ними в копиях передавал в аулы, а С. Ужгин переводил их на русский язык.

Пик революционной деятельности М. Сералина приходится на 1905 – 1907 гг., когда он был тесно связан с русскими революционерами и не только выполнял их поручения, но и сам включился в активную работу по пропаганде революционных идей среди казахского населения. Именно по отношению к этому периоду можно говорить о том, что «большую политическую работу среди казахских трудящихся вели под руководством большевиков... М. Сералин, С. Мендешев, Н. Иралин, А. Майкутов и многие другие».² К этому времени относится и знакомство М. Сералина с работами К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. «Когда я прочитал книгу Ленина «Что делать?» и «Манифест Коммунистической партии», – делился своими впечатлениями М. Сералин, – мне показалось, что какой-то новый луч солнца озарил мой ум».³

М. Сералин пытался собрать вокруг себя патриотически настроенных представителей казахской интеллигенции и направить их в «народ». Сам он вел активную переписку с целью выявить возможности издания национального журнала или газеты. Кроме того, она позволяла Сералину обменяться мнениями о событиях в России, об отношении к ним казахской интеллигенции.

Летом 1906 г. в г. Кустанае проходило собрание казахских учителей, на котором обсуждались и эти вопросы. Часть собравшихся, во главе с Омаром Алмасовым, в оценке революционных событий в России придерживалась соглашательских позиций кадетской партии, другая группа, во главе с М. Сералиным, смыкалась с позицией местных социал-демократов, стоявших за свержение царского самодержавия.

¹ Ужгин С.С. Странички о былом в Казахстане (Записки бывшего подпольщика). С. 4-5.

² Вопросы истории Коммунистической партии Казахстана. Вып. 6. Алма-Ата, 1969. С. 37.

³ Ужгин С.С. Странички былого. «Айкап». С. 6.

Связи М. Сералина с местной революционной группой крепили. В 1906 г. местные большевики рекомендовали его кандидатуру в депутаты I Государственной думы.¹ Местная феодально-байская верхушка начала против него кампанию, настраивая враждебно казахское население. Они распространяли слухи, что М. Сералин преследует цель «поголовной христианизации казахов».² В свою очередь уездная администрация искала повод, чтобы дискредитировать идею и самого М. Сералина, посмеявшего связаться с русскими «бунтарями». Им удалось снять кандидатуру М. Сералина на выборах депутатов в I Государственную думу. Большевики стали готовить его кандидатуру во II Государственную думу.

Он был «вероятный и вполне приемлемый для кустанайских большевиков из всей казахской демократической интеллигенции кандидат во II Государственную думу от Казахской избирательной курии», — вспоминал С. Ужгин. Этот план, однако, остался неосуществленным. Царским указом от 3 июня 1907 г. народы Средней Азии, в том числе и Казахстан, лишались представительства в Государственной думе. Кампания травли, затеянная местными властями и феодально-байской верхушкой в период выборов в Государственную думу, бессознательное участие в ней одной части аульного населения и пассивность, безразличие другой тяжело переживались М. Сералиным. У него еще больше крепло убеждение в том, что патриархальность быта и дедовские обычаи, призывающие членов общества к аульно-кочевой общине, в которой господствовала степная знать, изолированность аульных коллективов от внешнего мира являются основными причинами низкого уровня идейной зрелости части трудового населения. Этот вывод приводит его к еще большему осознанию необходимости национального печатного органа, содействующего процессу пробуждения, на страницах которого можно было бы обсуждать наиболее злободневные темы. Трудным периодом для М. Сералина был конец 1907 г., когда была раскрыта царской охранкой кустанайская группа РСДРП. 13 ее членов были отправлены на старое место жительства и в другие губернии с установлением надзора над ними, а С.С. Ужгин сослан на два года в Тобольскую губернию. К этому времени были сосланы или ушли в подполье и другие знакомые, работавшие в редакциях газет левого направления, издававшихся в г. Троицке и Кустанае. Тайное наблюдение властей устанавливается и над М. Сералиным.

Иметь печатный орган на национальном языке, рассчитанный на широкий круг местных читателей, было неотступной мечтой М. Се-

¹ Революция 1905-1907 гг. в Казахстане: Сб. док. и мат. Алма-Ата, 1949. С. 67.

² *Идрисов К.З.* Мухамеджан Сералин. Алма-Ата, 1979. С. 9.

ралина. Получив отказ областного военного губернатора на первое ходатайство, он пишет второе прошение. В этом ему помогает редактор газеты «Троицкий вестник» Селянкин, который сообщал в 1909 г. отбывавшему в г. Тюмени ссылку С. Ужгину: «Мы снова затеваем издание печатного органа на киргизском языке, на этот раз популярного ежемесячника».¹

Под словом «мы» он имел в виду М. Сералина, себя и близкого товарища М. Сералина татарского демократа Ганиева. Сам М. Сералин, «опасаясь навлечь на себя подозрение в связи с политическими ссыльными», одно из своих писем направляет С. Ужгину не по почте, а через надежного человека. В нем он рассказывал о положении дел на месте, о своей мечте издавать казахский журнал, о разногласиях среди казахской интеллигенции, оказавшейся в тисках столыпинского режима.

Разгул реакции после поражения революции 1905 – 1907 г. сказался на душевном состоянии М. Сералина. Печаль, а порой и пессимизм овладевали им, когда он думал о бывших своих товарищах, отошедших от борьбы, но веру в светлое будущее он не потерял и в эти трудные годы. Эта вера отразилась и в политических стихах, написанных по разным поводам. Так, в стихотворении «Думы», которое он писал своему товарищу, находящемуся в ссылке, он написал:

*...Каждодневно ищу я огни
В эти вьюжно-печальные дни,
В грустном бое барханных ветров
Слышу я иногда мельком зов.*

*Мои думы витают вдали,
Мои думы – о судьбах земли.
Вспыхнет в мраке дали огонек,
Промелькнет, как весны мотылек,*

*И на сердце тогда, милый друг,
Просветлеет нечаянно, вдруг.
С горьким смехом себе я дивлюсь,
Над собой потешаюсь, смеюсь:
Отчего я зазяб, приуныл,
Крылья взлетов былых опустил –
Человек я? Презренный ль червяк?
Иль огонь в моем сердце иссяк?
Нет, довольно барханных невзгод!*

¹ Ужгин С.С. Странички былого. «Айкат». С. 4.

*Я властитель, творец всех погод.
Я ль себе не владыка, не царь?
Я ль не властный поэт, не кобзарь?
Я владыка земли и морей,
И мятежных ветров соловей...*

*День настанет – я верю, дружок,
Отыщу я в лесочке стяжок.
Из стяжка сотворю я пращу,
И царям, богачам отомуцу:
И, поверь, от зари до зари,
На земле запоют соловьи,
Будет степь наша ярко цвести...
На чужбине, мой друг, не грусти!*

Откликом на расстрел безоружных рабочих на Ленских золотых приисках было стихотворение «Письмо другу в аул соседний». В нем звучит не столько скорбь, сколько призыв к новой борьбе:

*Собрать мой, в хижине аула
Приикни ухом к зовам гула!
Не твой ли брат иль сын голодный
Погиб от пуль в тайге холодной?
Скорбеть привыкли мы давно.
Но, правда ль, будто суждено
Нам роком злого неба
Глотать свинец – не масло с хлебом?*

*Уж ли всегда, из века век,
Земной рабочий человек,
В слезах, терзаниях, печали.
Не сыщут радостные дали?
О нет, собрат, о, нет!
Дарует солнца яркий свет,
Всему живому на земле...
Ты в даль с надеждою взгляни –
Не там ли светятся огни?
Через мрак нам горная дорога
Вдаль от домашнего порога
Легла познаньем наших мук,*

¹ Ужгин С.С. Странички о былом в Казахстане... С. 6-7.

Твореньем дела наших рук.
Ведет она на прииски, на рудники!..
В степи ночлег. Пугливо огоньки
Костров вечерних и ночных
Мелькают на тропах степных.
По племенам различен люд –
Одной дорогой все бредут:
Казах, татарин, русский и мордвин.
Но кто над ними властелин?
Кто гонит их далеко, на чужбину,
Под град свинцовый властелина?
За корку хлебную с водой,
Обычной бедняка едой.
Их голод властно уравнил
И воплям к жалости не вял.
Ты верил в бога неба?
За труд желаешь вволю хлеба?
Но град свинцовый в дальней Лене
Тебе порука – об отмене
Банкирами богов небесных,
Духов незримых, бестелесных:
Из века в век и царь и бог один –
Мешок со золотом властелин!
Собрать мой, в хижине аула,
Прииникни ухом к зовам гула!
Не твой ли брат иль сын голодный,
Погиб от пуль в тайге холодной?
Скорбеть привыкли мы давно..
Но, правда ль, будто суждено
Нам роком злого неба
Глотать свинец – не масло с хлебом?
Уж ли всегда, из века в век,
Земной рабочий человек,
В слезах терзаниях, печали,
Не същует радостные дали?
О, нет, собрать! О, нет!
Копи же брат, на битвы силы!..¹

Революционные события в России, особенно выступления русско-го рабочего класса против царизма в 1905 – 1907 гг., имели громадное

¹ Ужгин С.С. Странички былого. «Айкап». С. 26-27.

значение для пробуждения и роста национального самосознания народов окраин России, выразившегося в активизации национально-освободительного движения. «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, – писал В.И. Ленин, – и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам».¹ Одним из таких товарищей русского рабочего класса был Мухамеджан Сералин, связавший с ним свою деятельность и судьбу.

2. М. Сералин о политике царизма в Казахстане

С обострением внутренних социальных противоречий, во многом связанных с усилением революционной борьбы рабочего класса, колониальная политика царского самодержавия на окраинных землях империи, в особенности в среднеазиатском регионе, становилась все более жесткой. Экономические методы колонизации и эксплуатации регионов сопровождались широко применяемыми политическими и насильственно-карательными методами. «Царская монархия, – писал В.И. Ленин, – представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами в Европе и в Азии., поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями».² Демократическая Россия критически относилась к военно-феодальному режиму. К этой демократической России, представленной в крае группой прогрессивной русской интеллигенции, относился и М. Сералин. М. Сералин был убежденным сторонником укрепления казахско-русских связей, тесных контактов между казахским обществом и Россией. Он высоко ценил дружбу с передовыми представителями русской интеллигенции и трудящихся масс казахов, в совместной борьбе русского рабочего класса и людей труда России он видел основу освобождения национальных окраин от царизма и свободного их развития.

Присоединение Казахстана к России М. Сералин представлял как явление, обусловленное объективным ходом развития самого казахского общества и его связей с Россией. Первый номер журнала «Айкап» открывался статьей М. Сералина «Когда казахи стали подданными России?». Она была написана с использованием сведений и фактов, содержащихся в книге русского ученого Крафта «Принятие киргизами русского подданства». В статье, в частности, отмечалось, что «мысль о присоединении казахов к России первоначально зародилась у хана младшего жуза Абулхаира, который отправил посольство в Петербург

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 59.

² Там же. Т. 17. С. 179.

с «волеизъявлением народа». В статье приводятся имена 56 знатных представителей казахских жузов, подписавших «клятвенную бумагу» на верность русскому государству.

Критикуя колонизаторскую политику царского правительства в Казахстане, М. Сералин положительно оценивал прогрессивные нововведения в крае, иногда и переоценивал их. Это относилось, в частности, к открытию русско-казахских школ и училищ, к деятельности школьных инспекторов при областных управлениях, а также к выборной системе, введенной для отдельных звеньев в так называемой «туземной администрации» и др. Крупные недостатки, имевшиеся в этих сферах деятельности, по мнению М. Сералина, происходили из-за самих казахов, не научившихся пользоваться «этими правительственными благами» и не поднявшихся в своей зрелости до уровня образованной народности. «Мы не могли оценить достоинства выборных начал, установленных правительством, – писал он, – не смогли пользоваться правом участвовать на выборах и вместо этого затеяли борьбу группировок, взаимные раздоры и конфликты. Мы не извлекли пользу от школ, открытых для нас в соответствии со справедливыми распоряжениями русского правительства».¹

В своих выступлениях в официальной печати М. Сералин иногда заканчивал свои статьи выражениями «Стремимся же быть полезными гражданами нашего любимого отечества – Российской империи. Если мы преодолеем свое невежество и леность, перейдем от кочевья к возведению населенных пунктов, то мы были бы достойны имени граждан великой России, являющейся нашим любимым отечеством».

По отношению к императору применял иногда слово «Ак патша» – «Белый царь» и т.д. Некоторые исследователи, толкуя это выражение не в контексте всей мысли, а изолированно и прямолинейно, приклеивают М. Сералину ярлык «цариста», что искажает истинные его убеждения. Во-первых, оно употреблялось им в контексте о необходимости распространения образования среди казахской молодежи и упорядочения выборов местных органов власти, санкционированных правительством. Во-вторых, по мнению М. Сералина, полезными для общества гражданами могут быть только те, которые интересы народа ставят выше своих эгоистических интересов. Эту идею он проводил под вывеской быть «достойными гражданами любимого отечества «Белого царя», что и устраивало царскую охранку, неусыпно следившую за его деятельностью. В-третьих, в этих словах есть и оттенок уважения к России и Русскому государству. Однако они не дают повода для иного толкования, тем более нет никаких оснований считать М. Сералина процаристски настроенным.

¹ Айкан, 1911, №1.

В начале XX в. в общественно-политической жизни Казахстана наиболее остро стояли два вопроса: земельный и рост антицарских настроений. С решением земельного вопроса связывалась сама судьба казахского общества. Можно сказать, что вопрос быть или не быть казахскому народу сводился к его землеустройству. Земельный вопрос в силу сложившихся обстоятельств оказался в центре внимания всех слоев населения края и всех органов власти, начиная от аульных старшин, волостных управлений до центральных органов царского правительства. Передовая русская и национальная интеллигенция также считала земельный вопрос наиболее острым. «Первый и самый острый вопрос – вопрос о поземельном устройстве киргизов»,¹ – писал М.Сералин. Развитие русского капитализма вглубь и вширь захватило и земельные отношения на восточных окраинах империи. У казахов-кочевников и полукочевников в массовом порядке отбирались удобные и плодородные земельные массивы, которые частью причислялись в переселенческий фонд, а частью в казенный фонд. Жители большинства аулов сгонялись с насиженных и освоенных территорий на пустынные и полупустынные земли. Те кочевые хозяйства, которые оставались на старых местах, наделялись сильно урезанным земельным участком, не обеспечивающим хозяйственный цикл в традиционной форме, что не могло не привести к недовольству населения.

М. Сералин в своих статьях разоблачал своекорыстие царских властей на местах, которые, выполняя установки правительства, пренебрегли интересами казахского населения.

«Ежегодно с наступлением весны, – писал он, – в киргизскую степь являются топографы для образования государственного земельного фонда из излишков земель, занимаемых киргизами... При определении излишков характерно то обстоятельство, что заинтересованные в этом вопросе киргизы совершенно устранены от участия в этих работах». «Все лучшие участки у них отбираются, а им остаются самые плохие участки».

Правительство, по мнению М. Сералина, при этом преследовало далеко идущие цели – уничтожение народности и завладение ее территорией. «Согнав кочевых скотоводов с обжитых земель на малопригодные участки, – продолжал далее Сералин, – правительственные чиновники будут кричать, что киргизы – неспособный народ к культурной жизни, а потому-де они напрасно занимают место. Иными словами, на киргиз тогда будут смотреть как на этнографический только элемент, ожидающий очереди вымирания». Критиковал и русскую, и казахскую интеллигенцию, защищавшую колониальную политику царизма.

¹ Сералин М. Письма из киргизской степи // Степь, 1915, 3 марта.

Газета, на страницах которой печаталась эта статья М. Сералина, выражала идеи местной революционной социал-демократической организации, которая сочувственно, с пониманием относилась к положению казахского народа. В заметке, которой газета сопроводила статью М. Сералина, выражалась готовность редакции «дать в ряде писем картину надежд и чаяний киргизского народа» и отмечалось, что письма М. Сералина и статья проникнуты «горячей любовью к своему народу».¹

Вместе с тем оценивать однозначно отношение М. Сералина к переселенческой политике царизма нельзя, так как сама эта политика была сложной и противоречивой. Знакомство со статьями, посвященными этим вопросам, показывают, что в целом его оценки были реалистичными и глубокими.

К массовому переселению крестьян в Казахстан, Сибирь и в другие районы М. Сералин подходил с позиций русских социал-демократов, считал его вынужденным. «Голод, пришедший к казахам в Год зайца, – писал он, – охватил и мужиков во внутренней России. Более того, они пережили голод не только в Год зайца, а и на протяжении многих лет». Голод усугублялся растущей нехваткой удобных земель на фоне постоянного роста сельского населения. «Из этого трудного положения, – отмечал М. Сералин, – можно было выйти двумя путями: первый путь – переселить часть населения туда, где были большие угодья; второй путь – изменить старый способ возделывания полей и перейти на новый культурный способ, как у немцев и французов. Высшие чиновники избрали первый путь и начали переселять мужиков в казахскую степь».² Однако в этих оценках просматривается и ограниченность подхода М. Сералина: он видит лишь экономические причины, но не усматривает в этом явлении социальных и политических мотивов политики царского правительства, стремившегося использовать переселение для разрядки социальных противоречий в центральной России.

Не выступая против самого процесса переселения крестьян в Казахстан, М. Сералин протестовал, однако, против конкретных действий органов местной царской администрации, игнорирующей насущные и жизненные интересы казахского населения. Он считал, что переселение нужно производить в разумных пределах и с учетом интересов местного населения. Устройство переселенцев по хуторам, маленькими группами, справедливо считал он, приводило к чересполосицам во всю глубину казахской степи с рассечением казахских аулов и их

¹ Газета «Степь», 1915, 3 марта.

² Айқап, 1911, №10.

кочевий на отдельные части, неудобные для хозяйственного освоения, противоречило интересам и русских крестьян, и казахских шаруа, приводило к разорению скотоводческих хозяйств.

В политической жизни России в начале XX в. значительное место занимала Государственная дума, преподносимая самодержавием как высший демократический институт страны, призванный объединить «патриотов» России и служить упрочению власти монарха и его интересам внутри империи и за ее пределами. Дума надежды императора не оправдала, но обнажила язвы российского самодержавия и его социально-политической системы.

Вопросы, связанные с Государственной думой, рассматривал и журнал «Айкап», но делал это очень несмело. Чаще всего это была информация, подававшаяся от второго лица. Но даже такая информация позволяла дать картину отношения буржуазного государства к правам и нуждам народных масс вообще, окраинных народов России в особенности.

Так, в статье от 9 июня 1912 г., излагая выступление в Государственной думе С. МаксUTOва, он практически излагает собственные взгляды на отношение Государственной думы к проблемам казахской степи и Туркестана. «За пять лет существования Думы, – говорил С. МаксUTOв, – обсуждалось на ее заседаниях немало законопроектов, касающихся казахской степи и Туркестана. Все это происходило без участия их представителей».¹

Комментируя сказанное, М. Сералин отмечал, что лишение казахов депутатства в Думе «является... огорчительным явлением», но даже их присутствие мало бы что изменило в ее решениях».²

В конце 1912 г. собралась IV Государственная дума в новом составе. На ее рассмотрение был вынесен ряд законодательных актов и среди них несколько проектов о Казахстане о введении системы крестьянских начальников для казахов Бу-кеевской орды, о распространении некоторых законов внутренней России на степные области и др. Этим вопросам М. Сералин посвятил специальную статью, в которой вновь упрекал Думу в том, что она собирается рассматривать их нужды без участия представителей Казахстана. Наиболее острые и злободневные вопросы жизни казахов, такие, как земельный, о школьном образовании, о народном суде, и на этот раз остались вне поля зрения Государственной думы. «Если присмотреться более внимательно, – писал М. Сералин, – к законопроектам, которые собирается обсуждать Дума, то можно увидеть, что эти новые законы, если будут они приняты, в первую очередь направлены на обеспечение государственных интересов – царской пользы».³

¹ Айкап, 1912, №7.

² Там же.

³ Айкап, 1912, №13.

Не переоценивая возможностей Государственной думы в улучшении положения казахского народа, он вместе с тем считал необходимым обратить внимание на его проблемы. «У нас много накопилось нужд и нерешенных вопросов, о них мы должны довести до сведения высших чиновников государства», – писал он. В качестве конкретных действий М. Сералин предлагал, чтобы казахские интеллигенты, знающие русский язык, написали в газеты Петербурга и Москвы и одновременно послать ходатаев из каждой области в Государственную думу для связи с ее отдельными депутатами и для выработки на месте единых решений действия.¹

Большую долю вины в создавшемся положении М. Сералин относил за счет инертности, неграмотности и отсталости самого казахского населения. Отсталость и невежество народных масс М. Сералин считал сдерживающим фактором в борьбе за свои национальные интересы.

Почти все статьи М. Сералина, на основе которых мы попытались здесь рассмотреть его отношение к политике царского правительства в национальных окраинах, в частности в Казахстане, были напечатаны в журнале «Айкап», являвшемся подцензурным печатным органом. Исходя из этого можно говорить о том, что критика М. Сералиным колониальной политики царской России в Казахстане была достаточно смелой. Об обстановке, в которой приходилось работать журналу, вспоминает С.С. Ужгин: «В целях сбережения журнала от административных наскоков губернатора Сералин опасался ставить и обсуждать острые вопросы классовой борьбы в ауле, о разложении казахской земельной общины и т.д. В журнале эти вопросы или обходились молчанием, или затушевывались благими пожеланиями, выражающими сострадание к бедноте.»

Но как ни стремился Сералин сохранить журнал на положении легальной трибуны, участь его была предreshена. В самом же начале империалистической войны 1914 г. журнал подвергся предварительно военной цензуре. Цензором был назначен черносотенец, жандармский полковник Кучин, потребовавший безусловного «патриотического долга», т. е. поддержки печатными органами империалистической войны.

Сералин не был «патриотом» в том смысле, как того требовал полковник Кучин. Не сочувствовал он и тем интеллигентам, которые были одержимы шовинистическим угаром «социалистических» партий, изменивших решениям Базельской конференции 1912 г. Когда цензор Кучин вычеркнул из сверстанного номера журнала три страницы ин-

¹ См.: Айкап, 1912, №13.

формации об аресте и предании суду думской большевистской фракции, разоблачавшей войну как империалистическую, грабительскую, Сералин, человек спокойного, уравновешенного характера, пришел в такое неистовство, что в клочья разорвал сверстанный номер журнала и скрежетал зубами, выкрикивал: «К черту! Пропадай все прахом!». М. Сералин уехал в аул, где прожил две недели, оправляясь от потрясения, вернулся он в редакцию надломленным человеком.¹

Как уже говорилось, М. Сералин в своей деятельности всегда шел от народа, а потому и методы пропаганды прогрессивных идей выбирал понятные для народа. Критикуя действия царской администрации в Казахстане, он делал это так, чтобы его могла понять основная масса казахского населения, хотя его личные убеждения по этим вопросам намного опережали уровень сознания народа в целом. Исходя из этого, становится понятной его идея о том, что центр тяжести борьбы сейчас за середняка, за вовлечение его в круговорот событий, связанных с переходом в оседлость.²

Следовательно и то, что писал М. Сералин в газетах и журналах, обращено к повседневному сознанию отсталого казахского населения. В своем же глубинном смысле его убеждения и идеалы раскрывались в среде единомишленников и в нелегальных трудах.

В стихах, памфлетах и баснях, нелегально распространявшихся в аулах, М. Сералин показывал царя и его режим чуждыми, противостоящими свободе и интересам трудящихся масс. В нелегальной деятельности М. Сералин смыкался с позицией Кустанайской ячейки социал-демократов в отношении антинародной природы и политики самодержавия в метрополии и на окраинах.

3. Просветительские идеи М.Сералина

Об идеях просвещения и их носителях в дореволюционном Казахстане нередко бытует упрощенное понятие. Просветительство часто сводится к распространению знания и к борьбе с косностью, со старыми, вредными пережитками в быту и сознании народа. Это, разумеется, входит в понятие просвещения. Но оно составляет лишь один его аспект и, можно сказать, составляет элементарное его начало. В одной из солидных по объему работ мы читаем, что Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев были «замечательными просветителями». Общим для них всех было то, что они «в противовес идеологам фатализма выступали за ликвидацию отсталости Казахстана, за

¹ Ужгин С.С. Странички былого. Айкап. С. 17-18.

² Там же. С.16.

просвещение народа, за приобщение его к русской культуре». Это выразилось в том, что они делали «решающий шаг» на пути преодоления патриархально-феодалных предрассудков, «пытаются обосновать свои взгляды, опираясь не на предрассудки, мифы и верования, а на требования разума, научных данных и реальных фактов». Эта «особенность» «была качественно новой ступенью в развитии казахской общественно-философской мысли».¹

При такой оценке просветительства Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и Абая Кунанбаева – выдающихся деятелей казахской дореволюционной общественной мысли и культуры – они низводятся до тысяч других образованных казахов, воспитанных в России и русско-казахских учебных заведениях и воспринявших общецивилизационные идеи. Однако просветительство Ч. Валиханова, И. Алтынсарина охватывало более широкий круг проблем, в том числе социальных, политических, нравственных, которыми, собственно, и определялось содержание их просветительских идей.

Применительно к русской действительности 60-х годов XIX в. В.И. Ленин писал, что просветитель «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, – горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» – это отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому».² Хотя в данном случае В.И. Ленин имеет в виду просветителя-революционера дореформенной России, это положение имеет методологическое значение при освещении деятельности просветителя, его идеологии.

Просветительские идеи – не просто идеи распространения среди народных масс образования и культуры, не только борьба с вредными обычаями и косностью в быту и сознании, они охватывают и сферы социально-экономической и политико-юридической жизни. Поэтому к просветительству М. Сералина, как и к любому другому, следует подходить конкретно-исторически, с позиции условий и требований казахского общества того времени, реальной перспективы его развития,

¹ *Бейсембиев К.Б.* Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана. Алма-Ата, 1976. С. 88.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 472.

так как идеи Сералина о прогрессе казахского общества формировались в процессе осмысления и осознания условий, в которых проходила его деятельность. Сильной стороной просветительства М. Сералина было то, что прогресс казахского общества в свои зрелые годы он связывал со свободой, борьбой против социального и национального угнетения, против царского самодержавия и местных феодалов в союзе с русским народом, с русским рабочим классом. Это отчетливо выступает в стихотворениях М. Сералина, написанных им в период 1905 – 1915 гг.

О том, что в этой суровой борьбе русских братьев соединят свои руки и казахские джигиты, отправляясь в места битвы, в поход против ненавистных врагов, хорошо сказано в его стихотворении «Письмо другу в аул соседний».

В творческой и политической деятельности М. Сералина были и периоды наибольшей активности, и периоды сомнений и колебаний, отхода от радикальных революционных суждений и нового подъема. Свои наиболее революционные произведения он написал в годы тесной связи с местными русскими революционерами и увлечения их социально-демократическими идеями. От этих идей М. Сералин в принципе не отказывался и в последующие годы, но позднее пришел к мысли о том, что выдвигать эти идеи на первый план преждевременно для казахского общества, что до их реализации лежит сложная и длинная дорога.

М. Сералин был человеком практичного, ясного ума и трезвых суждений. Он придавал большое значение практической стороне прогресса и считал, что в развитии общества есть этапы, которые оно должно пройти, чтобы добиться подлинного прогресса. Самым необходимым этапом для развития казахского общества он считал преодоление сплошной неграмотности и темноты народных масс путем распространения образования и знания. Это М. Сералин считал неотложным и первостепенным делом, основой достижения благосостояния народа.

Одновременно он доказывал необходимость определенных преобразований в области экономической структуры казахского общества, организовал обмен мнениями и дискуссии по вопросам о том, по какому пути в этой части следует идти обществу, какая форма хозяйствования приемлема и желательна в данный период и в перспективе с точки зрения реальных условий казахского общества. Сугубо просветительскую задачу М. Сералин считал не дискуссионной, а экономико-просветительскую – еще дискуссионной, хотя и по этому вопросу он имел твердые установки и планы. Эти идеи, по его убеждению, могут быть реализованы только при помощи и поддержке демократических

слоев России, в условиях укрепления связей и союза с русским народом, с его передовой интеллигенцией.

Как уже говорилось, на первый план просветительских идей М. Сералин выдвигал проблемы образования и знания. В этой части в известной мере уже была проложены пути и наметились определенные начальные сдвиги. Под влиянием России, русской культуры, европейской и восточной цивилизаций в казахском обществе уже возникало, хотя и слабое, школьно-просветительское движение, чему способствовала и деятельность таких выдающихся казахских просветителей, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. В Казахстане открывались новые мектебы и домашние начальные школы, при мечетях – мектебы. На часть областей Казахстана распространялось действие учебных округов России, при содействии которых утверждались туземные русско-казахские школы и училища, учительские семинары в пограничных городах и крупных населенных пунктах. Начиная с последней четверти XIX в. казахские юноши стали обучаться в российских учебных заведениях, в том числе в Петербургском и Казанском университетах. Правда, и в начале XX в. их число было невелико. В Петербурге и в городах Казани, Уфе, Оренбурге, Уральске, Урде, Троицке и Ташкенте налаживалось книгоиздательское дело на казахском языке. По некоторым данным, в 1913 г. на казахском языке было издано 40 наименований книг общим годичным тиражом 161 000 экземпляров.¹ Это было началом нового этапа просветительского движения в казахском обществе. В начале XX в. просветительство превратилось в национальную проблему и ведущий мотив пробуждения национального самосознания казахов. Именно к этому периоду относится пробуждение национального самосознания казахского народа. Оно совпало с революцией 1905 – 1907 гг., что придавало новый импульс движению за просвещение народа. Этот период не случайно назван временем «ояну», что означает пробуждение, прозрение, обращение взгляда на новый, обновляющийся мир.

Передовая казахская интеллигенция свою миссию видела в том, чтобы заставить народ задуматься над своим положением. Патриотически настроенные интеллигенты шли в народ, писали для широких масс рассказы, памфлеты на просветительские, нравственные темы.

Даже названия этих произведений носили названия, передающие их смысл и назначения, символический характер: «Ызың» (Жужжание) «Маса» (Комар), «Тұрымтай» (Буревестник), «Қарлығаш» (Ласточка), «Ағын» (Течение), «Шолпан» (Венера) и т. п. и лейтмотивом обращений к народу «Проснись!», «Пробуждайся!», «Берись за полезное», которые все чаще раздавались со страниц книг, первых листовок, национальных газет и журналов, также были просветительскими.

¹ Великий Октябрь и русский язык. Киев, 1977. С. 66.

Школьно-образовательные мотивы, преобладавшие в этот период в просветительских идеях, собрали вокруг себя людей разных ориентации и убеждений и поэтому имели разные оттенки и направления. Заметно оживились религиозные деятели, которые под маской просвещения народа стремились укрепить позиции ислама в мектебах и медресе, противодействовали процессу реформации и постепенного «огражданствования» этих традиционно местных учебных заведений путем укрепления и развития в них светских начал и новых методов обучения. Как справедливо отмечают советские исследователи, если в Европе буржуазная религиозная реформация и эпоха Просвещения представляли исторически последовательные этапы развития и отделялись друг от друга целыми десятками лет,¹ то в Казахстане по ряду причин эти процессы совпали во времени и длились в исторически коротком отрезке времени. Подобное явление наблюдалось и в других азиатских странах. Это создавало наслоения и определенные трудности на пути материализации прогрессивных просветительских идей.

В такой обстановке формировалось мировоззрение М. Сералина. В служении народу видел он свою цель в жизни.

Первый номер журнала «Айкап» открывался словами: «Уважаемые читатели! Представляю на ваш суд данный свой журнал, не огорчайтесь, что он маленький по объему... В наше время стало истиной, что газеты и журналы нужны каждому народу... Нельзя жалеть средств, когда речь идет о пользе народа. Цель печатания и распространения книг, газет и журналов состоит в этом».²

М Сералин высоко ценил просветительские идеи и призывы овладеть русским языком Шагабуди́на Маджжани Гас-принского, Ушинского и особенно Ибрая Алтынсарина. Он с сожалением писал, что дела и завещания Ибрая Алтынсарина, посеявшего семена просвещения в казахской степи, после его смерти не находят должного развития. «17 июля 1914 года исполнилось 25 лет со дня кончины золотоголового (Алтын-бас) Ибрая Алтынсарина, – писал он в одной из статей. – Его заслуги огромны перед казахским народом. А были ли казахи, которые вспомнили его? Нет... Видать, мы далеки еще от того, чтобы войти в ряды культурных народов».³

Без русского языка и без знания, которым владеют русские, народ не может быть культурным – эта идея красной нитью проходит в работах М. Сералина. «Не обвинят нас, если скажу, что знание русского языка – это наш долг, – писал М. Сералин. – Эту истину произнес господин

¹ См.: *Комаров Э.Н., Литман А.Д.* Мировоззрение М.К. Ганди. М., 1969. С. 15.

² Айкап, 1911, №1.

³ Айкап, 1915, №2.

Ияхил 150 лет тому назад. Об этом сказал ныне покойный из Казани господин Шагабуддин эль-Маржани. Господин Исмаил Гаспринский, считающийся лидером русских мусульман, также утверждал, что «тот, кто знает русский язык, попадет в рай».¹ На смерть И. Гаспринского М. Сералин написал статью под названием «Смерть, невосполнимая в ближайшее время».² В ней, в частности, отмечалось, что Гаспринский ввел новые методы обучения, позволявшие пройти в течение одного года то, чему в течение 10 лет учили в старых религиозных школах.³ «Труды видных просветителей Востока убедили нас, – писал М. Сералин, – в полезности обучения и образования и уважать язык родного народа».⁴

Укрепление связей Казахстана и России М. Сералин считал важнейшим фактором для развития Казахстана.

Истории присоединения Казахстана и России он посвятил статью о процессе принятия русского подданства казахами. В ней Сералин назвал имена 56 видных батыров, биев и аксакалов казахских аулов, давших клятву и приложивших свои печати и тамги на документе о присоединении Казахстана к России. Тем самым автор подводит читателя к мысли о том, что этот исторический акт был одобрен всеми основными родами и их предводителями: «По решению этих наших предков мы оказались под властью русского императора. Имена этих людей до сих пор известны среди народа и не забываются».⁵

По мнению М. Сералина, существовали проблемы первостепенные, подлежащие безотлагательному коллективному обсуждению как на страницах редактируемого им журнала, так и на сходах и представительных народных съездах: землеустройство и оседание кочевников, ликвидация групповой борьбы на выборах местной власти и открытие школ, борьба против вредных обычаев и за раскрепощение женщин.⁶ Он считал, что решение многих из них упирается в отсталость общества. Пути ликвидации этой отсталости он видел в решении экономических задач.

Но знание – не самоцель, считал Сералин, так как только направленное на служение народу оно становится действительным. Он с огорчением констатирует: «Наша казахская молодежь, проходя обучение, стремится пойти по двум путям: или хочет стать чиновником

¹ Айкап, 1912, №3.

² Заслуги И. Гаспринского в истории просвещения, культуры и общественной мысли дореволюционного Востока России высоко оценили Н. Гарименов и С. Айни.

³ Айкап, 1914, №17.

⁴ Там же.

⁵ Айкап, 1911, №1.

⁶ См.: Там же, 1912, №1.

(писарь, переводчик), или быть мугалимом (учителем) в школах. Это весьма похвально, но мир не замыкается только в этих должностях. Я сержусь на них за то, что они не избирают другие профессии: почему не быть учеником аптекаря или не стремиться быть профессором от науки, не овладеть специальностями на железных дорогах, в издательствах и в других многих областях. Почему безразлично относится на это наша молодежь, получившая образование?»¹

Известно, что преобразование в сфере хозяйственного строя казахов М. Сералин мыслил как переход от кочевничества к оседлости, от кочевого скотоводства к земледелию и полустойловому скотоводству, от подвижных кибиток к постоянным постройкам, к строительству поселков и поселений городского типа. В этом он видел двоякую пользу: повышение благосостояния народа и создание реальных условий для строительства учебных заведений, овладения знаниями молодежью и улучшении быта: «От того, что мы постоянно и без усталости говорим, можно заключить два вывода: возведи города, живи компактно, только тогда можно распоряжаться хотя необширным, но участком плодородных земель. Возведи мектебы и медресе, открывай школы, учи детей, овладевай искусством ремесла, только тогда ты станешь человеком, составляющим народность. Иначе тебя сотрут с лица земли».²

Важное место в социально-экономическом развитии общества он отводил науке. «Наш век – век науки», – писал он в журнале «Айкап». Порой с целью подчеркнуть ее особое значение он прибегал к преувеличениям и прямолинейным выводам. Так, приводя пример того, что многие жители Перовского и Казалинского уездов Сырдарьинской области, входящей в Туркестан, имеют пахотные угодья, живут в домах чисто и одеваются опрятно, питаются хорошо, он видит единственную причину этого в науке».³ Надо не отставать от других народов, призывает он, и казахской молодежи следует думать и «о профессорской должности»⁴ в перспективе.

Для казахского народа он считал необходимым собирание материалов, «Шежіре», относящихся к прошлым эпохам, фольклора, что могло бы послужить основой для изучения и создания его истории. Поднимая этот вопрос в статье «Нужна ли история казахам?», М. Сералин пишет: «Наша цель – собрать сведения в старых книгах о наших древних предках, а также сохранившиеся в памяти стариков с думой, что впоследствии все это вольется в полезное дело».⁵

¹ Там же. 1912. №3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, 1912, №7.

⁵ Там же.

Задача истории, по его мнению, заключается в том, чтобы «выбрать полезные и примерные дела наших предков, чтобы ими можно было пользоваться, а если окажутся вредные деяния, то указать на них, чтобы они не повторялись».¹ Эти суждения М. Сералина об истории и задачах исторической науки и сегодня звучат современно.

Интересны его мысли по поводу «Шежіре» – записях и сказаниях о генеалогии казахского народа, племенах и родовых подразделениях. Через журнал «Айкап» Сералин обратился к знатокам шежіре поделиться своими знаниями. Один из читателей по поводу этого обращения писал: «Этого не нужно было делать, уважаемый! Наш казахско-узбекский народ раздираем изнутри и не может сохранить единство из-за деления на роды, на групповщины по родам с отдельными родовыми лозунгами и кличами! Зачем вам поднимать это в журнале? Хотите, чтобы тем, кто забыл, напомнить об этом и снова возродить и усилить междоусобицу и разлад в народе? И так-то, без напоминания журнала, казахи не собираются забыть свое родословие. Ни один ас (годовые поминки), ни один праздник, ни один сбор казахов не обходился без конфликтов и драки, без кровопролития. Все это из-за деления на роды».² М. Сералин в ответ на это письмо изложил свою точку зрения: для того, чтобы бороться с отрицательными явлениями, порожденными делением на роды и родовые группы, и искоренить их, нужно знать само явление, его корни и причины.³

Даже самое незначительное начинание, связанное с распространением знания среди народа, встречало у М. Сералина живой отклик. Когда ему стало известно о действующей светской школе в Семиречье, в местности Карагаша, основанной богатым казахом Есенгулом Мамановым, о том, что он построил для школы многокомнатное специальное здание и пригласил туда учителей из разных уголков степи, в том числе учеников медресе «Галия» в Уфе, М. Сералин назвал это начинание «благороднейшим делом». А на учреждение Есенгулом Мамановым премии для казахских романов М. Сералин откликнулся на страницах журнала, сравнив его с благородным поступком Альфреда Нобеля. В частности, он писал: «Оказывается, и среди наших казахов есть баи, ценящие науку и жертвующие свое состояние ради науки. Есенгул Маманов учредил премию для казахскогоромана – он идет по пути Альфреда Нобеля... Брать пример от бая Есенгула и следовать его примеру является долгом и других казахских баев».⁴

В начале XX в. вопросы землепользования и землеустройства, ко-

¹ Там же.

² Айкап, 1912, №7.

³ Там же.

⁴ Айкап, 1915, №7–8.

чевания и оседания, организации скотоводческого хозяйства и всего цикла производства стали для казахского общества еще более острыми и злободневными, чем в последней четверти XIX в.

Изъятие плодородных в хозяйственном отношении земель у казахских кочевых и полукочевых аулов и причисление их к казенному, переселенческому фонду принимали все более широкий размах. Топографы и землемеры, посылаемые из уездных и областных центров для учета изымаемых земель и определения новых границ угодий казахских аулов, наводняли степь и проникали в самые глубинные пространства. Их появление в кочевьях и аулах наводило на местное население не меньший страх, чем рейды карательных отрядов царского правительства. К тому же в связи с обострением внутривосточного положения в государстве правительство ужесточило свою политику в таких «инородческих» окраинах, как Казахстан. Одним росчерком пера оно лишило среднеазиатские народы права участвовать в выборах в Государственную думу и посылать в нее своих представителей. Командование и приказ, расправа и открытый погром стали распространенными методами управления казахским краем и его народом.

Все это происходило на фоне заметного хозяйственного упадка кочевых и полукочевых аулов, сужения кочевых их полос и путей, роста числа обедневших скотоводов-жатаков и перехода их к хлебопашеству, чтобы только поддержать свое существование. Прогрессировало отходничество из аулов, намного обострились социальные противоречия в хозяйственных коллективах, а процесс поляризации интересов внутри аулов стал более глубоким.

В этой обстановке проблемы в сфере экономики приобрели особенно острый характер, что не могло не отразиться на идейной жизни казахского общества, выразителями и носителями которой были представители нарождающейся национальной интеллигенции. М.Сералин возглавил одно из направлений экономической мысли и считал, что в переживаемый период нет более важной и неотложной задачи, чем экономическая. Он признавал приоритет экономики над всеми другими жизненными факторами и отношениями. «По утверждению ученых, – писал М. Сералин, – жизнь – это экономическая война. В этой войне не проливается кровь, но действует она на общество сильнее и более разрушающе, чем кровавая война. В экономической войне такие способы, как занятие производительным трудом и искусство производить, действуют гораздо мощнее, чем ружья и пушки в кровавой войне».¹

В начале XX в. произошло еще одно событие: царское правительство

¹ Айқап, 1912, №3.

решило «упорядочить» землепользование в Казахстане. С этой целью Совет министров 9 июня 1908 г. одобрил разработку Главного управления земледелия и землеустройства об изъятии «излишков» земли у сибирских казахов и передаче их в аренду и продаже в вечное пользование. Это законоположение имело целью еще больше ограничить право землепользования казахов и кочевых коллективов, вытеснить их с более или менее удобных земель в глубь степи. Устанавливалась твердая норма земли для казахов: кочевая норма – по 12 дес. земли на душу населения и оседлая, или переселенческая норма, распространяемая и на казахов, – по 15 дес. земли на одного мужчину.

После обнародования этого положения споры и дискуссии о землеустройстве казахского населения приняли конкретный характер. Что лучше: получить землю по кочевой норме, кочевать и передвигаться со скотом или получить землю по оседлой норме, строить поселки и города, заниматься преимущественно земледелием? М. Сералин с самого начала встал на второй путь решения – на путь преобразования привычного и традиционного хозяйственного строя кочевника-скотовода, связанного с ним быта, образа жизни там, где имелись удобные пахотные земли на участке хозяйствования аулов. При подходе к решению этого вопроса, как полагал М. Сералин, надо исходить не из того, что устраивает некоторых из нас сегодня и завтра, и не из того, к чему мы привыкли, или из нашей вековой традиции. Вопрос стоит намного сложнее, а именно: речь идет об интересах и нуждах целого народа, о том, «каким образом казахский народ обеспечит свое существование в будущем и свое выживание».¹

Наиболее верным и перспективным путем, по мнению М. Сералина, являлся переход преимущественно к земледельческому хозяйству, к оседлости там, где имелись пахотные угодья. «Как мы представляем, – писал он, – возведение населенных пунктов, городов с переходом к земледелию по норме «русского мужика» полезнее, чем другой путь. Полезнее не потому, что достается больше земли, а потому, что объединением по земле казахи могут сохранить себя как народность».² «В противном случае, – считал Сералин, – кочевые аулы окажутся раздробленными, рассыпанными и со временем все равно лишатся удобных своих земель, но переход на оседлость будет уже запоздалым, поскольку к этому времени все пахотные угодья будут распределены и заняты». Как видно из сказанного, экономические замыслы М. Сералина и проект переустройства хозяйства кочевых аулов, предложенный им, были рассчитаны на перспективу и основаны на идее прогресса общества.

¹ Там же, 1911, №2.

² Айқап, 1912, №3.

Свою преобразовательную идею М. Сералин называл идеей, рассчитанной на организацию «культурного скотоводческо-земледельческого хозяйства».¹ Как можно было предполагать, против этого плана выступили баи, крупные скотовладельцы, правители и управители разного ранга в волостях и административных аулах. Они увидели в переходе на оседлость ущемление своих прав на общинно-аульные кочевые территории, а также привилегии, которыми они пользовались по обычному праву казахов. Их не интересовали вопросы перспективы и прогресса казахского общества. Они прежде всего и больше всего думали о групповых и кастовых интересах. «Наши волостные правители и баи, – указывал М. Сералин, обращаясь к другим слоям общества, – когда говорят, что нас устраивает «Степное положение», то они пекутся о личных интересах, вы не слушайте этого».²

Как утверждал М. Сералин, самой наукой и образованными людьми установлено, что оседлость и земледелие намного выгоднее кочевого скотоводства. «Насколько мы понимаем, – писал он, – время, когда можно было заниматься скотоводством и беспрестанно кочевать, уже прошло и оно не возвратится».³ Само положение, создавшееся в казахском обществе того времени, оставляло лишь одно верное решение – строить поселки и города, заниматься земледелием и содержать на пустующих вокруг населенных пунктов землях имеющийся скот. «Я сержусь на казахский народ, – с тоской отмечал он, – хотя природа его одарила не меньшими способностями, чем других, но тем не менее, не оглядываясь на опыт прошлых лет, с упорством отстаивает кочевание как единственно возможное его счастье, превозносит устаревший и неприглядный «обычай дедов», остается в стороне от науки и знания, не считается с их требованиями, позволяет безразличие и леность».⁴

Реальность и жизненность своих идей М. Сералин подкреплял агитацией и личным опытом. В своих разъяснениях он учитывал психологию и миропредставления народа, старался преподнести свои замыслы не только в доступной для народа форме, но и тесно увязывать их с потребностями, пусть даже ложно понятыми им на данном этапе. Так, он указывал на три выгоды, которые можно извлечь из перехода на оседлость: во-первых, «возведем города и станем хозяевами хотя не большого, но плодородного пахотного угодия... Вторая выгода, если будут города, то построим мечети, школы и медресе, в которых будут обучаться наши дети... Третья выгода, как только обзаведемся города-

¹ Степь, 1915, 3 марта.

² Айкап, 1912, №3.

³ Там же, 1911, №2.

⁴ Там же, 1912, №3.

ми, намного быстрее могут быть реализованы наши просьбы в части религии, и, кто знает, если сочтет возможным главное начальство, может быть, и будет учрежден муфтий и для казахов».¹

М. Сералин задумал объединить своих родственников и однофамильцев, получить землю по «переселенческой» норме, построить поселок и тем самым показать пример другим, насколько полезно переходить от кочевого, полукочевого скотоводства к оседлому образу жизни. Населенный пункт, образованный таким образом на его родине в Шубарской волости Кустанайского уезда, получил впоследствии название пос. Серали. В нем со временем построили школу, являвшуюся одновременно клубом и культурным центром. Начинание удалось: были приобретены некоторые сельскохозяйственные орудия и машины, увеличилась пахота, удалось уменьшить разорительные последствия повторявшейся засухи и джутов (бескормицы), заметно улучшилась материальная обеспеченность населения и росла покупательская его способность промышленных товаров, постепенно изменились быт и образ жизни осевших. Под воздействием примера М. Сералина нашлись, хотя немного, и другие энтузиасты возводить поселки.

Единомышленник М. Сералина Б. Каратаев, имевший университетское образование, исходя из личного убеждения о преимуществе оседания кочевников, также стал строить поселок на своей родине в Уральской области. Впоследствии этот населенный пункт стал называться Каратаевским.

И все же в целом строительство населенных пунктов, объединявших бывших кочевников и полукочевников-скотоводов, не получило заметного развития, на что рассчитывал М. Сералин. Сам он объяснял это тем, что казахский народ еще не поднялся в своей зрелости до такого уровня, что мог бы трезво разобраться в ситуации. «Все народы, кроме нас, – отмечал он, – в настоящее время понимают, что ему полезно и что ему вредно как народности. Они стремятся освободиться от того, что вредно, и добиваться того, что хорошо. А мы не можем различить, что полезно и что вредно, и считаем вредным то, что полезно».²

Реально они не могли иметь большего успеха. В условиях колониального режима в Казахстане и отсутствия сколько-нибудь серьезной финансовой помощи и нравственной поддержки со стороны правительства и местных органов власти, находившихся в основном в руках царских чиновников и представителей крупных скотовладельцев, идея строительства поселков не могла получить должного осуществления.

¹ Там же, 1911, №2.

² Айқап, 1911, №3.

М. Сералин сознавал, что его идеи оседания и образования поселков на данном этапе притягательны в первую очередь для бедняков. «Сторонниками оседлого землеустройства киргиз по кочевой норме главным образом являются богатые и влиятельные киргизы, а также и волостные управители, – писал он в 1915 г., – сторонниками оседлого землеустройства являются бедняки».¹ Из этого, однако, нельзя делать вывод, что М. Сералин был «крестьянским идеологом», как это считают некоторые исследователи. Его преобразовательные идеи в сфере хозяйственной жизни выражали интересы и перспективы развития казахского общества в целом, о чем он говорил открыто и неоднократно. Однако на данном этапе эти идеи совпадали прежде всего с положением и интересами бедняков, в большинстве своем оседавших в зоне зимовок богачей вблизи русских населенных пунктов, дававших дополнительные заработки (жатаки). В то же время многие бедняцкие хозяйства были зависимы от зажиточных и богатых однородцев и одноаульцев, и это освящалось патриархальными обычаями и традициями. К тому же они не имели средств на то, чтобы осваивать отведенные пахотные участки, что также имело немаловажное значение.

М. Сералин сочувственно относился к положению и судьбе бедняков. Он призывал богатых одноаульцев и местные органы власти оказывать им помощь и поддержку. Так, в статье, посвященной голоду в степи в 1910 – 1911 гг., рисуя бедственное положение населения, он писал: «У баев нет сена для скота на зиму, а у бедняков не только нет скота, но нет у них продуктов на питание. Сейчас, когда доятся коровы и есть молоко, нужда не особенно заметна. Но как только наступит осень, начнут голодать в первую очередь бедняки».² Здесь же он поднимает вопрос о том, чтобы правители волостей и казахские чиновники ходатайствовали перед правительственными органами об оказании помощи нуждающимся и голодающим в степи.

Деление общества на богатых и бедных М. Сералин воспринимал как фактическое состояние общества, не пытаясь объяснить его. «При всех условиях, – писал он, – кому милостив бог – тот богат, кому не милостив бог – тот бедняком останется».³ В то же время он считал, что злоупотребления и произвол властей и тех, кто правят массой, приводят к обнищанию трудовых людей, умножают бедняков.

Пороки общества, народа и управления, а также то, что одни народы попадают под угнетение и унижительную власть других народов, М. Сералин склонен был объяснять недостатком или отсутствием у

¹ Степь, 1915, 3 марта.

² Айкап, 1911, №7.

³ Там же, 1912, №3.

них образования и знания, отсталостью и неразвитостью. Описывая злоупотребления царских чиновников и местных хакимов, а также царских начальников, поставленных во главе казахских аулов в Кульджинском округе, он отмечал, что «притеснитель останется притеснителем везде и всюду. Чтобы освободиться от притеснения притеснителей, есть только один путь: народ должен учиться, цепляться за знание, отбросить вредные обычаи дедов – без этого казах не снимет с себя ярмо унижения».¹

Вместе с тем М. Сералин не ограничивался только констатацией отрицательной роли некоторых обычаев и норм, именуемых «правилами дедов». Свой подход и их оценку он строил исходя из критериев прогресса общества и справедливости. В них он видел во многом причину застоя общественных нравов, отсталости взглядов народа, его стремления отгородиться от всего нового, полезного, что происходило вокруг. В анализе и оценке норм и обычаев, укоренившихся веками в ткань общественной жизни казахского народа, М. Сералин был более глубок и последователен, чем многие дореволюционные казахские деятели. Его сильной стороной было то, что он смог на конкретных сферах жизни народных масс показать, какие «правила дедов» мешают продвижению общества вперед и какие могут быть использованы на этом сложном пути. Он «поднял» руку даже на родовое деление населения, считавшегося чуть ли не священным.

Родовое деление населения, по мнению М. Сералина, явление историческое, и материалы о нем надо собирать и изучать. Но оно стало в значительной степени причиной внутренних раздоров, конфликтов и раздробления народа. В одной из своих статей Сералин приводил выдержки из письма, поступившего в редакцию, автор которого писал, что в местах сбора людей, если играют два мальчика, и, поссорившись между собою, один из них крикнет: «Найман! Найман!» или «Аргын! Аргын», то немедленно собравшиеся делятся на две группы и затевают драку. Многие из них не знают даже, из-за чего она происходит, оправдываются тем, что «услышал призыв духа предков и стал бить плетью найманов».²

По этому поводу от имени редакции М. Сералин изложил позицию «Айкапа»: «Задача журнала заключается в разъяснении необходимости покончить с делением казахов «на такой жуз, на такой род»,³ порождающее такое явление. Не делает чести для народа получающее распространение мнение о том, что «казахи – это народ, раздираемый

¹ Там же, 1911, №8.

² Там же, 1912, №7.

³ Там же.

изнутри взаимными спорами и склоками». «Когда не хотят видеть нового, нужного, полезного, – писал он, – то ссылаются на «правила дедов», ссылаются на него также в оправдание своей лени и необразованности».¹

Исключительно остро ставил М. Сералин вопрос о равноправии женщин, борьбе с обычаями и взглядами, унижающими их достоинство как членов общества. Этой теме он посвятил одну из первых своих поэм, ряд публицистических статей. В поэме «Гулкашима», написанной в 1903 г., повествуется о высоком чувстве любви и ее трагедии в отсталом обществе казахов.

В публицистических статьях он обращался к своим читателям и ко всем «трезво мыслящим» представителям народа со словами: «Не является ли для нас позором то, что женщины, которые родили нас и являются нашими матерями, родные наши сестры пушены, как скот, в торговое обращение?.. Если наши матери лишены личной свободы, подобно рабням, то мы, рожденные от них, не выгладим ли жалкими».²

М. Сералин придал женскому вопросу общественную остроту, создал актив борцов за равноправие казахских женщин. В редакцию журнала из разных уголков степи поступало по этой проблеме много писем. Конкретным действием в этом направлении было привлечение М. Сералиным женщин-казашек, получивших образование, в качестве авторов журнала, что было явлением необычным в истории Казахстана. В их числе были: Сакипжамал Тлеубайкызы, Кулайм Утегенова, Магрипа Койбагарова, Мариям Сейдалина.

В одной из статей С. Тлеубайкызы писала: «Девушки в будущем – это матери и воспитательницы своих детей. Если мать невежественна, то она не сможет дать своему ребенку хорошее воспитание. Плохо воспитанный ребенок – вина матери, ибо сам он плохим не рождается. Поэтому, если хотите, чтобы мы были полноценными людьми, постарайтесь учить нас в наших аулах. Обучайте нас хотя бы в возрасте от 7 до 15 лет. Не будьте прокляты нашими слезами. Дав нам образование, народ получит большую пользу...».³

Устами самих женщин-казашек заговорили их нужды и чаяния. Они писали о праве девушек на образование и на выбор профессии, об участии наравне с мужчинами в общественной жизни, в особенности в сфере культуры и школьного строительства. Они выступали против таких дедовских порядков, как продажа девушек за калым, аменгерство – обычай, по которому вдова должна была выйти замуж за бли-

¹ Там же, №8.

² Там же, 1912, №1.

³ Айкап, 1911, №7.

жайшего родственника умершего мужа. При этом они вдохновлялись примерами своих старших землячек. Так, казашка Хусни-Жамал Нуралиханова в 1894 г. открыла в своем ауле в Букеевской орде первое учебное заведение европейского образца для девушек. Все учебные принадлежности она приобрела на собственные средства, и сама составила учебную программу. При этом женском училище для казашек был интернат на 20 мест. В ее бескорыстном, благородном начинании ей помогали некоторые русские педагоги, например Олдекоп.¹

Как следует из сказанного, просветительские идеи М. Сералина выходили далеко за рамки вопросов духовной культуры народа. Они охватывали проблемы и социально-политические, и экономические. Выдвинутая им идея преобразования хозяйственного уклада казахов путем перехода от кочевничества к оседлости была не только перспективной, но и смелой. Радикальной была его постановка проблемы равноправия женщины-казашки, ее активного участия в общественной жизни, а также взгляды на «правила дедов», имевшие в обществе значительную силу. Он критически относился к политике царизма в Казахстане, а в нелегальных трудах клеймил его за кровавые преступления против народа, солидаризировался с революционными выступлениями русских рабочих. Он не оставил в стороне от критики и туземную администрацию – волостных правителей, крупных баев за их равнодушие к нуждам и коренным интересам собственного народа.

Как уже говорилось, одной из особенностей просветительских идей предреволюционного периода в Казахстане было то, что они все больше и больше охватывали область политики, ограниченной национально-освободительными идеями и незрелыми буржуазно-демократическими лозунгами. Просветительские идеи М. Сералина в какой-то мере выходили за эти рамки. Они были частью более общего его идейного воззрения, характеризовавшегося относительно радикальным демократическим содержанием.

М. Сералин по своим политическим убеждениям и симпатиям был деятелем революционно-демократической ориентации.

¹ У Нуралихановой в свое время учились ставшие впоследствии видными деятелями Советского Казахстана А. Уразбаева, Р. Мендешева и др.

ГЛАВА IV

М. СЕРАЛИН – УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

1. Накануне Октября и в первые годы Советской власти

После закрытия журнала «Айкап» М. Сералин на некоторое время уехал в родной аул (аул №5 Шубарской волости Кустанайского уезда) и посвятил себя школьно-просветительской деятельности. Он работал учителем в школе для казахских детей (иногда ее называют «русско-казахской»), основанной в 1888 г. при непосредственном участии Ибрая Алтынсарина. Эта школа, можно сказать, была и его детищем. Он постоянно интересовался постановкой и качеством обучения детей, сам преподавал некоторые предметы, в частности естествознание.¹ Теперь он имел возможность отдалиться этому делу.

К тому времени М. Сералин уже пользовался широкой известностью у населения, в особенности в среде грамотной казахской молодежи и казахской интеллигенции. В нем видели наставника, его дела и поступки не оставались незамеченными, вызывали общественный резонанс. Вокруг него концентрировались сторонники просвещения народных масс. Его многочисленные статьи по вопросам строительства школ, организации обучения детей в степи, опубликованные на страницах «Айкапа», а также в виде рукописей, имели довольно широкое распространение.

Одной из его новаций была организация библиотеки при школе. «Мухамеджан-агай организовал библиотеку специально для школьников, передав ей свои книги, – свидетельствует один из бывших учеников этой школы. – Он доставлял сюда газеты и журналы, издававшиеся в Москве, Петрограде, Казани, Оренбурге и в Средней Азии».² Среди них, кроме некоторых учебных пособий, были и отдельные книжечки и брошюры казахских поэтов и общественных деятелей, предназначенные для широкого круга читателей.

Сералинская школа выделялась среди многих других казахских аульно-волостных школ. Она не была похожа на старомодное, мусуль-

¹ В период редактирования журнала «Айкап» (1911-1915 гг.) он немало времени уделял делам школы.

² ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. 499. П. 2. Л. 9-13.

манское мектебе, медресе при мечети, где основное время обучения отводилось заучиванию догм и положений корана и исламских религиозных книжников. Иногда занятия в школе вел сам М. Сералин. В качестве одного из ведущих учителей он пригласил из Уфы опытного наставника казахских детей, бывшего воспитанника известного медресе Галия Нигматуллу Кузембаева с широкими светскими взглядами на общественную жизнь. Он приезжал на время учебного сезона и по окончании своего учебного курса уезжал обратно в Уфу. И даже своим внешним видом учителя этой школы отличались: не носили чалму, серые или белые халаты по торжественным случаям и не именовались муллами. В их одежде совмещался, как вспоминают об этом бывшие ученики школы, частично городской, частично казахский и полутатарский стиль. Главное же отличие сералинской школы состояло в методе и программе обучения. Приоритет в ней отдавался светскому образованию с включением преподавания русского языка (по желанию учеников и их родителей), счетным и естественным дисциплинам, а также физкультуре. Другой особенностью было то, что школа должна была стать как бы ядром культурно-просветительных мероприятий в местности. Силами старшеклассников организовывались вечера и их выступления перед одноаульцами, специальные увеселительные и зрелищные мероприятия с приглашением постановщиков со стороны, из соседних городов.

Практиковались в школе чтения и беседы для учеников и для населения на бытовые, хозяйственные и политические темы. Все это проводилось под руководством и при непосредственном участии М. Сералина.

Опыт школьно-просветительской работы М. Сералина в своем ауле, несмотря на его ограниченность, получил общественное признание не только в пределах Шубарской волости. Это в первую очередь объяснялось известностью и влиянием М. Сералина в обширном степном крае. К делам и словам М. Сералина прислушивались, с ним многие связывали свои надежды.

М. Сералин не ограничивался рамками своего аула. Он разъезжал по другим аулам и волостям с целью ознакомления со всей постановкой школьного дела. Он давал советы по организации «новометодных» школ по образцу казанских и крымских татар, помогал в сборе средств на обучение детей, склонял некоторых баев и торговцев к оказанию материальной поддержки школьному строительству. В одной из таких поездок М. Сералин встретился с Сайфи Кудашем, в то время учителем, а впоследствии крупным советским писателем Башкирии. Сам С. Кудаш так описывает эту встречу: «Во второй половине июня в мое жилище вошел незнакомый гость. Был он коренастый, крупный,

одет наполовину по-казахски, наполовину по-русски. Человек весьма разговорчивый и крайне любопытный. Он обо всем расспрашивал, до всего докапывался... словно официальное лицо, занимающееся проверкой школ, принялся расспрашивать, каких методов придерживаюсь в своей работе, какими именно учебниками пользуюсь. Чем дальше, тем все больше и яснее становился он для меня. В скором времени мы, как закадычные друзья, разговорились на интересную для обоих тему – о распространении знаний среди казахского народа».¹

По воспоминаниям современников, М. Сералин бывал в г. Троицке и после прекращения издания журнала «Айқап». Каждый раз он выступал с докладами и беседами о событиях в России, о положении казахского общества и его перспективах перед казахской молодежью, обучавшейся в учебных заведениях города. В то время в г. Троицке дети казахов обучались в школе «Узифа», в медресе Зейнуллы-имамма, в мужских и женских гимназиях. Их было для того времени немало. Бывал М. Сералин и в городе Оренбурге, где встречался с представителями казахской интеллигенции и посещал учебные заведения, в которых обучались молодые казахи.

Однако М. Сералин не мог долго заниматься только школьно-просветительской работой. Скоро он оказался в водовороте политических событий, развивавшихся и менявшихся с большой быстротой. Мировая война, развязанная капиталистическими государствами, уносила людские и материальные ресурсы страны. Лозунг «победоносной войны» обернулся для России рядом крупных поражений на поле битвы. Страна напрягала свои возможности до предела. В эти годы особенно наглядно обнажились антинародная сущность самодержавия, гнилость и внутренние противоречия царской империи. Революционная борьба пролетарских и народных масс получила новый импульс и пошла на резкий подъем. На плечи революционных партий легла масштабная задача – возглавить революционное движение масс, направленное на свержение российской монархии, и привести его к победе. Эту историческую задачу могла выполнить только партия большевиков во главе с В.И. Лениным. На усиление революционного движения царское правительство ответило ужесточением репрессивных и карательных мер.

Политические события в Центре России в той или иной степени отозвались на окраинах, в том числе в Средней Азии и Казахстане. Восточный регион, отнесенный к тыловым районам, был, однако, беспокойным. Организации рабочих на железных дорогах, горно-рудных и фабрично-заводских предприятиях выросли количественно и

¹ Кудаш С. По следам юности. М., 1974. С. 457.

качественно. Несмотря на усиление репрессий М. Сералин выступал активным противником методов исполнения царского указа об обязательном наборе казахов на тыловые работы. Списки лиц, подлежащих мобилизации по разнарядке сверху в волостях и административных аулах, составляли местные правители. Дети баев и торговцев, как правило, откупались, заменялись детьми бедняков. Составление этих списков вызвало волну подкупов, взяточничества и было источником серьезных конфликтов и внутренних столкновений. Одноаульцы М. Сералина, по его агитации, отказались от составления списков и отправки людей на окопные работы. Это решение с быстротой молнии перекинулось на соседние аулы и грозило срывом исполнения царского указа в этих местностях. Правитель Шубарской волости, в ведении которого находился аул М. Сералина, охваченный «смутой», серьезно встревожился создавшимся положением и составил донос в уездные и губернские органы на «возмутителя». Под угрозой карательных мер и во избежание неравной открытой конфронтации с властью на сходе одноаульцев, проходившем во главе с М. Сералиным, было принято решение отправить по мобилизации от аула близкого его родственника Ержана Доскождева.¹ Сопротивление народных масс против мобилизации казахов на тыловые работы вылилось в национально-освободительное движение, в котором принимали участие несколько ближайших родственников М. Сералина. В частности, его активным участником был Ержан Сугралин, двоюродный брат М. Сералина по отцу, лично знакомый с руководителями восстания Алиби Джангильдиным и Амангельды Имановым.² Сам Мухамеджан Сералин с самого начала узнал, что оно не принесет реального результата казахскому обществу и будет подавлено царским правительством. «Он сомневался в успехе восстания, – вспоминает его друг С. Ужгин, – и держался того мнения, что казахам целесообразнее пойти по линии наименьшего сопротивления, т. е. пойти на тыловые работы, влиться в армию русских рабочих, в союзе с которыми и повести наступление на царизм».³

Внешне позиция М. Сералина по отношению к царскому указу о мобилизации казахов на тыловые работы была похожа на линию поведения группы деятелей из газеты «Казах», призывавших население идти на тыловые работы, но мотивы у них были разные. Если М. Сералин при этом думал о союзе казахов с русскими солдатами, то степ-

¹ ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. П. 499. Д. 6. Л. 10 (Из воспоминаний Жумаша Еленова).

² В экспонатах выставки Кзыл-Ординского областного музея, посвященных восстанию казахов 1916 г., имеется портрет и Ержана Сугралина.

³ Ужгин С. Странички былого... С. 20-21.

ные служилые люди хотели продемонстрировать верноподданические чувства казахов царскому правительству.

В одной из записей воспоминаний К. Казангапова говорится о том, что М. Сералин, будучи в г. Троицке, часто направлялся в сторону железнодорожной станции и уходил один, оставив сопровождавших. Только в 1919 г. при новой встрече с автором, вспоминая, он раскрыл «секрет» посещения этих мест. «Оказывается, на территории, где сейчас железнодорожная станция имени Голошекина, которая находилась в Тургайской области, куда не совали носа троицкие полицейские, производились революционные сборы. На митингах выступали Сыромолотов, Петров, Бородин и братья Хейфецы. На этих революционных сборах рабочие-подпольщики проходили учебу по военному делу у большевика Томина (в звании комкора он погиб в 1920 г. в борьбе с басмачами)».¹ На этих сборах бывал и М. Сералин.

Теперь известно, что в годы первой мировой войны он продолжал укреплять связи с местными русскими рабочими-революционерами, участвовал вместе с ними в политических митингах, увлекался их идеями.

Февральская революция 1917 г. и падение самодержавия придали общественной и политической жизни в степном крае новый накал. Судьбы края в целом, пути освобождения казахского народа от колониального гнета и другие подобные вопросы, рожденные ходом событий в России, стояли в центре внимания деятельной части казахской интеллигенции, оказавшейся во главе процесса национального пробуждения на этапе буржуазно-демократического, младобуржуазного движения в специфических условиях казахского общества. М. Сералин был свидетелем того, как 5 марта 1917 г. вслед за свержением царя в г. Троицке состоялся народный митинг, участники которого срывали портреты царя и растаптывали их.

Деятели Алаш-Орды, развернувшие активную работу между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. и пользовавшиеся поддержкой Временного правительства и лично Керенского, предприняли попытки привлечения на свою сторону Мухамеджана Сералина. Его посетили специальные уполномоченные лидеров Алаш-Орды и вели переговоры с ним о совместных действиях и выступлении в поддержку Временного правительства и для создания национальной казахской автономии под его эгидой. Судя по некоторым документам, уговорить М. Сералина не удалось. Он не стал союзником Алаш-Орды.

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции за-

¹ Воспоминания Каната Казангапова // Рук. ф. Института философии и права АН КазССР.

стала М. Сералина в родном ауле. Печать, призывы и голоса разных политических партий и группировок, поддерживавших и критиковавших новую власть, смешанные с поспешностью в оценке ситуации, которые были характерны для такого захолустного уезда, как Кустанайский, затрудняли понимание происходящего, особенно для тех, кто был связан с патриархально-феодалным казахским аулом, каким бы образованным и европеизированным он ни был. Исключением не был и М. Сералин.

На Кустанайщине Советская власть была установлена значительно позже, чем в центральных областях России, и еще позже – в казахских волостях и аулах. Быстро разобраться в происходящем М. Сералину помогли земляк-большевик А. Джангильдин, с которым он был лично знаком, и русские большевики, жившие и работавшие в г. Кустанае и его окрестностях, с которыми он поддерживал более или менее тесную связь со времен революции 1905 – 1907 гг. Особенно близок он был к Ашмарину.¹ Но, конечно, главную роль в том, что Сералин относительно быстро разобрался в политических событиях и перешел на сторону Октябрьской революции, сыграла его идейная направленность дореволюционного периода, которая и послужила предпосылкой для правильного осмысления идей социалистической революции.

Каждый раз свою поездку в Троицк и Оренбург М. Сералин использовал для получения новых сведений и материалов о политических программах различных революционно-демократических группировок, в особенности партии большевиков, для установления новых связей с русскими и татарскими деятелями левой ориентации. Полученной информацией и своими суждениями о расстановке политических сил в стране и о том, какую реальную политику проводит новая Советская власть, что она может дать казахскому обществу, он делился с казахской молодежью и интеллигенцией, жаждавшими таких сведений и собиравшимися вокруг М. Сералина.

В 1918 г. из поездки в г. Троицк он возвратился в свой аул-поселок в сопровождении одного татарского коммуниста. Последний информировал местных жителей о политике Советского государства, о его отношении к народам, ранее угнетенным, о внутреннем положении страны и международных событиях. В конце речи он предложил слушателям, считающим себя достойными, вступить в ряды сочувствующих партии большевиков. Одним из первых сделал это

¹ По некоторым данным, отношения М. Сералина и Ашмарина настолько были близкими, что в период разгула репрессий контрреволюционной и белоказачьей власти в Кустанае в 1917 – 1918 гг. Ашмарин скрывался в течение месяца от преследования в доме М. Сералина. (ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. 499. П. 2. Л. 13. Воспоминания Жумаша Еленова, составленные 5 мая 1947 г.).

М. Сералин.¹ Несколько позже он становится членом Коммунистической партии. В дальнейшем М. Сералин принимал самое активное участие во многих мероприятиях Советской власти в Кустанайском уезде (затем губернии) и в Казахстане. После установления в 1919 г. Советской власти он назначается заведующим земельным отделом Кустанайского уездного исполкома Советов. Осенью того же года он одновременно выполнял поручение комиссара степного края А. Джангильдина по вербовке джигитов в сформировавшийся под его руководством трехсотенный красногвардейский отряд в г. Кустанае и исполнял обязанности агитатора-политработника этого отряда.² С образованием революционного комитета по управлению казахским краем (Казревкома) с центром в г. Оренбурге М. Сералин назначается членом коллегии Кирземотдела,³ а вскоре – членом Казахского революционного Комитета. После создания газеты «Ушкын» (Искра) – органа казахского революционного комитета – М. Сералин включается в состав редколлегии.

Осенью 1920 г. М. Сералина как опытного работника посылают в Кустанайскую губернию в распоряжение губкома партии. Здесь он направляет свои усилия на организацию и укрепление местных советов в волостях, преимущественно населенных казахами, на митингах и сходках разъясняет текущее положение и политику Советского государства и мероприятия казахского революционного комитета, направленные на осуществление национальной политики партии и на подготовку провозглашения Казахской Советской Автономной Республики.

В 1920 г. М. Сералин в качестве делегата от Кустанайской губернии участвовал в работе I Всеказахского учредительного съезда Советов, на котором было провозглашено создание Казахской Советской Автономной республики и избраны ее верховные органы власти и управления. Он участвовал и в работе III Кустанайского губернского съезда Советов, состоявшегося в сентябре 1922 г., где был избран в состав губисполкома.⁴

Некоторое время М. Сералин был заместителем председателя губисполкома, активно участвовал в подготовке и созыве IV губернского съезда Советов (25 ноября 1923 г.) и, будучи избранным членом Президиума съезда, совместно с другими руководит его работой.⁵ На

¹ Кенжебаев Б. Казахская литература начала XX века. Алма-Ата, 1976. С. 71.

² Из воспоминаний Альжана Мырзабекова.

³ ЦГА КазССР. Ф. 14. Оп. 3. Д. 236.

⁴ Бюллетень III Кустанайского съезда Советов, г. Кустанай, 1922. №3 (5 сентября).

⁵ Газета «Красная степь», 1923, 27 ноября.

съезде М. Сералин выступил с докладом «Основные мероприятия по реализации национального вопроса».¹ На этом съезде М. Сералин был избран в новый состав губисполкома, членом президиума губисполкома и делегатом Всероссийского съезда Советов.² В 1920 – 1921 гг. он возглавлял исполком Шубарской волости, был секретарем партийной организации волисполкома, работал заведующим агитотделом губкома партии, секретарем губисполкома, заведующим земельным отделом. С начала издания губернской газеты «Аул» был ее редактором.

2. М. Сералин – активный участник советского строительства в Казахстане

В деятельности М. Сералина в послеоктябрьский период можно выделить два этапа: работа в революционном комитете по управлению Казахским краем (Казревком) в г. Оренбурге, учрежденном в июле 1919 г., работа в Кустанайской губернии.

В конце 1919 г. М. Сералин был приглашен на работу в Казахский революционный комитет и назначен членом коллегии краевого земельного отдела и заведующим его казахской секцией. Для такого назначения были основания. Среди казахских деятелей он считался одним из наиболее компетентных в вопросах земельных отношений в крае. До революции он много ездил по казахским кочевьям и поселениям, изучал хозяйственный уклад и быт местного населения, составлял проекты и рекомендации по оседанию кочевников и полукочевников, выступал ходатаем перед официальными органами, доказывая необходимость наделения землей всех желающих кочевников, чтобы они могли заниматься и земледелием, и оказания им другой помощи. М. Сералин земледелие среди казахов пропагандировал личным примером, получив земельный участок, сам занимался хлебопашеством, сочетая его со скотоводством, построил поселок для оседавших кочевников.

Неоднократно М. Сералин выполнял поручения Казахского революционного комитета, выезжал на места. Он часто привлекался в качестве уполномоченного Ревкома для ускорения решения вопроса о передаче Кустанайского уезда из административного подчинения Челябинской губернии в ведение созданного краевого органа Казахстана. Этот вопрос был одним из наиболее сложных. Челябинский губком партии и губисполком всячески сопротивлялись такому решению,

¹ Красная степь. 1923. 1 декабря.

² Там же. 1923. 29 ноября.

несмотря на то, что по Декрету об учреждении революционного Комитета по управлению Казахским краем, подписанному В.И. Лениным и М.И. Калининым, такая передача предусматривалась.

М. Сералин хорошо знал Кустанайский уезд, работал в советских органах после установления Советской власти в уезде и имел хорошие представления об его экономике и положении, в особенности районов, заселенных преимущественно казахами. В январе 1920 г. от имени Шубарского волостного ревкома он направил докладную записку в Революционный Комитет по управлению Казахским краем, в которой на основании фактов писал, что тяжба между Челябинской губернией и Центральным Краевым органом Казахстана относительно Кустанайского уезда создает «двойственность положения и парализует развитие края (речь идет об уезде. – Авт.) в политическом, экономическом и культурно-просветительном отношениях... В продовольственном отношении население находится в самом плачевном положении. Врачебная помощь населению во многих уголках почти отсутствует».¹ В записке М. Сералин указывал на необходимость скорейшего решения вопроса о передаче уезда в состав Казахского края, а до его решения «назначить особо чрезвычайного уполномоченного с предоставлением ему прав контроля, инструктирования устранения от должностей. перевыборов, предания суду и ареста без предварительного сношения с Центром».² В таком же плане говорил Ильин, представитель Кустанайского уезда, в своем выступлении на первой областной Казахской конференции РКП(б), состоявшейся в июне. 1921 г. Рисуя тяжелое положение населения ряда волостей уезда, он, в частности, говорил, что «в районах Адамовском, Всесвятском и Федоровском появились банды ...в них принимают участие главным образом кулаки и русские казаки, которые являются врагами власти Советов».³

Как видим, назначение М. Сералина уполномоченным Казахского революционного комитета для ведения переговоров с Челябинскими губернскими органами относительно Кустанайского уезда было правомерным.

22 января 1920 г. Казахский революционный комитет, обсудив доклад М. Сералина, принял постановление, в котором говорилось: «1. Срочно (по прямому проводу) телеграфировать в Центр об ускорении фактического перехода Кустанайского уезда из ведения Челябинского ревкома в ведение Киргизского (Казахского) краевого Ревкома. 2. Срочно организовать для переговоров с Челябинским ревкомом комиссию в составе

¹ ЦГА КазССР. Ф. 14. Д. 61. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Протоколы первой областной Киргизской конференции РКП(б) 11-18 июня 1921. г. Алма-Ата, 1935. С. 57.

одного члена Ревкома и т. Сералина, Ашмарина».¹ В феврале и марте 1920 г. М. Сералин и Ашмарин поочередно выезжали в г. Челябинск и вели переговоры в губкоме и губревкоме. Результаты этих переговоров рассматривались на заседаниях Казахского революционного Комитета 27 марта и 7 апреля 1920 г.²

В связи с переходом Кустанайского уезда в административно-территориальное ведение Казахского революционного комитета и преобразованием его в губернию М. Сералин решением Краевого партийного комитета был направлен на работу в эту губернию. Оно соответствовало и его желанию вернуться на родину, где, по его мнению, он мог принести больше пользы, чем в Оренбурге.

Будучи заведующим земельным отделом губисполкома, отделом агитации и пропаганды губкома партии, редактором губернской казахской газеты «Аул», М. Сералин везде показал себя активным деятелем Советской власти.

Одной из самых злободневных и сложных задач начала 20-х г. было укрепление власти местных Советов. Выборы и перевыборы аульных, поселковых и районных Советов зачастую превращались в арену политической борьбы, связанной со стремлением различных родоплеменных и антисоветских группировок протащить своих агентов в эти органы. Накал борьбы в казахских аулах и районах был не менее острый, чем в других местностях. Тому было несколько причин: незнание или слабое знание масс политики советской власти; неграмотность населения, недоверие, доверчивость к активистам, антисоветская агитация.

М. Сералин становится одной из самых заметных фигур, включившихся в выборную и перевыборную кампанию, особенно в казахских аулах и районах губернии. Он выезжал в районы, вел разъяснительную работу, выступал на сходках, на месте руководил избирательным процессом.

3 августа 1922 г. М. Сералин опубликовал статью «Что должны помнить трудовые киргизы во время выборов». По своему содержанию среди статей, посвященных вопросам формирования новой местной власти, она занимала особое место. Статья была прямо направлена на усиление классовой борьбы в казахских аулах и на этой основе обеспечения должного социально-политического уровня проведения выборной и перевыборной кампаний в местные Советы. В ней М. Сералин давал также рекомендации для избирателей: на что следует обращать внимание во время выборов и как обеспечить их уро-

¹ ЦГА КазССР. Ф. 921. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

² Там же.

вень, необходимый для формирования подлинно народных, советских органов власти. «Теперь, – писал он, – всем или многим стала ясна та истина, что интересы баев и киргизской бедноты совершенно противоположны... Все это должна хорошенько уяснить киргизская беднота и при предстоящих выборах Советов дать свой голос исключительно честным и дельным беднякам или же середнякам, отнюдь не пропускаемая в Советы баев-кулаков».¹

Основываясь на опыте предыдущих выборов и исходя из реальных условий, в которых проходили и проходят выборы и перевыборы в местные Советы в казахских аулах, М. Сералин составил инструкцию о том, как добиться основной цели, ради которой устраиваются эти выборы. Она включала, в частности, следующие условия: «Киргизский трудовой элемент должен следить за тем, чтобы в Советы не пролезли какими-нибудь окольными путями бывшие царские слуги; не допускать «таласы», т. е. конкурентную борьбу претендентов за власть, связанную с созданием групповщины, ибо это самое уродливое и вредное явление», от которого «выигрывали волостные управители и царские чиновники, а беднота от него только страдала»; ограничить, даже свести на нет влияние мулл на выборах. Хотя последние лишены по закону избирательных прав, однако они еще могут пролезть в Советы или протолкнуть своих людей».²

Статья заканчивалась обращением к трудящимся казахам с призывом принять самое активное участие в выборах и перевыборах: «Необходимо отбросить апатию и лень в сторону и приступить к принятию участия в советском строительстве...», «Киргизские трудящиеся должны крепко помнить следующие строки из «Интернационала»: «Никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».³

При рассмотрении любого частного случая М. Сералин настойчиво и последовательно проводил идею социального отмежевания трудящейся массы от тех слоев населения, которые чужды им по образу жизни и живут за счет их труда. В статье, посвященной Всероссийской хозяйственной выставке, организованной в конце 1923 г. в Москве, которую посетили и посланцы Кустанайской губернии, он, останавливаясь на том факте, что в казахской делегации было немало представителей зажиточных слоев населения, в первую очередь думавших о своих личных выгодах, а не о выгодах общества, прямо говорил: «Большинство наших посланцев оказались выходцами из

¹ Степная заря, 1922, 3 августа.

² Там же.

³ Там же.

класса богачей-баев. То, что класс баев не интересуется выгодами большинства, а печется о своих личных интересах, — истина, как светящееся солнце. Бедняки и середняки должны помнить это в предстоящих выборах».¹

В конце ноября 1923 г. во всех уездах Кустанайской губернии прошли выборы нового состава районных Советов. По сравнению с предыдущими они прошли более успешно. Это относилось и к районам, на территории которых имелись более или менее компактные поселения казахов. Итогам выборов М. Сералин посвятил специальную статью «Исторические дни». Анализируя их, он отмечал, что на этих выборах казахские бедняки и середняки впервые за послеоктябрьские годы смогли показать свою политическую активность и выбрать в советские органы своих кандидатов. Как результат этих выборов он рассматривал и факты введения делопроизводства на казахском языке в уездах и районах с преимущественным казахским населением. Эти новые факты М. Сералин считал историческими.

Для стиля работы М. Сералина всегда было характерно тесное увязывание фактических задач с конкретными делами. Так, выделяя достигнутые успехи на выборах в районные

Советы, он ставит задачи использования успехов в улучшении жизни и быта населения. «Теперь многое зависит от тех казахов, которые избраны. Они обязаны не ленясь заботиться о народе, отбросить халатность, честно, засучив рукава, приступить к работе».²

М. Сералин внимательно следил за изменениями в общественной жизни и быте населения в казахских аулах, за преодолением последствий разрухи и голода, охвативших их в течение нескольких лет. В одной из статей конца 1923 г. указывал на то, что «...губерния только что выкарабкалась из громадной разрухи и из свирепого голода. Их последствия еще не исчезли. Раны, нанесенные ими, еще далеко не зажили»,³ он обращал внимание местных органов в казахских аулах и населения на необходимость оживления работы «Крестьянского комитета взаимопомощи», созданного, но плохо используемого в казахских волостях и аулах.

В другой статье, озаглавленной «Чего еще теперь ждут?», сообщая о постановлении центральных органов Советского государства об открытии хозяйственного банка на местах, через который решено выдавать денежные ссуды крестьянам для приобретения «живого и неживого» сельскохозяйственного инвентаря и семенного зерна, а

¹ Аул, 1923, 30 ноября.

² Там же.

³ Там же.

также о продаже крестьянам сельскохозяйственных орудий и машин в долг, М. Сералин с большим сожалением отмечает, что казахские шаруа (крестьяне), за отдельными исключениями, не пользуются ими. «Где активисты в аулах? Время поджигает. Что они теперь ждут?»¹

Советское строительство в казахских уездах, районах и аулах было тесно связано с оседанием кочевников. В условиях большой подвижности населения, когда к зимним местам жители возвращались только поздней осенью и покидали их ранней весной, а в остальное время года совершали значительный кочевой круг, нередко достигающий нескольких сотен километров, трудно было проводить организованные мероприятия и обеспечивать влияние органов местной власти на внутреннюю социально-экономическую, идейную и культурную жизнь казахского общества. В кочевых районах в первое время была попытка организовать «кочевые советы», перемещавшиеся вместе с кочевыми аулами. Однако эта мера не принесла желаемого эффекта. Более того, кочевая форма хозяйствования была удобна для примитивного скотоводства, но совершенно неприемлема для интенсивного хозяйства, тем более для сельскохозяйственного, без которого переустройство общественных отношений на новых, социалистических принципах было невозможно.

Между тем в массе своей казахское население, в том числе и в пределах Кустанайской губернии, оставалась еще кочевниками и полукочевниками. Такая хозяйственная традиция имела многовековую историю и поддерживалась еще довольно прочными сознательными и подсознательными установками населения.

Процесс частичного оседания казахских кочевников начался еще до 1917 г. Но происходил он медленно, трудно, охватывал в основном районы, соседние с русскими поселениями. Даже там, где происходило такое оседание кочевых хозяйств, последние, как правило, оставались преимущественно скотоводческими, полукочевыми. Земледелие в балансе их хозяйственного благосостояния занимало совершенно незначительную долю. Так, в Кустанайской губернии, где оседание казахских кочевников происходило более активно, чем во многих других частях Казахстана, считалось, что за период с 1910 по 1915 г. образовалось 125 казахских поселений. «Все эти поселки, — указывает М. Сералин, очень хорошо знавший положение, — числятся поселками на бумаге, представляя из себя, в сущности, те же киргизские (казахские) зимовки»,² в которых живут только зимой после длительных кочеваний.

¹ Аул, 1924, 22 марта.

² Беднота, 1924, 5 февраля.

Как известно, Мухамеджан Сералин всегда был убежденным сторонником необходимости оседания кочевников и развития земледельческой культуры.

М. Сералин намеревался превратить свой поселок в «образцовый», но для этого нужны были условия и время, которых не было и не доставало в дореволюционный период. Теперь, в 20-х годах, он снова взялся за претворение в жизнь прежней идеи. Для этого были и определенные условия и время, а главное – была заинтересованность молодой Советской власти в оседании казахских кочевников-скотоводов, подкрепленная официальной политикой и материальной помощью.

Старания М. Сералина на деле показали выгодность и целесообразность во всех отношениях перехода кочевников к оседлости, в условиях Советской власти это скоро дало свои первые плоды. К 1924 году в поселке «Сералинский» уже насчитывалось 30 дворов. Они с 1922 г. начали заниматься огородничеством: сажали картофель, тыкву и подсолнух. С осени 1923 года приступили к посеву озимой ржи. Первые успехи оказались ободряющими, престиж поселка пошел в гору.

Оседание кочевников и образование поселка дали возможность по-новому, на сравнительно более высоком уровне решать культурно-массовые вопросы, чем в обществах кочевых аулов. Это преимущество стало наглядно выступать в жизни поселка «Сералинский». На средства граждан в 1918 году начали строить здание под школу, но гражданская война и временная оккупация уезда белогвардейцами, холера, а также голод 1921 года помешали осуществлению этого плана.

В 1923 г. М. Сералин возбудил ходатайство перед Советом народных комиссаров Казахской АССР о выделении средств на достройку школы, которую он начал в своем поселке еще в 1918 г. Правительство республики пошло навстречу и в августе того же года выделило 23000 руб. для этой цели.¹ С октября 1923 г. начала работать трехклассная трудовая школа 1 ступени. Во втором и третьем классах наряду с казахским языком изучался и русский. В начале 1924 г. в ней обучались 52 мальчика и 13 девочек, причем из них 12 сирот, 10 полусирот и 24 – из семей бедных родителей. Дети-сироты, по инициативе школьного совета и при помощи М. Сералина, были устроены в семьях обеспеченных, для них при школе было организовано питание, на что губернский отдел народного образования в декабре 1923 г. выделил для начала три червонца.² «Отдел народного образования, – писал М.Сералин, – отпускает только на жалованье заведующему школой, а

¹ Степная правда, 1923, 8 августа.

² Советская степь, 1924, 3 января.

второй учитель и сторож обеспечиваются из скудных средств самого населения».¹ Это была одна из многих трудностей, несмотря на которые дела в школе шли более или менее успешно.

Уже в первый год возобновления учебы из числа учащихся были созданы хоровой и театральный кружки. О них М. Сералин писал: «Через каждые три недели один раз ставят спектакли и концерты бесплатно. Эти спектакли и концерты производят громадное впечатление на простых киргизов, в особенности на киргизок».² Среди песен, исполняемых хором, был и «Интернационал», переведенный на казахский язык. Вскоре при школе организовали кружки по ликвидации неграмотности. Вначале в них записались 13, а посещало 5 человек, но уже за короткое время их число удвоилось. Это были молодые казашки и взрослые мужчины, впервые открывавшие для себя тайны элементарного чтения и правописания. К зиме 1924 г. в поселке «Сералинский» была организована ячейка рабоче-крестьянского союза молодежи в составе 25 членов, через полгода их число составило 41 человек. Среди комсомольцев были и девушки-казашки.³

В поселке открыли две общественные бани, о которых мало кто слышал прежде в казахских кочевых аулах. Как указывает М. Сералин в статье, напечатанной в начале 1924 г., население поселка намеревалось создать кредитно-кооперативную ячейку и, опираясь на нее, построить механическую мельницу и ввести электрическое освещение. «Таким образом,- писал М. Сералин, – маленький светоч, заложенный в киргизском темном уголке, начинает разгонять вековой мрак киргизской жизни».⁴

Поселок «Сералинский» был одним из первых в процессе оседания кочевников. Он представлял собой первичную хозяйственную и культурную ячейку, на базе которой более успешно проводилась советизация в казахских аулах. В его организации и постепенном превращении в поселение, имевшем общественное значение, была и доля труда М. Сералина.

3. М. Сералин о В.И. Ленине

Мухамеджан Сералин был одним из первых казахских советских писателей и публицистов, писавших о В.И. Ленине, открывавших его для казахского народа. Уже в первых статьях, опубликованных в первых номерах газеты «Аул» – органе Кустанайского губернского коми-

¹ Беднота, 1924, 5 февраля.

² Там же.

³ Степной крестьянин, 1924, 30 августа.

⁴ Там же, 8 августа.

тета РКП(б) и губисполкома, он писал о В.И. Ленине, его теоретических и практических делах. Статья «4 октября – праздник трудящихся Казахстана», опубликованная в 1923 г. и посвященная трехлетию создания Казахской Советской государственности, интересна в нескольких отношениях. По своему идейно-политическому и теоретическому уровню она является достаточно зрелой. В ней с достаточной силой и убедительно выделена роль В.И. Ленина и Коммунистической партии в социальном и национальном освобождении народов бывшей царской России и в обеспечении свободного их развития в рамках содружества наций, объединенных вокруг РСФСР. Сложные политические вопросы самоопределения народов на базе Советской власти в ней изложены просто, доступно для любого казаха-кочевника и полукочевника, лаконично и глубоко.

Эта статья, вместе с тем, в значительной мере характеризует его взгляды на важнейшие политические события, происходившие в Советском Казахстане. В ней высказаны верные мысли о роли дружбы казахского и русского народов в революционном преобразовании края.

«Празднуя этот день, – сказано в ней, – трудящиеся Казахстана должны помнить следующее: в этот день – 4 октября 1920 г. трудящиеся казахи, находившиеся под гнетом царского правительства, русской буржуазии, своих баев и волостных управителей, получили свободу и возможность равноправного политического и экономического развития наравне со всеми другими национальностями, входящими в состав РСФСР; 4 октября 1920 года – это день, когда трудящиеся Казахстана впервые получили право решать собственные дела и свою судьбу; 4 октября 1920 года – это день, когда трудящиеся Казахстана получили возможность говорить и учиться на своем родном языке; 4 октября – это день освобождения трудящихся казахов от колониализма царского правительства и получения возможности заняться без оглядки восстановлением разрушенного хозяйства; этот день – свидетельство того, что сидевшие на шее трудящихся казахов свои баи и гнусные волостные управители сброшены навсегда.

День 4 октября – это доказательство того, что русские крестьяне, русские рабочие и казаки не являются врагами трудящихся казахов, ибо и они до Октябрьской революции также находились под прессом и гнетом царского правительства. Этот день напоминает нам о необходимости в тесной дружбе с ними, рука об руку, как товарищи, вместе взяться за восстановление хозяйства и овладение знаниями».¹

Чтобы понять ценность статьи М. Сералина, нужно представить конкретную ситуацию. Казахское общество, пройдя этапы революци-

¹ Аул, 1923, 4 октября.

онного переворота, гражданской войны, разрухи и голода, начинало втягиваться в социалистическое строительство, имея в самой слабой степени внутренний идейно-политический актив и революционную национальную интеллигенцию. В отсталом кочевом и полукочевом обществе начиналась новая эра – эра социального и национального освобождения и реализации ленинского учения о праве народов на самоопределение, представлявшее основное ядро национальной политики партии и Советского государства. Эти фундаментальные мероприятия Советской власти были встречены народной массой на местах с огромным энтузиазмом и воодушевлением.

М. Сералин глубоко понимал происходящее. В статье указывалось, что образование Казахской Советской Автономной республики и все то, что приобрел казахский народ при Советах, оказалось возможным в результате победы русского рабочего класса и Красной Армии, руководимых Коммунистической партией.¹

По его мнению, партия большевиков, руководимая В.И. Лениным, не только защищала интересы национальностей России, но и интересы всех угнетенных национальностей мира.² В статье четко и убедительно проводится мысль о том, что среди всех политических партий и группировок, каждая из которых выдавала себя за «народных вождей», ни одна, кроме коммунистов, не являлась истинным борцом за интересы трудящихся. «Только одна Коммунистическая партия несет угнетенным национальностям свободу, равенство, хозяйственное преуспевание и знание...».³

Резюмируя свою основную мысль, М. Сералин обращается к казахским трудящимся помнить все это и всегда свои дела согласовывать с указанной истиной и сплотиться под «знаменем Коммунистического интернационализма» и заканчивает статью словами «Да здравствует Ленин – вождь рабочего класса и трудящихся всего мира!»

В одном из последующих номеров этой газеты М. Сералин опубликовал статью, посвященную национальной политике Советского государства, приуроченную к годовщине образования СССР. В ней отмечалось, что «в результате справедливой и правильной политики Советского государства малые национальности, находившиеся в прошлом в бесправном, униженном и рабском положении, получили автономию и возможность решать самим свою судьбу».⁴ Крупным новым шагом в развитии Советской федерации и национальных автономий, как указывал автор, стало образование СССР и создание, начиная с

¹ Аул, 1923, 4 октября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

января 1923 г., ЦИК, состоявшего из двух палат – Совета союза и Совета национальностей. Причем, согласно принятому на 3-й сессии ЦИК СССР Закону о правах Совета национальностей, союзный ЦИК не может принимать законы по национальным вопросам без согласования и учета мнений и утверждения Совета национальностей, в котором представлены уполномоченные национальностей, проживающих на территории страны. «Такими широкими и значительными правами ни одна национальность не пользовалась ни в одну эпоху в прошлом и ни в одном буржуазном государстве»,¹ – писал М. Сералин. То, что дала Советская власть национальностям и даст им в будущем, в свою очередь, возлагает ответственность на сами эти национальности. Главным условием этой ответственности, по его мнению, является «взаимное доверие и дружба объединившихся национальностей».²

В своих работах М. Сералин выступал как страстный пропагандист ленинской национальной политики и дружбы народов и критиковал тех, кто пытался извратить их суть и назначение. Его политика была всегда аргументированной и доходчивой для казахских масс. «Враги Советского государства и Коммунистической партии, – писал он, – утверждают, что якобы наша автономия – это не автономия, а лишь одно название и что народы, получившие автономию, на деле не владеют властью для решения своих дел, а коммунисты правят ими по своему желанию и держат в узде».³ Они извращают политику государства по национальному вопросу сознательно и преднамеренно в расчете на то, чтобы сбить с толку «невежд и неграмотных, не понявших национальную политику», а также убедить политических эмигрантов, скитающихся за рубежом, об обратном, напротив того, что на самом деле есть в этой политике. Ставя вопрос о том, а почему же они рисуют национальную политику Советского государства искаженно, в мрачном свете, автор статьи отвечает им следующим образом: «Разумеется, такие «критики» либо они политические слепцы, не разобравшиеся в политике Коммунистической партии по национальному вопросу, либо клеветники, желающие рассорить трудящихся народов, и ненавидящие советские порядки контрреволюционеры».⁴

В качестве свежего примера, доказывающего то, как Советская власть шаг за шагом решает накопившиеся вопросы национальностей и обеспечивает их реальное равноправие и равенство, М. Сералин приводит решение только что состоявшегося 4-го Кустанайского губернского съезда Советов о признании казахского языка как языка

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лул, 1923, 26 ноября.

населения губернии и о введении делопроизводства в органах на казахском языке.¹

Многие мысли М. Сералина по поводу ленинской национальной политики и советской автономии и сегодня звучат современно. Содружество советских наций, олицетворением которого является единое многонациональное союзное государство – СССР, служит доказательством того, насколько в своей сути плодотворна для свободного развития народов ленинская национальная политика, осуществлявшаяся с первых же месяцев Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинская тематика в трудах М. Сералина получила новое качественное содержание после посещения им Москвы и участия в похоронах В.И. Ленина. Этот важнейший этап в его жизни, ставший во многом переломным в смысле осознания и осмысления плодов Октябрьской революции и ленинской национальной политики, был связан с его избранием делегатом на Всероссийский съезд Советов. На 4-м Кустанайском губернском съезде Советов, состоявшемся в ноябре 1923 г., делегатами на XI Всероссийский съезд Советов были избраны Паперный, Ряхов, Садвакасов, Байканов и Сералин.² Их пребывание в Москве совпало с кончиной В.И. Ленина. М. Сералин как делегат Всероссийского съезда Советов был включен в состав делегации Казахстана для участия в похоронах вождя мирового пролетариата.

В феврале – апреле 1924 г. М. Сералин опубликовал несколько статей о В.И. Ленине, которые начал писать еще в траурные дни в Москве: «Похороны товарища Ленина», «Траурный день», «Ленин и национальный вопрос».

Эти статьи написаны М. Сералиным с искренней любовью и скорбью. Однако это не личные воспоминания об увиденном и пережитом. В них передана всеобщая народная любовь к В.И. Ленину, раздумья о судьбе социалистической революции.

Первую свою статью М. Сералин написал, находясь в Москве на следующий день после похорон В.И. Ленина на Красной площади 28 января 1924 г. Она была опубликована на страницах кустанайской губернской казахской газеты «Аул» 6 февраля и называлась «Похороны товарища Ленина». «27 января в 9 часов утра, – говорилось в ней, – гроб с телом В.И. Ленина перевезли из Колонного зала на Красную площадь. Проходившие перед гробом В.И. Ленина, установленном на возвышении, нескончаемым потоком шли до глубокой ночи».

В статье М. Сералин передает не только глубокую скорбь народа, но и его твердую решимость бороться за дело, начатое В.И. Лениным.

¹ Там же, 30 ноября.

² Красная Степь, 1923, №128, 29 ноября.

Свою статью, названную «Траурный день», М. Сералин заканчивает словами: «Прощай, товарищ Ленин! Ты умер, но дела не умрут!».

М. Сералин посвятил памяти В. И. Ленина стихотворение под названием «Жоктау» – («Оплакивание»), которое было опубликовано в газете «Аул» 22 апреля 1924 г. Его мы здесь приводим полностью в смысловом переводе.

*Вождь страны социализма,
Оратор, защитник бедняков
Ушел из мира сего,
Погрузив в печали народ.
Хотя тебя нет, но не собьются
С твоей дороги социалисты.
Они будут главой и поведут
Угнетенный класс бедняков.
Если враг наступит на нас,
Стоять будем, как утес
Пусть не радуются враги,
Что мы лишились ведущего.
По пути нашего вождя
Единым строем мы пойдем,
Как сила-твердыня,
Мы наступим на врага.
Пусть не рассчитывают враги,
Что могут нас взять.
Во всех уголках на планете
Много наших друзей.¹*

М. Сералин не видел В.И. Ленина при его жизни, а впервые узнал о нем из рассказов рабочих-большевиков и профессиональных революционеров, живших в г. Кустанае и Троицке в 1905 – 1910 гг. По воспоминаниям С. Ужгина, М. Сералин уже в 1905 – 1907 гг. читал и перечитывал отдельные работы В.И. Ленина, которыми снабжали его русские друзья.² Связь М. Сералина с социал-революционерами усилилась накануне февральской революции и особенно после нее. С первых месяцев Великой Октябрьской социалистической революции он становится убежденным коммунистом, о чем говорит его вступление в числе первых казахских интеллигентов кустанайщины в сочувству-

¹ Аул, 1924, 22 апреля.

² Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905–1907 годах // Большевик Казахстана, 1946, №4. С. 26.

ющие, а затем – в члены Коммунистической партии; его общественная и государственная деятельность в советских органах.

М. Сералин видел и слышал ряд выдающихся деятелей партии и Советского государства во время работы XI Всероссийского съезда Советов, траурного заседания ЦИК СССР, посвященного памяти В.И. Ленина, а также на его похоронах. Пребывание в Москве оставило в нем неизгладимое впечатление, обогатило духовно и политически.

Как видно из ряда воспоминаний людей, хорошо знавших М. Сералина, там, где он бывал, непременно собирались местная молодежь, одноаульцы, соседи, чтобы услышать из его уст рассказ о В.И. Ленине и его соратниках, о Москве, о политике партии и Советского государства в национальном вопросе и т. д.

Наиболее зрелой в теоретическом плане является статья М. Сералина «Ленин и национальный вопрос», написанная им после возвращения из Москвы и опубликованная в конце апреля 1924 г. Считая «национальный вопрос самым трудным из всех вопросов общественной жизни и самым дискуссионным»,¹ автор пытается подойти исторически к этой сложнейшей проблеме и приходит к выводу, что наиболее остро она стоит в условиях капитализма. С обострением национального вопроса возникают и разные проекты, планы его решения. «Ученые, принадлежавшие к классу богатых, – писал М. Сералин, – занятые поисками путей решения этого вопроса, предложили несколько вариантов. Однако ни один из них не годен для справедливого и правильного решения национального вопроса».² К числу таких проектов относятся идеи «Национально-культурной автономии и подчинения малых национальностей политике больших национальностей». В.И. Ленин выступил против всех этих буржуазных теорий. «Если прочесть труды Ленина, – писал Сералин, – написанные им за период с 1903 по 1913 гг. против этих проектов, то нельзя не удивляться его большой прозорливости».³

М. Сералин стремился показать В.И. Ленина не только как вождя, но и как автора плана решения национального вопроса в СССР. «Свет светильника, зажженного товарищем Лениным, – писал в заключении статьи М. Сералин, – озарил самые темные уголки земель угнетенных национальностей и воспламенил потухшие огни надежды у униженных и подавленных. Если подумать обо всем этом, тогда товарищ Ленин предстает как человек величайшего ума и выдающийся покровитель угнетенных. Питать уважение к памяти таких мужей, как и при их жиз

¹ Аул, 1924, 22 апреля.

² Там же.

³ Там же.

ни, – священный долг трудящегося класса... Это означает идти по пути, им проложенному, завершить всеми силами начатое им дело».¹

К наследию М. Сералина, особенно к его сочинениям на политические темы первых лет Советской власти, следует подходить исторически, т. е. оценивать в контексте конкретных условий того времени. А эти условия были таковы, что вопрос «кто кого?» решался в ожесточенной борьбе молодого Советского государства с классовыми противниками. В казахском обществе, находившемся до революции в условиях докапиталистических, патриархально-феодальных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями, условия для преобразования общества на социалистической основе были еще более сложными, противоречивыми. Заслуга М. Сералина – общественного деятеля, просветителя, публициста в том и состоит, что он был верным помощником партии большевиков в Казахстане.

4. Последние годы жизни М. Сералина

Ряд вопросов из общественной деятельности М. Сералина, относящихся к 20-м гг., остается еще недостаточно выясненным. К ним, в частности, относятся: его пребывание в партии, годы работы в советских учреждениях Кустанайской губернии, деятельность в последние два-три года в родном ауле в Чубарской области.

Многие исследователи считают, что членом Коммунистической партии М. Сералин состоял с 1919 г. Об этом же говорится и в Казахской Советской энциклопедии.² По мнению Б. Кенжебаева, посвятившего не одну работу М. Сералину, последний вступил в члены партии в 1920 г.³ М. Бурабаев считает, что М. Сералин вступил в кандидаты партии в 1919 г., а ее членом стал в 1921 г.⁴

Исторические материалы, разрозненные первоисточники также противоречивы, не содержат конкретных и цельных сведений, на основании которых можно было бы твердо говорить о времени вступления М. Сералина в партию. В официальных документах, составленных в краевых и губернских учреждениях в начале 20-х гг., он значится членом РКП(б) с 1919 г. В одной из анкет, заполненных самим М. Сералиным в 1922 г., сказано, что он является членом

¹ Там же.

² См.: Казахская советская энциклопедия. Т. 10. Алма-Ата, 1977 г. С. 134.

³ *Кенжебаев Б.* Казахские писатели-демократы начала XX века. Алма-Ата, 1958. С. 69.

⁴ *Бурабаев Б.С.* Становление социалистического сознания в Казахстане. Алма-Ата, 1981. С. 288.

партии с 3 января 1919 г.¹ В списке членов КирЦИКа, составленном в 1922 г. в г. Оренбурге, в графе, отведенной М. Сералину, записано, что ему 54 года, в РКП(б) с 1919 г., киргиз-бедняк, окончил курс русско-киргизского двухклассного училища в Кустанае, член КирЦИКа.²

Есть и другая группа материалов, отложившихся в тех же архивных фондах, но с другими данными. В Кустанайском областном партийном архиве Б. Кенжебаевым обнаружен документ с указанием на то, что М. Сералин вступил в кандидаты партии в 1919 г., а ее членом является с 1920 г. Сохранилось и удостоверение, в котором имеется следующая запись: «Настоящее выдано члену РКП(б) тов. Сералину Мухамеджану в том, что он действительно состоит членом РКП (б) с 20 года. Партийный билет 22 года запрошен в Центральном Комитете партии, что подписями и приложением печати удостоверяется».³

По нашему запросу Институтом истории партии при ЦК Компартии Казахстана в декабре 1986 г. была получена справка, составленная 16 января 1987 г., которая не только не внесла ясности, но добавила новые вопросы. В ответе указывалось, что, по данным Чубарской волостной партячейки Федоровского района Челябинской области, М. Сералин значится кандидатом в члены партии с 3 ноября 1919 г., а принят в члены партии на общем собрании членов РКП(б) в этой же волости 22 октября 1921 г. Причем в делах имеется протокол этого собрания. Также сообщалось, что в «списке членов Чубарской волостной партийной ячейки», составленном в конце 1921 г., против фамилии М. Сералина сделана запись о том, что он «оставлен кандидатом как середняк». И тут же указывается, что он является секретарем партийной ячейки. В отдельных местных документах М. Сералин считался кандидатом в члены партии и в 1922, и в 1923 гг.

По воспоминаниям современников, близко знавших М. Сералина, в частности Акыша Оспанова (1882 г. рождения), осенью 1918 г. в аул М. Сералина прибыл из Троицка некий Газизов, его старый знакомый по участию в революционном движении в 1906 – 1907 гг. на кустанайщине. Он имел мандат от местных советских органов, выполнял их задания и на митинге одноаульцев рассказал о внутреннем и международном положении страны. По окончании митинга он записывал кандидатов в партию большевиков. В числе первых записались М. Сералин и его племянник Закир (брат Акыша Оспанова).

Имеется еще один любопытный документ. Во время чистки рядов партии, проведенной в 1922 г., на вопрос анкеты: «Считается ли сов-

¹ См. кн.: *Кенжебаев Б.* XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті. Алматы. 1976. 72-б.

² Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 395. Л. 5.

³ *Кенжебаев Б.* Указ. раб. С. 69.

местимым верить в бога и быть коммунистом и в чем выражается ваша вера, если верите?» – М. Сералин записал: «Верю в существование бога, в вечность бытия, возмездие. Но отрицаю всякую церковность».¹ Комиссия решила исключить его из рядов партии, но ограничилась тем, что оставила его кандидатом «для усвоения марксистского учения». Решение было подтверждено на заседании обкома партии 18 октября 1922 г.

Как видно из сказанного, известные на сегодня сведения относительно времени вступления М. Сералина в партию большевиков неполны и разноречивы. Вполне вероятно, что М. Сералин в конце 1918 г. через уполномоченного местных партийных органов, прибывшего в его аул с агитационной целью, записался в сочувствующие партии большевиков, что в то время широко практиковалось. Кандидатом в члены РКП(б) вступил в 1919 г. (в январе или ноябре), а в 1920 г. в период работы в г. Оренбурге стал ее членом в составе Казахского революционного комитета. Не раз, видимо, попадал в кампанию чистки и необоснованно переводился в «кандидаты» с последующим восстановлением членства в партии.

Одно ясно, что М. Сералин одним из первых среди казахских интеллигентов приветствовал и принял идею

Октябрьской социалистической революции, вместе с партией большевиков активно включился в процесс советского строительства в Степном крае.

Следует внести определенные уточнения и в послужной список М. Сералина в послеоктябрьский период.

1. В литературе о нем, а также в Казахской Советской энциклопедии принято считать, что М. Сералин в самом начале 1919 г. прибыл в Оренбург, будущую столицу Казахской Автономии и работал в губземотделе. С образованием Казахского революционного комитета вошел в состав редакционной коллегии газеты «Ұшқын» – его печатного органа на казахском языке.

В уточнении нуждается время переезда М. Сералина в г. Оренбург. До начала второй половины 1919 г. в г. Оренбурге не было казахского краевого органа или учреждения, специально занимавшегося делами казахского населения. В то время местом развертывания деятельности казахского отдела Наркомнаца РСФСР и создания прообраза краевого органа была Букеевская область с центром в Урде.² Кустанай и многие волости уезда окончательно были освобождены

¹ Кенжебаев Б. Указ. раб. С. 72.

² См. кн.: Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов М.Ш. Казахский отдел Наркомнаца РСФСР. Алма-Ата, 1975.

от белогвардейцев только в августе 1919 г., и выезд М. Сералина в этих условиях был крайне затруднен. Потребовалось и некоторое время Казахскому революционному комитету для решения вопроса о коптации его новыми членами и приглашения новых работников из мест. М. Сералин получил приглашение прибыть в Оренбург весной 1920 г. По его личному признанию, с 1 июля по 20 октября 1920 г. работал в Оренбурге в аппарате Казревкома в должности члена коллегии земотдела. Это согласуется и с архивными документами. Назначение М. Сералина членом редакционной комиссии газеты «с совместительством члена коллегии земотдела» ревкома состоялось на заседании областного комитета РКП(б) казахского края пятого июля 1920 г.¹ Восьмого июля принимается решение в связи с отъездом в Москву по службе Кулакова, заведующего отделом Казревкома, его заместителем оставить Покровского, создав при нем временную коллегию в составе М. Сералина и Маслова – председателя Оренбургского губернского земотдела.²

Кустанайский уезд, входивший в состав Челябинской губернии, с 1 октября 1920 г. перешел в административное подчинение Казахского революционного комитета. Это было накануне созыва учредительного съезда Советов Казахстана и провозглашения на нем образования Казахской Советской Автономной республики (4 октября 1920 г.). Одним из острых и неотложных вопросов уезда, население которого составляло 260 тыс. русских и 150 тыс. казахов живущих в абсолютном большинстве в волостях, был вопрос о кадрах для работы среди местного аульного населения. Он приобрел еще большее значение в связи с преобразованием Кустанайского уезда в губернию. Областной комитет РКП(б) и правительство Казахской АССР неоднократно обсуждали этот вопрос.³ В свою очередь, Кустанайский уездный комитет РКП(б) в 1920 – 1921 гг. не один раз обращался в центральные органы Казахской Автономной республики о направлении в уезд подготовленных работников из казахов. С.С. Ужгин, возглавлявший уездный партийный комитет и одновременно ведавший отделом национальных меньшинств, просил возвращения в уезд в первую очередь М. Сералина. В докладе уездного партийного комитета в бюро обкома партии и республики от 7 декабря 1920 г. в обоснование необходимости активизации советской и агитационно-пропагандистской работы в казахских волостях говорилось: до революции здесь «политика русского правительства и капитала была чисто колониальной... Самые

¹ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

² Там же. Л. 18.

³ 18 октября 1921 г. Президиум обкома партии и республики второй раз обсудил вопрос «Об укреплении Кустанайской губернии работниками из среды тов. «Киргиз». (Партархив Казахского филиала ЦКЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 13 а. Л. 95).

отвратительные приемы одурачивания применялись к полудиким киргизам. Правительство смотрело сквозь пальцы на насилия и безобразия, чинимые местной властью, считавшей киргиз скотом».¹ 2-я Кустанайская губернская партийная конференция, открывшаяся 17 ноября 1921 г., приняла резолюцию «По вопросу о работе партии среди киргиз». В ней, в частности, говорилось: «Просить обком РКП(б) о присылке киргизского шрифта и работников, необходимых для постановки на надлежащую высоту агитпропаганды среди киргиз».²

По решению обкома партии и правительства республики и учитывая желание самого М. Сералина, летом 1921 г. он направляется для работы в Кустанайскую губернию. С назначением его председателем Чубарского волисполкома на него одновременно возлагается задача подготовки и налаживания издания губернской газеты на казахском языке. На этой должности он проработал с 20 августа 1921 г. по 30 апреля 1922 г.³ На V уездной партийной конференции (октябрь 1921 г.) М. Сералин избирается членом уездного комитета партии, а также делегатом на первую губернскую партийную конференцию.⁴

Вскоре М. Сералин отзывается в г. Кустанай для ведения общегубернской работы, связанной с советским строительством в казахских аулах и волостях, а также для проведения в них перевыборной кампании в местных органах власти. Он участвовал в работе I, II и III губернских партконференций (1921 – 1922 гг.), входил в состав комиссии губкома партии по вовлечению казахов в партийную и советскую работу.⁵ С июля 1922 г. до начала 1923 г. М. Сералин работал заведующим губернским земельным управлением и одновременно заместителем председателя губисполкома, являлся членом его президиума.

В 1922 – 1923 гг. М. Сералин избирается членом ЦИК Казахской Автономной Республики, делегатом первого и второго Всероссийских съездов Советов. С начала 1923 г. переходит на работу в редакцию газеты «Аул» и отдает ей все силы. Одновременно оставался членом президиума губисполкома, вплоть до V губернского съезда Советов (март 1925 г.).

С середины 1924 г. состояние здоровья М. Сералина заметно ухудшилось. В периоды улучшения здоровья (1926 – 1928 гг.) М. Сералин снова привлекался к работе в партийных и советских органах губернии: назначался заместителем председателя губисполкома, заведующим агитационно-пропагандистским отделом губкома партии.

¹ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.

² Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 253. Д. 29.

³ В литературе не точно датируется работа М. Сералина председателем волисполкома в 1920-1921 гг.

⁴ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 877. Л. 32-33

⁵ Степная заря, 1922, 12 августа.

Однако прогрессирующая болезнь не давала возможности заняться партийно-государственными делами в полную силу.

По воспоминаниям Ташбаева, хранящимся в рукописном фонде библиотеки АН КазССР, в 1928 г. областной комитет РКП(б) Казахской АССР решил назначить М. Сералина редактором газеты «Еңбекші қазақ» – органа обкома партии и ЦИК КазАССР, хотя по настоянию врачей находился на лечении дома в ауле. В декабре 1928 г. он был парализован, а весной 1929 г. умер.

Несмотря на трудности и невзгоды послереволюционных лет, он всегда оставался преданным идеалам социалистического обновления казахского общества.

Вся жизнь Мухамеджана Сералина – пример преданности своему народу и идеалам прогресса и социализма.

То, что М. Сералин с первых дней Октябрьской революции становится активным сторонником и проводником идей социалистической революции и советского строительства в казахских аулах, являлось логическим продолжением его дореволюционной общественно-политической деятельности.

М. Сералин занимает достойное место в истории общественной мысли и культуры Казахстана. Однако молодое поколение почти не знает его либо знает очень мало. Причин тому много. Перекосы в социально-политической жизни общества, господство культа личности в течение многих лет, откровенный нигилизм по отношению к истории и историческим личностям народов, нарушение принципа справедливости в оценке их деятельности были причиной того, что незаслуженно были забыты многие передовые деятели Казахстана, в том числе Мухамеджан Сералин. Долг наших ученых – восполнить этот пробел в истории и культуре народа.

СТАТЬИ

- **Чокан Валиханов в Петербурге**
- **Идейно-политические побуждения Чокана Валиханова**
- **Б.Б. Каратаев во второй Государственной Думе**

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ В ПЕТЕРБУРГЕ¹

Участие Чокана Валиханова в политической жизни Петербурга, отношение к идеям революционных демократов и другим течениям общественной мысли России, его политические убеждения – эти вопросы являются проблемными и до сих пор почти не исследованными. В последние годы мы занялись поисками и сопоставительным изучением известных и вновь обнаруженных нами источников и материалов, прямо или косвенно проливающих свет на политические взгляды Чокана Валиханова. В настоящей статье освещается участие Чокана Валиханова в политической жизни Петербурга и революционных кружках.

Чокан Валиханов прибыл в Петербург в начале 1860 г. К этому времени он уже пользовался известностью среди ученых-востоковедов, авторитеты пророчили ему большую научную будущность. В Петербурге, как отмечает А.Х. Маргулан, «русские ученые встретили его как отважного путешественника, замечательного исследователя, глубокого знатока жизни народов Средней Азии и Казахстана».² Он был не только талантливым ученым, о нем говорили как о незаурядном политике. Он участвовал в политических кружках Сибири и был в курсе общественно-политического движения в России, в частности в Петербурге.

Приезд Чокана Валиханова в Петербург меньше всего был связан с выполнением служебных обязанностей. Документы свидетельствуют о том, что прибытие Чокана Валиханова в Петербург обуславливалось следующими обстоятельствами:

а) будучи членом политического кружка, организованного в г. Омске бывшими воспитанниками Сибирского кадетского корпуса, Чокан Валиханов и некоторые его товарищи, знакомясь с идеями декабристов, петрашевцев и революционно-демократического течения в общественной мысли, страстно мечтали побывать в Петербурге.

б) Ч. Валиханов и его друзья по сибирскому кружку, многие из которых впоследствии стали видными общественными деятелями России и крупными учеными, открыто стремились в Петербург для получения университетского образования, необходимого в их дальнейшей деятельности. «Чокан, беседуя с Потаниным, – пишет акад. В.А. Обручев, – часто говорил, что они должны поехать в Петербург и поступить в университет, чтобы подготовиться к путешествию».³

в) среди талантливой молодежи России, к которой принадлежали Чокан Валиханов и его многие друзья, побывать в Петербурге считалось обязательной нормой.

¹ Вестник АН Каз ССР, 1964, №6 (231), в соавторстве с А.Атишевым.

² Валиханов Ч.Ч. Собр. соч., т. 1, Алма-Ата, 1961, стр. 75-76.

³ Там же, стр. 82.

Чокан Валиханов пробыл в Петербурге до весны 1861 г., т. е. около полутора лет. Этот период, как никогда прежде, был насыщен политическими событиями: бунты крестьян, подготовка крестьянского восстания, реформа крепостного права, организация политических кружков, оппозиционно настроенных против политики официальной власти, выступления видных деятелей революционно-демократического течения в общественной мысли России и т. д. Это было время, когда, по выражению В.И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками».¹

Чокан Валиханов, наряду с плодотворным ведением научно-исследовательской работы и посещением лекций в университете, с головой окунулся в политическую жизнь города и скоро стал одним из активных участников кружков, находившихся под влиянием идей революционеров-демократов. Он прежде всего устанавливает связь со своими друзьями и товарищами по Сибири.

Ко времени приезда Ч. Валиханова в Петербурге находилось около двадцати знакомых ему молодых сибиряков, обучавшихся в учебных заведениях или служивших. Это было время, когда среди студенчества организовывались различные кружки, землячества и кассы взаимопомощи. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «русская учащаяся молодежь, состоявшая по большей части из детей крестьян и других немущих людей, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что она мечтала уже о немедленном их осуществлении. Деловые собрания этих кружков давали вместе с тем возможность обсуждать политические и социальные вопросы».² Теоретиком и вдохновителем русской революционной студенческой молодежи был Н.Г. Чернышевский.³

К одному из таких относился и кружок «Сибирское землячество», созданный по инициативе Г.Н. Потанина. По словам одного из членов этого кружка Н. Ядринцева, это было время, когда «каждый спешил исповедаться, как на духу, каждый высказывал заветнейшие мысли, это было как бы начало освобождения мысли, разума».⁴

Первоначально в кружок входили Потанин, Ядринцев, Сидоров, братья Черамшанские, Наумов, Усов, Куклин, Федоров, Смирнов, Павлинов, Колосов, Перфильев, Крюков, Лосев, Шестаков, Пирожков. По свидетельству одного из них, кружок не имел «в виду вовсе какой-нибудь утилитарной и практической цели вроде кассы, взаимной поддержки, нет!», он ставил перед собой ясную политическую

¹ Ленин В.И. Соч., т. 2, стр. 473.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, ч. 2, стр. 595-596.

³ Там же.

⁴ «Сибирский сборник», 1888, вып. 1, стр. 23.

задачу сознательного служения Сибири.¹ Вскоре, в ходе горячего обсуждения будущности Сибири, земляки разделились на две группы – павлиновскую и потанинскую. Разногласия привели к тому, что часть членов кружка покинула его. Это произошло накануне приезда Ч. Валиханова.

После ухода части участников в группе Потанина остались Ядринцев, Анненский, Наумов, Усов, Федоров, Куклин, Пирожков и Песков. Когда Ч. Валиханов приехал в Петербург, земляки этому обрадовались.² Прибытие Чокана внесло известное оживление в деятельность кружка сибирских патриотов.

В его ряды вошли также друзья Ч. Валиханова – С. Капустин и офицер генштаба А. Голубев, а также сибиряки – врач Белоголовый, В. Чуйко и С. Шашков.³ До приезда Ч. Валиханова члены кружка собирались поочередно на своих квартирах, а потом «иностранец художник Джогин предложил патриотической партии (так стали называть себя сибирские патриоты. – авторы) свою гостеприимную квартиру».⁴ Джогин попал в среду сибиряков через Пескова, который учился в Академии художеств. Джогин рассказывал сибирякам о национально-освободительном движении в Италии под руководством Гарибальди и о революционных событиях в Европе.⁵

С приездом Ч. Валиханова в Петербург его квартира стала местом сбора членов кружка «Сибирское землячество», где Чокан устраивал вечера для своих земляков.⁶

На вечерах Ч. Валиханов и его друзья занимались политическим самообразованием, читали «Колокол» Герцена, изучали «законы» революции и политических переворотов, знакомились с учением социалистов-утопистов, с политическими взглядами вождей Великой Французской революции и обсуждали политическое положение России. Об этом свидетельствуют записи самих участников вечера Ч. Валиханова, сохранившиеся в делах следственной комиссии по делу «сибирских сепаратистов». Так, среди бумаг Усова были обнаружены: 1) записи о том, что «Революция 1789 года была не что иное, как последний акт борьбы движимой собственности против недвижимой (дворянства)» (из «Философии революции и социализма»); 2) «О правах человека» – декларация, представленная в революционном конвенте 1792 г. Максимилианом Робеспьером. В бумагах Яд-

¹ «Восточное обозрение», 1884, №6, 9 февраля.

² «Сибирская жизнь», 1913, 5 мая.

³ «Сибирский сборник», 1888, вып. 1, стр. 30. 2-123.

⁴ Ядринцев Н. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 4; «Сибирская жизнь», 1913, №248.

⁶ ЗРГО, 1904, т. 29, стр. XXVII–XXVIII.

ринцева была найдена запись: «Вспомните, что человечество всегда называло утопистами тех людей, которые ему указывали лучшую жизнь». В переписке Потанина и Ядринцева содержались оскорбительные выражения против «священной особы» государя, государыни и наследника престола. В бумагах Ганина был перевод «Марсельезы», а в бумагах Нечаева – сочинения Герцена и статьи из «Колокола». Царские жандармы говорили, что «сибирские патриоты собирались учить народ революционным идеям».¹

Лондонские издания Герцена и Огарева члены кружка «Сибирское землячество», помимо туристов, доставали и через некоторых «книгопродавцов-букинистов, видевших в продаже их хоть и рискованное, но выгодное дело. Из таких книгопродавцев, – пишет Л. Пантелеев в своих воспоминаниях, – кажется, шире всех вел дело И.А. Исаков, торговавший под думой».² А с братьями Исаковыми Ч. Валиханов был в приятельских отношениях.³

Деятельность кружка, по свидетельству современников, «прошла под огромным влиянием Герцена, о чем, как и о значении Герцена для России конца 50-х и начала 60-х годов, они много раз говорили впоследствии».⁴ В кружке сибирских патриотов петрашевец А.Н. Плещеев читал лекции на темы «Все люди братья», «Всем трудящимся на благо» в пользу фонда для нуждающихся сибиряков. «Но еще дороже было то нравственное воздействие, – писал по этому поводу Н. Ядринцев, – тот пример гражданской доблести и силы убеждения, которую он внушал, стоя несокрушенным ратником среди редющих борцов своего поколения».⁵ Сам Плещеев считал, что идеалы Чернышевского остались его идеалами, а Чернышевский считал деятельность Плещеева «безукоризненной и полезной».⁶ В кружке сибиряков выступал также Г.З. Елисеев – сибиряк, сотрудник «Современника» и заместитель ЦК «Земли и воли».⁷ П.Л. Лавров, считая борьбу против абсолютизма традицией русской интеллигенции, назвал Елисеева лучшим и самым верным представителем русской мысли в эпоху тяжелой реакции.⁸ По словам Г. Потанина, сибирские патриоты обязаны Елисееву своим воспитанием в духе демократических идей.⁹ Ф. М. Достоевский в кружке

¹ ЦГАОР, ф. 109 (фонд III отд.), оп. 5, д. 196, л. 133; Госархив Омской области ф. 3, оп. 15, лл. 1-32.

² *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания, М., 1958, стр. 163.

³ *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, стр. 577.

⁴ *Елпатовский С.* Литературные воспоминания, ч. II., стр. 114.

⁵ Венок на могилу Плещееву. «Восточное обозрение», 1893, №65.

⁶ «Русская литература», 1961, №2, стр. 127; 134.

⁷ *Баскаков В.* Мировоззрение Чернышевского, стр. 302.

⁸ *Лавров П.* Последовательные поколения. Женева, 1892, стр. 4, 49.

⁹ «Сибирская жизнь», 1916, 20 января.

сибиряков прочел отрывок из записок «Мертвого дома».¹ Позднее, когда реакция обвиняла студентов в поджоге города, Ф. М. Достоевский выступил в защиту студентов, возражая против этой клеветы.²

По свидетельству Н. Ядринцева, для членов кружка обещали прочесть лекции Г. Успенский и В. Семевский.³

Сибирские патриоты помимо своего кружка посещали и квартиру известного польского революционера, друга Чернышевского – Зигмунда Сераковского, казненного царским правительством в 1863 г. как участника вооруженного восстания поляков.⁴ На вечерах, устраиваемых Сераковским, обсуждались почти все социально-политические вопросы.⁵

Сибирские патриоты слушали лекции Костомарова о племенно-федеративной теории устройства государства. В источниках открыто указывается, что на лекциях Костомарова присутствовали Ч. Валиханов и Т. Шевченко.⁶ Сибирская молодежь также посещала кружок Т. Шевченко, восхищалась его поэзией, особой популярностью пользовалось стихотворение «Сон».

Друг Ч. Валиханова – офицер генштаба сибиряк А. Голубев, который посещал вечера Ч. Валиханова,⁷ также вел политическую агитацию освободительного характера среди офицеров генштаба.

По словам Г. Потанина, Голубев «горячо сочувствовал стремлениям русского общества к политической свободе». «Однажды он, – продолжает Потанин, – пригласил меня к себе вечером на чай. Я застал у него большую компанию офицеров генштаба. За чайным столом шли горячие разговоры о внутренней русской политике. Голубев в своем порыве к новой жизни превосходил всех своих гостей».⁸

С каждым днем круг знакомых сибирских патриотов в Петербурге расширялся. Ч. Валиханов находился в приятельских отношениях с братьями Достоевскими, Исаковыми, Курочкиными, А. Майковым. Я. Полонским, В. Крестовским, С. Капустиным и через них с рядом других лиц. Все эти люди были известны III отделению как «революционеры и заговорщики» или сочувствующие им. Так, А. Майков привлекался к допросу по делу петрашевцев и до 1856 г. находился

¹ «Сибирский сборник», 1897, вып. 4, стр. 399.

² «Печать и революция», кн. 2-3, 1929, стр. 69-72.

³ «Восточное обозрение», 1893, №65.

⁴ «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 100.

⁵ Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953, стр. 107.

⁶ ЗРГО, т. 29, стр. XXVIII, *Пантелеев Л.* Воспоминания, стр. 235.

⁷ ЗРГО, т. 29, стр. XXVIII

⁸ «Сибирская жизнь», 1917, №127.

под секретным надзором полиции.¹ Я. Полонский – поэт сочувствовал землевольцам, лично знал Гоголя, Герцена, Чаадаева, Шевченко и был другом М. Михайлова. По своим политическим взглядам Полонский принадлежал к западникам.² Братья Курочкины были издателями «Искры», являвшейся филиалом «Современника» и выполнявшей роль «Колокола» в России. Искровцев часто называли чернышевцами.³ Курочкины были друзьями и переводчиками Т. Шевченко.⁴ В. Курочкин состоял членом ЦК, а Н. Курочкин – заместителем ЦК «Земли и воли» 60-х годов.⁵ Вслед за «Современником» «Искра» проводила идею подготовки крестьянского восстания в России. Царизм называл братьев Курочкиных вредными поэтами, неоднократно их подвергал аресту и обыскам. В. Курочкин был крупнейшим, после Некрасова, поэтом революционных разночинцев.⁶

В «Искре» сотрудничали сибирские патриоты. Н. Курочкин был другом С. Дурова (одного из политических наставников Ч. Валиханова), П.Л. Лаврова, Писарева, Н. Шелгунова. Он был лично знаком с Герценом, к которому питал «кроме уважения какую-то сердечную нежность».⁷ Ч. Валиханов переписывался с Н. Курочкиным и после отъезда из Петербурга.⁸

В. Крестовский, к которому Ч. Валиханов питал самые теплые и дружеские чувства, в то время работал над романом «Петербургские трущобы» – о жизни простого люда столицы. Стихотворение Крестовского «Стон земли», в котором выражалась надежда на то, что на русской земле, которая пропитана крестьянской кровью и слезами, может быть, наступит, наконец, действительная свобода, вызвало подозрение III отделения. Это было накануне 19 февраля 1861 г. III отделение зорко наблюдало за деятельностью литераторов Т. Шевченко, Кавелина, Павлова, А. Григорьева, Крестовского, братьев Курочкиных, подозревая их в заговоре против правительства.⁹

С.Я. Капустин, ближайший политический наставник Ч. Валиханова

¹ Лейкина В. Петрашевы. Л., 1956, стр. 107.

² Пантелеев Л. Воспоминания, стр. 250; Я.П. Полонский. Его жизнь и сочинения. М., 1906, стр. 9, 31; ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7, л. 42; Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев, 1897, стр. 139.

³ Курочкин В. Стихотворения, 956 (введение); Шагинян М. «Тарас Шевченко», М., 1946, стр. 291.

⁴ Там же, стр. 289.

⁵ Баскаков В. Мировоззрение Чернышевского, стр. 302.

⁶ Революционно-демократическая поэзия 60-х годов. Л., 1934, стр. 72.

⁷ Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956, стр. 300-301; Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 77.

⁸ Валиханов Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 571.

⁹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1971, лл. 1-23.

ва, был другом А. Слепцова – одного из главных организаторов «Земли и воли» 60-х годов. Жена А. Слепцова – М. Слепцова – в своей работе «Штурманы грядущей бури» (так называл Герцен революционеров в России) следующим образом характеризует С. Капустина: «Идейно связанный с Слепцовым шестидесятых годов и спаянный участием с ним в польских делах, он был в свое время членом третьей пятерки и участником «Земли и воли», а в 1864 г. уцелел от разгрома и взял должность комиссара по крестьянским делам в Польше; свое излюбленное детище «крестьянский вопрос и община» пронес он свято до гробовой доски и, умирая почти семидесяти лет, завещал мне перед смертью «беречь своего друга А. Слепцова».¹ В свою очередь, другой активный член кружка Г.Н. Потанин пользовался вниманием К. Кавелина, в то время (1860 – 1861) еще выступавшего «обличителем» царя,² считал одним из своих политических друзей Л. Пантелева – видного революционного деятеля из среды студенчества, был знаком с Н. Утиным, близким по борьбе и идеям Н. Г. Чернышевскому.³

Деятельность кружка сибирских патриотов была известна Чернышевскому,⁴ а его руководитель Г.Н. Потанин неоднократно посещал великого революционного демократа и беседовал с ним.⁵

Как известно, Ч. Валиханов также беседовал с вождем революционной демократии. Н.Г. Чернышевским.⁶ К сожалению, эти беседы не записывались и содержание этих бесед нам неизвестно. Однако не могут вызывать сомнения следующие моменты:

а) как Потанин, так и Чокан Валиханов встречались с Н.Г. Чернышевским не для дискуссии, а для консультации по злободневным вопросам политики. Это видно из того, что встреча произвела на Ч. Валиханова сильное впечатление. Он позже писал: «Какой замечательный человек этот Чернышевский и как хорошо он знает жизнь не только русских. Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем, без русских – это без просвещения, в деспотии и темноте, без русских мы только Азия, и ничем другим без нее не можем быть. Чернышевский – это наш друг».⁷

б) Н.Г. Чернышевский и Ч. Валиханов, обладая разным уровнем политической зрелости и степенью расхождения в оценке политичес-

¹ «Звенья», т. 2, 1933, стр. 437.

² «Вопросы истории», 1963, №2, стр. 145.

³ «Сибирская жизнь», 1914, 5 января.

⁴ «Восточное обозрение», 1884, №26.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 616, лл. 1 – 11; НБТГУ, архив Потанина. Заметки о Бакуanine, №5317.

⁶ *Чернышевская Н.* Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 232.

⁷ Там же.

кой обстановки, встретились как люди, преследующие общую цель – борьба с самодержавием и преобразование общества, как революционеры, пусть даже различной закалки и подхода.

Важной стороной деятельности кружка «Сибирское землячество» является и то, что его ведущие члены, к числу которых относился и Чокан Валиханов, в своих отношениях к различным идейным течениям в основном придерживались такой же позиции, которая была характерна революционным демократам. Известно, что Чернышевский, Добролюбов и другие революционные демократы со всей силой критиковали русских либералов за их измену, за их сделку с царизмом, особенно в годы революционной ситуации. В.И. Ленин указывал на их заслугу в этом. Многие члены кружка «Сибирское землячество» в своих полемических выступлениях и диспутах выражали отрицательное отношение к либералам. Так, Ядринцев окрестил либерализм «забавой, а не делом».¹

Известно также, что славянофилы (как идейное течение), несмотря на некоторые отступления, выражали в конечном счете интересы помещиков и самодержавия. Если они стояли одно время за отмену крепостного права, то в этом видели средство укрепления серьезно пошатнувшейся позиции помещиков. Когда они ратовали за «народность», за сохранение в «чистоте» сельских общин, то в этом видели возможность объединения интересов помещиков и крестьян, установления и поддержания между ними «былых патриархальных отношений». Славянофилы свою «общинную» идею рассматривали как часть формулы «Православие, самодержавие и народность», призванную оправдать и увековечить существующий строй. Революционные демократы выступали с нелицеприятной критикой против славянофилов, срывали с них маски «народолюбия». О них А. Герцен говорил: «Мы видели в их учении новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви».²

Чокан Валиханов считал славянофилов противниками «преобразований коренных по западному образцу» и выражал к ним свое недвусмысленное отрицательное отношение. Это видно из его письма к другу А.Н. Майкову, направленного в 1862 г.³

Следует сказать и об идейном течении – западничестве. При этом необходимо иметь в виду следующее: во-первых, славянофилы, защищая свои концепции, всех своих критиков называли не иначе как

¹ ЦГАОР, ф. 109, ол. 5, д. 196, л. 49.

² Герцен А.И. Собр. соч., т. 9, М., 1956, стр. 133.

³ Валиханов Ч. Избр. произв., стр. 568.

«западниками». В этом смысле и Герцен называл себя западником.¹ Наряду с другими своими друзьями и Чокан Валиханов был причислен к лагерю «западников». Так, А. Пыпин писал: «По своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником».² Утверждение Пыпина соответствовало действительности, если понимать это, как указывал Г. Потанин, что западниками считали в то время всех тех, кто воспитывался на идеях Белинского, Герцена и Чернышевского.³

Во-вторых, в строгом научном смысле «западниками» можно было считать только тех узколобых идеологов, которые во всем подражали Западу, сделали порядки буржуазного Запада своим единственным идеалом, т. е. тех, которые не могли стоять за «коренные преобразования», а ратовали за некоторое улучшение положения в стране по примеру Запада. Такими «западниками» в действительности, в первую очередь, были буржуазные либералы. В этом плане следует понимать решительный протест Чернышевского против причисления его к так называемым «западникам». Неразборчивость в этом вопросе привела в свое время к тому, что некоторые советские исследователи вслед за славянофилами дошли до объявления Белинского, Герцена и Грановского вожжами западничества, что было в последние годы раскритиковано.⁴ Такая ошибка была возможна в результате расширительного толкования западничества, которое было ненаучным.⁵ Примечательно то, что Чокан Валиханов в одном из своих писем говорит «о крайнем западничестве», по-видимому, подразумевая действительных западников, и не скрывает к нему своего отрицательного отношения.⁶

Когда возник идейный спор между редакцией «Современника» и «Русского слова», между Чернышевским и Юркевичем, сибирские патриоты встали на сторону «Современника» и Чернышевского против «Русского слова» и Юркевича. Юркевич напал на статью Чернышевского «Антропологический принцип в философии», называя ее «невежеством и наглым шарлатанством». Юркевича в этом поддерживала вся реакция во главе с Катковым. Интересно заметить, что Ч. Валиханов, критикуя ислам, высмеял философию Юркевича как философию против точных наук и как философию Магомета.⁷

Как отмечали сами современники, члены кружка «Сибирское зем-

¹ Герцен А.И. Собр. соч., т. II, М, 1967, стр. 405.

² Пыпин А. История русской этнографии, т. IV, стр. 400.

³ «Сибирская жизнь», 1915, №54.

⁴ «Молодой большевик», 1941, №11, стр. 46.

⁵ БСЭ, т. 16, стр. 425.

⁶ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 568.

⁷ «Сибирская жизнь», 1913, №114; Чернышевский Н.Г. Избр. фил. соч., т. 3, М., 1951, стр. 354, 366, 369, 425; Валиханов Ч. Избранные произведения стр. 230.

лячество» были «настроены революционно».¹ Сибирские патриоты свое пребывание в Петербурге расценивали как расцвет своей политической зрелости.² О Ч. Валиханове этого периода Г. Потанин говорил: «Он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления».³

Из изложенного не вытекает, что все до единого члены кружка «Сибирское землячество» занимали предельно ясную и правильную позицию по отношению к различным идейным течениям, что они все без колебания в этих вопросах примыкали к лагерю революционных демократов. У них существовали различные толкования, мнения и подход, а некоторые члены в отдельные периоды поддавались влиянию реакционных течений официальной идеологии. Такие моменты были характерны для деятельности и многих других революционных кружков. Кружок сибирских патриотов, одним из активных и хорошо разбиравшихся в политике членов которого был Чокан Валиханов, в целом оставался поборником идеи коренного обновления России, ее части – Сибири.

Сибирские патриоты с начала 1861 г. развернули более активную и целеустремленную деятельность. От периода «самопросвещения», «самоуяснения» они стали переходить к определенным программным действиям. Огонь критики они направили против политики царского правительства в Сибири. Вслед за Герценом, который указывал, что царь и его чиновники на Сибирь «смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилуем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед».⁴ Члены кружка обвиняли царских чиновников во взяточничестве в Сибири, в проведении политики грабежа и насилия,⁵ политики, направленной на разрушение общинной собственности на землю.⁶ Они резко выступали против поощрения крупной поземельной собственности и за

¹ Сборник к 80-летию Г.Н. Потанина. Томск, 1915, стр. 63.

² «Сибирская жизнь», №93, 1913.

³ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 32, л. 17. Из этого изложения ясно видно, что Г. Потанин под «либералом» имеет в виду горячих сторонников обновления России. В то время в литературе «либералами» часто называли сторонников крестьянского восстания, членов «Земли и воли» 60-х годов во главе с Н.Г. Чернышевским.

⁴ *Кубалов Б.Г.* А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 36.

⁵ ЦГАОР, ф. 109, он. 5, л. 196, л. 127.

⁶ Известия Западно-Сибирского географического отдела, том IV., вып. 1, 1924-25 гг., стр. 94.

отмену уголовной ссылки в Сибирь.¹ Они доказывали возможность и необходимость превращения Сибири в развитый в экономическом и культурном отношениях край, что соответствовало бы интересам не только Сибири, но и России в целом. Они писали, что «сила целого зависит от силы, мощи и развития частей».²

Заслуживает быть отмеченным, что кружок сибирских патриотов имел интернациональный состав. Его членами кроме русских, украинцев были и казахи (Чокан Валиханов), и бурят (И. Пирожков), занимавшие в нем ведущее положение, – это отражало и интернациональный характер идеи и деятельности кружка. Вопросам о положениях и судьбах «инородческого» населения Сибири в кружке придавалось важное значение. Об этом говорят следующие факты. В числе обвинений царского правительства и его чиновников в Сибири содержалось указание на проведение ими политики удушения «малых народов» Сибири.³ В 72 номере «Колокола» за 1860 г. была опубликована статья «К характеристике Сибири», отправленная в Лондон сибирскими патриотами. В ней острой критике подвергалась деятельность генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта, злоупотребление им своим служебным положением, указывалось на неустроенность края, а также неупорядоченность в управлении казахской степью. Статья «Колокола» заставила правящие круги обратить внимание на Сибирь, и 1 января 1861 г. Гасфорт был освобожден.⁴

В кружке сибирских патриотов с рассказами о тяжелом положении «инородцев» выступали Ч. Валиханов и И. Пирожков. Сибирские патриоты вели пропаганду, чтобы «приемные дети Сибири», как они называли русских, не теснили и были гуманны к «инородцам». Они призывали русских помочь «инородцам» перейти к оседлости и распространению образования среди них.⁵ Сибирские патриоты выражали мнение, что в случае начала восстания в Сибири, с целью поддержания революции в России, за ними «пойдут и раскольники и инородцы и чернозаводские крестьяне за независимость» от царизма.⁶

Эти отдельные штрихи идеологии кружка сибирских патриотов говорят о многом, характеризуют его как выразителя интересов больших и малых народов.

В мае 1861 года Ч. Валиханов по состоянию здоровья вынужден был оставить Петербург и выехать на родину для лечения. Он счи-

¹ Этнографическое обозрение, 1894, №4, стр. 171.

² Госархив Иркутской области, ф. 293, оп. 4, д. 209, св. 16, л. 23.

³ «Этнографическое обозрение», 1894, №4, стр. 171-173.

⁴ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 153.

⁵ Банзаров Д. Черная вера и шаманство у монгол, стр. 6.

⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 196, л. 239. л. ПО.

тал этот отъезд временным и думал возвратиться по выздоровлении.¹ Кружок сибирских патриотов, с которым тесно переплелась жизнь Ч. Валиханова в Петербурге, вскоре стал одной из ячеек революционной организации «Земля и воля».²

После отъезда Ч. Валиханова сибирские патриоты продолжали выполнять задания «Земли и воли». Осенью 1861 г. они приняли активное участие в студенческих волнениях.³ Некоторые сибирские патриоты – Белоголовый, Пестерев, Павлинос, Наумов – по указанию Герцена (с которым Белоголовый встретился в 1861, а Пестерев – в мае 1863 г.) пытались освободить Чернышевского с каторги и переправить за границу, которому Герцен намеревался передать свой станок.

Интересной и загадочной является поездка Чокана Валиханова в Париж. В конце 1860 и в начале 1861 гг. Ч. Валиханов по настоянию врачей выехал за границу – в Париж. Об этом он писал отцу.⁴ Барон А. Е. Врангель, который служил в Семипалатинске, свидетельствует, что он встречал Валиханова в Париже.⁵

Вопросы о том, что он там делал, кроме лечения, встречался ли с Герценом и другими революционерами, остаются пока открытыми. В этой части можно строить лишь отдельные догадки. «Быть за границей и не захватить в Лондон к Герцену считалось чем-то вроде непосещения Лувра в бытность в Париже», – писал Лемке, характеризуя период пребывания Ч. Валиханова за границей.⁶

«Кого и кого мы ни видали тогда! – пишет Герцен о 1857 – 1863 гг. – Впрочем, ...говоря об офицерах, я должен сказать, что самые симпатичные и здоровые духом люди из посещавших нас – офицеры... Они чувствовали за собой недостаточное воспитание кадетских корпусов и, как бы зная свою дурную репутацию, рвались вперед и старались чему-нибудь научиться... в сущности, они вовсе не были хуже приготовлены, чем другие, и, по великому закону нравственных противодействий, под гнетом деспотизма корпусов воспитали в себе сильную любовь к независимости».⁷ Н.А. Тучкова-Огарева в своих воспоминаниях о Герцене указывала, что в числе его посетителей были люди, которые «ехали со-

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения, стр. 557.

² Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960, стр. 299.

³ Лемке М. Н. М. Ядринцев, СПб., 1904, стр. 45.

⁴ Маргулан А. Новые письма Валиханова. «Жұлдыз», 1960, №2, стр. 146.

⁵ Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854-1856 гг., СПб., 1912, стр. 95.

⁶ Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб, 1908, стр. 18.

⁷ Герцен А.И. Собр. соч., т. 8, М., 1956, стр. 297, 304.

ветоваться с докторами в Вену, Париж и Лондон».¹ Создается впечатление, что это как будто бы сказано об офицере Валиханове и ему подобных. В то время, когда Ч. Валиханов находился в Европе, за границей, в том числе и в Париже, находились русские революционеры Н. Добролюбов, Н. Обручев, З. Сераковский, М. Михайлов, Н. Серно-Соловьевич, А. Слепцов, некоторые из них, а именно Сераковский, Михайлов, Серно-Соловьевич и Слепцов, бывали у Герцена.² Чокан Валиханов, знавший многих из них по их трудам и петербургским связям, мог встретиться с ними и через них и с Герценом.

Трудно допустить, зная активную натуру, стремление к большим знаниям, присущие Чокану Валиханову, чтобы он не встретился по крайней мере с некоторыми из них. Однако в этой части можно строить пока одни догадки. Возможно, настанет время, когда на эти вопросы будут даны конкретные ответы.

Мы в этой статье ставили задачу: а) показать участие Чокана Валиханова в политических кружках Петербурга в 1860 – 1862 гг., близких по идеалам и целям к кружкам, руководимым русскими революционными демократами во главе с Н.Г. Чернышевским; б) широкий интерес и значительные связи Чокана Валиханова с видными деятелями революционно-демократического движения в Петербурге; в) показать идейные мотивы кружка «Сибирское землячество», одним из ведущих членов которого оставался Чокан Валиханов в период его нахождения в Петербурге; г) попытаться определить некоторые стороны политического убеждения и взглядов Чокана Валиханова в плане его связей, окружения и деятельности вне официальной службы.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОБУЖДЕНИЯ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА³

Интерес к общественным и политическим событиям, стремление к критическому осмыслению их, первое увлечение вопросами идейного движения и заметное сочувствие оппозиционным силам ясно обнаружили у Чокана Валиханова еще в годы учебы в Омском кадетском корпусе. Это был начальный этап идейно-политического становления,

¹ Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956, стр. 192.

² Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 148; Революционная ситуация в России, М., 1960, стр. 293; Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова, М., 1953, стр. 278-279; Кукулин Г. Итоги революционного движения в России за сорок лет. Женева, 1903, стр. 195; Исторический архив, №2, 1959, стр. 211; Герцен А.И. Собр. соч., т. 16, стр. 408.

³ Известия АН КазССР, 1965, №3 (154), в соавторстве с А.Атишевым.

идейного пробуждения Чокана Валиханова, во многом предопределивший его дальнейшую научную деятельность.

В 12 лет Чокана отдали в Омский кадетский корпус, который в то время выгодно отличался от многих подобных ему военных учебных заведений России. Многие ведущие преподаватели слыли вольнодумцами, большинство кадетов являлись выходцами из казачьей среды, питавшей недовольство к сословной и земельной политике царского правительства. Да и само расположение этого учебного заведения в Западной Сибири, превращаемой правительством в обширный район ссылки и поселения «политических преступников» и всяких других нежелательных в метрополии элементов, должно было иметь определенное влияние на жизнь в корпусе.

К моменту поступления Чокана Валиханова в корпус здесь происходили значительные перемены. Вносились изменения в постановку учебного и воспитательного процесса, обновлялся преподавательский состав, улучшался быт кадетов. Эти перемены, намного повысившие значение учебного заведения, были связаны, во-первых, с преобразованием в 1846 году «училища сибирского линейного казачьего войска» в кадетский корпус,¹ во-вторых, с приходом к руководству корпусом энергичных и образованных людей, сумевших привлечь к преподаванию разносторонне подготовленных учителей.

Молодой капитан Ждан-Пушкин, назначенный инспектором кадетского корпуса, «внес новый дух в заведение». С его прибытием в начале 1847 года «в корпусе заметно усиливается деятельность как по учебной, так и по воспитательной части».² Он оказался не только хорошим организатором. Это был высокообразованный человек: знал немецкий, французский и английский языки, любил европейскую литературу, мог читать лекции по истории и вести курс алгебры, геометрии, артиллерии не менее интересно, чем преподаватели-специалисты. По характеру он был сдержан и благороден. Эти его качества имели большое значение в подборе учителей, в перестройке учебных занятий, внутреннего распорядка в корпусе и воспитании кадетов. Своими обширными знаниями и интересами он увлекал и заражал своих воспитанников.³

По своим убеждениям Ждан-Пушкин оставался верен престолу. Он проявлял немало рвения, чтобы привить кадетам любовь к отечеству, — эту уставную обязанность как инспектор классов он выполнял при-

¹ По времени учреждения Сибирский кадетский корпус был шестым в стране и первым в Сибири.

² Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса. Омск, 1884, стр. 63.

³ Валиханов Ч. Соч. СПб., 1904, стр. VI-VII.

лежно и даже с особым старанием.¹ Но это, однако, не мешало ему с симпатией относиться ко многим русским революционерам и их судьбе, постоянно выписывать и читать петербургские передовые журналы. Его преданность престолу в какой-то мере ослаблялась влиянием либеральной и радикальной общественной мысли в России. При всей противоречивости своих убеждений Ждан-Пушкин играл большую роль в интеллектуальном воспитании молодых кадетов. Он не стеснялся преподавателей, терпимо относился к некоторым вольностям в их лекциях.

Однажды, в часы самостоятельной подготовки по математике, Ждан-Пушкин заметил, что Ч. Валиханов не работает.

На вопрос: «Почему вы не занимаетесь?» - Чокан смело ответил: «Если я не усвоил этот предмет за год, то что даст мне час подготовки». «Идите за мной!» – скомандовал Ждан-Пушкин. «Высекут», – беспокоились кадеты. Но вместо наказания Ждан-Пушкин сажает его за стол и протягивает «Современник»² – журнал, который считался в то время самым радикальным: в его издании сотрудничали Белинский, Некрасов, Тургенев, Панаев и др. Сам по себе этот факт поучителен.

Вполне вероятно, что офицер-воспитатель знал об увлечениях Чокана подобного рода демократической литературой, иначе он не мог пойти на такой шаг.

Ряд ведущих преподавателей кадетского корпуса живо интересовались событиями, происходящими в стране, были увлечены передовыми идеями. К их числу в первую очередь можно отнести Костылецкого и Гонсевского.

Николай Федорович Костылецкий (1818 – 1867 гг.), выпускник восточного факультета Казанского университета, преподавал в кадетском корпусе русскую словесность, временами и татарский язык.³ Он хорошо владел рядом восточных языков – арабским, персидским, тюркским, был в курсе русской литературной жизни. А главное – он был «тайным поклонником» Белинского. Сохранившиеся о нем отдельные сведения характеризуют его смелым в высказываниях своих мыслей и весьма остроумным учителем. Как вспоминает один из бывших кадетов, «его ядовитые заметки и вставки, рассыпанные среди учебных занятий,

¹ В начале семидесятых годов Ждан-Пушкин в чине полковника состоял директором первой московской военной гимназии.

² *Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове. ЗРГО, т. 29. СПб., 1904, стр. XVII.

³ Н.Ф. Костылецкий – сын урядника, один из тех старых учителей казачьего училища, которые были оставлены для работы в кадетском корпусе. В этом заведении классным педагогом он был с 1840 по 1867 г. (Госархив Омской области, ф. 19, оп. 1, д. 144, лл. 20-21).

сливались в нашей памяти в непрерывный протест против глупости, пошлости, ложного мишурного блеска, против бездарности, пользующейся незаслуженной почестью, и т. д.»¹ Он «сатанински издевался над омскими генералами и подрывал в нас к ним всякое уважение».²

Он был увлечен идеями Белинского настолько, что свои записи по истории русской литературы, о творчестве Гоголя, Пушкина и Лермонтова, которые раздавал кадетам и по которым последние должны были сдавать годовые экзамены, составлял в основном по критическим статьям Белинского. Это однажды стало известно ревизовавшему корпус генералу, который не замедлил сделать ему упрек.³

Очень интересные страницы об убеждениях Костылецкого приведены в работе А.Х. Маргулана, впервые использовавшего неопубликованные о нем материалы. «Костылецкий оставался до конца жизни стойким борцом против крепостничества, верил, что придет час свободы, — пишет А.Х. Маргулан. — Это был человек кристальной чистоты, всегда смело стоявший за правду. Он с убийственным сарказмом говорил о крепостнических порядках в России, о несправедливости и косности, с которой надо бороться».⁴ «Он не терпел чванства, заносчивости ответственных чиновников и старших офицеров, еще более был нетерпим к несправедливости. Притесняемый царскими сатрапами, он подумывал даже о том, чтобы бежать из Омска в Бухару. Впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Н.Ф. Костылецкий был уволен из кадетского корпуса и умер в большой нужде».⁵

Н.Ф. Костылецкий больше других преподавателей был близок к кадетам. Он, как правило, не уходил после лекций из аудитории, оставался побеседовать с учениками, занимал их увлекательными рассказами. Н.Ф. Костылецкий внимательно наблюдал за склонностями и ростом своих воспитанников. Чокан Валиханов был в числе учеников, обративших на себя его внимание. Костылецкий видел в этом сухощавом, рослом юноше недюжинный талант. Он был одним из тех, кто первым заговорил о большой будущности Чокана Валиханова.⁶

Н. Костылецкий занимал особое место среди преподавателей корпуса. В одной из юбилейных статей, посвященных столетию ос-

¹ *Потанин Г.Н.* Встреча с С.Ф. Дуровым. Сб. «На славном посту». СПб., 1900, стр. 258.

² Там же, стр. 258.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №87; ЗРГО, т. 29. СПб., 1904, стр. VIII.

⁴ *Маргулан А.Х.* Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова; *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч., т. 1. Алма-Ата, 1961, стр. 37.

⁵ Там же.

⁶ Н.Ф. Костылецкий и сам собирал материалы о казахском фольклоре. Нередко помогал ему в этом Чокан Валиханов (см. более подробно: *Маргулан А.Х.* Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова; *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч., т. 1. Алма-Ата, 1961, стр. 34-35).

нования Сибирского кадетского корпуса, признавалось, что он «имел наиболее сильное влияние на своих учеников».¹ Не случайно, что он вошел в официальную историю корпуса как один из выдающихся его педагогов.²

К числу способных и влиятельных преподавателей кадетского корпуса следует отнести также Гонсевского. Кадеты буквально упивались лекциями молодого и способного учителя, поляка по национальности, в свое время принимавшего участие в студенческих движениях и высланного за это в восточные провинции России.³ Гилярий Васильевич Гонсевский, бывший студент Виленского университета и с закрытием его перешедший в Казанский, был самым начитанным среди педагогов. Он вел историю, хорошо знал ее и блестяще излагал. С особенным подъемом говорил он о великой французской революции, «выставляя ее культурные заслуги для европейского общества».

По программе изучение истории в кадетском корпусе доводилось до 1815 года, т. е. до конца Отечественной войны 1812 г. Однако Гонсевский в своих лекциях охватывал и «запретную зону», доводя изложение истории до 1830 года.⁴ Это, безусловно, был смелый шаг. Движение декабристов было еще свежо в памяти, многие его видные участники продолжали отбывать наказание в Сибири. О них было запрещено говорить, тем более в учебных заведениях. Несмотря на это, Гонсевский рассказывал в своих лекциях о «крамольном» периоде в истории России.

Чокан был очень привязан к Гонсевскому, часто бывал у него на квартире. Их близкое знакомство, частые беседы не могли не отразиться на умственном развитии Чокана. «Беседы с Гонсевским познакомили его с политическими взглядами уже тогда, – писал Г.Н. Потанин, – когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была замкнутая еще книга».⁵

Костылецкий, Гонсевский и некоторые другие преподаватели кадетского корпуса были проводниками демократических идей Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Эти педагоги оказывали положительное влияние на формирование мировоззрения своих воспитанников.

Как признавали современники, Чокан Валиханов больше, чем

¹ Андрианов. К столетию казачьего училища. «Сибирская жизнь», 1913, №87.

² Краткий исторический очерк первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. М., 1915, стр. 275.

³ Госархив Омской области, ф. 19, оп. 1, д. 875, л. 36.

⁴ Потанин Г.Н. Биографические сведения о Ч. Валиханове. ЗРГО, т. 29, СПб., 1904, стр. VIII.

⁵ Там же, стр. XIV.

кто-либо из молодых кадетов, был восприимчив к идеям. Он жадно впитывал все то гуманное и демократическое, что было доступно ему, совсем еще юноше.

Не только передовые взгляды ряда ведущих педагогов, но и внутренняя обстановка в Омском кадетском корпусе благоприятно влияли на идейно-политическое развитие учащихся, особенно тех из них, в ком развивалось чувство недовольства настоящим и протест против отдельных пороков действительности.

Воспитанники Сибирского кадетского корпуса делились на две группы – роту и эскадрон. В роту зачислялись дети дворян, чиновников и офицеров регулярных войск, в эскадрон – дети казачьих офицеров, в основном выслужившихся из солдат, и дети казахских султанов, биев и старшин. Рота считалась подразделением дворян, высшим, а эскадрон – казачьим, низшим. Кадеты роты пользовались значительными привилегиями в корпусе и по его окончании, чего были лишены казачьи дети. Различие между этими двумя группами подчеркивалось во всем – официально и открыто.

Так, рота занимала лучшие казармы и лучше обслуживалась. К ней были определены офицеры, приглашенные из Петербурга и Москвы, а в эскадроне были оставлены старые казачьи офицеры. Все новое в организации учебного процесса и досуга кадетов, в их воспитании вначале вводилось в роту, а уже затем в эскадроне.

Дети дворян и казачьих офицеров, несмотря на то, что они обучались в одном и том же учебном заведении, по одной и той же программе, оказывались по окончании кадетского корпуса в различном положении. Казачий офицер мог служить только в территориальных казачьих частях – на окраинах империи, причем для него был установлен весьма длительный срок несения военной службы – 25 лет, возможность выхода в отставку была почти исключена. Он получал низкое жалованье – 72 рубля в год, ему не полагались квартирные, фуражные, отопительные довольствия. Закон о пенсиях после службы на него не распространялся. Совершенно в другом положении находился выпускник роты – пехотный офицер. Он мог служить в линейных частях, расположенных в любом месте страны, пользовался правом выхода в отставку по своему желанию, получал 250 рублей в год жалованья и солидную пенсию по окончании службы. Сверх оклада ему полагались квартирные, фуражные и другие виды довольствия.

Такая обстановка открытого разделения кадетов на привилегированных и непривилегированных породила ненормальные отношения между этими двумя группами. Кадеты из роты, как правило, вели себя заносчиво, считали себя более интеллигентными и родовитыми, чем

казацкие дети, смотрели на последних с некоторым пренебрежением, презрительно называли их «плебеями».

Многие молодые кадеты из сибирских казаков, среди которых было более сильно чувство дружбы и товарищества, были недовольны своим положением, чувствовали себя приниженными. Ротные считали «себя солью земли, мы чувствовали, что мы плебеи», – писал один из бывших воспитанников корпуса.¹ Хотя молодые кадеты еще были далеки от серьезного размышления о происходящем и не всегда полностью сознавали значение того, о чем они говорили, тем не менее такая атмосфера не могла не оставить определенного следа в сознании впечатлительных юношей.

Недовольство казачьих детей существующим положением вещей порою принимало серьезные формы, на что не могли не обратить внимание некоторые ревностные защитники интересов царского престола.

Так, кадеты эскадрона открыто, с юношеским задором говорили, что казаки в Сибири – те же крепостные в центральной России, а если отличаются от них, то только тем, что они являются «крепостными государства», а не крепостными помещиков. Однажды кадет Бедрин, совершивший какой-то проступок, на угрозы генерала: «Будешь простым казаком, не дам тебе надеть на плечи эполеты», стоя в строю, смело ответил: «Для меня эполеты – кандалы».

В этой шумной и дерзкой среде учился и жил Чокан Валиханов. Он не только не остался в стороне от жизни корпуса, наоборот, освоившись с условиями, впоследствии выдвинулся в число вожаков своих сверстников. Г.Н. Потанин, вспоминая эти годы, указывал, что «жизнь в плебейской среде, вероятно, не осталась без влияния на образование демократических мыслей Чокана».²

Чокан Валиханов отличался большой любознательностью, много читал. Особенно интересовали его книги по Востоку. Очень скоро на него обратили внимание многие преподаватели, офицеры, он быстро завоевал их симпатии. Логичность суждений, твердость в отстаивании своих убеждений, остроумие выделяли его из среды его товарищесверстников. Образованная и увлекающаяся часть молодых учителей, многие чиновники города всерьез заинтересовались Чоканом Валихановым. В дни отдыха и каникул они приглашали его к себе домой, на обеды и официальные вечера. Первое время Чокан посещал квартиру востоковеда Сотникова, потом офицера Генштаба Померанцева, Г. Гонсевского, а в последние годы учебы – К. Гутковского и Капусти-

¹ «Сибирская жизнь», 1913, №56.

² «Голос минувшего», 1913, №9, стр. 273; «Сибирская жизнь». 1913. №56.

ных. Эти посещения оставили значительный след в развитии Чокана Валиханова.

Пожалуй, самым значительным по своим последствиям было близкое знакомство Чокана с преподавателем Гонсевским. Друзья и современники Чокана Валиханова в один голос признают благотворное влияние Гонсевского на формирование его научных и политических взглядов. Такое же влияние оказывал на Валиханова Гутковский.

Карл Казимирович Гутковский, поляк по национальности, занимал должность адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири, был членом областного правления сибирских казахов, а в последние годы учебы Чокана Валиханова в кадетском корпусе – председателем областного правления сибирских казахов. Гутковский преподавал физику, артиллерию и тактику. Он имел энциклопедическое образование, считался поклонником Кювье, был организатором клуба «Избранной Омской интеллигенции»,¹ сочувствовал ссыльным революционерам, заводил связи с некоторыми из них. Чокан Валиханов в семье Гутковского быстро завоевал к себе уважение. Со временем он стал здесь своим человеком, и семья Гутковского заботилась о нем, как отмечали современники, как о своем родном сыне.²

Гутковский с пониманием относился к положению казачьих офицеров, особенно тех, которые, получив образование, особо остро ощущали свое неравноправное положение. Говорят, он, защищая интересы молодых, способных казачьих офицеров, как-то бросил упрек правительству: «Зачем лицам, лишенным свободы, оно дает просвещение? Это безжалостно».³ Гутковский был одним из тех, кто желал добра местному населению, сокрушался при виде разительных недостатков в управлении степью. Он, будучи членом Степной комиссии 1865 г., с сожалением говорил: «Я почти тридцать лет указывал властям на безобразные принципы, которыми управляются степи».⁴ В Омске он основал приют для девушек-сирот.⁵

Семья Капустиных, где собиралась передовая и образованная молодежь Омска, была вторым родным домом Чокана, после Гутковских. Душой веселых вечеров, организуемых в этой семье, была хозяйка дома Екатерина Ивановна Капустина – женщина передовых убеждений, родная сестра знаменитого русского химика Д.И. Менделеева. По отзывам современников, это была необыкновенно приятная, общительная и культурная женщина, искренне сочувствовавшая ссыльным

¹ Там же, стр. 14.

² Потанин Г.Н. Банзаров Д. Черная вера и др. статьи, стр. 27.

³ «Сибирская жизнь», 1913, №28.

⁴ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1, стр. 259.

⁵ Там же, стр. 214.

революционерам и принимавшая участие в облегчении их участи в Сибири. Забегая вперед, скажем, что в этой семье впоследствии Чокан познакомился с революционером-петрашевцем Дуровым и другими политическими ссыльными.

Близкое общение с видными деятелями края оказало серьезное влияние на общее развитие молодого Чокана. Разговоры о большой политике, об управлении Сибирью и Казахской степью, о политических ссыльных, прибывавших в этот период большими группами, и о многом другом, которые велись в семейном кругу и часто в присутствии Чокана, оказывали на него свое действие, заставляли о многом задумываться.

Некоторыми впечатлениями, вынесенными из общения с Сотниковым, Померанцевым, Гонсевским, Гутковским и Капустиными, и из прочитанных книг Ч. Валиханов делился с близкими своими друзьями – кадетами. По выражению современников, он невольно являлся для них «окном в Европу».¹

Во время летних каникул, особенно когда он обучался в старших классах, Ч. Валиханов ездил к своим родным в степь. С каждым приездом все внимательнее присматривался он к людям, к их взаимоотношениям. Аулы богатых родственников обслуживались многочисленной челядью, работниками. Чокан Валиханов очень сочувственно относился к ним. В казахских аулах он видел богатых и нищих, интриганов и честных, оплакивающих прошлое и довольных колониальным режимом.

В это время некоторая часть местной знати за участие в феодально-монархическом движении Кенесары Касымова находилась в опале. Она горько сожалела о былой утраченной свободе «народа», об утраченных привилегиях и правах представителей «белой кости». Другая часть знати, всячески проявляя свою верность царизму, стремилась стать его надежной опорой в управлении Казахстаном. Такое расслоение было характерно и для семьи Ч. Валиханова.

Чокан Валиханов окончил Сибирский кадетский корпус (1853) с уверенностью и сознанием того, что он посвятит себя исследованию Востока. Он мечтал стать ученым-путешественником. Эта мечта увлекала его еще в детстве, до приезда в Омск. К осуществлению ее он сознательно готовился в годы учебы в кадетском корпусе. Эта мысль находила полную поддержку у многих учителей, тех, к которым он относился с большим доверием, и это еще больше воодушевляло его в своем выборе.

¹ Потанин Г. Биографические сведения о Ч. Валиханове. ЗРГО, т. 29, СПб., 1904, стр. XIV.

Когда Чокану Валиханову было всего 14 – 15 лет, т. е. уже на третьем году обучения в корпусе, «кадетское начальство начало на него смотреть как на будущего исследователя и, может быть, ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии», – писал Г. Потанин.¹ Эта мечта с каждым днем становилась реальнее. «К концу пребывания в корпусе Чокан начал серьезно готовиться к миссии, на которую ему указывали его покровители, читал путешествия по киргизской степи и Туркестану, изучал историю Востока...»,² – читаем мы в другой статье того же автора.

Более сложным и в то же время весьма важным является уяснение того, с какими политическими взглядами окончил Чокан Валиханов кадетский корпус. Известно, что он живо интересовался литературным движением и развитием общественно-политической мысли в России. Ему были знакомы в некоторой степени и события, происходившие в Европе. Он сам был свидетелем политики царского правительства в Сибири и Казахской степи. Немало наслышался он различных мнений и толкований о злободневных вопросах современности в кругу кадетов, в их семьях, на вечерах у преподавателей. Все это капля за каплей формировало убеждения Чокана Валиханова.

Для определения характера и степени идейной зрелости Чокана Валиханова большую ценность имеют работы Г. Потанина, опубликованные им в разное время. Это описание встречи с Дуровым (1900 г.), биографический очерк о Чокане Валиханове (1904 г.) и воспоминания (1913 г.). Г. Н. Потанин, как никто другой, близко знал Чокана Валиханова, его настроение, мечты. Он писал о нем: «Чокан много читал в то время. Чтение развило в нем критические способности, применением которых он удивлял нас».

«...Мы вышли из корпуса с большим интересом к общественным делам. Еще на школьной скамье мы задумывались, как мы будем служить прогрессу. Любовь к прогрессу у нас включалась в любовь к родине... О прогрессе вообще мы могли думать не иначе, как только так, что мы будем толкать Россию по пути прогресса».

«Мы смотрели на себя как на будущих борцов, и реформы могли быть встречены нами только рукоплесканиями. Мы даже сочувствовали революциям там, где общество не могло мирными средствами проложить путь к прогрессивным учреждениям...».

«Склад политических воззрений, с которыми я и мои сверстники вышли тогда из корпуса, можно бы назвать политическим двоеверием или политическим двоемыслием».

¹ ЗРГО, т. 29. СПб., 1904, стр. XVII.

² «Сибирская жизнь», 1913, № 17.

Во время учебы в кадетском корпусе «...наши мнения были одинаковы», – указывал Г. Потанин, имея в виду Чокана Валиханова.

Как Г. Потанин, так и Ч. Валиханов вышли из кадетского корпуса с явно наметившимся внутренним убеждением служить прогрессу и народу. Их захватила страсть к демократическим преобразованиям. Но они еще были молоды и незрелы, не имели опыта и не представляли себе конкретных путей действия в этом направлении. В то же время они находились под влиянием господствующей идеологии, сознательно или бессознательно почитавшей особу государя. Действительно, они были двоеверцами.

Г. Потанин, как нам кажется, очень правдоподобно обрисовал внутреннее содержание этого политического двоеверия. «Да, мы были политические двоеверы..., – писал он в 1900 году, – вроде тех иркутян прошлого века, которые два раза, недовольные царскими воеводами, поднимали против них бунт, заковывали их в кандалы, садили в острог. На воеводский стул садили сыновей этих воевод, грудных ребят, вводили казачий круг, т. е. казачью республику, учреждали народное правительство, а в Москву отписывали, что они выправили царскую службу и сокрушили крамолу против царя».¹

Чокан Валиханов и Григорий Потанин как представители наиболее передовой части кадетов покинули стены корпуса, можно сказать, со сложным чувством в своих сердцах. Они готовы были служить человечеству, прогрессу, своему народу. По свидетельству Г. Потанина, Чокан, будучи кадетом, «мечтал о своем служении казахскому народу».² Однако они серьезно еще не задумывались над вопросом: как осуществлять свои идеалы. Они рассматривали отдельные пороки общества как недостаток местного управления. Они еще верили в возможность устранения недостатков и несправедливости в обществе с помощью царя и царской власти. Они не знали и не мыслили о другом устройстве.

Академик В.А. Обручев, близко и хорошо знавший Западную Сибирь, в своей монографии, посвященной жизни и деятельности Григория Николаевича Потанина, дал следующую характеристику обстановке в кадетском корпусе, сложившейся в конце 40-х – начале 50-х годов: «Хотя корпус был закрытым учебным заведением, – писал он, – но ...сношения с внешним миром у кадет были. Поэтому на них все же сказалось влияние передовой части русской интеллигенции. А к тому же до них докатились отголоски революционных событий 1848 г. Постепенно у некоторых кадетов стал оформляться горячий протест

¹ Потанин Г.Н. Встреча с Ф. Дуровым. Сб. «На славном посту», стр. 259.

² Потанин Г.Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1913, №67.

против вопиющего факта пребывания в крепостной кабале русского крестьянства и против колониальной политики русского царизма в Сибири, обрекавшей на вымирание местные национальности, именовавшиеся «инородцами».¹

Итак, Чокан Валиханов и Григорий Потанин окончили Сибирский кадетский корпус «политическими двоеверцами», т. е., с одной стороны, они по привычке, по традиции и предписаниям канонов веровали в самодержца, с другой, во что-то противоположное, отрицающее его.

Из изложенного видно, что пребывание в Сибирском кадетском корпусе дало Ч. Валиханову очень много. Кроме фактических знаний, он получил некоторый опыт общения с общественными деятелями, сблизился с ними. Ч. Валиханов в эти годы жадно впитывал идеи, которым суждено было развиться в более или менее стройную систему в последующие годы его жизни. Он втягивался в прогрессивное общественное движение и в политику.

Б.Б. КАРАТАЕВ ВО ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ²

Б.Б. Каратаев – активный участник установления и упрочения Советской власти в Казахстане, член компартии с 1917 г., член Уральского областного Совдепа и революционного Комитета (1918 – 1919 гг.), по мандату, подписанному В.И. Лениным, входивший в состав Казахского революционного Комитета по управлению краем (1919 г.), один из первых организаторов национальных частей Красной Армии, затем – политработник прославленной Чапаевской дивизии – прошел сложный путь идейного становления.

Выходец из зажиточной части казахского населения, выдвинувшийся в число видных общественных деятелей, Б.Б. Каратаев еще в конце XIX века, хотя и не сразу, преодолел косные взгляды и традиции своей социальной среды. Пройденный им путь характерен для многих передовых общественных деятелей дореволюционного Казахстана. Постоянные поиски, искренность намерений служить народным интересам привели его к Великой Октябрьской Социалистической революции, в ряды ее сторонников.

На формирование Б.Б. Каратаева как прогрессивного общественно-го деятеля значительное влияние оказали уроки русской революции 1905 г. и последовавшие за нею политические события в России. Его активная деятельность в общественно-политической жизни Казахстана приходится именно на этот период.

¹ Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М. – Л., 1947, стр. 24.

² «Известия АН КазССР», 1974, №1.

В этот период он научился многому, заметно перестроился во взглядах в сторону демократии, стал в своих убеждениях более близким к преодолению конституционных и реформистских иллюзий, которыми был опутан, по-иному стал смотреть на политику царского правительства и псевдореволюционных буржуазных партий.

В этих прогрессивных изменениях взглядов Б.Б. Каратаева заметную роль сыграла деятельность Государственных дум России, и особенно второй Государственной думы, депутатом которой он являлся.

Известно, что, как указывал В. И. Ленин, «вторая Дума – левее первой Думы».¹

От населения Степного края во вторую Думу были избраны 10 депутатов, от Туркестана – 13. Б.Б. Каратаев представлял казахское население Уральской области. Кроме него, от той же области представляли еще два депутата: Ф.А. Еремин, врач по образованию – от войскового населения, и И.И. Космодамианский, ветеринарный врач, избранный по объединенному списку социал-демократов и революционных демократов.² По регистрационным спискам, составленным к открытию Думы, Б.Б. Каратаев и Ф.А. Еремин значились в кадетской партии, И.И. Космодамианский записан «трудовиком».³ Однако при окончательном формировании партийных фракций и групп, с началом работы Думы И.И. Космодамианский перешел в наиболее левую и революционную социал-демократическую фракцию, Б.Б. Каратаев оказался в списке мусульманской фракции, а Ф.А. Еремин занял место в казачьей группе.⁴

Б.Б. Каратаев был в дружественных отношениях с И.И. Космодамианским и пользовался его поддержкой в крестьянском вопросе в степи.

К моменту созыва второй Государственной думы Б.Б. Каратаев уже имел опыт общественно-политической деятельности, не раз приезжал он в Петербург ходатаем по делам края до и в период работы первой Государственной думы, добивался приема у министров правительства по главному в тот период для Казахстана земельному вопросу. Как следует из его записок, опубликованных в различных изданиях, относящихся к этому периоду, он энергично поддерживал переход кочевых и полукочевых казахских шаруа – крестьян к оседлости, ратовал за развитие в Казахстане земледелия наряду со скотоводством, выступал против земельного притеснения казахов, против увеличения колониционного земельного фонда за счет изъятия лучших угодий у местного населения.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 25-26.

² Члены Государственной думы. Второй созыв (портреты и биографии). М., 1907, стр. 494.

³ Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб., 1907, стр. 278.

⁴ Список членов Думы по партийным группировкам. Л.-М., 1907, стр. 5-12.

Б.Б. Каратаев боролся за открытие школ на местах, за широкое просвещение народа. Все это было, безусловно, прогрессивным в деятельности Б.Б. Каратаева, который стремился улучшить положение своего народа и осуществить эти стремления в основном в рамках политики царского правительства путем некоторой ее модернизации.

Как и в первой, во второй Государственной думе земельный вопрос, выдвинутый самой жизнью и развитием революционных выступлений масс в качестве первоочередного вопроса, вызвал острейшую дискуссию. Это было закономерно, поскольку «главным экономическим вопросом в современной буржуазной революции в России, - как писал В.И. Ленин в тот период, - является вопрос в борьбе крестьянства за землю».¹

Именно в подходе к решению земельного вопроса в условиях буржуазно-демократической революции наиболее наглядно и наиболее полно обнажились социальные планы и политические программы буржуазных и мелкобуржуазных партий и группировок, скрывавших прежде свои истинные намерения за нарочито «народными» вывесками. Только представители революционной социал-демократии, в первую очередь, партии большевиков, последовательно и с исключительной преданностью отстаивали необходимость конфискации помещичьих земель и ликвидации частной собственности на землю как непереносимое и первейшее условие удовлетворения нужд крестьян в земле и решения земельного вопроса в целом.

В период работы Думы Б.Б. Каратаев развернул энергичную деятельность. Между заседаниями Думы он посетил Главноуправляющего земледелием и землеустройством и говорил с ним о пагубных последствиях земельной политики правительства для казахов-кочевников и о желательности ограничения переселения крестьян в Степной край, на что Главноуправляющий, защищая политику колонизации степи, ответил: «В XX столетии необходимо прекратить кочевой образ жизни киргизов, вследствие этого переселение является необходимым».²

Б.Б. Каратаев вошел в состав аграрной комиссии, образованной Думой (3 апреля 1907 г.) с задачей рассмотрения и подготовки проектов по аграрному законодательству³ и несколько раз выступал на ее заседаниях по вопросам, связанным с земельной политикой в крае.⁴ На 39 пленарном заседании Думы (16 мая) при обсуждении аграрного вопроса он выступил с речью.⁵

В.И. Ленин, пристально следивший за работой Государственной

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 75.

² Государственная дума (второй созыв). Стенографический отчет. СПб., 1907, т. II, стр. 630-631.

³ Там же, т. I, стр. 1594.

⁴ Там же, т. II, стр. 660.

⁵ Там же, стр. 673-675.

Думы вообще, за ходом дебатов по аграрному вопросу в частности, в известной работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 – 1907 годов», подвергая критическому разбору итоги работы Думы, обратил внимание и на выступление Б.Б. Каратаева.

Выдержки из выступления Б.Б. Каратаева, как и других депутатов Думы, приведены В.И. Лениным в его работе не случайно. В них он усмотрел заслуживающие внимания аспекты подхода и оценки аграрного вопроса в России и на местах, в том числе на национальных окраинах. «Второстепенных ораторов нет возможности и нет надобности цитировать всех, – писал В. И. Ленин, – и мы будем отмечать лишь тех, кто внес что-либо новое или дал заслуживающее внимания освещение какой-либо стороне дела».¹

Анализ и оценка выступления Б.Б. Каратаева по земельному вопросу на заседании Думы должны включить рассмотрение их: во-первых, с позиции аграрной программы большевиков в первой русской революции; во-вторых, в плане развернувшей ся на заседаниях Думы острой борьбы по аграрному вопросу между революционной социал-демократией, с одной стороны, и правыми, правительственными партиями – с другой; в-третьих, с точки зрения отражения в них требований и запросов локального земельного движения в Казахстане в тот период; в-четвертых, в плане характеристики и выяснения эволюции взглядов самого Б.Б. Каратаева. В данной статье рассматриваются первые два аспекта вопроса. Последним двум сторонам вопроса будет посвящена отдельная статья.

Выступления представителей нерусских национальностей в Думе по земельному вопросу, в особенности из мусульманской фракции, существенно отличались от выступлений представителей других партийных групп и фракций как по содержанию, так и по формам постановки. Это относится к выступлению Б.Б. Каратаева. Многие поднятые в его речи вопросы, хотя и вскрывали явную несправедливость национальной политики правительства на национальных окраинах, обнажали ее пагубные для местного трудового населения последствия, однако, при всем этом, по своей сути, они могли быть разрешены в рамках официальной политики правительства, в результате некоторых уступок со стороны последнего. Он не вдавался и вовсе не затрагивал основных социально-политических условий, в которых возможно решение земельного вопроса в крае.

Тем более он не связывал решение аграрного вопроса в Казахстане с необходимостью разрешения его во всероссийском масштабе. При-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 347.

чину такого «узкого подхода» к проблеме В.И. Ленин видел в том, что у народов царских окраин отсутствовало самостоятельное крестьянское движение. «Поэтому, – указывал В.И. Ленин, – вполне естественно, что в своих программах «националы» часто держатся несколько в стороне от русского аграрного вопроса. Наша дескать, хата с краю, мы сами по себе. Со стороны националистической буржуазии и мелкой буржуазии такая точка зрения неизбежна».¹

Более вдумчивое изучение работы В.И. Ленина, в которой содержится обстоятельный разбор позиций партийных групп и фракций в Думе по аграрному вопросу, убеждает нас в том, что В.И. Ленин обращается к выступлениям в Думе представителей нерусских национальностей для того, чтобы, с одной стороны, показать ошибочность и вредность позиции Плеханова и меньшевиков по аграрному вопросу и их теории «муниципализации» земли, которую они навязывают всей социал-демократии и национальностям России, теории, ведущей к усилению местных, национальных интересов в аграрном движении, что было на руку националистической буржуазии и мелкой буржуазии, а с другой стороны, чтобы показать своеобразие и степень влияния и отражения аграрного кризиса в Центральной России и русского революционного движения на земельные отношения национальных окраин.

В.И. Ленин отмечал и выделял лишь общие характерные черты в выступлениях «националов» по аграрному вопросу – это было главное. Однако, из этого не вытекало, что выступления «националов» в Думе во всем были одинаковы, что между ними не было различия в их идейной позиции.

Несмотря на то, что Б.Б. Каратаев представлял интересы отсталых трудовых масс – полукочевников, живущих еще в основном в условиях неразвитых средневековых отношений и патриархальщины, его выступление в Думе среди многих выступлений «националов» было относительно политически острым и разоблачительным. Он говорил «об обострившемся аграрном вопросе», который «хотя бы разрешить переселением крестьян на территорию степных областей»;² подчеркивал, что все это делается «ради защиты помещичьих интересов внутри России, интересов этих 130.000 помещиков...».³

Он обращал внимание на то, что переселение сопряжено «с крайним стеснением как самих крестьян, так и киргизов», с разорением последних. Земельную политику царизма в Казахстане Б.Б. Каратаев квалифицировал как насилие. «В настоящее время выселяют киргизов

¹ Там же, стр. 394.

² Государственная дума (второй созыв). Стенографические отчеты. СПб., 1907. т. II, стр. 674.

³ Там же, стр. 675.

не с земель, – говорил он, – а из жилых их домов для того, чтобы освободить их места для крестьян, для того, чтобы спасти этих помещиков». Решительно отмежевываясь от правительства Столыпина и от правых партий, поддерживающих официальную политику правительства, он высказался в том духе, что сочувствует «всем оппозиционным фракциям, которые желают принудительного отчуждения частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода». Помочь казахскому народу, считал Б.Б. Каратаев, сможет трудовой русский народ. «Надеюсь, – в заключении речи говорил он, – что русские трудящиеся массы и русская интеллигенция сумеют отозваться там, где этих несчастных киргиз-кайсаков обижают».¹

Надо ли считать случайностью, что В.И. Ленин упоминает Б.Б. Каратаева в группе ораторов, выступления которых отличались явной антиправительственной направленностью, правда, в угоду местным интересам? Также не случайно и то, что В.И. Ленин цитирует такие места из выступления Б.Б. Каратаева, которые разоблачают колониальную земельную политику в Казахстане и характеризуют антиправительственное настроение местных деятелей, пусть даже еще нерадикальное по своим выводам. Отмечая, что из представителей нерусских народностей в Думе высказались по аграрному вопросу наряду с другими и «киргизы»,² В.И. Ленин привел следующие места из выступления Б.Б. Каратаева: «Мы, киргиз-кайсаки... глубоко понимаем и чувствуем земельный голод братьев наших крестьян, мы готовы с охотой потесниться»; ...но «излишних земель очень мало», а «переселение в настоящее время сопряжено с выселением киргиз-кайсацкого народа»... «выселяют киргизов не с земель, а из жилых их домов»... «Киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям».³

То, что взгляды Б.Б. Каратаева в этот период ограничивались местными интересами, а по социальному содержанию не выходили за рамки местных буржуазно-демократических требований, объясняется объективными условиями жизни казахского общества того времени, в которых он жил. Во-первых, он был деятелем буржуазно-демократической ориентации в отсталом казахском обществе, которое еще не выбралось из сети патриархально-феодалных отношений и для которого буржуазный этап был перспективным рубежом в поступательном развитии; во-вторых, объективно позиция и требования Б.Б. Каратаева были направлены против интересов российской буржуазии в земель-

¹ Там же.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 386.

³ Там же, стр. 390.

ном вопросе, т. е. в той или иной степени служили ее ослаблению, что является одним из важных критериев, имеющих оценочное значение.

Выступление Б.Б. Каратаева, хотя было в стороне от аграрной программы революционной социал-демократии, вместе с тем, по существу, не было направлено на поддержку программы правительственных коалиций. Наоборот, объективно оно явилось разоблачением колониальной политики царизма. Этим именно речь Б.Б. Каратаева отличалась от выступления представителей либеральной буржуазии, прилагавшей усилия для спасения капиталистической России, она шла вразрез с интересами русской буржуазии, защищавшей правительственную политику.

Разоблачительные тезисы Б.Б. Каратаева, вполне естественно, вызвали нападки и ярость правительственных партий, в том числе и кадетов, в рядах которых он значился,¹ и получили поддержку представителей левых партий, в том числе и революционной социал-демократии.

Так, Г.А. Алексинский, социал-демократ от рабочей группы (большевик), использовавший в своем выступлении записки В.И. Ленина,² подверг суровой критике переселенческую политику правительства. С трибуны Думы он сказал, что переселение крестьян в азиатскую часть России продиктовано стремлением правительства «всеми силами ослабить борьбу всей деревни против помещиков».³ В этой своей политике правительство идет на все, в том числе на обман крестьянских масс, обещая им на новом месте чуть ли не райские благодати. «У меня в руках плакат, – говорил далее Алексинский, заманчивый плакат российского правительства с казенным гербом, обращенный к крестьянскому населению России, в нем привлекательные слова – свобода переселения на казенные земли в Азиатскую Россию и правительственная помощь переселяющимся в 1907 году – напечатаны крупнейшим шрифтом, напечатаны таким жирным шрифтом для того, чтобы мужик замер, дрожал и трепетал от жадности к этой свободной земле, на которую его призывает правительство».⁴

Социал-демократ И.И. Космодамианский,⁵ хорошо знакомый с переселенческой политикой правительства в Казахстане, очень тепло отзывался

¹ Об отношении Б.Б. Каратаева к партии кадетов и об отходе от нее будет сказано в другой статье.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 127.

³ Государственная дума (второй созыв). Стенографические отчеты, СПб., 1907, т.1, стр. 130.

⁴ Там же.

⁵ По некоторым данным, он был в то время большевиком (*Турсунбаев А.Б.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967, стр. 102).

о казахском народе и также встал на защиту его прав в области землепользования. Начав свое выступление с объявления Столыпина политическим врагом «почти всего законодательного собрания, всей страны, всего русского народа», он разоблачил социальную подоплеку переселенческой политики правительства. «И вот русское правительство, — заявил он, — желая обезопасить помещиков, желая избавиться от горючего материала, рекомендует переселяться крестьянам в Северную Америку, рекомендует переселяться и заселять киргизские земли и владения в Сибири».¹ Поддержав Каратаева, И.И. Космодамианский обвинил правительство в злонамеренном проведении политики в Казахстане, рассчитанной, в первую очередь, на ущемление экономических интересов местного кочевого населения. По его словам, царское правительство в своей политике по отношению к казахскому народу дошло до того, что оно теперь отказывается считаться с правом казахского населения на безвозмездное и постоянное пользование своей землей, что оно «не считается с известными экономическими условиями, с известным экономическим бытом, с психологией кочевника; оно старается насильственным путем, привить ему культуру, и мы знаем, что насильственная ломка экономического быта, экономического строя, всего внутреннего уклада киргизов — ни в коем случае не может привести к благоприятным результатам».²

Диаметрально противоположную позицию заняли правые депутаты. Кадеты, расходясь с ними в частности, по существу придерживались линии крайне правых. Они ухватились за возможность переселения крестьян как средство разрешения земельного вопроса в центральной России и использовали этот довод против революционной социал-демократии. Так, октябрист Тетеревенков ратовал за усиление переселения крестьян в Степной край, где якобы, по данным обследования Ф. Щербины, в обилии имелась «свободная земля». Возражая, в частности, Б.Б. Каратаеву, он заявил: «Мы не можем допустить, чтобы громадные площади в миллионы десятин земли находились бы под первобытной культурой кочевников... Я нахожу, что переселенческое движение должно быть развито, не только в интересах земледельческого населения, но и для колонизации окраин».³

Обращая внимание именно на эту часть его речи, В.И. Ленин назвал Тетеревенкова «образчиком буржуа, приспособляющегося к крепостнику-помещику для совместного «прогресса» в столыпинском духе».⁴ В.И. Ленин критиковал абсурдность его тезиса, «будто переселениями

¹ Государственная дума (второй созыв). Стенографические отчеты. СПб., 1907, т. II, стр. 628.

² Там же, стр. 631.

³ Там же, т. II, стр. 660-661.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 224. Подстрочное замечание.

можно вылечить малоземелье русского крестьянства»¹ и Азии на основании данных о числе квадратных верст. В.И. Ленин считал более правильным мнение либерального буржуазного экономиста А.А. Кауфмана, пришедшего в своем исследовании к выводу, что на среднеазиатских окраинах России мало пригодных для населения земель.²

Разбирая выступления правых депутатов и их позиции, занятые ими по земельному вопросу в Думе, В.И. Ленин заметил, что «реакционеры же наши отличаются чрезвычайной ясностью классового сознания».³

В.И. Ленин указывал, что вопросы об уничтожении помещичьего землевладения в России и переселения крестьян на окраинные территории суть вопросы разные и разного содержания, тем более нельзя ставить решение первого, главного вопроса в зависимость от решения другого, второго вопроса. Уничтожение помещичьего землевладения необходимо не в силу того, что «нельзя сейчас сплавить миллионы семей куда-нибудь в Сибирь или Туркестан!», а в силу того, что оно утверждает «крепостническую эксплуатацию миллионов местного населения», кабалу его и задержку в развитии производительных сил».⁴ В.И. Ленин отмечал, что продуктивное использование огромного земельного резерва на окраинах России задерживается и невозможно в условиях господства средневековых отношений в землевладении. Оно «требует не только уничтожения помещичьего землевладения», но и национализации всей земли и передачу ее в собственность государства.⁵

Постановка земельного вопроса в Казахстане в начале XX в. Б. Каратаевым не выходила за рамки буржуазно-демократических требований вообще, но они объективно в той или иной мере составляли оппозицию по отношению к официальной буржуазной политике царского правительства. И не случайно, что В.И. Ленин, приводя выдержки из материалов Думы, указал и то место из выступлений Б. Каратаева, где сказано: «Киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям».

¹ Там же, стр. 226.

² Там же, стр. 222-226.

³ Там же, стр. 351.

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ Там же, стр. 405.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Введение	5
----------------	---

ГЛАВА I

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В 30 – 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

1. Внутриполитическое положение России	27
2. Казахстан – отсталая колония Российской империи	37

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ Ч. ВАЛИХАНОВА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

1. Годы учебы	47
2. Становление политических взглядов	69
3. Переход на путь русской революционной демократии	90
4. Последние годы жизни	124

ГЛАВА III

ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

1. Социализм и община в представлении Ч. Валиханова, его друзей и единомышленников	136
2. О проблеме самозащиты народа	149
3. Обновление России и дружба с русским народом – основа освобождения национальностей	157
4. Ч. Валиханов и общественные течения	165

ГЛАВА IV

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

1. Суждения о формах управления и о самодержавном строе	171
2. О колониальной политике и администрации	180
3. Подход к вопросу о самоуправлении	189
4. Об организации власти и управления в Казахстане	195
Заключение	203

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МУХАМЕДЖАНА СЕРАЛИНА

Введение	207
----------------	-----

ГЛАВА I УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ М. СЕРАЛИНА

1. Социальное и национальное пробуждение казахского общества в начале XX в.....	229
2. Юность Мухамеджана Сералина	238
3. На стыке трех культур	246

ГЛАВА II М. СЕРАЛИН И ЖУРНАЛ «АЙКАП»

1. Основатель и редактор первого национального журнала в Казахстане.....	253
2. Идеиная направленность журнала «Айкап».....	264

ГЛАВА III ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. СЕРАЛИНА

1. М. Сералин в годы революционного движения 1905 – 1907 гг. в России.....	269
2. М. Сералин о политике царизма в Казахстане	281
3. Просветительские идеи М.Сералина	287

ГЛАВА IV М. СЕРАЛИН – УЧАСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

1. Накануне Октября и в первые годы Советской власти.....	303
2. М. Сералин – активный участник советского строительства в Казахстане.....	310
3. М. Сералин о В.И. Ленине	317
4. Последние годы жизни М. Сералина	324

СТАТЬИ

Чокан Валиханов в Петербурге	331
Идейно-политические побуждения Чокана Валиханова.....	343
Б.Б. Каратаев во второй государственной думе.....	354

Директор издательства «Арыс»
Гарифулла Анес

Серия “Лучшие образцы казахской науки”

Салык ЗИМАНОВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
Ч.ВАЛИХАНОВА, М.СЕРАЛИНА

Редактор
Технический редактор
Художник
Верстка

Майра МУСАПИРОВА
Дарико ОМАРГАЛИЕВА
Табылды МУКАТОВ
Ринат КУРМАШЕВ

ИБ №800

Подписано в печать 20.12.09

Формат 60x90/16. Офсетная печать.

23 печатных листов. Тираж 2000 экз.

Заказ №22

Отпечатано в типографии “DALAPRINT”
050056, г. Алматы, ул. Ереванская, 1.

Дорогие читатели!

Более семнадцати лет фонд «АРЫС», созданный ведущими казахстанскими историками, политологами и публицистами, занимается сбором, исследованием и публикацией наследия выдающихся представителей казахстанской интеллигенции – жертв политических репрессий.

Фонд стремится достойно увековечить их память: содействует открытию музеев, памятников и тематических экспозиций, активно участвует в проведении юбилеев и других мероприятий, оказывает посильную помощь семьям репрессированных.

Издательство при Фонде «АРЫС» всегда квалифицированно и качественно выполнит все Ваши заказы, относящиеся к сфере науки и культуры, выпустит Ваши научные и литературные труды, монографии, брошюры, авторефераты, буклеты и т. п.

АРЫС

*050009, г. Алматы
пр. Абая, 143
5-этаж
528, 529-кабинеты
тел./факс: 394 37 66,
385 74 67*

*Лучшие образцы
казахской науки*

В книгу избранных произведений видного ученого, академика С.З. Зиманова вошли монографий «Политические взгляды Чокана Валиханова», «Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина», а также ряд статей автора, в которых исследуется политическое и экономическое положение казахов в начале XX века, аспекты казахского национального самоопределения.

